

+-

Александр Финогеев

В ЖИЗНИ НЕ ПОВЕРЮ!

Эскадренный миноносец «БЛАГОРОДНЫЙ»

АЛЕКСАНДР ФИНОГЕЕВ

*

В ЖИЗНИ НЕ ПОВЕРЮ!

*

Рассказы

НИКОЛАЕВ

2014 год

Рассказы, 2014. – стр

Материалы публикуются в соответствии с оригиналами поданными автором.

Автор выражает глубокую признательность и благодарность Шевченко Григорию Николаевичу, Дармаеву Андрею Дашиевичу, Плехову Петру Ивановичу, Шагову Василию Семеновичу, Чичкалюк Валерию Александровичу, Александину Николаю Сергеевичу, Шагдаровой Людмиле Дашиевне, Головочук Игорю Владимировичу.

Александр Финогеев

В жизни не поверю!/А. В. Финогеев. – Николаев

Рал-полиграфия, 2014 - стр.

В своих рассказах автор, прослуживший врачом в рядах ВМФ более четверти века, продолжает свое повествование, начатое в сборниках рассказов «В те дни в морях дороги наши были», «И жизнь, и море, и любовь», «По местам стоять!» и в юмористической форме, с определенной долей реальности и фантазии, рассказывает о службе в Военно-морском флоте, Вооруженных силах СССР, жизни и делится своими мыслями.

Книга рассчитана на массового читателя.

ПРО СЕБЯ

Под утро, в пятницу, 2 января 1953 года в поселке Беково, ведущим своё летоисчисление с 1621 года, что на юго-западе Пензенской области, скорее в крестьянской, чем в интеллигентной семье, в лютую, снежную зиму и Рождественские морозы, хотя таких слов в то время даже и не произносили, ибо все были атеистами, за два с небольшим месяца до кончины Вождя всех времен и народов, товарища Сталина, моя мама исторгла душераздирающий крик и на белый свет появилось недоношенное, золотушное существо, которое тоже неистово заорало, пытаюсь перекричать вой ветра за окном, и оповестить мир о появлении нового обитателя голубой планеты. Это был Я! И появиться в другое время мне не представлялось возможным. Натура такая!

Ну, скажите мне, будущему организатору здравоохранения, как мог позволить я медицинскому персоналу спокойно спать после принятия ими, пусть и в малых дозах, алкоголя, выпитого в честь Нового года и восьмого

года мирной жизни? Ни за что! Никогда! Расслабились? Никаких расслаблений! Возитесь теперь со мной! Труд сделал из обезьяны человека. Трудом же этот человек должен и совершенствоваться.

В то время, когда мама носила меня и вынашивала, мой родитель, переступлю через себя и назову его так, Виталий Петрович, резко полюбил другую женщину. А когда мне стукнуло три месяца, он ушел к ней, оставив нам лишь свою фамилию да выплачивая потом алименты. Мама из его дома ушла и вернулась со мной домой к бабушке, на улицу Набережную, где мы и зажили вчетвером: бабушка, мама, тетя Рита и Я.

Прежде чем перейти к своей персоне, хочу немного рассказать обо всех тех, кто меня выходил, вырастил и поставил на путь истинный, кому я искренне благодарен за свое воспитание и образование, кого помню и люблю.

МАМА

Моя мама, Финогеева Зоя Николаевна, в девичестве Климова, родилась 7 ноября 1925 года. Была она инженером по лесокультурам и работала в лесхозе. Она-то и кормила всю семью, работая как каторжная, находясь в постоянных командировках: весной - на посадке леса и борясь с лесными вредителями, летом - проводя инспекторские проверки, осенью - занимаясь вырубкой леса, получая за всё это мизерную заработную плату. А есть хотели все. Вот и приходилось отдавать себя работе. И только зимой ее можно было видеть дома.

Мама была честнейшим, культурным и очень порядочным человеком. Да разве только мама! Это присуще всей нашей семье, включая и моих детей. Надеюсь, что подобное унаследуют и мои внуки. Но именно это никогда не понималось и до сих пор не понимается нашим народом, для которого обогащение за счет чужого является наивысшей целью. Так и живем... И жить будем! А те, кто всё отдает другим, ничего не беря себе, - живут бедно. Так жили и мы. И, может быть, та природная человечность, переданная по наследству мамой и закреплённая бабушкой с тетей, позволили мне быть нужным и востребованным в нашем обществе.

И такой мама была всю свою жизнь, до самой смерти. Умерла она, не дожив до своего 56-летия три месяца, 24 июля 1981 года, сразу после выхода

на пенсию от кровоизлияния в мозг, строя грандиозные планы по воспитанию внуков. Мне тогда было 28 лет.

В это время, военный корабль, на котором я служил доктором, находился на боевой службе у африканских берегов. И на похоронах я не был. Понимаю, что по другому быть и не могло, никто в боевых условиях не оставит корабль без врача, но чувство вины постоянно присутствует во мне. Прости меня за это, мама. Царствие тебе Небесное!

Он

О нем говорить не хочу. Но один эпизод, все-таки, озвучу. Мне было лет тридцать пять, когда я увлекся парапсихологией. И надо сказать, что многое получалось. Даже один раз проводил оздоровительный сеанс, как Кашпировский, со сцены. Но это к слову.

Я приехал в отпуск на Родину и договорился с администрацией больницы о проведении там лечебных сеансов. Народу было, - больше чем очередь в мавзолей. А популярность – просто невероятная!

Во второй половине дня, уставший, возвращаюсь домой. Догоняет мужчина. Идем. Разговаривать не хочется.

- А ты знаешь, - говорит он, злорадно дыша, - Отец велел передать, что морду тебе набьет. Сколько деньжищ зарабатываешь, а бутылку ему не купил.

- Кто сказал? – ко мне вернулась истраченная энергия.

- Отец!

- Отец?! Кто это? – и я отрыгнул в атмосферу свое сокрытое бескультурье, явно щеголяя своим флотским настоящим, - Передайте, желательно дословно, так называемому отцу, - из меня вновь полезла площадная брань, - что хрен ему по всей морде, а не бутылку! О сыне вспомнил?! И что ж так поздно! Моя детская ручонка никогда не получала из его мозолистой ладони ни одной конфетки, - и я ускорил шаг нервно закуривая.

Так состоялось мое заочное, единственное и последнее общение с Ним.

БАБУШКА

Говорят, интеллигентность является продуктом воспитания человека. Абсолютно с этим не согласен. Можно и хама научить говорить «Спасибо», держать вилку в левой руке и изысканно улыбаться, поддерживая светский разговор. Но это - притворная наигранность павлина и не более. Истинно интеллигентный человек излучает только добро и теплоту. Он лишен тщеславия, зависти и лицемерия. В нем нет гонора выскочки и актерского позерства. Его отличает природный ум, порядочность и такт во всех делах и поступках. И для всего этого не обязательно иметь наивысшее образование.

Считаю, и вряд ли кто сможет меня в этом переубедить, - интеллигентом рождаются, а не становятся. А настоящая интеллигентность передается только генетическим путем.

Именно такой и была моя бабушка, Климова (Любавская) Александра Петровна, которую я очень сильно любил.

Бабуля родилась 20 апреля 1898 года в крестьянской семье восьмым ребенком, где всех детей было шестнадцать человек.

Пройдя невероятно сложный жизненный путь, она не ожесточилась и осталась добрым и отзывчивым человеком до конца своих дней. А путь был действительно тяжел: в двенадцать лет лишившись матери, на ее хрупкие плечики взвалился тяжелый крестьянский труд, домашние заботы о малых детях... Потом шли нелегкие вехи истории: революция, гражданская война, коллективизация, голод, Отечественная война и период развитого социализма. Ее мужеству и жизнелюбию можно только позавидовать.

Закончила бабушка церковно-приходскую школу, что по тогдашним меркам было не так и мало. Ее отец не владел грамотой, но любил книги и заставлял маленькую Шуру читать их вслух. Долгими зимними вечерами, при свете керосиновой лампы, вся семья собиралась за большим столом, и бабуля читала.

В двадцать пять лет она вышла замуж за лесника и уехала с ним жить на кордон. Прожив с мужем чуть более пятнадцати лет, и родив от него трех детей, двух девочек и мальчика, она в сороковом году овдовела. Через год грянула война. И на руках - трое несовершеннолетних детей, младшей из которых было всего лишь три года.

Рассказывать, как трудно довелось жить, какие лишения испытывали, как перебивались с мерзлой картошки на хлеб из лебеды, как пухли от голода и мерзли от холода, как падали в голодный обморок, не буду. Не потому, что не хочу, а потому, что не сумею. Все это очень страшно. И всё это показано в хронике Великой Отечественной войны. Слава Богу, все остались живы. Всем детям бабуля дала образование, все стали настоящими людьми.

Потом бабушка воспитывала сначала меня, а затем Вову, тети Ритино сына.

Должен сказать, что дамское воспитание дало свои результаты. Я умею сварить вкусный борщ или заштопать носки, но прибывая гвоздь, непременно ударю себя по пальцу. Я, абсолютно, не способен починить текущий кран, а о большем просто молчу. Наверное, женское начало во мне сидит куда сильнее, чем мужское.

Бабуля для меня была всем, ибо большую часть времени я проводил с ней. И всегда мы с ней что-то делали: пилили и кололи дрова, рвали коровке траву, пололи огород, поливали его, носили с колонки воду и еще сотни дел по мелочи. И всем этим я занимался лет с пяти. После обеда, каждый божий день, мы ложились с ней на кровать, она надевала очки и тихим голосом читала про Ивана-дурака, дядю Степу, Морозко, Незнайку, Буратино, Айболита...

- А теперь, Шурик, - она клала очки и книгу на рядом стоящий стул, - поворачивайся к стеночке, закрывай глазки, немного поспим.

И мы из одной сказки переходили в другую

И до конца дней своих, а умерла она 4 мая 1989 года, бабуля читала. И всегда была тихой, кроткой и разумной. И никогда я не слышал от нее ни одного грубого слова. И никогда ни на кого не повышала голос.

ТЕТЯ

Когда я родился, моей тете, Лукьяновой (Климовой) Маргарите Николаевне, было пятнадцать лет. В младенчестве она была моей нянькой, качая люльку с учебником в руках. А я, немного повзрослев, в знак благодарности, рвал ее тетради и писал на учебниках.

Закончив Саратовский медицинский институт, она, вот уже свыше пятидесяти лет, работает педиатром в Колышлейской районной больнице Пензенской области.

Умнейшая личность, тысячи спасенных детских жизней... Но тоже честная и очень порядочная женщина. Оттого-то и бедная. Воспитание не позволяло брать взятки. В наши дни бездарей, разъезжающих на иномарках и живущих в коттеджах, купленных и построенных на «заработную плату» врача куда больше, чем мудрых и толковых врачей. И жизнь больного теперь эти недоумки оценивают своими драконовскими мерками. Ум у них является словом нарицательным.

Свои светлые мозги она передала по наследству своему сыну, моему двоюродному брату, Владимиру, который тоже доктор и работает в Пензе, в областной больнице. И если б я имел столько серого вещества в головном мозге, как у них, да при моей усидчивости, я непременно был бы академиком!

Я

Жили мы очень бедно. И чувство голода мне знакомо не по рассказам. Болел я, наверное, всеми детскими инфекциями, которые есть на этом свете. Рос худой и бледный. Особенно часто меня мучили ангины. Холодная вода, молоко, а потом и пиво с фригидными женщинами являлись провокаторами этого заболевания. Дважды в детстве мне пытались удалить миндалины, но страх так сжимал челюсти, что даже роторасширители не могли их раскрыть. И, всё же, достигнув тридцатичетырехлетнего возраста, я сам разинул рот и удалил этот источник инфекции, который так мешал моему существованию. После этого ничего не препятствовало наслаждаться полноценной жизнью.

Надо сказать, что воспитывали меня в строгости. И лишь только солнце касалось земли, над поселком раздавалось: «Саша, домой!». И я понуро шел.

Тогда хотелось свободы... Но став мудрее, начал понимать, что в молодые годы сладкое слово «Свобода» приносит иногда очень и очень плачевные результаты. Уверен, - благодаря этой строгости я и стал потом человеком. Авантюрный характер всегда мешал тихо жить. Вечно меня куда-то тянуло во что-то вляпаться. Сколько потом за это меня корили и наказывали, особенно когда учился в академии... Да и на службе тоже.

Таким же баламутом я и остался. Торчащее в одном месте шило не дает спокойно жить. Обязательно мне надо увидеть то, что для других является пустяком. Ну а пошутить или подтрунить...

Полагаю, что маска шута или мима помогла мне выжить в период моего становления корабельным офицером. А это становление было трудным. Я походил на муху, пытающуюся пробить оконное стекло.

Считаю, - флот дал мне многое. Он воспитал и научил работать. Я пунктуален. Требователен к себе и подчиненным. И всегда справедлив. Повидав унижения, никогда не позволял себе унижить другого или обидеть его.

Не могу сказать, что учась в школе, а потом в академии, я в чём-то был гениален. Скорее наоборот. Да, литература была мне интересна, а вот математика давалась с трудом.

После окончания школы, не поступив в Саратовский медицинский институт, я работал станочником на заводе металлопластмассовых изделий, а вечерами грыз гранит науки.

В 1971 году поступил в Ленинградскую ордена Ленина, Краснознаменную Военно-медицинскую академию имени С.М. Кирова на факультет подготовки врачей для Военно-морского флота, которую закончил в 1977 году.

Шесть лет в Ленинграде: городе-легенде, городе-истории!.. Люблю этот город! Люблю его величавость, красоту и многоликость. Люблю его людскую суету и тишину истории. Люблю!.. Потому что люблю!!!

Я горжусь, что здесь стал врачом и, говорят, неплохим. И учился я в самом престижном высшем медицинском учебном заведении, да простят меня остальные, где всё дышало святостью и историей, где мощный профессорско-преподавательский состав и богатейшая база ковали и куют медицинские кадры для всех родов войск, начиная с 1798 года. И многие с нашего года выпуска стали, поистине, звездами мировой величины. А кандидатов и докторов наук просто не перечесать. Низкий поклон тебе за это, моя альма-матер!

В 1974 году я женился на симпатичной девочке, ленинградке, Галине Хоревой. Через год родился Петя, а в 1980 году – Саша. Надо сказать, что когда родился Саша, я тоже был на боевой службе в Средиземном море.

Первый раз увидел сына, когда ему было три месяца, второй раз – он уже ходил. Это я о прелестях военной службы. И моей жене надо поставить памятник за ее терпение и мужество, за то, что сохранила семью, в которой при наличии отца и мужа, этого мужа и отца видели реже, чем праздновали Новый год.

По окончании академии был направлен для дальнейшего прохождения службы на Краснознаменный Черноморский флот. Служил в Севастополе в должности начальника медицинской службы большого противолодочного корабля «Сообразительный», малого ракетного корабля (был прикомандирован и направлен в зону военного конфликта между Эфиопией и Сомали), эскадренного миноносца «Благородный», сторожевого корабля «Беззаветный», а затем в Николаеве в должности флагманского врача бригады строящихся и ремонтирующихся кораблей.

Говоря о службе ратной, хочу сказать, что первый год было безумно сложно. Привыкал к порядку и замкнутому пространству. По своей натуре я свободолюбивое животное. А тут взяли и на цепь посадили. Ну ничего, выдюжил... А после проведенной в шторм операции по удалению аппендицита, во время советско-болгарского ученья «Крым-79» под руководством командующего Черноморским флотом адмирала Ховрина Н.И., стал безумно популярной личностью и приобрел презумпцию невиновности. Вот тогда ко мне вернулась моя необузданная энергия, и я мог позволить себе то, чего не могли другие корабельные офицеры.

Море не любил, в котором провел, если сложить всё мое пребывание на его просторах, лет пять. А вот себя – всегда любил и люблю до сих пор, а себя моряка, - просто боготворю! И форму шил, чтоб не я, а женщины оборачивались и глядели мне в след! Но всё в этой жизни проходит. Прошла и служба. В 1998 году я демобилизовался в звании подполковника.

Отдав лучшие годы служению Отечеству, и перейдя в статус гражданского обывателя, не могу привыкнуть и понять хаос и неразбериху этой самой штатской жизни. Повесив форму в шифоньер, продолжаю трудиться в системе гражданского здравоохранения в должности реабилитолога. Говорят – получается!

Когда я пришел к писательской деятельности, сказать трудно. Всю жизнь меня тянуло чего-то написать: любил писать сочинения в школе. На службе,

кроме разной и прочей документации, придумывал всякие байки, выпускал юмористическую радиогазету, эпиграммы на сослуживцев или оды ко дню рождения, сценарии к детским новогодним утренникам, репризы для команд КВН... Даже отдал в народ пару четырехстрочных страшилок с безумно тривиальным содержанием. В 2008 году вышла моя первая книга рассказов «В те дни в морях дороги наши были», в 2009 году – «...и жизнь, и море, и любовь...», а в 2013 году, - «По местам стоять!». А вот теперь и новая книга...

Мог ли я быть писателем в советские времена? Скорее всего, нет. Уж слишком остро пишу об идеологических работниках, которые на самом деле дискредитировали себя в глазах народа, превратившись в удельных князьков. А это в то далекое время каралось очень и очень строго. И я повторил бы путь Александра Исаевича Солженицына. Зато сейчас точно был бы велик!..

Дети, Петр и Александр, выросли. Теперь их тоже величают по имени и отчеству. И они тоже растят своих детей, моих замечательных внуков: Егора, Захара и Маргариту. Дай им всем Бог здоровья, счастья и успехов!

И всё же, какой я?

В первую очередь, - безумно люблю жизнь во всех ее проявлениях. И всегда улыбаюсь. И всегда шучу. Бывает, что и зло. Даже когда до скрежета в зубах трудно и горько, не выставляю это другим. У них и без меня своих проблем по горло. От шуток и морщинки в уголках глаз. А природный оптимизм всегда помогал выжить в этой жизни. А этих моментов в бытие моем было больше, чем предостаточно.

Во-вторых. Живет во мне цыганское начало. Всё время что-то куда-то движет, тянет. И если бы не стал врачом, то непременно был бы путешественником. Не могу долго находиться на одном месте. Скучно. Оттого и езжу по стране. И, естественно, люблюсь всем и восторгаюсь.

В-третьих. Считаю себя порядочным человеком. И никогда не могу обидеть слабого. И никогда не смогу сделать подлость. Это низко. Это не красит настоящего мужчину. И никогда, никому не позволяю унижить себя. На это язык у меня всегда остр.

Напрочь лишен зависти, отчего и ненавижу философию «пивного ларька», где один, «плохой», идет в шляпе, а другой, «хороший», его осуждает, облизывая кружку слюнявыми губами. Не можешь вот так идти? Или не хочешь? Заткни свою гордыню в задницу, приклей ее к стулу, выучи наизусть учебники и будешь носить шляпу и папаху одновременно. А нет, - пей пиво молча. Уверен, - любое желание исполнимо, надо только захотеть, постараться и проявить терпение. А говорить, что вон тот стал таким, а этот другим?.. Просто эти люди хотели этого и добились. Кто мешает вам?

Себя люблю. Даже слишком. Женщин - нет. Лишь симпатизирую. Нет, нет, нет! Даже и не подумайте! Как раз с этим всё в порядке. И однополая любовь вызывает во мне только отвращение. Мама, Царствие ей Небесное, всегда говорила: «Ни рожи, ни кожи. Ну почему бабы к нему так и липнут?!». Действительно, почему? Видно есть какой-то магнетизм. Я никогда не дрался из-за женщин. Зачем? Три «зеленых свистка» и очередь из представительниц слабого пола, выстроится до Луны в четыре ряда. И вообще, не понимаю выяснение отношений на кулаках. В этом случае побеждает, разумеется, тот, у кого эти кулаки с голову пионера, а не умный. Ибо, если сила есть, то ума, как бы, и не надо. А проблема-то от этого не разрешается. И только ум способен находить решение во всех сложных ситуациях. Потому что сила была, есть и будет слабее ума и интеллекта. И еще не понимаю мужиков, которые лезут из-за дам сердца в петлю, вскрывают вены, стреляются?.. Неужели они заслужили этот «подвиг»? Или оценят его потом?.. Или вы считаете, что могила ваша будет утопать в их слезах, и покрыта увядающими цветами? Напрасно! Завтра они забудет о вас, если не забыли уже сегодня. А послезавтра выйдут замуж.

Я не могу похвастаться красным дипломом или высокими оценками в аттестате зрелости. Но жизнь заставила меня стать врачом. И, говорят, что неплохим.

Люблю читать. А теперь вот и пишу сам.

Всегда живу по принципу «тельняшки», твердо зная, что после черной полосы всегда, заметьте, всегда идет белая.

Военная служба приучила меня к порядку во всём и, в первую очередь, к исполнению своих служебных обязанностей, такту, пунктуальности, выдержанности и справедливости. Никогда не позволяю наглецу хамить. А

если вдруг такое случается, то, поверьте, он получает по заслугам и уже при мне больше такого не повторит.

- Не люблю алкоголиков, которые пьют с горя, пьют с радости и пьют просто так. Это распущенность и расхлябанность. Разве можно жить во сне? И в чем прелесть такой жизни? Я не аскет. И могу выпить. Но пить каждый день?.. Неужели нельзя найти себе более другого занятия? Марки собирай, небо фотографируй, историю края изучай и детям ее рассказывай... Да мало ли чем в этой жизни можно себя занять...

Каким-то описал я себя сверх правильным. Еще не кажусь вам белым и пушистым или ангелом во плоти? Вот это правильно! Я обычный мужик. И недостатков во мне тоже хватает. Как и у всех. Но есть и то, о чем сейчас рассказал.

Собственно, вот и вся моя жизнь с высоты птичьего полета.

***МАТРОССКИЕ
БУДНИ***

МОЩНЫЙ КЛЮЧ ЖИЗНИ

На корабле ЧП может возникнуть по любому поводу, в любой момент. Чаще всего оно рождается, когда капитан-лейтенанту Яковлеву, старшему помощнику командира корабля надоедает сидеть в каюте и он, надев комбинезон, пилотку и взяв фонарик с длинным железным крюком для извлечения из потаенных шхер спрятанных моряками вещей, спускается ниже верхней палубы. Происходит это часов в пятнадцать, когда одни уже расслабились, а другие еще даже и не напрягались. Обычно в этот день старпом остается на корабле старшим. Умудренный огромным опытом военно-морской службы и обросший от этого со всех сторон ракушками, он прекрасно понимает, что если сегодня вечером не займет моряков работой, то уж они точно смогут занять его, преподнеся далеко не всегда приятный сюрприз.

Каждая буря начинается с маленькой тучки. Так и старший помощник неспешно выходит на шкафут и движется в сторону рубки дежурного по кораблю. На его лице, будто высеченным из гранита, ни мимики, ни мысли. За ним с мешком в руке грустно бредет матрос-химик, его непосредственный подчиненный, он же приборщик и по совместительству информатор.

Весть о предстоящем бедствии на корабле мгновенно разносится по кубрикам. Особенна сильна скорбь тех, кто сегодня идет в увольнение. И хотя каждый знает, что и на Солнце есть пятна, на них ему глубоко плевать. А сколько таких пятен в каждом кубрике, и представить страшно!

Корабль быстро замирает в страхе, до мельчайших деталей представляя дальнейший ход событий. Попытки что-либо предпринять или устранить бессмысленны. Всё и сразу?.. Так даже в сказке невозможно. Вскроется либо одно, либо другое. Нельзя же предотвратить цунами, грозу, сель или, скажем, нежелательную беременность. Пословица о свинье, находящей грязь везде, србатывает в данном случае на все сто восемь процентов.

Старпом также неторопливо заходит в рубку дежурного по кораблю, перекуривает и, забрав помощника дежурного с ручкой и блокнотом, спускается в ближайший кубрик. Это кубрик радиотехнической службы.

Молодой матрос, стоящий дневальным, пытается разорвать барабанные перепонки себе, старпому, а заодно разбудить спящего «годка», неистово подаёт команду: «Сми-и-и-ирно-о-о!!!» и представляется.

- Что орешь, убогий? Намереваешься пробудить то брненное тело? – показывает старпом на спящего на рундуке старшину, - Напрасная затея! Его и канонада не разбудит. Веремеенко, подъем! – старший помощник хлопает моряка по спине.

- Сейчас, наверное, я кому-то постучу по дурной башке... Тебя давно никто не посылал?.. – Веремеенко потягиваясь, поворачивается на спину и видит перед собой каменное лицо старшего помощника. Неведомая сила подбрасывает его вверх. В полёте он ударяется головой о висящую над ним койку и вытягивается по стойке «Смирно». По лбу медленно ползет струйка крови.

- Извините, товарищ капитан- лейтенант...

Старпом садиться на освободившейся рундук, - А скажите мне, матрос Веремеенко, сколько вам служить осталось?

- Старшина второй статьи, товарищ капитан- лейтенант, - шепчет Веремеенко, прекрасно понимая, что это не так.

- Нет, Веремеенко, я не ошибся. Своё звание вы сейчас проспали. Давайте мне свой военный билет. Я там печать поставлю о вашем новом статусе, а заодно и том, что вы уже не командир отделения.

- Товарищ капитан-лейтенант... – гнусавит Веремеенко.

- Так, - старпом посмотрел на помощника дежурного по кораблю. Он говорил тихо, медленно и членораздельно, что ничего хорошего не предвещало, - сюда и быстро писаря простого делопроизводства, старшину команды гидроакустиков и начальника радиотехнической службы... Я не услышал ответа на заданный вопрос, товарищ Веремеенко, - Яковлев локатором подставляет ладонь к уху, - Так сколько вам осталось служить?

- Семь месяцев.

- У вас слабовато с арифметикой, матрос. Не семь, а девять. С корабля вы поедете домой тридцать первого декабря. За десять минут до боя курантов. Заметьте, за десять, а не за пять. Ясно? Это первое. Второе. Об увольнении на берег можете забыть. Только культпоходы! И последнее. Сейчас, после построения вас отведут на гауптвахту. Суток на десять. Но я постараюсь, чтоб они продлились у вас до пятнадцати. Ясно!!! - и вот теперь тучка, величиной с булавочную головочку, превратилась в огромную страшную черную тучищу, где гром и молнии чередуются друг с другом – Потому что борзый не по годам! Я научу вас думать головой, а не головкой!!! Я заставлю вас ценить в молчании золото! Ты понял меня!!!! А теперь марш на построение!
Дежурный, строй экипаж!

- Товарищ капитан-лейтенант, - дежурный по кораблю понимает, что оказывается между молотом и наковальней. И откуда удар будет ощутимее, пока неизвестно, - заместитель командира корабля по политической части приказал до малой приборки проводить дополнительные политические занятия.

- Что?! Не понял?!

- Заместитель...

- Лейтенант!!! Вы явно чужой на этой планете! А может я шепотом разговариваю со всеми? И меня никто не слышит?! Запомните юноша! – снова заорал старпом, - На корабле приказы по кораблю отдают командир корабля и я, его первый заместитель. Все остальные могут лишь рекомендовать. Это ясно?! А чтобы было еще яснее – сдать дежурство! Вечером заступить по новой! Что-то ждем еще? Большой сбор! Построение на юте!

И было слово. И было жутко.

Экипаж, прекрасно осознавал, что время благодушия на корабле закончилось и со скорбью в глазах, тупо наблюдал расправу над товарищем. Если не каждый, то третий точно думал, как хорошо, что не он сегодня стоит на лобном месте, а мог бы.

- И вот, товарищи матросы и старшины, в то время, когда весь личный состав, - старпом поворачивается к строю, - Луконин! – обращается он к очередному нерадивому матросу, тупо чертящему узоры ботинком на палубе.

- Я, товарищ капитан-лейтенант!

- Скажи, Луконин, весь личный состав или не весь?..

Луконин, явно не слушая, о чем говорит старший помощник и, естественно, не понимая, о чем идет речь, смотрит на офицера округлившимися глазами.

- Луконин, я к вам обращаюсь. Расскажите экипажу, - говорит старпом с придыханием, что еще больше усугубляет положение стоящих в строю, - чем вы сейчас занимались? Спали, как и Веремеенко? Вы знаете, что он уже матрос? - Яковлев трясет бумагой, на которой написан Приказ о разжаловании старшины.

- Я не спал.

- После вашего ответа мои глаза застилают слезы радости, и в душе тает лед.

Матрос рефлекторно глупо улыбается, предчувствуя задним местом, что это обострит и без того накалившеюся обстановку.

- Я вас рассмешил, матрос? Или вы во мне увидели клоуна? - Яковлев выдвигает вперед свою могучую челюсть, - Для кого еще на корабль приехал цирк? Не слышу? – природа в страхе затихает, а люди на пассажирском причале с умилением замирают, чтобы послушать новое продолжение совершенства великого и могучего русского языка.

- А разве он уезжал? Даже и не слышал. Корабль кишмя кишит клоунами, иллюзионистами, мимами и эквилибристами, – начальник медицинской службы, которому по сроку службы и положению, ибо все люди смертны, можно вступать в полемику даже с разъяренным тигром, и который на этих

правах потерял стыд, совесть и, местами, даже честь, не может стоять спокойно.

- Доктор! Скажите мне, пожалуйста, сколько нормальный человек может спать? Нет-нет-нет, с ответом не торопитесь... Вас я не имею в виду. У вас режим на корабле особый. Вы можете сутками не слезать с койки... Разве что изредка переворачиваетесь в целях профилактики пролежней.

- Но это уже слишком! - доктор знает, что полемика между ним и старшим помощником входит в ритуал каждого построения. И ему, и старпому нравится показать себя в красноречии и острологии. И все ждут этих дебатов, - В корне не согласен. А прием пищи, а вот эти долбаные построения и, в конце концов, выход по нужде... А иногда и в люди... Публичного извинения не требую, ибо начальникам не свойственно такое. Но хочу заметить, что вы, Александр Николаевич, допустили сейчас грубейшую и не свойственную вашему светлому уму погрешность в своем изречении.

- Что-то я вас плохо понимаю, товарищ капитан. Слышу явную лесть в свой адрес, а по какому поводу не пойму. Может вы собрались сегодня на берег сойти, так вот вам, - и старпом изображает фигуру из двух рук, символизирующую отказ от всего, что можно и нельзя. Это вызывает ликующую радость в строю. Одни смеются просто, потому как смешно, другие злорадно, мол, так тебе, балабол, и надо.

- А вот это было лишнее.

- Отчего?

- Потому, что в город я сегодня и так не иду. Ибо обеспечивающая смена. А вот почему смеются другие, которые должны пойти, но тоже не пойдут, не знаю.

- А ты, доктор, прозорлив. Тебе бы пророком быть... Да видно грехи не пускают. Как плохому танцору яйца. Ну и где вы заметили у меня ошибку?

- В ваших руках я не единожды видел книги, журналы... Причем очень даже разноплановые. Корабельный устав. Как без него службу править? «Здоровье». Журнал пенсионеров и хотящих казаться не глупее других. «Крокодил», - от которого все люди плачут, кроме издателей.

- Ну. Дальше, - старпом предчувствовал подвохов, но не мог догадаться какой.

- Казалось бы разносторонность интересов... Ан, нет!.. Не смогли вы уловить истину жизни! Ее... - начмед вышел из строя, и его рука вспарила к небу. Сейчас он напоминал Пушкина, читающего свои стихи в лицее.

- Доктор, если хочешь, я тебя сейчас вместе с Веремеенко поставлю. Не изображай мне здесь кающуюся Магдалену.

- Скажите, а какое воинское преступление совершил этот храбрый воин? Я по независящим от меня причинам немного опоздал и уже наказан этим, - он взглянул на часы, - часовым построением.

- Посмотрите, товарищи, в глаза капитана медицинской службы. Это глаза Святого человека! А стоим мы здесь, товарищ капитан потому, что этот, как вы выразились, храбрый воин, спал сном праведника во время проведения дополнительных политических занятий!!! – старпом высоко поднял палец, символизируя тем самым значимость проводимого мероприятия, - А враг-то не дремлет!!! Вы хоть это понимаете?!

- Может правильно делал, что спал?.. Заметьте, враг не спит, враг не дремлет... Тем самым он изматывает себя в изнурительном ожидании. Мы же выпавшие, сильные, крепкие, немедленно дадим отпор практически бескровному врагу. Как вы находите мою мысль?

- Доктор, вы страшный человек! Вас надо либо бояться, либо изолировать. Так в чем моя ошибка?

- Вы, не подумав, сказали о нормальном человеке!.. Ведь нет на нашей голубой планете нормальных людей! А на флоте, тем более!!! Поэтому каждый спит столько, сколько требуется. И только в стране Дураков его будят через каждые пятнадцать минут! Я кончил! Разрешите сходить поменять рубашку. Потому что от переизбытка состраданий и горьких чувств к обреченному жить в хаосе человечеству я стал мокр. И даже легкий бриз может вызвать у меня простуду. Вегетативная нервная система не подчиняется разуму. Ее пробуждают эмоции. И в частности ваши отрицательные.

От мощного, дружного хохота корпус корабля начал вибрировать.

- Не разрешаю. Стой и мерзни! У меня было припасено столько гневных и, самое главное, справедливых слов. А теперь даже неохота ничего и говорить. Доктор, все ты испортил! Веремеенко, выбирай, что ты хочешь, уйти домой в ноябре старшиной или матросом тридцать первого декабря.

- В ноябре... Старшиной...

- Молодец! Ответ правильный. А может и не правильный, - старпом, склонив голову, о чем-то долго думал, - Сказать честно, я устал. Очень устал. Что-то говоришь, что-то делаешь... Ведь наш труд для окружающих не виден. О нас вспоминают, когда на страну нападает неприятель. Тогда военный резко подскакивает в цене... Для этого мы учимся стрелять, ставить мины, искать лодки... И еще сотню других задач... И чтобы все это претворить в жизнь, каждый из вас, а вас триста человек, - Яковлев взглядом загнанного волка оглядел экипаж, - должен знать до мелочей свою специальность и свою материальную часть, - старпом говорил тихо, как говорят очень старые люди, измотанные долгой жизнью. – Ведь не приведи Господь такому случиться, именно тогда каждый из вас должен будет мгновенно принять лишь одно верное решение. И от этого самого решения будет зависеть судьба всего экипажа. Либо корабль вернется в базу, либо, не спуская флага, уйдет в морскую пучину. Вот мы сегодня с доктором упражнялись в словоблудии. А ведь его знания, опыт и навыки не раз проверены в дальних походах. Он – специалист! Причем с самой большой буквы. Мы можем иногда не попасть в цель, оторвать якорь, пропустить самолет... Нельзя, но можем. Ему же ошибаться запрещается. Его ошибка – ваша жизнь. Все, наверное, помнят, сколько тяжелых хирургических операций он сделал в сложной боевой обстановке!... Вначале все переживали. А сейчас корабль свое делает, а он свое. А то, что мать у него умерла, и он не смог ее похоронить из-за этой самой проклятой войны на Ближнем востоке?.. – он снова долго думал, потом тяжело вздохнул, - А весь этот наш юмор ненатуральный. Нам с ним так выжить легче. Вот начмед сейчас здесь, а его жена с двумя детьми по съемным квартирам мыкается. И так, практически, у большинства офицеров и мичманов! А многие из вас открыто плюют в душу этим самым офицерам и мичманам, которые учат вас умелому владению своим оружием и способности выживать в экстремальных ситуациях. Доктор!

- Я, товарищ капитан- лейтенант!

- Я не многое могу в этой жизни. Но кое-что у меня получается... Разрешаю тебе после построения сойти на берег. Но перед сходом зайдешь ко мне. Мы выпьем с тобой по сто грамм. Чтоб скучно не было... Разойдись!

Команда врассыпную разбегается с юта.

- Отставить! – рявкает старпом, - Смирно! За сон в рабочее время старшине второй статьи Веремеенко объявляю три наряда вне очереди!

- Есть три наряда вне очереди! – громко ответил старшина.

- И благодари доктора, Веремеенко, что для тебя всё так удачно закончилось. Радиотехнической службе за нарушение распорядка дня и бесконтрольность за действием личного состава, объявляю семь суток организационного периода. Начальнику РТС представить к вечернему докладу план организационного периода. В субботу смотр заведений и боевых постов корабля. Если я найду серьезные замечания, не пеняйте... Разойдись!

Сонное царство было разбужено. Жизнь забила мощным ключом.

ВЕСТОВОЙ

Вестовыми в кают-компанию офицеров назначают молодых матросов из артиллерийской или мино-торпедной боевых частей.

Обывателю, не владеющему морской терминологией, необходимо объяснить, что же это за личность такая.

В обязанности вестового входят: поддержание порядка в кают-компании, организация питания офицеров (начиная с завтрака и кончая вечерним чаем), обязательное умение готовить что-то изысканное, поэму туда часто попадают представители Кавказа, быть всегда в чистой, выглаженной, белой форме. Ну и посуда чтобы сверкала...

По совместительству, вестовой обязательно «стучал» на офицеров командиру корабля.

Честно сказать - работы много, а сна мало... Но их в офицерской кают-компании двое. Один - готовит, подает кушать, другой – моет, чистит и воюет

с доктором, тараканами и нечистотами. Но, зато, всегда в тепле, всегда сыты и никаких построений, зарядок и прочей корабельной мутатени.

Валеру Гревцова вестовым поставил Пушкин. Свой человек рядом с пищей - великое дело. Никогда голодным не будешь.

Матрос Гревцов собой ничего выдающегося не представлял: высокий, сутуловатый юноша, со слегка выпученными глазами и мясистым носом. И ходил он, тоже, как-то по особенному - наклонив туловище вперед. Не отличался Валерий и великим трудолюбием. Лень ему была ближе и милее, чем служение на благо...

Шло время. Валера мужал. С годами появилась надменность, бесцеремонность и уверенность в себе.

Как всегда, эскадренный эсминец «Благородный» бороздил просторы Средиземного моря. Радости в этом никакой, одна только тоска.

Но впереди маячил светлый праздник - день рождения старшего помощника. Все это знали и каждый, как-то по-своему, готовился.

Старпом решил тоже преподнести себе подарок.

- Гревцов, - вызвал он к себе вестового, - снимешь в кают-компании со стульев чехлы и постираешь их. Пять дней тебе на это. Чтоб в субботу все было готово. Понял?

- Есть! – огорченно ответил матрос.

Стирать ему явно не хотелось.

А надо. У старпома такие штучки не проходят.

- Надо бы кого-то найти за пару банок тушенки.

Но желающих не оказалось.

И тогда он придумал.

Крепко связав чехлы толстым канатом, он бросил их за борт, привязав конец к лееру на юте.

- Пусть отмокнут хорошенько, а соль вытравит грязь.

Довольный идеей, Гревцов напрочь забыл про эти чехлы.

Утром в пятницу старший помощник поинтересовался исполнением данного им задания.

- Сегодня повешу сушить, -уверенно отрапортовал Гревцов и опрометью бросился на ют. Каково же было его удивление, когда он вытащил пустой трос. Видно, во время хода корабля, чехлы отвязались и затонули. И что было делать, он не знал. Старпом такого явно не простит.

Понуриив голову, он побрел к Пушкину.

Услышав такое, Пушкин, чтоб не упасть в обморок, выпил полстакана спирта и стал думать. Наконец к нему пришла трезвая мысль, и он поперся к помощнику командира корабля по снабжению. Что он там делал, что обещал, никто не знает, но в субботу на стульях красовались новые чехлы.

- А где старые чехлы? - поинтересовался старпом.

- Я решил в честь дня вашего рождения выдать новые, а старые списать.

- Молодец! Правильно сделал. Совсем другой вид теперь в кают-компании.

А Гревцова отправили служить в родную боевую часть. Вместо него пришел новый молодой моряк, но уже из Азербайджана.

БОЛЬШОЙ СБОР

«Большой сбор» на корабле, да еще среди бела дня, никогда ничего хорошего не предвещает.

И надо бежать на ют. И быстро бежать. А вдруг, не дай Бог, война. Честно говоря, так не хочется в молодом возрасте погружаться в морскую пучину, не спуская флага.

Дежурный по кораблю обыченно ходит взад и вперед, и как всегда, ничего не знает. Все ждут начальство.

Минут через десять появляется старший помощник. Его выдвинутая вперед челюсть и папка в руке ничего хорошего не предвещают. Он, молча, фланирует вдоль выстроившихся моряков. Значит, вскоре должен появиться командир.

Строй в двести пятьдесят человек напряженно ждет. А те пятьдесят, что на вахте, - тоже ждут.

Каждая минута накаляет и без того нервную обстановку.

- Товарищ капитан-лейтенант, зачем построение?

- Гревцов, вы куда-то спешите? За разговоры в строю объявляю вам одно не увольнение на берег.

- А чего сразу не увольнение?.. – Гревцов служит третий год и может, иногда, вступить в полемику со старшим.

- Два не увольнения... Не слышу?

- Есть два не увольнения, - бурчит старший матрос.

- Свой вопрос: «Зачем?» вы зададите матери после демобилизации. Если, конечно, такое с вами случится.

- А почему я должен задавать ей этот вопрос?

- Потому что, мой милый друг, вам станет предельно ясно, зачем она вас родила и почему мы тут с вами мучаемся. Желающие еще задать мне вопрос есть?

- Аборты - большущий грех, - с уверенностью заявляет доктор.

- Ой! – старпом крутится на пятке, ища глазами начмеда, - Кто бы мне это говорил? Никогда не предполагал, что в вас скрыта набожность и святость. Вы случаем не сектант? Или это вы Гревцова жалеете? Никто, из стоящих здесь, не грешил больше, чем вы.

- Может быть, в моей душе также нет, как и в вашей, жалости к разгильдяям, тунеядцам и нарушителям воинской дисциплины.

- Молодец! Хвалю! Мой взор туманят слезы, а горло душит спазм. Позвольте я вас, доктор, расцелую. С вас же, товарищ Гревцов, - наигранно произносит старпом, - я снимаю одно не увольнение, за классовую ненависть к разгильдяям и тунеядцам самим доктором, который таковым является сам. Кто бы мог подумать?!...

- Спасибо, - улыбается старший матрос, - Спросите доктора еще чего-нибудь. Может он вас еще растрогает и вы, тогда, снимите с меня второе не увольнение.

- Гревцов...

Начальник медицинской службы, чувствуя сердцем, что до войны также далеко, как пешком до Соликамска, причем туда и обратно, решил немного побалагурить. Хотя ясно ощущалось, что облако очередного пофигизма уже накрывает корабль, возможно даже надолго. Поэтому, посоревноваться со старшим помощником в словесном поносе, позабавить народ, да и самому повеселиться, было очень даже кстати.

-Товарищ капитан-лейтенант, только Леониду Ильичу Брежневу разрешалось целовать мужчин. Да и то высшего сословия, - начмед развязно улыбнулся, - Я же не люблю целоваться с мужчинами, особенно с курящими сигареты «Прима». Мы, стоящие на страже здоровья, являемся и противниками поцелуев, даже, с женщинами. Таким, казалось бы, простым и незатейливым способом передаются многие инфекционные заболевания. Да разве только инфекционные. А венерические... И даже глисты.

- Доктор, скоро вы захотите этого страстного, женского поцелуя и не только в десны, но и в гланды, однако возможности у вас уже не будет. Но... На войне, как на войне. Ваше сердце... А есть ли оно у вас? Каждый третий в этом сомневается. В том числе и я.

- Вы третий? – изображает удивление начмед.

- Нет, я первый!

- Ого! А командир, а заместитель командира корабля по политической части?.. Как быть с ними? Какое место вы отводите им?

- Не юродствуй! Это высшая каста. А хотите, доктор, я сейчас по вашему велению сниму и второе не увольнение с Гревцова?..

- Соглашайтесь, товарищ капитан, - прогнусавил Гревцов.

- Но объявлю артиллерийской боевой части десять суток организационного периода.

- Я согласен по нескольким причинам. Когда Гревцов был вестовым в офицерской кают-компании, он клал мне большой кусок мяса. Значит, он меня уважал. Правда, он и вам клал не меньше кусок, но это не значит, что он вас любил. Скорее, побаивался.

- Ты этим хочешь сказать, что на остальных он плевал?

- Конечно, нет. Просто не замечал, хотя Пушкину тоже кое-что перепало, как-никак, а он его непосредственный начальник. Просто мы с вами, - звезды, а остальные - их блеклое отражение.

- Иногда очень великое и значимое рождается в вышей маленькой голове. И что дальше?

- А что дальше?.. Командир артиллерийской боевой части в отпуске. Замещающий его Пушкин, положив руку на сердце, распустил личный состав. Это мы можем судить по тому же Гревцову. И, несмотря на то, что все считают Пушкина моим другом, - это далеко не так. Я публично отрекаюсь от него. Кроме как выпить мой спирт, скурить мои сигареты и отвлечь меня от выполнения поставленных кораблём задач... Я, в той дружбе, ничего хорошего не испытываю. Помогите мне расстаться с ним! Пусть он остается с вами, а меня надо изолировать от него на берегу.

- Доктор, - раздаётся скрипучей голос Пушкина, - я тебя возненавижу.

- И это я слышу уже четыре года. Мои нервы просто не выдерживают. Я стал плохо спать. А вот о боевом заместителе Пушкина, лейтенанте Василии Старухине, я, вообще, не хочу говорить. Разве, что один только случай. Не так давно, мы с ним зашли в ресторан. Денег у него, естественно, не было. Я накрыл стол, посадил рядом с собой красивую девочку... Так он, свинья, наелся, напился и ушел с моей женщиной. Этот человек не должен сходить никогда с корабля! Я за оргпериод в БЧ 2 двумя руками.

Васька, маленький, пухлый, с детским, наивным ликом херувима, стоит красный и тупо смотрит на палубу.

- Старухин! Он правду говорит? Или клеветает на вас, пользуясь своим положением?

Василий утвердительно машет головой.

- Молодец! Хоть один человек унизил доктора. Из всех мичманов и офицеров только ты, Василий, заслужил сегодня право сойти на берег. Прежде чем снять с Гревцова последнее не увольнение и объявить артиллерийской боевой части организационный период, я...

- А за что нам оргпериод? – возмущается Пушкин, - У моей жены завтра день рождения.

- Спасибо, Саша, что напомнил. Непременно буду, - доктор мило улыбается в сторону Пушкина.

- Пушкин, мы придем к этому, но чуть позже. А сейчас анекдот: спрашивают у немца: «Что у вас висит между ног?» «Это то, чем я получаю удовольствие». спрашивают у француза. «Это то, от чего получают удовольствие женщины». спрашивают у Старухина. «Между ног у меня висит кортик, а всё остальное стоит!».

Строй разваливается. Многие просто лежат на палубе.

- Командир идет! - прокричали с правого борта.

- Равняйся! Смир-но! – рявкнул старпом.

- Вольно! Старпом, меня комбриг вызывает. А чего у вас так весело? Доктор что-то опять сморозил?

- Старухин, товарищ командир.

- Старухин? Интересно. Зайдешь потом ко мне, расскажешь.

Корабль вновь взрывается от смеха.

- Внимание экипажа! - все замолкают, внимательно слушая старшего помощника, - Вот директива штаба флота, - помахал он папкой, - В дивизию, через две недели приезжает проверка из главного штаба флота по физкультуре и спорту. Проверяется крейсер и по одному кораблю из каждой бригады. Но надо быть готовым всем. В проверку входят: комплекс физических упражнений, подтягивание, бег на сто метров и один километр. В целях подготовки экипажа, командир предлагает объявить на корабле организационный период, но я его убедил, что мы справимся и так. Справимся?

- Справимся, - раздалось со всех сторон.

- А всё остальное доведёт командир, когда вернется из штаба бригады. Заниматься будем утром и вечером. Но если я найду хоть одного «сочка», - не пеняйте и не обижайтесь. Всем ясно?

- Всем! – снова прокричали из строя.

- А вон и командир идет. Сейчас все прояснится. Смир-но!

- Вольно! Меня все хорошо слышат? Тут, надеюсь, старпом всё подробно вам рассказал. Повторяться не буду. Мы под проверку не попадаем. Проверять будут эсминец «Бравый». Но как сказал командир бригады, мы находимся в резерве. Готовиться надо днем и ночью. Это понятно? Организационного периода проводить не будем. Старший помощник заверил, что справимся и так. Или будем? – пошутил командир.

- Справимся и так, - прокричал доктор.

- Ну, если секретарь партийной организации поручается за весь корабль, значит, одолеем и эту проверку. Вольно! Разойдись! Командирам боевых частей и начальникам служб сейчас прибыть ко мне в каюту с записными книжками. А потом зайдете ко мне вы, Старухин.

Экипаж от хохота снова лежит на палубе.

КРУТОЙ ВИРАЖ ЖИЗНИ

Вокзал горланил как умалишенный. Микрофон надрывно сипел о прибытии, отправке и опоздании поездов, работе камеры хранения и «Комнаты матери и ребенка», которая располагалась на втором этаже вокзала. Кто-то искал потерявшегося ребенка, кого-то ждали у справочного бюро, а кто-то собирал прибывших туристов... Кипучая жизнь здесь не знала покоя.

Народ, хаотично двигаясь в только ему нужном направлении, создавал всеобщий хаос конца света.

Казалось, Леонид Кузоватый ко всему этому не имел никакого отношения. Он бесцельно бродил от киоска к киоску, от ларька к ларьку, беспрестанно куря дорогие сигареты. До отхода его поезда оставалось еще три с лишним часа.

Выглядел Леня воинственно красиво, как все демобилизующиеся с Военно-морского флота. Они всегда напоминают собой радужного клоуна, хотя в душе и считают себя писаными красавцами.

Леня подошел к огромному зеркалу, находящемуся в зале ожидания. Оттуда на него глянул высокий юноша. На его затылке еле умещалась малюсенькая бескозырка. Ленточку на лбу украшала готическая надпись: «Черноморский флот». Внизу же ее концы болтались на ягодицах с якорями из светонакопителя, как и намертво приклеенный силуэт родного корабля на левом плече рукава.

Форменный воротничок, обратная сторона которого подшита белым материалом, был тщательно выглажен. Зауженная форменка, с обшлагами, оточенными красным бархатом, подчеркивала перекаченный торс, из выреза которой виднелось ровно три полоски тельняшки. Грудь сплошь покрывали значки всех размеров, достоинств и значимости, и среди них медаль Нахимова, которой награждали моряков за проявленное мужество и героизм. Леня рискуя жизнью и спасая жизнь других, предотвратил взорвание на корабле арсенала.

Погоны украшали две огромные, золотистые полосы главного корабельного старшины.

Ушитые брюки выделяли все выступы и углубления. А их низ был так расклешен, что шаг, практически, не был и заметен.

И завершали всё это, доведенные до сияющего блеска ботинки без рантов, которых, собственно говоря, в невероятных клешах было просто не видно.

Вот таким предстал из зеркала Лене образ героя-черноморца.

Оставшись доволен своим видом, Леонид снова вышел на привокзальную площадь, купил мороженое.

Его переполняла гордость и значимость. Он был преисполнен душевным подъемом за своё отношение к Военно-морскому флоту, за тяжелые, изнуряющие вахты, которые провел в штормовом море, за высокую оценку, данную ему командованием корабля за ратный труд.

Скоро он увидит отца, служившего некогда кочегаром на крейсере «Жданов», а теперь работающего инженером по технике безопасности в

совхозе, маму, Антонину Елисеевну, доярку-орденоносца, брата Романа – шофера автохозяйства и еще школьницу, младшую сестру, Людмилу. Да и просто хочется вздохнуть здоровым, насыщенным разнотравьем, алтайским воздухом. Дома его еще не ждут. Хочется приехать неожиданно. И какова будет их радость, когда женщины, сгонявшие коров в стадо, прокричат на всё село: «Тонька! Хватит спать, сына-красавца встречай!». Как в домах отодвинутся шторы, и потенциальные невесты, тря кулаками глаза, будут рассматривать его. А вечером накрашенные, надушенный и распрекрасные будут ждать, когда он, Леня Кузоватый, выйдет на улицу покорять их уже покоренные сердца...

Военные патрули понимая, что бороться с практически гражданским человеком бессмысленно, обходили это чудо природы стороной, чтобы, в первую очередь, не трепать себе нервы.

- Эй, морячок, - раздался сзади женский голос, - помоги донести...

Он обернулся. Перед ним стояла маленькая, не первой молодости и свежести женщина, заваленная коробками, сумками и еще какими-то баулами.

- Чего вытаращился? Бери и понесли.

Леонид хмыкнул, но взял столько, что ноги в коленях сами собой подкосились.

- Куда нести-то? – прохрипел он.

- У тебя деньги на такси есть? – задала женщина встречный вопрос.

- Есть.

- Тогда неси вон туда, где рыжая машина стоит.

Леонид, насилу передвигая ногами, пер непомерно тяжелую поклажу.

Таксист, видя своего клиента, весело открыл багажник.

- С новосельем или как? – засмеялся он.

- Или как... - зло откликнулась женщина, - Чего встал, - повернулась она к Лене, - Садись, поехали.

Ее несколько не интересовало, откуда в этом городе моряк, живет ли он здесь или куда-то едет... И, вообще, кто он такой.

Кузоватый с трудом втиснулся на заднее сидение, заваленное коробками.

- Слободка. Ближе к речке. Там покажу.

Машина быстро помчала их, поднимая клубы пыли.

Когда они, наконец, добрались до места назначения, Леонид взглянул на часы. До отхода его поезда оставалось час сорок минут

- Сейчас мы разгрузимся и поедим на вокзал, а то я опоздаю на поезд.

- Есть, командир! – улыбнулся таксист, то ли тому, что не придется ехать пустым, то ли чему-то своему.

Дом стоял не отшибе. Было сразу видно, что тут хозяевами почти не пахло. А если в нем и жили, то не люди, а свиньи. Кривой стол на кухне был завален грязной посудой, пустыми бутылками и окурками. Полы, покрытые грязью, не водили дружбу и знакомство с водой и тряпкой, а огромная кровать никогда не заправлялась и не стиралась.

- Ну, всё, я пошел, - Леонид направился к двери.

- Погоди. Я щас...

Хозяйка залезла в чулан и долго там гремела.

- Скоро ты? Я на поезд опаздываю.

- Не опоздаешь. Мы сейчас быстренько выпьем, и ежай куда хошь.

Наконец, она вылезла из чулана вся в паутине, неся две бутылки. Одна была полная, с вином, в другой, на половину пустой, плескалась мутная жидкость.

Женщина быстро сполоснула стаканы и разлила в них содержимое до самых краёв.

- Тебе покрепче. В вагоне спать будешь как убитый, а я винчиком разговееюсь. Давай! – она чокнулась и залпом выпила.

Леонид не решался пить эту гадость.

- Чего стоим, тару задерживаем?

- А закусить чем?

- Тебе воды в кране мало? – хрипло засмеялась она, - Вперед! Я думала, моряки более активны. А тут, ребенок еще.

Леонид, не раздумывая, влил стакан в рот. Вкус того, чего он только что выпил, был не понятен.

- Спасибо. Я пошел. Пятьдесят минут до отправления.

- Не лети ты. Это тебя такси ждет?

- Меня.

- До вокзала двадцать минут ехать. Успеешь еще и пива выпить. Давай перекурим и распрощаемся. Держи, - она протянула ему пачку «Полета».

- У меня лучше есть.

- Лучшие прибереги, пригодятся.

Они закурили. Вдруг глаза Леонида стали слипаться. Он потряс головой.

- Что, притомился, служивый? Сейчас коечку организую. Отдохнешь, а там...

Больше Леонид ничего не слышал и не видел.

- Ты моряка ждешь? - подошла женщина к такси, - Езжай. Он мне ребеночка решил сделать, - и она громко рассмеялась.

- С вами полчаса потерял. До чего люди не серьезные, - он хлопнул дверкой и быстро уехал.

Валентина вошла в дом. Уронив голову на грязный стол, Алексей спал беспробудным сном. Из его рта текла слюна.

- Свинья, - она со всей силы пнула его ногой. Он что-то простонал.

С большим трудом она раздела его догола и проверила карманы. Деньги забрала, документы с одеждой сожгла, ботинки и другие металлические побрякушки закопала в дальнем углу огорода. А теперь требовалось забрать его вещи из камеры хранения.

Одевшись попроще, она, не спеша, направилась в сторону вокзала.

- Валя, ты это куда на ночь глядя? – поинтересовалась соседка.

- Мамкиного второго ухажера, который в Пензу потом уехал, помните? Так его сын, Мишка приехал. Голь перекатная. Пьяный, лыка не вяжет... Представляете? Трупом на полу лежит. Пойду ему на утро пива куплю, да пожрать что-нибудь. Ухажер помер два года назад, так сынок его в родителя пошел, всё пропил и обо мне чего-то вспомнил. Своего горя хватает, а тут еще одно явилось. Пусть не думает, что я его кормить буду. Работать будет, как раб на плантации.

- А чё жгла-то?

- А как не жечь? Весь вшами покрыт. Всю одежду пришлось сжигать. И голову побрила, - соврала она, - Надо точно этого козла побрить, чтоб всё на правду сходило, - подумала она.

- А моряк где же?

- Вот стерва! И это заметила, - нервно задышала Валентина, - Добрый парень, помог вещи дотащить с вокзала, а потом укатил на свой поезд.

-А-а-а... Ну иди, Валюша. Смеркаться начинает.

Спасибо, тетя Нюра. Побежала я.

- Иди, иди, дочка, - перекрестила она ее, - До чего же непутевая девка уродилась, прости Господи.

Валентина, получив в камере хранения увесистую сумку, не стала больше рисковать и стараться незамеченной проскочить домой, не встретив по дороге очередную тетю Нюру.

Купив пару полиэтиленовых пакетов, воды, курицу и всё то, что нужно пассажиру, ждущему своего поезда, она пошла в зал ожидания. Место выбрала поскромнее, в самом дальнем углу. Разложив еду, Валентина открыла сумку, чтобы достать полотенце, а заодно и посмотреть, что же там лежит. Ничего интересного и не было. Даже позариться не на что.

- Теперь и это всё надо спалить. Никаких улик оставлять нельзя.

Купив в аптечном киоске два флакона спирта, она пошла на перрон электричек.

Проехав две остановки, Валентина вышла и направилась в лесополосу. Выбрав неглубокий овражек, она распалила костер и приступила к уничтожению всего наличного.

Домой вернулась ночью. В сумке терлись друг об друга две бутылки пива, бутылка водки, вода и не съеденная курица.

В доме было тихо. Абсолютно голый Леонид лежал на грязном полу.

Влив ему в рот еще полстакана мутной жидкости, она достала ножницы, бритву и побрила его наголо. Теперь на бравого моряка он нисколько не походил. Собрав волосы на савок, она затопила печь и бросила их в огонь.

Утро выдалось хмурым. За окном хлестал холодный дождь с косым ветром. Капли через форточку попадали на Леонида. Он проснулся от жуткого холода и дрожал всем телом. Безумно трещала голова. Увидев на столе пиво, он, дрожащими руками, открыл его и, не отрываясь, выпил. Легче не слало. Встав и оглядевшись, он ничего знакомого не обнаружил. На кровати, укутавшись одеялом, спала незнакомая женщина. Он, не задумываясь, нырнул к ней, прижался и тут же уснул.

- Эй, дружок, ты либо делай что-нибудь, либо вставай, будем заниматься приборкой. Видишь, в какой грязи приходится жить.

- Ты кто? – поинтересовался Леонид.

- Миша, ты дурака только не включай.

- Я не включаю.

- У тебя от пьянки совсем крыша поехала? Вчера явился ко мне вшивый, грязный, пьяный... Пришлось тебя раздеть, одежду сжечь, побрить...

- Я не помню...

- Ты жил в Пензе. Отец твой был тогда-то мамкиным ухажером. Жили два года здесь. Потом мамка захворала, а вы на поезд и тю-тю... Поминай, как звали. Тебе тогда было шесть лет. Ну, а мне... чуточку больше. Помнишь?

- Нет, не помню.

- Здравсте-пожалуйста... Не помню... Мишка, ты меня пугаешь! Мама говорила, что отец твой, дядя Толя, по пьянке свалился с третьего этажа и

разбился два года назад. Мама померла. Года еще не прошло. Тоже пила по-черному.

- А я то как?..

- А что ты? Синячил от радости большого наследства. А потом квартиру проиграл и бомжевать начал. Тут, наверное, обо мне и вспомнил. Только понять не могу, как ты меня отыскал. Здесь, без поводыря, сама свой дом ели нахожу. Раз пришел, будем теперь жить вместе. Не выгоню же я тебя. Мужа у меня нет, детей тоже. «Бизнесом» занимаюсь. Там купила, здесь продала. Навар прокурила, пропила, про... Теперь мы вдвоем. Сегодня, видишь, дождь хлещет. Какой рынок? Сейчас мы с тобой немного разомнемся и наведем маломальский порядок в доме. Честное слово, хочется пожить немного, как люди живут. Иди ко мне, мой хороший. Ты такой сильный, я - сладкая, - засмеялась она.

Желание быстро переросло в бурную страсть.

- Миша, сколько в тебе силищи, я больше не могу. Давай полежим, отдохнем.

- Ой, - Леонид схватился за голову, - ой, как у меня болит голова! В ней будто что-то кипит. Сейчас треснет череп. Быстро принеси полотенце с холодной водой. Я на корабле, один раз, очень сильно ударился о переборку во время шторма. Даже, потерял сознание...

Валентина быстро выбежала на кухню, намочила полотенце и налила в стакан пива мутную жидкость.

- На ко, Мишенька, выпей скорее. Это тебе поможет. А головочку твою я полотенчиком сейчас замочу. Поспи еще, миленький, немножечко. Это из тебя горячка белая выходит. Недели три-четыре так помучаешься, и пройдет всё у тебя. Забудется всё твое прошлое. И останется только настоящее и я, - он спал, а она гладила его по обнаженной груди. Потом прикладывала губы к уху и что-то долго-долго шептала, снова гладила грудь и снова шептала. Затем она встала и круто замесала тесто. После заклинаний и кругов руками, что делала в доме, на пороге, у калитки и над Леонидом, Валентина поставила тесто в угол шкафа, и, обессиленная, рухнула на кровать рядом с ним.

Так проходили дни. Голова Леонида болела всё меньше и меньше, а память никак не хотела вспомнить прошлого. Он теперь отзывался на имя Миша. Все реже и реже Валентина давала ему пить мутную жидкость, после которой Михаилу и, правда, делалось хорошо.

С Валентиной они зажили ладно. Работа вдвоем давала свои положительные результаты. Они ездили за товаром, торговали на рынке, даже сделали хороший ремонт в доме. И главное, второй киоск поставили, продавщицу, стоящую, посадили. А зимой решили перестановку в доме сделать. Свободного времени стало больше, вот и занялись благоустройством своего жилища.

И Валентина похорошела. Расцвела. Курить бросила! В голове мысль стала рождаться: «А не завести ли ребеночка? И ничего, что пятнадцать лет разница... В хорошей семье всё должно быть хорошо!»

Миша никогда ничем не обижал ее. Да и чего обижать, - Валентина сама с него пылинки сдувала.

Шло время.

Лето перевалило далеко за половину. Сегодня уже было последнее воскресенье июля. Оставив жену дома готовить обед, а они были уже как два года женаты, Михаил пошел проконтролировать, как идет их торговля.

Солнце жарило, как умалишенное. Михаил снял майку и шел, обмахиваясь ей.

- Леня! Ты как здесь, братишка?! – раздалось сзади.

Михаил, понимая, что зовут не его, насвистывая, не торопясь шел своей дорогой.

- Ленька! Кузоватый! Оглох что ли? – хлопнули его сзади по плечу С праздником, братан! Ты как здесь оказался? Ты же, если я не ошибаюсь, с Алтая... Что вылупился? Не узнал или прикидываешься? Что-то рановато ты память потерял. Генка я, Гавриленко, с мино-торпедной боевой части. Вместе вахтенными у трапа стояли. Я каждые раз тебя менял. Узнал?

- Извини, брат, но ты явно ошибся. Я Мишка Степаненко. И на флоте никогда не служил.

- Ты не болеешь, случаем? По башке тебе не стучали? Может, вышибли всё? А это у тебя что? - Геннадий ткнул пальцем Леониду в левое плечо, где был выколот силуэт корабля, - Теперь у меня посмотри. Похоже? Забыл, как нам вместе боцман, Валька Хромов, накалывал. Потом нас накрыл старпом. Тебе, как награжденному медалью Нахимова, объявили месяц без берега, а нас с Хромом посадили на гарнизонную гауптвахту. Вспомнил?

Леонид присел, обхватив голову руками. Снова нестерпимая боль пронзила весь его мозг.

- Леха, что с тобой? Плохо? Посиди здесь в тенечке, а я сбегаю, холодной водички куплю.

Через минуту ледяная вода полилась на его голову. Стало легче.

- Как ты, брат? Поехали в Приморский. Там все наши собираются.

- А по какому поводу?

- Тяжелый случай! Сегодня день Военно-морского флота! Водочка. Шашлыки. Девочки... Короче полный набор. Ну, решай быстрее. Вон и такси стоит.

- Поехали, - махнул рукой Леонид, - Только ты впереди садись, а я сзади. Мне надо кое о чем покумекать.

-Как скажешь!

В машине Лёня сосредоточенно думал. Мысли скакали, как шарики в физическом опыте. Всплывали обрывки из его службы. Потом всё куда-то исчезало. Появлялась Валентина с мутной жидкостью. И снова корабль, но уже в штормующем море. И вдруг, он четко увидел плачущую мать, а рядом с ней сгорбленного отца.

Он затряс головой. Что с ним? И как всё произошло так, что он, именно, здесь, а не дома...

- Леха, вылезай, приехали! – открыл заднюю дверь Генка. Ребята, - обратился он к друзьям, - знакомьтесь. Это - Леха. Вместе служили на одном корабле. На рынке встретились. Даже не узнал меня. Он на полгода раньше меня дембельнулся.

- Может, зазнался? – засмеялся Сеня Федотов.

Все подходили, жали «краба» (руку), обнимали, знакомились.

До умопомрачения пахло шашлыком.

- А ты чё, без тельняшки, бескозырки?.. Как не родной.

- Кстати, мужики, Леха награжден медалью Нахимова. Чуть не погиб! Благодаря нему, я сейчас стою перед вами.

- Молоток! Дай я тебя обниму, - Серега Чалый сгреб его в охапку.

- Ребята, не обращайтесь внимания. Сегодня я, явно, был не готов. В следующий раз...

- Нормально всё. Успокойся. Ну что, товарищи моряки, начнем наш праздник? – пробасил Сережа, которому было за сорок. По всей видимости, он был здесь старший, - Давайте выпьем: «За тех, кто в море, на вахте и гауптвахте. За то, чтоб число погружений равнялось числу всплываний».

Все дружно выпили.

- И предупреждаю, пока трезвые. Кто, почувствует, что на пределе, пусть отойдет и проспится. В споры, приводящие к дракам или того хуже, не вступать ни между собой, ни с другими лицами. Карать буду строго! Вплоть до лишения праздновать сегодня и в следующем году. Считаю, что это не подлежит обсуждению! С праздником, ребята! С днем Военно–морского флота! Ура!

В парке разнеслось мощное «Ура!», пугающее прохожих.

Леня сидел, прижавшись к дереву, и слушал, слушал, слушал. Он вместе со всеми пил, ел, целовался с девчонками, делал еще что-то... И постепенно перед ним, как из густого, вязкого тумана, стали появляться образы его далекой жизни. Вначале они были размываты и нечетки, а потом становились все яснее и яснее.

В хорошем подпитии Леонид возвращался домой под утро. Буквально перед домом его обогнала черная «Волга», из которой вышла, не совсем трезвая, Валентина. Раньше ее услугами часто пользовалось местное и заезжее начальство, забирая на охоту, рыбалки и прочие увеселительные мероприятия. Но годы брали свое... А сегодня она опять понадобилась.

Ой! – искренне удивилась она, - Где ты был? А мы тебя всю ночь искали, - и она показала рукой на машину.

- Искали, говоришь? С ним, говоришь?

Леонид взял с дороги камень и ударил им по переднему стеклу. Раздался многоголосый звон.

- Что ты творишь, урод?

- Что ты сказал, работник поисковой команды? Сейчас я тебе буду кроить череп, - и он направился к кабине водителя.

Машина, быстро заурчав, дала задний ход.

- Миша, что с тобой! – закричала Валентина, - Это горисполкомовская машина. Тебя посадят.

- Тебе жалко будет меня?

- Представь, что да!

- А теперь, потаскуха, расскажи мне, как я попал сюда? И как стал Мишкой Степаненко, вместо Леонида Кузоватого? – он со всего маха ударил ее в лицо.

- Что с тобой, Миша? Опять с головой плохо стало? - зарыдала она, упав на колени. По ее разбитой физиономии текла кровь, глаз мгновенно заплыл.

- Это у тебя не всё в порядке с головой? Отвечай, сука, где моя форма, документы, награды?..

- Мишенька, пойдём домой. Ты выпил сегодня. Поспишь, а проснешься и разберемся.

- Нет! Говори сейчас, ведьма, - и он ударил ее еще раз -- Не скажешь – убью!

- Мишенька, прости. Понравился ты мне сильно. И захотела я оставить тебя себе. Бабка, умирая, научила меня многому. Вот я тебя и приворожила. А куда мне деваться в сорок лет? Кто меня возьмет? А ты... Форму и документы я твои сожгла, а железки прикопала на краю огорода.

- Бери лопату и веди.

- Мишенька, давай всё завтра... Утро вечера мудренее.

- Ты плохо слышишь или я невнятно говорю?

Она, молча, поднялась и, сгорбившись, поплелась к сараю. Леонид неотступно шел за ней.

Взяв лопату, Валентина, рвя о кусты новое платье, повела Леонида к дальнему краю огорода.

- Здесь, - прошептала она.

- Рой! Стоять не надо!

Она, молча, стала копать. Лопата звякнула обо что-то железное.

- Отойди! - Леонид встал на колени и стал медленно разгребать яму. Перед его глазами вначале появилась бляха от ремня, а затем медаль Нахимов. Он взял их аккуратно в руки, сдул пыль, стал протирать майкой и заплакал. Сзади послышался непонятный шум. Инстинктивно, он откатился в сторону. И, в это самое время, острие лопаты со свистом ударило по яме. Лицо Валентины было искажено гримасой ожесточения. Зубы ощерены.

- Ты вознамерилась убить меня? Ты, которая искалечила всю мою жизнь! Нет, дорогуша, такому уже никогда не бывать!

Не контролируя себя от нахлынувшей злобы, он с силой вырвал лопату из ее рук и нанес сокрушительный удар в голову, отрубленная часть которой отлетела в сторону.

Отбросив орудие убийства, он бережно взял медаль, поцеловал ее и прицепил ее к майке.

Зайдя в дом, Леонид взял деньги и пошел в сторону железнодорожной станции.

- Красотуля, - подозвал он буфетчицу, - дай мне бутылку водки и что-то закусить. Только самое вкусное.

- Не рано водку с утра жрать?

- Не боись, самое время.

- А деньги...

- Всё есть, - и он высыпал на прилавок кучу бумажек, мало, еще достану.

- Ограбил, что ли, кого?

- Такими вещами не занимаюсь.

- Молодец! И не занимайся никогда. Гибельное дело. Муж мой, за этот грабеж, третий год лямку тянет.

Выпив, хорошо и вкусно закусив, Леонид направился к выходу.

- Парень, а сдачу?

- Сегодня сдачу не беру.

- Странный ты какой-то, - хмыкнула буфетчица.

Леня долго сидел на лавочке, на платформе и курил. Потом встал и, пошатываясь, медленно пошел к пешеходному мосту через железнодорожные пути.

Дойдя до того места, где внизу висели провода для электричек, он снова перекурил, поцеловал профиль Нахимова и бросился вниз.

МАЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ БОЛЬШОЙ ПОЛЯРНОЙ НОЧИ

1

Родительское собрание подходило к своему завершающемуся концу.

- И последнее, - Софья Павловна обвела присутствующих строгим, пронизательным взглядом.

Она - директор. Но в данный, трудный для школы период времени, подменяла совсем нехстати выбывшую по беременности учительницу истории, а заодно еще и заменяла ее, как классного руководителя восьмого «Б» класса.

- Многие, - заметила она сурово, - знают, а кто не знает, для тех повторю еще раз, с завтрашнего дня в нашем городе с четырнадцати часов будет отключаться свет. Все, надеюсь, помнят о вчерашней ураганной ветре, принесшем много бед, включая и разрушение электростанции. Сейчас все силы, и гражданские, и военные, брошены на восстановление последствий

этого стихийного бедствия. Мы не можем и не имеем права, прерывать учебный процесс в середине четверти. Этого нам никто не позволит, даже, несмотря, на полярную ночь. Администрация города и командование флота клятвенно заверяют, что к субботе электроснабжение будет восстановлено. Огромное, человеческое спасибо от всех нас командованию подводников, которое выделило свой дизель-генератор для нужд больницы и хлебозавода. Но он не может обеспечить электричеством весь город... Поэтому, - Софья Павловна еще раз внимательно посмотрела каждому родителю в глаза, - занятия первой смены будут начинаться в пять часов утра.

Все сидели тихо, погруженные в свои мысли и нахлынувшие проблемы, а может быть и задавленные услышанным. За последними столами слышался легкий ропот.

- Я слышу недовольство у отдельных?.. Может кто-то хочет предложить что-то более рациональное? Так я внимательно его послушаю! - в голосе зазвучали командирские нотки.

Все как-то сразу поникли и съежились. Софью Павловну боялись не только как строгую и волевою женщину, но и как жену командира дивизии атомных подводных лодок, к мнению которой комдив очень даже сильно прислушивался. И что супруга ему сегодня наплетет, не знал никто.

И еще - у всех детей отцы, так или иначе, были связаны с этими лодками, поэтому командир дивизии мог в любую минуту вступить с каждым из них в интимную связь, предусмотренную Корабельным Уставом и Уставом внутренней службы. А такая связь для подчиненных ничего хорошего не приносит и, следовало, женам полагалось вести себя с директрисой очень даже прилично и благопристойно, и тактично.

- Значит, вопросов нет. В четыре тридцать, максимум без двадцати, все ученики должны сидеть в классе. Не забудьте сегодня положить детей пораньше спать. До свидания.

- Софья Павловна, я думаю...

- Товарищ Сухорукова, не занимайтесь никогда больше этой глупостью. Здесь думаем мы, а вы исполняете, - Софья Павловна с достоинством повторила крылатое изречение своего великого мужа.

- Извините, - прошептала, мама отличницы Светы Сухоруковой, густо краснея.

Софья Павловна резко повернулась и вышла твердой, уверенной походкой, нервно хлопнув дверью.

Расходились молча. Никто не высказывал никаких эмоций. Это тихое людское смирение напоминало далекое, жестокое время эпохи сталинских репрессий.

Домой брели в полной темноте, периодически спотыкаясь о колдобины или проваливаясь в снег. И Северного сияния, как назло, сегодня не предвиделось. Природа тоже не благоприветствовала.

2

Вот и наступило «долгожданное» раннее утро. Да и утро ли? За окнами была ночь. Темная, бесконечная полярная ночь. И распознать время суток в этот период было просто невозможно.

Как ни странно, обещанного света в домах, тоже, не было.

Не сговариваясь, матери стали будить своих гениальных чад, начиная с двух часов ночи. Измученные родители, с отеками от бессонной ночи лицами, и качающиеся, как Ваньки-встаньки дети, со слипшимися веками и беспрестанно валящиеся на кровать, пытались всеми силами мобилизоваться и выйти на тропу знаний. Всё это со стороны напоминало поддерживающих один другого очень пьяных людей.

Над поселком стоял такой вой и рев, несущийся из окон, который походил на гул самолета перед взлетом.

Наконец, из всех подъездов на дорогу стали выходить люди. У многих в руках были фонарики. Сливаясь, они образовывали странную на вид колонну. Матери и, естественно, отцы, которые сегодня после тяжелой службы на лодках и кораблях «отдыхали» дома, и которых жены ради родительской солидарности «привлекли» к этому ответственному мероприятию, поддерживая под руки своих замечательных, спящих детей, несли еще и их тяжеленные портфели. Вся эта процессия напоминала уныло бредущих пленных или осужденных, следующих на казнь. В этой зловещей тишине был слышен только траурный скрип снега.

Впереди кто-то упал. Следом идущие и ничего не видящие люди, натыкаясь на лежащих и уже спящих побратимов, тоже, валились наземь, мгновенно засыпая. Образовалась большая груда тел.

- Кто тут, понимаете ли, разлегся? А ну встать всем! Закоченеть захотели? Не хватало нам ЧП!.. – заокал самый главный воспитатель в гарнизоне, человек сложный, злопамятный и завистливый. Он волок на себе внучку, отказавшись даже от персональной машины. Иногда надо быть в гуще масс, с трудовым, так сказать, коллективом!.. Ему тоже хотелось упасть вместе со всеми, но лежать с народом?.. Это уж извольте! - Всем встать! - вновь заорал он.

Народ, охая и кряхтя, нехотя стал подниматься.

- Пошли, товарищи, пошли. А я замыкать буду! Чтоб никто у нас не отстал.

Воспитатель прекрасно понимал, что идти впереди общенародный масс по снегу гораздо труднее, чем сзади по проторенной дороге.

3

В школе света, тоже, не было. Видно городские и флотские начальники явно погорячились, пообещав проведение полноценных занятий. В раздевалке, классах и кое-где в коридорах горели керосиновые лампы. В храме знаний царили полумрак и таинственность. Пахло гарью.

- Софья Павловна, здоровья желаю! Всех доставил! Потерь нет! – главный воспитатель широко и льстиво улыбаясь, отрапортовал директору школы, приложив руку к каракулевой шапке.

- Вы бы, уважаемый Петр Семенович, не фразами меня кормили, а выяснили, почему в школе нет света. Как я должна сейчас оправдываться перед родителями и ребятами? Любят у нас все обещать и заверять. А как коснется конкретного дела, - так на выходе одни мыльные пузыри. По мужу знаю, потому и говорю. Начальнички!.. Оттого и лодки у вас тонут!.. А если бы... Да что я тут перед вами распинаюсь? Всё равно не поймете.

- Я бы вас, Софья Павловна, попросил не обобщать!..

- А вы без обобщения, Петр Семенович, пойдите в мой кабинет и выясните... Кто? Где? Почему? И, желательно, когда?

Главный воспитатель слегка крикнул для собственной значимости, а может и от нахлынувшей на него неосуществимой и непосильной задачи и, оттопырив до подбородка нижнюю губу, нехотя поплелся в кабинет директора. Куда звонить, а тем более кому, он не ведал. Но спорить с женой начальника?... Себе дороже. И стоять истуканом тоже нельзя. Не так поймут. Можно элементарно погореть и лишиться теплого места в Петербурге, которого он давно добивался, а приказ о его переводе в Северную Пальмиру должен придти со дня на день.

4

К великому удивлению Софьи Павловны собрались все без исключений.

Пока дети переодевались, она зашла в «Учительскую». В тусклом свете мерцающей лампы, отбрасывающей жуткие тени по стенам, перед ней стояли утомленные, взъерошенные учителя с каменными, непроницательными и заспанными лицами.

- Доброе утро, коллеги. Готовы все? – Софья Павловна сняла шубу и, повесив ее на вешалку, встала, как режиссер театра, в тени двери, невидимая ни актерами, ни зрителями.

Учителя, молча, без обычного рабочего шума, испуганно смотрели на своего директора. И она, ничего до конца не понимая, с интересом и любопытством всматривалась в своих, по-своему дорогих и любимых ей людей. Что-то необычное, тревожное и, даже, агрессивное было в их обличье. Софья Павловна потрясла головой, отгоняя сон и диковинные грезы. Но нет, рассудок был на месте, ничего не поменялось в ее видении.

Коллеги же, с глупым изумлением, пристально рассматривали свою руководительницу. И в их взгляде проглядывало недоумение и неподдельный испуг.

Софья Павловна пристально обвела присутствующих пронизательным взглядом. И только сейчас ее взор уловил всё то, что ее поразило сразу.

Ближе всех к ней стояла Маргарита Юрьевна, очень худая, высокая женщина, - учительница химии. Надо отдать должное, учитель она была весьма сильная и, в обиходе, очень приятная во всех отношениях женщина. Одна растила взрослую дочь. После гибели мужа, замуж так больше и не вышла.

Ее руки постоянно теребили груди, которых в природе явно недоставало, а если они и были, то просто как номинальные единицы. Зато сзади, на спине, явно выделялись два небольших холмика. И она непрерывно дергала кофту то вперед, то в бок, бесспорно ища чего-то и поправляя.

- Боже мой! – от увиденного, Софья Павловна инстинктивно прикрыла рот ладонью, - У нее бюстгальтер на спине!... Как можно?.. Какая непристойность! – тихо шептала она, - Нет предела человеческой гениальности, как и беспредельна ее глупость.

Софья Павловна перевела взгляд на следующую фигуру и чтобы не фыркнуть, громко закашляла. Боком к ней стоял явно Гоголевский персонаж, - учитель физкультуры, Иван Генрихович Поддубный (дал же Бог ему такую фамилию при росте 1 метр 44 сантиметра в прыжки и весе 38 килограмм в зимнем пальто). Этот человек и в нормальных условиях требовал к себе постоянного контроля, ввиду своего страстного увлечения к горячительным напиткам, а сейчас...

Помнится, она пришла проверить урок физкультуры в седьмом классе. Входит в спортзал, ребята футбол гоняют, девчонки по скамейкам сидят...

- Построится всем, - скомандовала она, - А где Иван Генрихович?

- Только что здесь был. Наверное, вышел по нужде, - За всех ответил Митя Пилипенко, мальчик из неблагополучной семьи и требующий непрерывного присмотра со стороны преподавателей и родительского комитета. В строю засмеялись.

- А что это за непонятный скрип в зале?

- Ветер на улице, Софья Павловна, вот стекла и дребезжат.

- Пилипенко, не морочь мне голову. Где окна и где... - она быстро направилась в сторону физкультурных матов. Между ними, в дупель пьяный, мирно спал Иван Генрихович, причмокивая и похрапывая.

Было административное расследование, было собрание, был самый строгий выговор и тысяча семьсот двадцать четвертое предупреждение...

И вот сейчас, это тело предстало пред очами директора школы. Поддубный равнодушно глядел в темное окно и затравленно выдыхал в него продукты распада алкоголя.

Он был облечен в старый, грязно-серый трикотажный костюм. Но это еще можно было понять. А вот штаны... Штаны были одеты задом наперед, отчего вытянувшийся годами зад имитировал у гения физической культуры и спорта огромный живот, начинающийся от плеч и закачивающийся районом острых коленных чашечек. Тень, которую он отбрасывал на стену, походила на что-то чудовищное и напоминала ужасного монстра.

- Боже! Страх-то, какой! – ее тело передернулась, - Видно опять вчера надрался до поросычьего визга. И когда он всё успевает?.. Наверное, придется с ним расстаться. Каждому терпению есть предел! Хватит над нами издеваться!

Она резко повернулась в другую сторону.

- А это еще что такое? Эта пигалица, зачем так вырядилась? – впиалась взглядом Софья Павловна в Люсенюку, учительницу первого класса. На ней была одета до неприличия короткая юбка, а на ногах такие рваные колготки, что и описать их было просто невозможно, а из-под шелковой прозрачной кофточки просвечивались огромные темно-коричневые соски, величиной с майонезную банку.

- Какой кошмар! – она чуть было не перекрестилась, - И эта пошлятина несется в школу! – Софья Павловна хотела что-то сказать, но увидя учителя физики, Бортмана Иосифа Давидовича, человека молодого, симпатичного, интеллигентного и очень культурного, чуть не лишилась рассудка. На нем был одет пиджак, вывернутый на изнанку, борта которого застегнуты на булавку. Из-под очень коротких брюк торчали голубые кальсоны не первой свежести, а на ногах ботинки разного цвета. Он, как всегда, приветливо улыбнулся, поклонился и сказал: «Здравствуйте!».

Горло Софьи Павловны сдавил спазм. Она не смогла выдавить из себя ни одного слова, напрочь лишившись дара речи.

- Это сон или я сошла с ума? - от этого бедлама она совсем забыла про отсутствие света и в каких условиях люди одевались, чтобы придти на работу.

Директриса ущипнула себя за руку и наступила пяткой на пальцы.

Нет, это был не сон.

Но и явь казалась просто не реальной.

- Может и правда «крыша» поехала?

Афанасьев – вечно ухмыляющийся учитель труда, закадычный друг и собутыльник физкультурника, явился в разорванной рубашке, с огромным алым засосом на шее и следами от помады на левом ухе и щеке. Видно его жена опять уехала к больной матери.

- Безобразие! Какая распущенность в нашем коллективе! Я этого и представить себе не могла. А где их третий задушевный друг, Санек, именно Санек, Власенко, - преподаватель географии? - она поискала его глазами. Тот стоял в темном углу, между окном и шкафом, но и оттуда был четко виден его огромный синяк под левым глазом и отвисшая нижняя губа, возле которой он постоянно держал носовой платочек.

Теперь уже Софья Павловна равнодушно вела взглядом по своим сотрудникам.

Чтобы не наступило безумие, мозг автоматически переключал воспаленное сознание на полное ко всему безразличие. Теперь она на всех смотрела с позиции третьего лица. И ей было глубоко всё равно, что Мария Федоровна, учитель русского языка и литературы, на строгий темный костюм напялила едко-зеленую комбинацию. Распирало одно, где она такую гадость смогла купить? А еще культурная женщина! В приличное место в таком, явно, не пойдешь.

И вдруг, ослепляя глаза, загорелся долгожданный свет.

К Софье Павловне быстро подбежала Любовь Дмитриевна, завуч школы, у которой в ее внешности, как ни странно, не было никаких изъянов. Она на ходу, во всю ширину, раздвигала подол своего платья, - Софья Павловна, - зашептала Любовь Дмитриевна, - простите, пожалуйста, но вы не одели юбку.

- Что? – в истерике прокричала Софья Павловна.

Раздался хохот вечно веселого учителя труда. И тут же открылась дверь, впуская в «Учительскую» главного воспитателя дивизии, Петра Семеновича.

- Софья Павловна, разрешите доложить... Что это с вами? У вас...

- Закройте дверь, товарищ Пилипенко! Немедленно! Я всё знаю без вас! – и она пнула ногой стоящего сзади воспитателя, - Уроков сегодня не будет!

Предупредите родителей и организуйте доставку детей по домам! Всем спасибо за высокую организованность и дисциплину. До свидания. До завтра!

НЕВЕРОЯТНО, НО ФАКТ

Валерий сегодня, как, собственно, и всегда, проснулся рано. К этому его приучила военная служба. А служил он на Черноморском флоте, на эскадренном миноносце «Благородный» боцманом, а по совместительству еще и горнистом. Хочешь, не хочешь, а подъем каждый день в 5 часов 40 минут. В 06.00 «Слушайте все» надо играть. Потом - зарядка. Спорт Валера любил. По сему, к этому мероприятию и относился очень даже уважительно. Хорошо размявшись, сразу под холодный душ... Красотища!

Вот и сейчас, он быстро надел шорты и, не обуваясь, босиком, побежал свой традиционный, ежедневный, трехкилометровый кросс через сквер вдоль речки, с последующим принятием водных процедур.

На небо уверенно взбиралось ласковое солнышко. Птицы, пробудившись от ночного сна, неистовым пением встречали долгожданный рассвет.

Сегодня Валеру ждал тяжелый, но в тоже время радостный день. Душа торжествовала... Вчера позвонил Серега, старый друг еще со службы, и предложил выгодную халтуру. На одной даче требовалось заменить крышу. Работы на три-четыре дня. И заработать можно очень прилично, - 2/3 месячной заработной платы. А это в наш, далеко нелегкий период жизни, можно назвать большой удачей.

Времени на зарядку не оставалось.

- Поеду на велосипеде, - решил он, - И разминка хорошая, и нагрузка, и, в конце концов, экономия. Сорок минут езды, - не так уж и далеко.

Наспех попив чай с бутербродами, Валера приступил к сборам. Упаковав в сумку рабочую форму и инструменты, он крепко привязал их к багажнику своего надежного, боевого коня – велосипеда.

– Удобней ехать и работать в кроссовках. Обувь легкая и подошва резиновая. На крыше что важно, чтоб не скользить!.. А ведь где-то они у меня были, - и он уверенно пошел на лоджию, где всё аккуратно и с

любовью было сложено по полочкам и шкафчикам. Здесь располагалась его вотчина, которую он превратил и в мастерскую, и, одновременно, в склад. Аккуратность, педантизм и порядок во всем перешли к нему от деда Федосея, который волок в дом всё, включая и ржавый гвоздь. А вдруг кому-то пригодится!

Сколько раз жена Ольга пыталась внедриться в его хозяйство, но каждый раз получала отпор. Ее попытки были безуспешны.

- Твоё место – кухня. Там и командуй. А здесь... - и он многозначительно поднимал вверх палец, - я хозяин. И тебе тут делать нечего.

Он открыл нижний шкаф. Именно здесь хранилась обувь, многая, из которой, помнила советские времена.

Найдя белые кроссовки, Валера радостно улыбнулся, покачал их на руках, вспоминая то далекое, студенческое время, когда в них бегал и в жару, и в дождь...

Он с любовью одел их. Они ласково обняли его ногу. Стало легко и приятно на душе.

- В путь!

Оседлав велосипед, в приподнятом настроении, он покатил по ухабистой дороге зарабатывать семье деньги.

Не проехав и полпути, Валерий почувствовал, как что-то стало мешать его передвижению в нужном направлении. Он посмотрел на педали, ноги и пришел в ужас. Подошва на правой кроссовке отклеилась и цеплялась за цепь.

- И что делать?

Назад возвращаться, - время потеряешь и друга подведешь...

Отрезав кусок веревки, которой была привязана сумка, он притянул подошву к стопе и крепко, в двух местах, привязал ее. На стыд концентрировать внимание было некогда. Время поджимало. И не хотелось подводить друга.

Но не прошло и десяти минут, как та же история повторилась с другой ногой.

Опаздывая и с испорченным настроением, но зато в «красивой» обуви, Валера, наконец, добрался до цели.

Своим появлением он всем поднял настроение. И еще в течение всего рабочего дня он неоднократно вязал на ногах новые бантики, походя на барышню-кокету.

Хозяйка, у которой они работали, видя эту печальную картину, сжалилась и решила заплатить своим работникам немного больше договоренной суммы. Не будет же такой солидный мужчина ходить по жизни с бантиками на ногах?

АПИЗАТРОН

Начальник медицинской службы сидел в каюте злой, как собака. Вот уже шестой день он не был на берегу. Ну, три как бы понять можно, - корабль был в море, и четвертый – обеспечивающая смена, а вот еще два дня...

Видите ли, старпому не понравился Журнал боевой подготовки: не было отработки курсовой задачи, и отсутствовал анализ проведенных мероприятий. Лень, рожденная раньше доктора, теперь торжествовала. И чтобы всё это устранить, надо минимум писать сутки, зарабатывая писчий спазм, геморрой и сутулость. Но кроме этой дурацкой писанины, каждый день несет в себе и другие задачи, которые тоже требуют своего отчета.

Доктор сидел в каюте за столом, писал и беспрестанно курил, проклиная всё и вся. Он ненавидел эту долбанную кораблядскую службу с ее долбанной организацией, старшего помощника с его придирками, хотя,.. виноват лишь он сам. Кто ему мешал, кроме себя? Но, себя не любить доктор не мог. Ибо слишком сильно любил себя. По крайней мере, больше, чем службу ратную, этого проклятого старпома и, даже, друга Пушкина, который смеялся над его горем и скорбью, сходя на берег. Но он еще за это получит!

- И надо же ему было набраться наглости и попросить у меня на дорожку соточку спирта... Но не всё скоту масленица!

Доктор снова потянулся к пачке. Сунул сигарету в рот. Но курить не стал. От писанины ныл средний палец правой руки. Выдавив, из лежащего на столе

тубика немного пчелиной мази, он с усердием стал втирать ее в боковую поверхность рабочего инструмента.

Хорошо разогрев фаланги, доктор снова затянулся горьковатым дымом, продолжив свою писанину, желая в душе старпому мгновенной смерти, чтобы потом не мучиться с этим извергом, а себе лишь раны небольшой.

Без стука распахнулась дверь, и вошел Саня Григорьев, в простонародье «Рыба», прикомандированный командир мино-торпедной боевой части.

- Что, лейтенант? (он неделю назад получил капитана. Доктору же до этого звания надо было пилить еще целый год) Дурная голова рукам покоя не дает? – Григорьев сел на койку.

- Что-то потеряли здесь, товарищ отличник боевой и политической обстановки? Если Славой не с кем поделиться, дождись замполита. Завтра он явится и выслушает вас с умилением.

- Я хотел бы...

- Хотите в другом месте. Мне сейчас некогда.

- Какое же ты всё-таки, доктор, говно...

- Пошел вон отсюда!

«Рыба» встал.

- Скажи, зачем ты так много куришь? – было видно, что ему скучно.

- Тебе не спится или записался в анонимный клуб «Хочу всё знать»? Сходи еще к кому-нибудь. Думаю, что тебя там с нетерпением ждут и очень обрадуются долгожданной встрече. Задашь им свои вопросы. И, естественно, получишь исчерпывающие ответы.

- А от чего эта мазь, что лежит у тебя на столе? – снова спросил он.

- От геморроя, - съязвил доктор.

- Я возьму? А то меня это тоже иногда беспокоит. А для профилактики мазать можно?

- Можно.

- Так я забираю?

- Сказал же: «Возьми»!». Только втирай легенько и с наслаждением. Эффект присутствия наступит немедленно. И, просьба большая, будешь выходить – закрой за собой дверь.

- Какой эффект?

- Не запоминай. Сам почувствуешь.

Доктор снова взялся за никому не нужную и ненавистную, рутинную работу. Еще пару часов... и можно торжествовать, хоть и запоздалую, но победу.

Не прошло и пяти минут, как дверь с шумом отворилась.

- Я, наверное, сейчас, «Рыба», вышвырну тебя отсюда или ударю чем-то тяжелым по твоей бестолковой голове, - не поворачивая головы, произнес доктор.

- Что я вижу? – в каюту ввалился старший помощник. Видно он ходил по нужде и его привлек свет, пробивающейся сквозь щель в каюте, - Если быть объективным, то из-за дыма я, вообще, ничего не вижу. Доктор, открой иллюминатор! Ты угоришь здесь, а мы лишимся ценного специалиста. И кто это заставил маленького мальчика трудиться? – он уселся на койку и тоже закурил, - Брось ты, Саня, эту ерунду! Завтра допишешь. Хочешь, я тебя домой отпущу?

- В два часа ночи? – взглянул начмед на часы.

- А чего? Приедешь, размагнитись... и назад на корабль замечания устранять.

- Ваша доброта не знает границ!

И в это самое время, из соседней каюты раздался душераздирающий крик. Старпом и доктор, стремглав, бросились туда. Из кают стали выглядывать разбуженные офицеры.

Картина была далеко нелицеприятной. По каюте, раздвинув руками ягодицы, с воткнутым туда мокрым полотенцем, с широко раскрытыми в слезах глазами, носился Григорьев и исторгал нечеловеческий рык.

- Григорьев, что с вами? Я доктора привел. Помощь нужна?

- Эта «Рыба», - ткнул пальцем Григорьев в сторону доктора, - посоветовала мне помазать вот этой мазью «очко» против геморроя.

- Что за мазь, доктор?

- «Апизатрон». Пчелиный яд.

- Оригинально! Новый метод лечения геморроя? Хорошо, что ты не ушел. Теперь бери его в амбулаторию и мой ему «очко». Хоть языком вылизывай. Но чтоб завтра офицер был в строю! Ясно? Приятного аппетита в эту сказочную, бессонную ночь

- Есть! – грустно произнес до конца подавленный начмед.

Что делал доктор, какие методы применял, но на подъеме Военно-морского флага в строю стояли пышущий здоровьем командир миноторпедной боевой части и бледно-синий начальник медицинской службы.

Потом «Апизатрон» прозвучал еще раз в приказе командира корабля, в котором начмеду объявили строгий выговор и уменьшили тринадцатый оклад на пятьдесят процентов.

ВНЕОЧЕРЕДНАЯ ВВОДНАЯ

В нашей грешной жизни штабов не счесть. Что ни организация, то обязательно какой-нибудь штаб: штаб гражданской обороны, штаб чрезвычайных ситуаций, штаб народной дружины, штаб по борьбе с пьянством и алкоголизмом... И пошло, и поехало...

На Военно-морском флоте тоже есть штабы. Как без них? Штаб бригады, штаб дивизии, штаб флота или флотилии и, конечно, штаб Военно-морского флота. Чем ниже штаб, тем задачи его не так велики и чем выше, тем, разумеется, всё гораздо масштабнее.

Короче, штаб – это ум, опыт, честь и не всегда совесть.

Чем хороша Военно-морская служба, - в ней не надо думать, чем тебе завтра заниматься. Есть план... По нему и работай. Ибо инициатива в Вооруженных силах была, есть и будет наказуема. Причем любая!

Бывают и здесь иногда заскоки, но это, скорее редкость, чем закономерность.

- Владимир Иванович, - звонит командир бригады начальнику штаба, видно скучно сидеть одному в кабинете, - когда мы планируем провести на авианосце строевой смотр?

- В следующий четверг, товарищ комбриг! – не моргнув глазом, рапортует начальник штаба.

Дальше по всё идет по нисходящей. Начальник штаба набирает оперативного дежурного.

- Есть, товарищ капитан второго ранга. Оперативный дежурный, капитан третьего ранга Романов.

- Как дела, Романов?

- Всё нормально. Замечаний по вахте нет.

- Молодцы! Вызови ко мне заместителя начальника штаба, - произносит начальник штаба. Его голос изнеможенный и усталый. В нем слышна вселенская грусть, скорбь и тоска. А это значит, что всякие движения ему категорически противопоказаны. Иначе он утратит ненависть ко всем врагам Отечества.

Через минуту в кабинет начальника штаба, с папкой, входит заместитель начальника штаба. Уж он-то знает, что вызов к начальнику, в конце рабочего дня, не предвещает ничего хорошего. Значит, надо всё бросать и заниматься новой вводной.

Должность у заместителя - собачья. Всё, что делается в штабе, делается им самим или через него. Поэтому на всякие излишества у него физически не хватает времени.

- Разрешите?

- Заходи, Петр Иванович, присаживайся.

- Времени нет, Владимир Иванович. На столе карты обстановки. Мичмана посадил, чтоб охранял.

- Сядь, сядь... Не убегут твои карты, - начальник штаба закуривает, наверное, сотую сигарету в день, - Петр Иванович, поделись с боевым товарищем, как ты, прослужив четверть века на флоте, и не куришь?

- Это я после операции бросил. Доктор посоветовал.

- Наш? - удивляется начальника штаба.

- Нет. Больничный.

- А наш доктор, кроме как курить и бабам подол задирать, больше ничего не умеет... У вас к нему претензии по службе есть?

- Никак нет! Нормальный офицер. У нас многие подобными вещами занимаются.

- Хорошо! Но вызвал я вас не за этим. Вы когда планируете провести строевой смотр на авианосце?

- В ближайшее, по крайней мере, время не собирались.

- Плохо! Очень плохо, - начальник штаба долго, сосредоточенно и страдальчески думает, - Что такое для матроса и офицера строевой смотр?.. – наконец изрыгает он.

- Владимир Иванович, я понял. План смотра, когда представить?

- Давайте завтра утром. А смотр проведем в четверг до обеда.

Бедный Петр Иванович несется в кабинет, хватается за трубку телефона, звонит в строевую часть.

- Николай Никитович, мне к утру план строевого смотра на авианосце. Смотр в четверг.

- Есть, - гудит трубка, - Через двадцать минут будет у вас.

И вот, наконец, наступает «долгожданное» для всех, и для офицеров штаба, в том числе, и для экипажа корабля, в частности, время строевого смотра.

Осеннее небо, излив из себя все запасы воды, моросит мелким нудным дождичком, сырым снегом и пронизывающим ветром. Палуба авианосца вся в воде. Вскоре промокают ботинки. Настроение у всех очень и очень хреновое. Тысячный экипаж сгорбившись, отчего промокает еще больше,

ждет штабной экзекуции, а военно-морская мысль и опыт, тоже съёжившись и ссутулившись, ждут окончания этого маразма, именуемого одним из видов боевой подготовки корабля! И еще, все ждут скорейшего окончания всего этого издевательства.

Наконец прозвучали все команды и, под барабанный бой, экипаж выстроился по шеренгам.

Учитывая далеко не лётную погоду, комбриг на смотр не поехал, сославшись на сильную занятость. Старшим был назначен, естественно, начальник штаба. И чтобы ускорить этот гнусный, во всех его проявлениях процесс, к оному мероприятию привлекали и командование корабля.

Начальник штаба и заместитель командира корабля по политической части осматривали старших офицеров, командир корабля с заместителем начальника штаба - младших, а флагманские офицеры проверяли свой подчиненный личный состав.

Наконец командир подошел к следующему офицеру. Им был стоматолог корабля, лейтенант Герасимчук, лучший кореш корабельного дирижера, с которым они постоянно пили спирт, а напившись, стоматолог учил дирижера дергать зубы, а тот играть того на трубе.

- Лейтенант Герасимчук! - громко представился офицер.

- Герасимчук, почему у вас глаза красные, - чисто по-человечески поинтересовался командир.

- Я всю ночь плакал.

- Почему? – удивился командир.

- Потому что мне приснилось, что вы умерли.

- Идиот! Пошел вон отсюда!

- Разрешите эту команду выполнить бегом, молодежато и с удовольствием!

Когда тот мелко семеня, чтобы не поскользнуться, сматывался с верхней палубы к себе в каюту, все с затаенной завистью смотрели ему в след.

А смотр продолжал идти. И все продолжали мокнуть.

Потом был краткий разбор строевого смотра. Наказали флагманского врача за слабую работу с подчиненным личным составом по борьбе с пьянством и алкоголизмом.

Мероприятие было проведено и организационные выводы сделаны.

В Журнале боевой подготовки появилась запись: «Выполнено. Цель достигнута.».

ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Обед на корабле, - далеко не последний атрибут в нелегкой жизни корабля. Моряк должен быть сильным, а сильные любят пожарить.

Офицерская кают-компания - это еще и место бесед и дискуссий. Причем разных по смыслу и содержанию. Главное, чтоб было весело. А для серьезных разговоров есть и другие места.

На входе сидит старший помощник. Он в кают-компания старший. Напротив него, во главе стола – командир. По бокам, причем за каждым закреплено свое место, располагаются командиры боевых частей, начальники служб и командиры групп. Рядом с командиром сидят его заместитель по политической части и представитель особого отдела. Старпома окружают по его левую руку командир электро-механической боевой части, а по правую - начальник медицинской службы.

Первому, естественно, всегда подают командиру и его сотелитам, потом старпому, а затем всем остальным.

Старший помощник ест так быстро, как в последний раз. Его ложка, в режиме вентилятора, совершает кругообразные движения, отчего брызги летят в разные стороны, но в основном вправо, где располагается доктор. Иногда капли, попадая на рубашку представителя медицины, вызывают у последнего гнев и недовольство, что рождает умиление и восторг у Яковлева.

Когда кают-компанию покидает командир, сонное, жующее царство просыпается и начинается буйство, похожее на шабаш.

- Доктор, - старпом не может без своего соседа, - вы знаете, кто такой Эйнштейн?

- Предполагаю, что человеком он был умным. А умные на флоте не служат, оттого и придумывают всякие теории относительности. У нас же творчеством безумия является Журнал боевой подготовки старшины.

- Завтра этот Журнал представишь мне на проверку. А теперь, в двух словах, ты можешь мне об этой теории что-либо рассказать? Хотя бы привести пример.

- Я в медицину пошел потому, что в математике ни в зуб ногой. Да и в медицине, с вашей помощью, не высоко поднялся. Но, с превеликой радостью, могу у вас спросить, что такое синдром Фовилля или, скажем, болезнь Верльгофа?

- Не умничай. Просто на пальцах покажи эту теорию

- У меня нет столько пальцев.

- Жаль. Тогда слушай. Если на голове три волосины, - это много или мало?

- Думаю, что мало.

- А если столько же волосин в твоём борще?

- Всем приятного аппетита. Но почему в моем, а не в вашем? – доктор, явно, не ожидал такого подвоха.

- В моем нельзя. Тогда вестовые сразу начнут завидовать мертвым.

- Мне же придется заставить их съесть этот борщ, причем вместе с тарелкой.

- Ты не ответил на мой вопрос. Много это или мало?

- Это гораздо больше, чем много.

- Вот это и есть теория относительности. Понял?

- Про борщ понял, а про теорию нет.

- Тупой ты, доктор.

- По старым, добрым, офицерским традициям, за публично нанесенное оскорбление мне следовало бы вызвать вас на дуэль, оставив право выбора оружия за собой.

- Ты сам сейчас понял, что сказал? Ты ложкой иногда мимо рта тычешь. А тут с десяти метров надо попасть. И в кого? В меня! Это уже нонсенс! Во-вторых, кто тебе, краснопогонной сволочи, оружие выдаст? Ты можешь добыть его только в бою. А так как ты тыловая крыса и к тому же еще и трус, то в тебе живет потенциальный предатель. Дуэли не будет!

Кают-компания захлебывается от хохота.

Обед окончен.

Наступает время «адмиральского» часа.

А послеобеденный сон на корабле узаконен Уставом. И его никто не вправе отменить.

ОБЕД

Шестой месяц боевой службы, шестой месяц в окружении безбрежных просторов Средиземного моря, шесть месяцев отрыва от родных и близких давали о себе знать. Все были нервные и взрывались с полуслова.

Наконец вошел командир. Он что-то мурлыкал себе под нос.

- Товарищи офицеры – скомандовал старпом.

- Товарищи офицеры! Приглашаю к столу.

У командира была привычка. Он мог разговаривать с кем-либо, оставаясь в самом себе. Это черта больше присуща представителям слабого пола, причем ничего в этом огромном мире не значащим, но считающих себя королевой Медичи, (опять же не зная ничего о ней), и, как минимум, пупом Вселенной и идеалом красоты, ума и сексуальности.

Но командир был нормальным мужиком, без комплексов этой всякой надуманной дуристики. Скорее всего, ему так было проще переносить все эти тяготы и лишения военно-морской службы. На него, как и на всех нас, давил тот же столб корабельного бытия.

Все инертно и безразлично приступили к трапезе. В кают-компании стояла несвойственная и гнетущая тишина. Да и стук ложек с вилками о тарелки звучал глухо, подабая раскатам удаляющегося грома.

- Доктор, - командир, прекрасно понимая состояние офицеров, попытался разрядить обстановку, - что-то вас и не слышно и не видно.

- Ушел в подполье, товарищ командир.

- Зачем?

- Решаю одну проблему..

- Какую? Или это секрет?

- Особого секрета нет.

- Так поделитесь...

- Не могу понять одну мудрость нашего народа.

Глаза контрразведчика сверкнули блеском очков Берии.

Доктор улыбнулся, видя зарождение в голове особиста очагов контрреволюционного заговора.

- Это вам не свойственно, доктор, - командир не видел нездоровый блеск славного продолжателя великих дел Феликса Эдмундовича Дзержинского.

- Я сам начинаю себе удивляться.

- И что же вам не нравится в нашем народе? - ехидно спросил особист.

- Тревожит меня одна пословица.

- Какая, если не секрет? – особист растянул ухо, чтобы лучше слышать.

- «Муж – голова. Жена – шея. Куда шея повернет, туда и голова смотрит».

- Так что тебя смущает, доктор? – командир полностью поглощен приемом пищи.

- Считаю, что это не правильно.

- Почему?

- До безумия простой пример. Голова Старухина постоянно смотрит налево. Туда он и идет. А высший разум утверждает, что в пословицах и поговорках лежат корни народной мудрости. Вот здесь я с народом и не согласен.

- Доктор, у самого твоя голова смотрит налево, - краснеет Старухин.

- В корне не согласен.

- Почему это?

- Потому, что моя голова всегда ищет грудь четвертого человека. А вот Устав, кто его хоть раз держал в руках, тот согласится, не уточняет, чью грудь он имеет в виду.

Офицеры смеются

- А это грудь, явно, женская? – вступает в разговор старший помощник.

- О человеческих достоинствах представителей слабого пола предлагаю в этой дискуссии не упоминать. Не должна особь мужского пола обращать внимание на всякие мелочи и глупости. Возьмем, к примеру, Пушкина...

- А чего ты стрелки сразу на меня переводишь?

- Потому как в тебе сидит только мужское начало, за что я тебя ценю и уважаю. Ты, воин, Саня. Викинг! Как я могу по другому относиться к тебе?

- Товарищ командир, разрешите доложить, - Пушкин решил отыгаться на начмеде - Доктор на корабле организовал секс по телефону.

- Как это?

Это правда, доктор? – умиленно изрекает контрразведчик. В его голове рождаются мысли о раскрытии им преступного заговора, за что его наградят медалью «За боевые заслуги» и переведут служить на крейсер, а может и оставят в отделе...

- Не могу ответить на глупый вопрос неразумного ребенка.

- Доложите Пушкин, что вы имели в виду?

- Он звонит кому-нибудь и вкрадчивым голосом говорит: «Дружок! Ты мечтаешь о сексе? Твои мечты сбылись. Беги скорее к старпому». Или еще к кому-нибудь. Я один раз его послал и не пошел к старшему помощнику. А он,

и правда, меня вызывал. Я и получил всё по полной программе, только уже «натуральный», а не по телефону.

Кают-компания смеётся до слез. И только представитель ЧК горько улыбается. Мечты остались мечтами. А так хотелось!..

Климат на корабле более менее разрядился. Скоро домой. Там всё и восстановится.

КРУИЗ

1

- Здравствуйте! Вы не будете сильно против, если я вмешаюсь в ваше одиночество?

Александр от неожиданности вздрогнул и резко повернулся. Перед ним стояла девушка лет двадцати пяти. Длинные светлые волосы, обрамляющие слегка округлое лицо, ласково теребил попутный ветерок. Карие глаза, под изломом тонких черных бровей, излучали спокойствие и какое-то давно забытое им человеческое тепло. Немножко курносый носик, чуть припухлые губы и едва заметная ямочка на подбородке делали ее очень даже привлекательной. Светлое платье в мелкий горошек облегалo слегка полноватую фигуру. А туфли на высоком каблуке, завершали увиденную им картину. Девушка держалась легко и свободно. В ней чувствовались решимость и властность, вместе с затаенным лукавством и наивностью. Она слегка улыбнулась, обнажив белые, ровные зубы, - Не выпроводите? Я тихо постою рядом.

- Что вы... Грех от себя прогонять такое милое создание. Устраивайтесь поудобнее, - он немного отодвинулся в сторону, - Не думаю, что мое общество сильно обрадует вас. Я далеко не веселый человек. И могу быстро наскучить. Предупреждаю сразу, чтобы избежать ваших скорейших разочарований.

- Не переживайте. Во-первых, не вы меня пригласили в гости, а сама напросилась, а во-вторых, я, как бы, веселья и не ищу. Хотя его здесь, по моему, в переизбытке. Такое впечатление, что этот теплоход состоит из одних баров, ресторанов, дискотек... Люди отдыхают. Правда, каждый по-

своему... И мы не в праве их осуждать. Так что, не волнуйтесь, разочаровываться я не собираюсь. Если вас не затруднит, то ответьте мне, пожалуйста, на несколько вопросов. Я за вами наблюдаю уже второй день... С самого нашего отплытия из Москвы с Северного речного вокзала. Скорее, с того самого момента, как вы поднимались по трапу в форме капитана медицинской службы Военно-морского флота. И всё это время вы стоите на палубе, облокотившись на леера, и беспрерывно курите. И что не свойственно военным морякам, бросаете окурки за борт. А вечерами, вам-то с такой привлекательной внешностью, грех страдать комплексом неполноценности, не посещаете ни одного развлекательного заведения, а ведь здесь удовольствий и утех в переизбытке. Не правда ли? И женщины, должна заметить, что не одна, пытались завести с вами знакомство, но вы их всех, почему-то, отвергали. А почему, - не понятно? Более того, вы не разговариваете по телефону. А если и разговариваете, то только отвечаете на звонки. И опять почему?.. И даже на экскурсиях не были...

- Ого! – рассмеялся Александр, - Какая наблюдательность! Уж не резидент ли вы иностранной разведки? И не пытаетесь ли меня вербовать? Напрасный труд. Для таких целей я абсолютно не пригоден. Моя профессия не предусматривает знать государственные тайны. Так что, милая девушка, я не вербуюсь. И еще должен заметить, что представителям слабого пола не свойственно знать флотских традиций. Чем же, если не секрет, обязан столь пристальным вниманием? – в голосе послышались жесткие нотки.

- Нет-нет, подождите, что вы... Какая вербовка? Упаси вас Бог! Мне до разведчицы так же далеко, как Земле до Солнца. Пожалуйста, не гоните меня, - взмолилась она, - Мне сильно не хочется быть очередной, отвергнутой вами женщиной. Я просто хочу задать вам несколько вопросов, а вы, пообещайте мне, на них ответить. Потом я уйду сама. Хорошо? А что касается моря и его обитателей, - она хитро улыбнулась, - то мой папа потомственный моряк. Это сейчас он утопает в мягком кресле, а до того избородил, по-моему, все моря и океаны. Волей-неволей что-то впиталось и в меня.

- Даже интересно. И почему я вам должен на них отвечать? Вам не кажется, что это гораздо больше, чем «я тихо постою рядом»?

- Согласна. Но вы же можете мне на них ответить?.. Они не так и сложны. Пожалуйста... - умоляюще протянула она.

- Хорошо, - выдохнул он с досадой, - слушаю вас. Но на всё это у вас не более получаса, - он достал из брюк пачку сигарет.

- Извините, как вас зовут?

- Саша.

- А меня Люда. Саша, я вас попрошу чуть- чуть пожалеть себя и не курить. Если такое возможно, конечно.

- Резонно. Не могу не согласиться с вами, Людмила, - он сунул пачку в карман, - Итак, начнем вечер вопросов и ответов, - Александр оперся грудью на леера и вновь уставился на кильватерную струю.

- Почему вы плывете именно на этом корабле, да еще и круизном? Это, далеко, не дешевое удовольствие. Вы туда и обратно?.. Или где-то выходите?.. На туриста вы, явно, не похожи.

- Не знаю, - искренне удивился он, - Так получилось. Разве нельзя? А выхожу в Астрахани. Ну а потом... Мои деньги, куда хочу, туда и трачу.

- Извините за бестактность. А могли плыть на другом теплоходе?

- Мог. А вы, почему здесь?

- На этой поездке настоял мой папа. По случаю окончания медицинского университета, он купил мне билет на этот теплоход. В этом году я, между прочим, защитила диплом по специальности неврология, - гордо произнесла она.

- От всей души поздравляю вас, коллега.

- Спасибо большое. Я, если честно, не хотела никакой поездки. Но потом согласилась. Решила посмотреть матушку-Волгу, канал имени Москвы, города, стоящие на ней, леса, степи, платины... Берега, проплывающие мимо тебя, - произнесла задумчиво Людмила, - А еще наш корабль заходит во столько мест!.. Люблю историю. Жутко хочется знать, как жили наши предки, о чем думали, к чему стремились... Человек, идущий по земле, всегда оставляет на ней свой след. И чем значимей человек, чем весомее в обществе, тем его след, отпечаток глубже. Безумно хочется после себя оставить след такой глубины, чтобы его могли запорошить лишь столетия. У

нас есть два учителя, - жизнь и время. Жизнь учит нас правильно распределять время, а время учит ценить жизнь.

- Ого! – рассмеялся Александр, - Однако, задаточки...

- История... - Людмила прищурившись, задумалась, - Это мы с вами вчера. Завтра наша встреча тоже будет историей. Историей для нас двоих. А тут – целая эпоха. Представляете, - мы с вами, того не замечая, плывем сейчас по главной водной артерии древней Руси. Именно Волга связывала Русь со всем внешним миром. Представляете? – ее глаза заискрились, в лице появилась решимость, - Как подумаю, - аж страшно становится. Прежде чем отправиться в оное путешествие, я перечитала кучу литературы о тех городах, где планируются экскурсии. Хочу быть в курсе того о чем будут рассказывать экскурсоводы. Взяла фотоаппарат, камеру... Потом, брат мой живет в Казане. Полтора года его не видела. Обязательно придет встречать. Но вернемся к нашему диалогу. На свои к вам вопросы я могла бы ответить и сама. Просто плыть до Углича или Ярославля бессмысленно. Проще туда добраться по железной дороге или, на худой конец, дойти пешком. А тут свыше тысячи километров... Не один день в пути... И почему-то без радости, и порванной тельняшки... Не понятно... И вообще, не понятно, почему вы здесь?.. Чистый, выглаженный, выбритый и... дорого пахнущий...

- Боже, какая внимательность, - засмеялся Александр, - Мыслите вы очень даже разумно. А, случаем, не подскажите, есть у меня носовой платочек? А если есть, то, в каком кармане?

- Разумеется, есть. В правом кармане брюк. Где и сигареты. А в левом зажигалка. Расческа тоже есть, только в карманчике рубашки. Могу даже сказать, почему именно так, а не иначе.

- Ну-ну? – он повернулся и внимательно стал рассматривать свою новую знакомую. Девушка даже начинала ему нравиться. Рядом с ней было легко и очень просто. И даже интересно.

- Потому что вы левша!

- Да-а-а?! – Александр выразил бурный восторг. – Многое в жизни я видел, через многое прошел, но такого... Честное слово, впервые. Если вы, правда, не вражеская разведчица, то вам ей непременно нужно стать. Получится, уверяю вас, - он снова закурил.

- Александр, извините за прямоту, но в вас сразу видно военного человека. И не потому, что я об этом знаю. Просто, военные никогда не мыслят логически. Это я сужу по поведению своего папы и его друзей. Прошу прощения еще раз, если вдруг оскорбила. Просто элементарная внимательность и, повторяю, ло-ги-ка. Скажите, какой рукой вы сейчас достали пачку с сигаретами?

- Правой. И что?..

- А прикуривали?

-левой, - он недоумевающее пожал плечами, - Это вам о чем-то говорит?

- Конечно! Нормальный человек... - она густо покраснела, - Извините, не хотела вас обидеть. Я имела в виду правшу. Он достает пачку левой рукой, правой берет сигарету и ей же прикуривает. Так? Так! Отсюда вывод напрашивается сам собой. Вы левша! Если нет, - я тут же ухожу!

- Невероятно, – захохотал Александр, - но вы абсолютно правы! Я начинаю вами гордиться! Честное слово! Не хочу обидеть женский пол, но большинство представителей прекрасной половины человечества не так умны как вы.

- Я же могу привести миллион аргументов, не красящих представителей сильной половины человечества. Но на эту тему дискутировать не будем. По крайней мере, сегодня. Хорошо?

- Действительно, давайте оставим решение этого неразрешимого вопроса философам. Пусть смоделируют новый метод своего познания. Согласны?

- Согласна. Так почему вы здесь?

- Чисто случайно. Иду. И, главное, тихо, никого не трогаю. Вдруг слышу голос, приглашающий совершить увлекательное путешествие на теплоходе «Афанасий Никитин» по маршруту Москва-Астрахань-Москва. А чего бы не прокатиться, подумал я. Взял билет... И вот я здесь. Тем более, давным-давно, у меня уже была одна попытка посетить этот город.

- Если я вас правильно поняла, то прозвучи голос, зовущий, скажем, в Ялту, Сочи или на Байкал, вы бы поехали туда?

- Абсолютно верно.

- Как странно, - она задумалась, - Нет, правда странно. Человек идет, его зовут, и он едет неизвестно куда... Не понимаю... Может вы дезертировали с флота? – Людмила весело рассмеялась, - И почему со второй попытки всё же едете в Астрахань?

- Пять дней назад я вернулся из заграничной командировки. Почти три года проработал хирургом в военном госпитале в Анголе. В Москву прибыл в штаб флота, поэтому и был в форме, оформлял кое-какие документы, получал деньги и новое назначение. Дали отпуск. Аж сорок пять суток! Ну а дальше вы знаете. Если честно, хотел поехать к своему старому товарищу в Новороссийск. Он там, в порту какой-то большой начальник. Давно приглашал к себе в гости. Но все никак не получалось. Ничего, из Астрахани полечу. Надо рационально использовать свое свободное время.

- Подождите, я, правда, перестаю понимать происходящие события. Три года не быть дома!.. Отчего не поехать к жене, родителям? Или взять их собой. На заядлого путешественника вы явно не тяните. Если я резидент иностранной разведки, то вы точно дезертир или злостный алиментщик, скрывающийся от жен и правосудия, - она снова рассмеялась, - Еще раз объясните мне, тупой и недалекой женщине, почему же вы, все-таки, здесь, а не...- она неопределенно махнула в сторону руками.

Александр глубоко вздохнул, шумно выпустил воздух и снова закурил. Долго глядел на заходящее солнце. В уголках глаз собрались мелкие морщинки. Людмила тихо стояла рядом, глядя на его задумчивое лицо.

- Понимаете, Люда, это очень длинная-предлинная история. Она не так интересна, как хотелось бы вам. Если вы настаиваете, я могу рассказать. Но опять же предупреждаю, что ничего веселого и радостного в ней нет. Лучше бы вы поискали себе более беззаботного собеседника.

- Саша, я вам уже сказала, что не ради утех я здесь. Так что... рассказывайте. Я вся во внимании.

- Ну что ж, тогда слушайте. Когда папе было пятьдесят один год, а маме сорок семь, родился я. Больше детей им Бог не дал. Проживали мы тогда в трехкомнатной квартире в самом центре Пензы. Папа работал заместителем директора большого завода, а мама трудилась на швейной фабрике. Кем, не помню. После моего рождения, она уволилась и занялась моим воспитанием. Жили мы очень хорошо, в большом достатке. Когда мне

исполнилось восемь лет, родители возвращались из Ялты, где проводил свой отпуск, на машине домой. Я в это время гостил у бабушки, маминой мамы. На Ангарском перевале у машины отказали тормоза, и она, на большущей скорости, врезалась в скалу. Папа погиб на месте, а мама, с множественными переломами, долго лежала в больнице. Вылечится так и не смогла. Вышла инвалидом, на костылях. Начала сильно пить. А через полгода пьяной замерзла на улице. Бабушка, а она к тому времени приближалась к своему восьмидесятилетию, через полгода тоже умерла. Так я остался один. Близких родственников у меня не оказалось, а дальним я и вовсе был не нужен. Меня определили в детский дом. Принц превратился в нищего. Так началась моя новая жизнь, жизнь без ласок и мамкиного тепла. Поначалу было очень трудно. Просто до слез. Не всегда выпадало сытно покушать, поспать. И конфеты приходилось отдавать старшим. А не отдашь, - бит будешь. И отдашь, - всё равно за что-то побьют... Школа выживания... Она либо ломает, либо закаляет. Постепенно из пушистого кролика я превращался в волчонка. Научился показывать зубы, огрызаться. Иначе нельзя. Погибнешь. Пропадешь. Либо ты, либо тебя. Третьего не дано. В десять лет с Колькой, что сейчас в Новороссийске, решили сбежать от такой жизни. Почему-то в Астрахань. А почему, не могу понять до сих пор. Но в Саратове нас поймали, ссадили с поезда и отправили в другой детский дом. Здесь уже было хорошо, спокойно. Но всё равно... Многие дети имели хоть каких-то родственников и на каникулы их отпускали к ним. А мне восемь лет приходилось сидеть в одних и тех же стенах, - Александр в очередной раз закурил. Людмила, облокотившись на леера, тихо стояла, охватив себя руками. В ее печальных глазах отражалась поднимающаяся из воды огромная Луна. – Ну, - улыбнулся он, - получили удовольствие? На этом экскурс в прошлое советую прервать.

- Почему? Если честно, то я просто потрясена услышанным. И что же было...

- А ничего не было. Была жизнь с ее взлетами и падениями. Так и ночь скоро наступит. И у меня начинает складываться впечатление, что вы сами хотите погибнуть голодной смертью, а заодно и меня уморить. Лично я против этого. Приглашаю поужинать. Возражения не принимаются.

- Я хотела бы услышать продолжение...

- Ну, если хотите, услышите. Но не сегодня, - это точно. Жуткие истории рекомендую слушать днем, чтобы потом не мучили ночные кошмары. Ну а дальше... по моему усмотрению.

- Согласна. Тогда я сбегаю, переоденусь?

- Конечно. И мне не мешало бы помыть руки. Буду ждать вас через сорок минут у входа в ресторан, что на верхней палубе. Успеете?

- Постараюсь управиться. Но если можно, то дайте мне, хотя бы час. Не пойду же я туда некрасивой, - произнесла она кокетливо, - тем более с таким обаятельным молодым человеком, как вы, - Людмила жеманно улыбнулась, - Хорошо? Не прощаемся, - она махнула рукой и быстрым шагом направилась к трапу.

2

Спустя час Александр, в светлых брюках, бежевой футболке и огромным букетом из алых роз, источая умопомрачительный запах какого-то дорогущего одеколona, сидел перед входом на летнюю площадку ресторана и курил.

Людмила тихо подкралась сзади.

- Молодой человек, вы кого-то ожидаете? – тихо спросила она.

- Ожидая, - не оборачиваясь, также тихо, произнес он.

- Кого, если это не является государственной тайной?

- А вот не скажу.

- Почему?

- Секрет.

- А вдруг она не придет?

- Мне будет обидно.

- Правда?

- Правда, - он встал, повернулся. Его глаза источали печаль и скрытую тоску,

- Вы полагаете, она может не придти?

Пред ним стояло очаровательное создание в белом платье, усыпанном мелкими цветочками. Людмила была так обворожительна, что Александр даже растерялся. Он стоял, пытаясь что-то сказать, но все слова куда-то улетучились.

- Можно задать один банальный вопрос?

- Опять вопрос?

- Саша, а где вы взяли цветы? – Люда не обратила внимания на его иронию.

- Ой! Простите! Это вам, - он протянул букет, - Вы, своим потрясающим видом, ввели меня в ступор. Я сражен! Амур пронзил мое сердце, - Саша открыто улыбнулся, - А теперь, - он сделал галантный жест, - можно смело идти в зал!

- Не уходите от ответа. Где вы... Нет, правда, где вы взяли на корабле розы?

Александр заливисто рассмеялся

- Купил в Москве вместе с билетом на наш круизный лайнер. Именно для сегодняшнего вечера, - он снова захохотал, - Не верите?

- Нет. Не верю.

- Правильно делаете. И я бы не поверил. Просто я позвонил в бюро добрых услуг и они, пока вы приводили себя в порядок, вертолетом доставили цветы сюда. Очень удобно. Как в сказке.

- Да ну вас... Не хотите говорить правду и не надо, - Людмила погрузила лицо в букет, втянула воздух, - Ну как же мне хочется знать появление этих цветов здесь, - умоляющее прошептала она, - Корабль... Цветы... Мистика какая-то, честное слово. Или сказка...

- В каждой сказке должна быть загадка или интрига. Без них ее продолжение будет не интересно. Вы любите прошлое, я же предлагаю сделать шаг в будущее. Вперед! А то я и, правда, погибну от лютого голода.

- Извините. Конечно, пойдете.

На площадке ресторана, обнесенной по периметру высоким сетчатым забором, стояло десятка два столиков, из которых всего семь было занято. Певица, в неимоверно короткой юбочке, равнодушно пела про голубые глаза.

Неслышно подошел белоснежный официант с перекинутым через руку полотенцем.

- Добрый вечер! Мы рады видеть вас в нашем ресторане. Проходите, располагайтесь.

- Спасибо. Одну только минуточку, - Саша наклонился к Людмиле, - Людочка, обратите, пожалуйста, внимание, как тихо в нашем импровизированном зале. Замолчи сейчас певица и мы услышим плеск волны и шепот звезд.

- Да. Тихо, - Людмила недоуменно пожала плечами, - И что это значит?

- А то, что сидящие здесь посетители не так давно пришли сюда.

- Почему вы так решили?

- А потому, доктор, что пьяные всегда разговаривают громко из-за притупления алкоголем слухового нерва. А раз все трезвы, то и некому шуметь. Выбирайте столик. Близко к борту садиться не рекомендую. От воды будет тянуть холодом.

- Мне очень стыдно. Обязана была знать. Как-никак, - невропатолог. Между прочим, хочу заметить, что университет я закончила с красным дипломом.

- В таком случае, чтобы не упасть в грязь лицом, разрешите и мне доложить: Военно-медицинскую академию окончил с золотой медалью. Ну и чтобы окончательно сразить вас наповал, - кандидат медицинских наук. И наконец, контрольный в голову! Защита докторской диссертации назначена на декабрь этого года! – он щелкнул каблуками и склонил голову.

- Ого! Ничего себе! Как говорит мой папа: «Разрешите ослабить заднюю ногу», - Люда отступила на шаг, с ног до головы оглядела Александра, - Такой молодой... И не подумаешь даже... Но не верить вам, всё равно, что не верить себе. Не имею права. Уж слишком вы правильный и серьезный. На авантюриста абсолютно не похожи. Скажите...

- Мы же договорились, вечер вопросов и ответов на сегодня закончился. Команде петь и веселиться! Была когда-то такая команда в царском флоте. Так, где мы с вами присядем?

- Давайте здесь, - она показала на столик, недалеко от выхода, - Музыку люблю слушать на расстоянии. Иначе оглохнешь раньше времени.

Официант мгновенно положил на стол меню и встал неподалеку в ожидании.

- Людочка, если вы не возражаете, то я всё закажу на свое усмотрение. Уверяю, - вам понравится. Хорошо?

- Я полностью в вашей власти.

- Значит так, - Александр посмотрел на официанта, - бутылочку Пино Нуар, греческий салат, гратен из морепродуктов, а на десерт малиновая панакота и апельсиновый фреш. Фрукты на ваше усмотрение. Не много. И обязательно виноград. Только белый. Шоколад московский, - он задумался, - Пожалуй, всё. А пока принесите нам бутылочку минеральной водички, «Боржоми» или «Ессентуки». Я ничего не упустил? – он взглянул на Лягу. Та смотрела на него широко раскрытыми глазами. Ее щеки пылали.

Официант склонил голову и бесшумно исчез.

- Саша, я прошу прощение за бестактность, но ответьте, что сейчас было?

- Где?

- То, о чем вы говорили. Кроме шоколада, воды и винограда я, разумеется, ничего не поняла.

Александр рассмеялся, оставшись доволен произведенным эффектом.

- Я за всю недолгую жизнь, - продолжала она грустно, - всего пару раз посещала ресторан. Всё было тогда гораздо проще и понятнее. А тут... Вы будите смеяться, но мне за свою серость перед вами и перед собой немного совестно. Не знаю, плохо это или хорошо, но светской жизни я абсолютно не знаю. В Москве живем около четырех лет. А до этого мотались с флота на флот. Родилась в Питере... Потом Севастополь, Владивосток, Камчатка, снова Питер, где папа учился в академии, Североморск, и, наконец, Москва... Квартиру получили три года назад...

- Не обращайтесь внимание. Просто я долгое время находился за границей. Вот и нахватался всякого. А стыдиться не надо. Не тот случай.

- Саша, - прошептала Людмила, - вы представляете, сколько здесь это всё стоит? Нас потом не посадят в долговую яму? Может, пока не поздно, отменим заказ?

- Люда, два часа назад, вы казались мне храброй девочкой! И вдруг... Ай-ай-ай! Теряете самобытность! Нельзя! А если и посадят, то сидеть будем вместе в этой самой яме. Уж там-то я точно отвечу на все ваши вопросы.

- Если так, то я согласна.

- Договорились.

Официант принес вазу, поставил в нее цветы. Воду, разлил по стаканом.

- У нас почему-то считают, что за границей жизнь лучше. Не знаю. Мне там не нравится. И Франция, и Италия, и Германия, а тем более страны Африки... Да, посмотреть есть что. Но жить?.. Другая культура, другие нравы, другие обычаи... Мы совершенно разные. Мы выше их по общеобразовательной культуре, хотя и ниже по уровню жизни и по культуре быта. Они, как бы это выразиться правильно, мало что знают вообще, кроме своей профессии, разумеется. И мне кажется, - это очень и очень плохо. У нас разностороннее образование. Мы можем поговорить на разные темы, невзирая на то, чем занимаемся. Знаем писателей, художников, общественных деятелей... И заметьте, не только своих. Они же.... Кругозор чрезвычайно узок. А разве у нас нечего посмотреть? Один Петербург чего стоит. А Киев? Вы были в Киеве? – Александр поднял на девушку глаза.

- Нет, - замотала она головой, - не пришлось. Но знаю о нем очень и очень много.

- Первый раз там был в отпуске на втором курсе. Ездил к товарищу. Не поверите, я просто обалдел от красоты и величия этого города. Я пешком исходил Киев вдоль и поперек. Потрясающе! Потом я ездил туда еще раз. А... Вот, наконец, и наш праздничный ужин. Ура! – он радостно потер ладони.

Официант разложил всё на столе, разлил вино и, пожелав приятного отдыха, тихо растворился во тьме.

- Дорогая Людочка! Давайте выпьем за этот день, день вопросов и ответов, за вашу любознательность и непосредственность, за ваш напор и оптимизм, ну и выдержанность, разумеется.

- За день или за мои заслуги? Надо определиться, - она рассмеялась, - Давайте за все сразу, - ее глаза хитро прищурились, - А то и у меня начала

вырабатываться слюна от вида всего этого неизвестного и, наверное, ужасно вкусного.

- Прекрасно! Лучше и не скажешь! - их бокалы издали хрустальный звон.

- Вы извините, Саша, голод и правда не тетка, - Людмила на мгновение оторвалась от трапезы, - Потрясающе вкусно! Вы гурман?

- Не знаю. Но вкусно поесть люблю. Приходилось бывать на приемах у высокопоставленных лиц... И дорогих ресторанах... Там и научился всем этим не хитрым премудростям, - он показал рукой на стол.

- Как интересно. А вы и языки иностранные знаете?

- Конечно. Английский и французский. Без них за границей никак нельзя. Люда, вам не кажется, что нам давно пора перейти не «ты»?

- Я тоже хотела это предложить, но постеснялась.

- Тогда всецело поддерживаю твою невысказанную мысль, - засмеялся он.

- Знаешь, Саша, мне сейчас очень легко и свободно. Ощущение невесомости. Я такое испытала один раз, в походе по Крыму. Мы поднялись на гору и когда сбросили рюкзаки, в теле появилась такая легкость, что хотелось парить, как птица. Тренер сказал, что в таком состоянии гибнут даже опытные туристы, бросаясь со скал.

- Я надеюсь, что ты сейчас не собираешься превратиться в чайку, взмахнуть крылами и улететь, оставив меня здесь? Я не намерен сидеть в долговой яме один. Получается как-то не по-товарищески, - улыбнулся Александр.

- Нет. Что ты. Какая чайка? Тем более я не задала практически ни одного вопроса. В яму, так в яму... Товарищей в беде не бросаем! Но перед ямой надо плотно подкрепиться.

- Очень разумно. За это стоит выпить.

- Наливай! – нарочито пьяно произнесла Людмила.

Они выпили и опять с аппетитом принялись есть.

- Когда я была маленькой, меня каждое лето отправляли к бабушке под Одессу. Всю жилую площадь, а ее у нее было много, бабушка сдавала отдыхающим, имея от всего этого бизнеса очень даже приличные деньги.

Море - в двадцати метрах! Ползком – полторы минуты... Целый Божий день, в течение двух месяцев, из воды не вылезала. Жила я у нее на горище сарая, чердак по-нашему. Крыша этого сарая была плоской. Иногда ночью я выбиралась на эту крышу. Расстелю одеяло и ложусь. От крыши тепло идет... А я небом люблюсь. Даже карту звездного неба купила. Смотрю, смотрю... Аж жутко становилось. Знаю все созвездия... И всегда мечтала, да и сейчас не против, посмотреть на обратную сторону Луны. Какая она?..

- Бирюзовая.

- Почему?

- А потому, что темная сторона Луны освещается не Солнцем, а отраженным голубым цветом Земли. Этот цвет, достигнув лунной поверхности, отражается от нее, но уже бирюзовым цветом. Ты хочешь продолжить игру: «Что? Где? Когда?». К большому сожалению, в ней очень мало светлых картинок. Больше серых и черных тонов.

- Если тебе крайне неприятно об этом говорить, давай не будем...

- Да, нет... Прошлого изменить и вычеркнуть нельзя. Без него нет настоящего, а тем более - будущего. Парапсихологи, например, рекомендуют проживать один день прошлой жизни для сохранения вечной молодости. Причем вспоминать этот день надо ежедневно. Тогда нервная система и железы внутренней секреции принимают функционировать в режиме того времени и тех далеких событий, заставляя тем самым, перестраиваться весь организм. А хорошие в этот день были события или плохие – не важно. И каждый раз надо заставлять подсознание вспоминать всё новые и новые подробности этого дня. Так что, Людочка, ешьте, пейте... Потом, на старости лет, будете вспоминать детали прожитого нами сегодня дня. И снова станете молодой и несказанно красивой.

- Могу лишь вспоминать, что было безумно вкусно и очень интересно. А в отношении вопросов?... Мне очень хочется верить, что мы с тобой еще встретимся. Предположим, завтра. Но это, исключительно, зависит только от тебя.

- Если только от меня?.. То тогда непременно встретимся. А почему в настроении наступил такой пессимизм?

- Почему пессимизм? Абсолютно нет. Просто я хочу сказать, что вопросов будет очень и очень много и на их ответы потребуется немало времени. Не будем сегодня горячиться? Будет завтра, будут и вопросы... А сейчас, - она широко улыбнулась и поднялась, - я объявляю белый танец! А то сидим, как на пленарном заседании. Мы же пришли в ресторан не только перекусить. Но еще и повеселиться. Поесть могли бы и в другом месте. Ужин, как-никак, тоже входит в стоимость наших билетов. Разрешите пригласить вас, молодой человек! – она сделала реверанс.

- Я, если честно, в танцах не мастак. Но приглашение принимаю с удовольствием. И не потому, что люблю танцевать, а лишь оттого, что такую красивую девушку может пригласить кто-то другой. И тогда я начну сокрушаться.

- Эта девушка больше ни с кем, кроме вас, танцевать не будет. Волнения отменяются, - Люда сделала реверанс.

- Вашу руку, прелестная незнакомка!

Они вышли на середину площадки. Музыка теперь играла только для них одних. Но Александр и Людмила явно не слышали ее. Лишенные дара речи, причем оба сразу, они медленно перебирали ногами, прижавшись, друг к другу.

Наконец, Люда подняла голову. Саша, любяще посмотрел на нее, слегка прижал к себе.

- А, знаешь, - прошептал он,- я иногда люблю марать бумагу. Говорят, из этого что-то получается. Не могу сказать, что часто, но... Людочка, я хочу тебе сейчас прочитать своё стихотворение. Оно так и называется: «Тебе». Конечно, оно написано давно, но мне кажется, что очень уместно сегодня.

- Саша, я восхищаюсь тобой всё больше и больше. Читай быстрее, я вся во внимании.

- Ты положи головочку мне на плечо и слушай.

- Уже исполнила, - повернула она голову

- Мне очень хочется, чтобы тебе оно понравилось. В нем заложен очень глубокий смысл:

Ты ушла, оставив только тень,
Не сказав ни слова, ни полслова.
Возвращайся, милая, поверь,
И давай начнем с тобой всё снова.

Уходя, не опускай глаза,
Не гляди устало на дорогу.
Повернись. Зачем блестит слеза?
Обратись сейчас с мольбою к Богу.

И не помни горьких, бранных слов...
Это нервы, порванные в клочья.
Собери в охапку краски снов,
Что так часто снились тебе ночью.

Солнце светит вновь не для меня
И тоска мою терзает душу...
Ведь любили мы с тобой не зря,
Так зачем же в сердце сеять стужу.

Я прошу тебя, не уходи...
То не крик души. То заклинанье.
Улыбнись. И больше не грусти,
Нам не нужно это расставанье.

Я люблю тебя, родная! Ты поверь!

И прости мои все прегрешенья.

Сердцу лишь судьбу свою доверь,

Пусть живёт в ней радость воскресенья!..

Они долго молчали.

- Сашенька, ты перевернул во мне сегодня весь мир. Всё было просто, ясно и доступно, - прошептала она, еще сильнее прижимаясь к нему, - А теперь... Саша, посмотри какая огромная Луна. Говорят, в это время она обладает колдовской силой.

- Но, именно, сегодня я ничего не боюсь, а только надеюсь на ее чары.

- А боялся когда-нибудь? Если «Да», то что?

- Страх живет в каждом человеке. Каждый из нас боится смерти. И я в этом не являюсь исключением. А всего, по большому случаю, я боялся три разу. Первый, когда привезли солдата с оторванной ногой в районе бедра. И это на другой день моего прибытия в госпиталь. Он был, если говорить банально, моей визитной карточкой. Я обязан был его спасти. И он выжил! Тогда я уверовал в себя, а коллектив поверил мне. Это очень много значит. Тебе вскоре тоже предстоит совершить массовый героизм, а то заклюют. Такого допускать никак нельзя. Испорченная репутация никогда не восстанавливается. Ее все и всегда помнят, будь ты потом хоть академиком. Второй раз – это когда наш самолет подбили. Летчик совершил, буквально, чудо, дотянув до аэродрома. Мы успели выскочить, а он... погиб. Самолет взорвался. И третий – привезли офицера с осколочным ранением в живот. Кишки вывалились до колен. Он понимал, что умирает... Но, представь, ни одного звука, ни одного стона... И глаза... Молящие, просящие... И слезинка из левого уголка... Людочка, извини, пожалуйста. Пойдем, присядем...

Он нервно закурил, наполнил фужеры вином. Себе налил полный.

- Давай за жизнь! Как в этом слове много... - он надолго задумался, - Прости, не могу подобрать слова, - Пусть у всех всё всегда будет хорошо. И

никогда не будет войны. Это – очень большое горе... Люди рождены жить... - он, не чокаясь, выпил.

- Саша, пойдем, наверное. Извини меня за глупый вопрос. Я больше...

- Против ухода не возражаю, – он достал из портмоне двести долларов и положил под тарелку.

Люда вытаращила глаза. - Саша, такие деньги?! Это, наверное, очень много...

- Ничего. Сегодня можно. Цветы забирать будем?

- Конечно! Они мне очень дороги. Потом они появились каким-то невероятным, мистическим образом... И вообще...

- Ты отнеси их в каюту, а я буду стоять, и курить на том же месте, где мы с тобой сегодня встретились. Сегодня я расскажу тебе всю свою жизнь, без тайн и прикрас. Если ты, разумеется, этого хочешь.

- Конечно, хочу. Но не будет ли это для тебя тяжело?

- Сегодня или никогда...

- Тогда минуту. Я мигом, - и она убежала, унося букет.

3

Он стоял, облокотившись на леера, курил и смотрел в темень воды.

- Добрый вечер! Вы не будете сильно против, если я разделю с вами одиночество?

- Людочка, ты уже пришла? Молодец, что одела кофточку. А то от воды тянет холодом.

- Я и для тебя спортивную куртку захватила. Знаю, что маленькая, но хоть не плечи накинешь.

- Спасибо. Итак, возвращаемся в мое прошлое. На чем я остановился?

- Как после побега тебя перевели в другой детский дом.

- Да. Здесь условия были хорошие. Директор держал весь персонал и воспитанников в ежовых рукавицах. Метод воспитания – исключительно по Макаренко. Преступил грань Устава, обидел младшего, а еще хуже, украл что-то, искупи вину трудом. И не просто там, подмести полы или вынести мусор, а куда более серьезное, - яму выкопать, снег на территории убрать, дрова напилить и наколоть. Таких исправительных работ он находил море. И все должно быть сделано в срок. Лично проверял. Сделал плохо, - будь любезен получи новое задание. От того и был во всём и везде порядок...

- А тебя наказывали?

- Было дело. За курение и плохое дежурство по кухне.

- И с какого возраста ты куришь?

- С шестого класса.

- Ого! А на кухне что вы делали? Там же...

- Всё делали. Подъем в пять тридцать. И пошло, и поехало... Картошку чистили, котлы драили, посуду мыли, приборку в столовой после каждого приема пищи делали, еще и генеральную приборку в конце дежурства. И не дай Бог, заступающая смена найдет замечание, будешь дежурить снова. Спартанские условия! Зато, я умею буквально всё: и обувь починить, и кашу сварить, и носки заштопать, и, даже, исправить телевизор или компьютер. Всего и не перечислишь.

- Ого! – было видно, как Людмила удивленно помотала головой.

- Учеба давалась мне легко. В течении сорока минут делал все уроки. А еще, я весьма быстро читал. Да и сейчас читаю. Буквально листаю страницы. Зная, что я всё сделал, не надо и проверять, дежурный отпускал меня в библиотеку, где я с удовольствием проводил полтора-два часа. Наверное, перечитал все книги, которые были там. В ней работала замечательная женщина, Марья Петровна Клименко. Она была мне как мама и очень любила меня. Ей в то время было за шестьдесят. На выходные, а она была одинокая женщина, если я не заступал в наряд, забирала к себе домой. Мария Петровна и помогла мне выучить французский язык. Ну, а английский преподавали в школе. Плюс ходил на факультатив. Когда я учился в десятом классе, она внезапно умерла. Кровоизлияние в мозг. Для меня это был шок. Вот тогда, я впервые напился. Три дня находился в реанимации. Ели спасли.

После этого я поклялся ей и себе, что стану врачом. И буду лечить! И лечить хорошо!

Школу окончил с золотой медалью. Давать не хотели. Как это, беспризорник, и медаль?.. Так не бывает! Но директор дошел до самого министерства. Даже, приезжала комиссия проверять мои знания. В итоге, - медаль я. все-таки, получил.

Перед окончанием школы меня вызвал к себе директор, Иван Михайлович, посадил за стол. Закурил сам, протянул сигарету мне.

- Кури, кури, не стесняйся. Знаю, что с тринадцати лет этим занимаешься. Но позвал я тебя к себе не за этим. Саша, через полгода мы расстаемся. И впереди у всех выпускников дорога, длиною в жизнь. Но дорогу надо выбрать правильную, чтобы почва под ногами была твердой. Кем ты хочешь, Саша, быть в этой жизни? Голова у тебя светлая. И будет, искренне, жаль, если не то ей найдешь применение. Слушаю тебя!

- Иван Михайлович! Я буду поступать в медицинский институт.

- Умница! И то, что поступишь, я не сомневаюсь. Саша, мы с тобой общаемся, как два взрослых человека, один из которых умудрен опытом жизни, другой – только в эту жизнь вступает. Поэтому, выслушай меня и прими правильное решение. Поверь, жизнь студента без поддержки из вне, я имею в виду финансовую, очень и очень трудна и голодна. Это я испробовал на собственной шкуре. Ты знаешь, что я бывший детдомовец?

- Нет, - замотал я головой.

- Плохо! Так вот я тебе, Саша, хочу предложить поступать в Военно-медицинскую академию, что в Петербурге. Там и оденут, и накормят, и спать уложат... Учись только. С твоими способностями далеко можно пойти. Завтра к десяти часам, разрешу не ходить в школу, пойдешь в военкомат. Военком, мой друг, и в отношении тебя я с ним уже поговорил. Напишешь заявление... Короче, вот список документов, которые надо туда представить. Сейчас сходи в фотоателье и сфотографируйся. Ну, а медицинскую комиссию там скажут, когда проходить. Понял меня?

- Понял, Иван Михайлович.

- А раз понял, - молодец! Иди. Помогай тебе Бог, сынок! Да, чуть не забыл, деньги у тебя есть?

- Спасибо, Иван Михайлович, есть.

- Иди, Саша. В добрый путь!

Я вышел на улицу, зашел за корпус, закурил и... заплакал. Так было приятно и трогательно от этих человеческих слов и наставлений. Ведь с нами никто и никогда так доверительно и не разговаривал. Представь себе, ну скажем, теленка или коровку, которых, изо дня в день, нещадно бьют, унижают... И вот идет прохожий. Увидел это несчастное животное, достал из сумки хлеб и начинает его кормить с руки. Животное, видя такое впервые, вначале боязливо сторонится, а потом, с аппетитом чавкая, благодарно ест этот хлебушек. И в ее огромных коричневых глазах стоят слезы. Слезы радости и счастья. Теперь она знает, что есть другая и светлая жизнь. И она ее, наконец, увидела. Коровка радостно кивает головой, и каждый раз порывается облизать своего благодетеля большим, шершавым языком, – Александр нервно достал сигареты и закурил. Было заметно, как дрожат его руки, - Вот так и человек устает со временем тянуться к людям, которые не делают ни шага ему на встречу. И вдруг у него...

Сзади послышались всхлипывания. Людмила стояла и плакала.

- Ты что, малыш? Если я еще увижу слезы, немедленно разойдемся по каютам. И больше я тебе ничего не расскажу

- Извини меня, - она высморкалась, - Я больше не буду. Рассказывай, пожалуйста.

- А через месяц Иван Михайлович уехал в Западную Сибирь, поднимать организацию в каком-то таком же детском доме, как наш. Больше я с ним никогда не виделся. А жаль! Хороший был человек. Сильный! Волевой! Настоящий мужик! Я много взял от него. И до сих пор свои действия сверяю с ним, - как бы он поступил в той или иной ситуации, - Александр передернул плечами, - У меня, Людочка, есть очень дельное предложение. Давай спустимся в бар. Не знаю как ты, а я просто дрожу от холода. Что скажешь по этому поводу?

- Очень мудро и, главное, своевременно. Я тоже замерзла.

- Тогда вперед! – он посмотрел на ее ноги, - Ты уже в кроссовках? Молодей! Значит, бегом!

4

Александр подошел к стойке, - Два по пятьдесят, нет, давайте по сто грамм «Хенесси», очень горячий кофе и плитку черного московского шоколада.

- Присаживайтесь. Сейчас вам всё принесут.

Через минуту перед ними дымился кофе и стоял коньяк.

- Люда, влей в кофе немного коньячку, и быстренько выпей. Согрешься моментально. Так в старину алеуты, видя коченеющего на снегу человека, спасали его от замерзания и ознобления. Для этого они срывали с дерева несколько зерен кофе, запихивали их в рот пострадавшему и туда же вливали коньяк. Через минуту больной был живее всех живых. Потом этот метод усовершенствовали китайцы, а через много веков, он пришел в Европу.

- Не поняла. Алеуты? Кофе? Коньяк? Разве...

Александр неистово захохотал, - Не обращай внимание. Простая проверка знаний географии и этнографии.

Людмила тоже засмеялась.

- Если честно, я поначалу подумала, что у меня что-то со слухом, потом, - что ты перестал дружить с головой, затем появились сомнения на счет проживания алеутов... Не их, конечно, а кого-то похожих на них... Короче, проверка удалась на славу, - и она снова залиvisto рассмеялась, - А знаешь, я и правда согрелась. Тепло пошло сверху вниз. Теперь даже ноги горячие. Спасибо, доктор, что не оставили несчастную замерзнуть на лютном холоде. Я теперь готова слушать твою историю жизни дальше.

- Как и предрекал Иван Михайлович, в академию я поступил. Вот только не хотели брать на морской факультет. Видите ли, моряки бывают за границей и сироты, не имея родственников в родной стране, могут эмигрировать. Неопишущая глупость. Я по этому случаю даже ходил к начальнику приемной комиссии. И он разрешил. Как я уже говорил, науки давались мне легко. Буквально с первого курса бредил хирургией. Я до мельчайших подробностей изучил анатомию. Сам, без посторонней помощи, выучил

оперативную хирургию. В конце второго курса мне разрешили стоять за операционным столом третьим и даже вторым ассистентом. А на третьем курсе я уже самостоятельно делал операции в поликлинике. В субботу и воскресенье дежурил в хирургических бригадах. К концу шестого курса делал самостоятельно, практически все полостные операции.

Академию, как я уже сказал, закончил с золотой медалью.

Через год, служа в Кронштадтском Военно-морском госпитале, защитил кандидатскую диссертацию. Спустя два года закончил клиническую ординатуру на кафедре Военно-полевой хирургии. Потом Ангола... И вот я здесь.

- Ты альтруист, карьерист?.. Никогда бы не подумала. Ничего лишнего. А семья, дети... Дом, наконец. Где всё это? Если это трудоголизм, то, скажи, пожалуйста, - данное явление надо приветствовать или лечить? Извини, если для тебя такое слушать обидно. – Людмила впервые посмотрела на Александра с явно выраженным пренебрежением.

- Карьерист? Вряд ли... Да и на альтруиста я тоже мало похож. Понимаешь, люди собирают марки, монеты, пустые бутылки... Да мало ли что? И никто их за это не осуждает. Никто не преследует. Почему ты считаешь, мое увлечение работой ненормальностью. Почему карьеризм, почему альтруизм?.. Я, к твоему сведению, отказался от карьера старшего ординатора в академии и еду работать, подчеркиваю, работать в подмосковный госпиталь. А с моей патологической работоспособностью или как ты ее назвала, трудоголизмом, стать в дальнейшем начальником кафедры, - нечего делать. Но это мне не интересно! Спросишь: «Почему?». А потому, что для меня дороже добродушная улыбка больного, которого я спас от неминуемой смерти, а не лживый оскал сотрудника, ждущего моей оплошности, чтобы сесть в генеральское кресло. Да, может быть, я себя порой и не жалею... Но видеть счастье и радость, сотворенные собственными руками, мне куда более приятнее, чем давать мудрые и нравоучительные советы. Так что... А на счет дома, семьи, я с тобой полностью согласен. Это не только надо, но и необходимо. И еще хочу сказать, что главное в этой жизни – сохранить свое лицо, пытаюсь сделать карьеру. Ну и самое главное для человека – это, естественно, жизнь... А в жизни – любовь... А в любви – преданность!

- Саша, извини, пожалуйста, но у тебя столько всего неординарного... Мне сложно судить... Я... Короче, я совсем запуталась.

- Давай я все-таки продолжу... Или мы это сделаем завтра, точнее уже сегодня. Время, между прочим, без семи минут два. Надо отдохнуть. Я тоже хочу пройтись по Нижнему Новгороду. Ты возьмешь меня с собой?

- Конечно, - устало улыбнулась Людмила, - Ты только не проспи. Лично я завожу будильник на шесть часов. Гимнастика, а потом всё остальное.

- Не вопрос. В шесть двадцать жду тебя на шлюпочной палубе.

Они медленно подошли к трапу.

- Как говорить: «Девочкам налево, мальчикам направо». Спокойной ночи, - он поцеловал ей руку, - До скорой встречи.

- А откуда ты знаешь, где я живу? – удивилась Людмила.

- Буквально вечером я был уличен в отсутствии логического мышления. Пришлось сделать оргвыводы. И вот, - первые результаты моего исправления. Более того, я даже скажу, что ты живешь в 301 каюте. И не надо делать удивленные глаза. Спокойной ночи, а то всю экскурсию проспишь у меня на плече.

- Спокойной ночи, Саша. Спасибо тебе. - Людмила приподнялась на цыпочки, поцеловала его в щеку и быстро побежала по трапу.

5

День выдался солнечным. Но жара не чувствовалась. С севера дул прохладный ветерок.

- Дорогие отдыхающие! Через час наш теплоход причалит к одному из древнейших городов России, Нижнему Новгороду, основанному еще в 1221 году великим князем Юрием Всеволодовичем на слиянии рек Волги и Оки. По прибытию в порт, вас будут ждать экскурсионные автобусы. Убедительная просьба от экскурсовода не отставать. Отправление теплохода через четыре часа. В случае если случайно потеряетесь, в памятках имеются контактные телефоны, куда вы можете позвонить, и вас доставят на наш корабль. Не забывайте закрывать свои каюты и не оставляйте в них документы, деньги и

драгоценности. При спуске по трапу соблюдайте осторожность. Приятного отдыха!

6

Людмила с фотоаппаратом и видеокамерой на шее, тяжелой авоськой в правой руке, блуждающим взором ненормальной и очень деловым видом походила на «умную Машу». Она стояла у трапа в ожидании Александра. Когда тот увидел эту картину, приступ смеха чуть не задушил его.

- Далеко собрались, красавица? – фыркнул он.

- Ой! А я ищу тебя и не вижу. Чего такой веселый вид?

- Тебя увидел, сердце и растаяло... - засмеялся он.

- Да? – с хитринкой прищурила она глаза, - А мне кажется, тебя развеселил мой вид. На «умную Машу» смахиваю?

Александр от смеха присел на корточки.

- Да? Угадала? – прыснула она тоже.

- Ты решила все вещи с собой прихватить? Сказали же взять с собой только ценное. Давай пакет. Ого! А чего это он такой тяжелый?

- Я, помимо экскурсий, еще и подарки развожу родственникам и знакомым. Ты бы видел, сколько всего загружено на борт. Машина с прицепом! На меня косо смотрели, когда я заходила и всё это заносилось. Не турист, а торгаш... Аж стыдно! Сегодня папина двоюродная сестра. Я ее ни разу в глаза не видела, собственно говоря, как и многих других. Каждый подарок подписан, - кому и от кого... Всё строго... Контора пишет!

- Люда, можно тебе задать один очень волнующий меня вопрос?

- Конечно. Слушаю тебя, - Людмила сразу сделалась серьезной.

- Ты когда-нибудь в своей жизни видела «умную Машу»? - и Александр вновь зашелся заразительным смехом.

- Смешно? Да? А я в каждом порту в зеркале ее вижу... С узлами, коробками и оптикой на груди.

Передав коробку сыну тети, Людмила и Александр стояли у распахнутой двери автобуса. Саша курил.

- Вот «умная Маша» знает о Нижнем Новгороде буквально всё, а умненький Саша знает что-нибудь?

- Обижаете...

- Я готова выслушать.

- Пожалуйста. Нижний Новгород – один из древнейших городов России. Он основан в 1221 году великим князем Юрием Всеволодовичем на слиянии рек Волги и Оки.

- Всё, что сказали по трансляции? Не густо!.. Сейчас это знает даже вон тот ребенок.

- А спорим, что ребенок не знает? Мальчик, подойди, пожалуйста, сюда.

- Не ходи, мальчик. Дядя шутит.

- Товарищи! Заходим в автобус, рассаживаемся... - слышался голос экскурсовода.

- Саша, - затараторила Люда, - вот тебе фотоаппарат, снимай всё, что видишь. Давай я покажу, как он работает.

- Я знаю. У меня был такой же. Он уже устарел. Я подарю тебе новый.

- Новый не надо. Этот тоже очень хороший, - прошептала она, - А теперь, тихо. Будем слушать экскурсовода

Людмила сидела, как отрешенная, внимая всё, что говорила экскурсовод и даже что-то записывала в свою маленькую записную книжку.

- Мы проезжаем по Набережной. Посмотрите, как величава наша Волга? Наш город богат не только историческими традициями, о которых я расскажу вам позже. В Нижнем Новгороде родились такие известнейшие писатели, как Алексей Максимович Горький, Павел Иванович Мельников-Печерский, Владимир Галактионович Короленко, Николай Александрович Добролюбов. Посмотрите по сторонам. Вы наблюдаете постройку старого купеческого города. В Нижнем Новгороде жил и работал великий изобретатель Иван

Кулибин. Наш край посещали Александр Дюма, Теодор Драйзер, Чехов, Шаляпин... – экскурсовод всё говорила и говорила, предлагая повернуться то на право, то на лево. В наш город был сослан отец водородной бомбы Андрей Дмитриевич Сахаров...

Александр попытался фотографировать через окно, но вскоре отказался от этой неблагодарной затее.

- Мы подъезжаем к историческому центру Нижнего Новгорода, его сердцу, Нижегородскому Кремлю. - Вещи можете оставить в автобусе. И прошу всех держаться плотнее возле меня, не разбредаться. Если вдруг кто-то потеряется, такси быстро доставит вас в Речной порт. Продолжаем нашу экскурсию. Кремль каменным поясом охватывает вершину гористого мыса и уступами лежит на его волжских склонах. Началом строительства Кремля послужило возведение в 1374 году Дмитровской башни князем Дмитрием Константиновичем.

Далее экскурсовод рассказала о достопримечательностях Кремля, народном ополчении и его руководителях, Минине и Пожарском, освободивших Москву от польских интервентов, посетили Михайло-Архангельский собор...

Людмила, не отрываясь, жужжала камерой, постоянно переводя объектив с экскурсовода, на то место, куда та показывала. Она была так поглощена всем происходящим, что, казалось, больше ничего не видела и никого не слышала. Александр послушно фотографировал всё. Наконец, он увидел киоск.

- Все, что есть о Нижнем Новгороде и его области.

- И на иностранном языке? – удивленно спросила продавщица.

- На иностранном языке, пожалуй, не надо.

- Молодой человек, вы представляете, сколько всё это будет стоить?

- Представляю. Вы, если можно, побыстрее, пожалуйста, а то отстану от группы и придется вам меня на постой брать.

- С парохода что ли?

- С него.

- Ты, сынок иди, слушай, а я за это время всё подготовлю, в бумагу заверну и бечевкой перевяжу. Все равно через меня возвращаться будите. Сувениры тоже упаковывать?

- Как же без них. Спасибо вам, - Александр улыбнулся, - Как вас зовут?

- Александра Семеновна.

- Александра Семеновна, вот вам деньги, - он протянул ей сто долларов, - Сделайте все так, чтобы было красиво.

- Ты куда ж мне такие деньжищи суешь?

- Ничего страшного. Хочу так отблагодарить вас. Имею право?

- Имеешь, конечно, но...

- Но, - это потом. У меня к вам просьба большая.

- Слушаю тебя.

- Когда наша группа подойдет сюда, вы заметите, естественно, то выйдите из своего ларечка и скажите: «Саша, передай этот пакет Люде». Договорились? Она будет рядом со мной в нарядном цветастом платье.

- Невеста, что ли?

- Почти, - застенчиво произнес Саша.

- Не переживай, всё сделаю, как сказал.

- Спасибо, - и он поспешил за удаляющейся группой, догнав ее, когда та выходила из Михайло-Архангельского собора.

Люда также добросовестно продолжала снимать. Отсутствие Александра она даже не заметила.

- А сейчас мы с вами через круглую Кладовую башню поднимемся на кремлевскую стену, где через узкие бойницы полюбуемся Стрелкой.

- Саша... - оглянулась Людмила, - Ты не потерялся?

Она находилась в первых рядах.

Он махнул рукой, - Как можно? За подобную выходку вызываю вас на дуэль. Право выбора оружия оставляю за собой.

Вокруг раздался смех.

- Молодой человек, - подала голос крашенная блондинка, - вам секундант не требуется? Я бы...

Нет! Не требуется! – оборвал ненужный разговор Александр.

- Фи! Какой мужлан!

- Люда, поднимешься наверх, подожди меня. Хорошо?

- Как тебе? – прошептала она, оглядывая город через бойницы.

- Во! - поднял он большой палец.

- И мне все понравилось, - она тихонечко прижалась к его плечу.

У памятника 1000 Руси экскурсовод рассказала о исторических вехах тысячелетней державы, изображенной по периметру памятника.

- А теперь пройдемте на выход, к автобусу. Дальше я посмотрим наш замечательный город. Кто хочет оставить себе память о Кремле и Нижнем Новгороде, на выходе есть киоск, где вы найдете много интересного и дополнительного, чего я, ограниченная временем, не смогла вам рассказать.

- Саша, побежали быстрее, а то всё разберут и нам ничего не достанется.

Они подбежали к ларьку, у которого уже образовалась очередь. Дверь ларька открылась. Из него вышла продавщица.

- Вы, Александр? – спросила она.

- Да. А в чем дело?

- Передайте этот пакет Людмиле, - махнула она головой в сторону Люды.

- Мне? – удивленно спросила Людмила.

- Вам, вам...

- От кого?

- Понятия не имею. Извините. Некогда мне с вами разговаривать. Меня покупатели ждут, - и она закрыла дверь.

- Как интересно... Кто это может быть?... И что там?... – она явно забыла про сувениры.

Наконец все снова сели в автобус и началась ознакомительная экскурсия по городу.

Внимание Людмилы было явно рассеяно. Она периодически нагибалась, щупала упаковку и удивленно кривила губы. Александр относился ко всему этому равнодушно, внимательно слушая о достопримечательностях Нижнего Новгорода.

Они посетили площадь Минина и Пожарского, Нижегородскую ярмарку, побывали у памятника легендарному летчику Чкалову. Постояли на Чкаловской лестнице, насчитывающей 560 ступенек. Посмотрели с нее на величавость Волги и лес, растущий на противоположном берегу.

- Скажите, а сколько ступенек на Потемкинской лестнице в Одессе? – спросила Людмила?

- 192, - наклонился к ней Александр.

- Совершенно верно. Молодой человек прав. Ровно 192 ступеньки.

- Спасибо, - на ее щеках выступил гордый за своего кавалера румянец.

Потом им разрешили полчаса погулять по улице Большая Покровская, где жила и до сих пор живет знать города.

- Люда, до отхода нашего лайнера остается полтора часа, - произнес Александр, помогая войти ей в автобус, - Мне надо сделать одно очень важное дело. Я, максимум, через сорок минут буду на борту. Ты езжай и за меня не волнуйся. Договорились?

- А можно и мне с тобой? Я мешать не буду.

- Можно конечно, а этот увесистый пакет и твои туфли на высоком каблуке не позволят нам с тобой бегать.

- А надо будет бегать?

- И очень быстро, чтобы не опоздать.

- Тогда я стану волноваться.

- И это будет очень гуманно с твоей стороны. Всё, моя хорошая. Надо спешить. Время начинает работать против нас. Я убежал.

- Подожди секунду, – она наклонилась и поцеловала его, Береги себя. И быстрее возвращайся. Я очень буду тебя ждать!

- Я мигом! - прокричал он удаляясь.

8

Александр быстро вошел в магазин «Фототовары», бегло посмотрел по полкам.

- У вас есть фотоаппарат Canon EOS 1DS?. – спросил он у продавца.

- Нет! А вас интересуют аппараты для профессиональной съемки? Могу предложить новую модель цифрового Canon EOS 1D. Он лучше и проще в обращении. Правда, стоит немного дороже.

- И сколько?

- Вам в рублях или долларах?

- Долларах.

- 3800.

- Гарантия есть, что не подделка?

- Обижаете. У нас фирменный магазин и поставки только от производителя.

- Тогда покажите.

- Вы его будите брать?

- Уважаемый, вы только что представились солидной фирмой и начинаете базарные выходки.

- Извините. Сейчас принесу.

- Если можно, я посмотрю всё сам.

- А вы...

- Когда у нас уже научатся европейскому этикету? А всё это отрывка трехсотлетнего закабаления монголо-татарами.

- Прошу прощения.

- Пока я смотрю, вызовите, пожалуйста, сюда такси.

Александр быстро достал фотоаппарат, привычно проверил его функции, сделал несколько снимков. Оставшись довольным, отдал продавцу.

- Оформляйте. И поторопитесь. У меня очень мало времени.

Отсчитав деньги, он вышел на улицу. У дверей магазина его ждала машина.

- На речной вокзал. И побыстрее. Только по дороге надо купить арбуз.

9

Подъезжая к теплоходу, он издали увидел у трапа Людмилу. Она нервно ходила по причалу.

- Девушка, вы не меня ждете?

- Слава тебе Господи! – произнесла она облегченно, - До отправки остается сорок минут. Если бы ты не приехал, я бы отсюда никуда не ушла. Так и ждала бы тебя до глубокой старости.

- Правда?

- Правда!..

- Молодые люди, вы долго внизу миловаться будете? Теплоход скоро отчаливает, - слышалось сверху.

Люда и Саша быстро поднялись по трапу.

- Все вопросы решил?

- Да. Это тебе, - он протянул красивую коробку.

- Что это?

- Новый фотоаппарат вместо твоей мыльницы.

- И не правда. У меня очень хороший фотоаппарат. Между прочим 1115 долларов стоит. Его папе подарили после выполнения какого-то очень серьезного задания. А ты его хаешь.

- Хорошо. Не спорю. Тогда это - сказочно хороший фотоаппарат. И ты с ним будешь похожа не на умную Машу, а на мудрую Марию Ивановну, - Александр весело засмеялся.

- Далась тебе эта Маша. Скажи мне, пожалуйста, к чему эти все затраты? Деньги некуда девать? И сколько же стоит этот сказочно хороший фотоаппарат?

- 1116 долларов, - не моргнув, соврал Александр.

- Если вас не затруднит, покажите мне кассовый чек.

- Извини. В магазине не было света, поэтому чек не дали. Я им поверил на слово. Да положи ты свой пакет на палубу. Посмотри, что я еще купил. Только помоги мне его достать.

- Ого, какой большущий арбуз! И сколько в нем?!

- Почти двадцать килограмм!

Ничего себе! Дай я его понянчу.

Во время передачи, арбуз выскользывает из рук, и летит на палубу. Чтобы поймать его, Александр со всего маха падает на колени и в каком-то невероятном прыжке ловит это чудо природы, катясь вместе с ним по раскаленной палубе.

- Bravo! – рассмеялась Людмила, - Если бы наша футбольная сборная имела таких вратарей, то чемпионами мира мы были бы всегда.

Саша сел. Положил арбуз между ног. Лицо выражало страдание. Он задрал порванную штанину. Его правое колено сильно распухло, приобрело синюшный оттенок. Он ощупал чашечку, попробовал согнуть и разогнуть ногу.

- Слава Богу, чашечка цела. А все остальное заживет. Сейчас сходим в медицинский пункт, всё сделаем и через 3-4 дня я буду козленком скакать вокруг тебя, - грустно улыбнулся он.

- Вот дура! – запричитала Людмила, - Это я во всем виновата, - и она зарыдала. Слезы катились по ее пунцовым щекам, капая на раскаленный металл, тут же испаряясь.

- Люда, ты хочешь помочь моему горю только слезами?

- Нет, - замотала она головой.

- И это уже правильно! Вон видишь матроса? Держи, - он протянул пятьсот рублей, - Дашь их ему. Скажешь, чтоб помог отнести тебе вещи в каюту, а потом придет за мной и доведет до санчасти.

10

Дверь медицинского блока долго не открывали. Наконец вышел доктор в халате на голое тело.

- Что у вас? - спросил он недовольно.

- Понимаете, он поскользнулся и упал на колено.

- Вот расписание, - доктор, лет тридцати молодой человек, нервно хлопнул ладонью по двери, - где черным по белому написано, что амбулаторный прием начнется ровно через полтора часа. И примите совет на будущее: «Надо меньше пить!». Приходите в приемные часы. Непременно приму.

- Вот что, Эскулап!.. Место теплое нашел? Совесть потерял? В рай раньше времени попал? Я немедленно звоню помощнику командира. И дальше твоя карьера остановится на статистике в каком-нибудь оргметодотделе. Уж там, в фирменном халатике на обнаженном теле не походишь. Открой дверь, пока я ее не выломал.

- Вы ответите за свои действия, гражданин. Я вам это обещаю...

- Ну, где ты, Вальдемар? Ушел и пропал... Я, наверное, скучаю, - из соседнего помещения вышла не совсем трезвая, замотанная в простынь, блондинка, - А это еще кто? Они мне не нравятся. Выгони их!

- Пошла вон отсюда, стерва! – заорал корабельный доктор.

- Хорошо. Я сейчас оденусь и уйду. Но ты об этом еще пожалеешь.

- Присаживайтесь, - доктор указал Александру на кушетку, - Я на минуту.

Вскоре у него под халатом были одеты джинсы.

- Что случилось?

- Упал на колено. Начала развиваться внутрисуставная гематома. Надо откачать кровь.

- Вы медицинский работник?

- Да. Но это сейчас не так важно.

- Понимаете, с травмами и острой патологией, мы отправляем на берег. Корабль только отошел. Я сейчас позвоню на мостик, спустят катер и доставят вас на берег. А уж там «Скорая помощь» отвезет вас в больницу.

- Так мне, точно, выходить или подождать?.. – в амбулатории вновь появилась блондинка. Она была уже в бриджах и майке.

- Выйдите. И как можно быстрее!

Та злобно вильнула задом и сильно хлопнула дверью.

- У вас какая здесь специальность? – спросил Александр.

- Терапевт.

- Ничего. Справимся. Я буду командовать, а вы делать. Надеюсь, шприцы и стерильные перчатки у вас есть? Корабль пусть идет своим курсом. Никого вызывать, а тем более везти, не нужно. Доктор вам поможет, - показал Саша на стоящую в стороне Людмилу, - Вас как зовут?

- Владимир. Владимир Сергеевич.

- Ну, Владимир Сергеевич, для начала хорошо помой руки. Потом принеси лоток, спирт, йод, лидокаин и ампулу гидрокортизона.

- А можно я медицинскую сестру вызову.

- Хорошо живешь! Сестра... И, наверное, санитарка есть?

- Да. Тоже есть.

- Хорошо живешь! Зови свою сестру.

- Мария Алексеевна, - раздался приглушенный голос из соседней комнаты, - поднимитесь в медблок.

Не успела телефонная трубка занять свое законное место, как открылась дверь и вошла женщина лет пятидесяти.

- Что случилось, Владимир Сергеевич?

- Внутрисуставная гематома.

- На берег будем отправлять?

- Не хочет.

- Мало ли что он не хочет.

- Мария Алексеевна, - Александр умоляюще посмотрел на медицинскую сестру, - я сам военный хирург, знаю, что надо делать. Потом уезжать мне никак нельзя.

- Хирург говоришь? Давай посмотрим, что у тебя там. Ого! Где это тебя угораздило?

- Поскользнулся на палубе. Чашечка цела. Сто процентов. Если бы были сомнения, я бы даже и не противился.

- Я сама шестнадцать лет в Московском окружном военном госпитале проработала операционной сестрой в травматологическом отделении. Так что, с такой травмой очень даже знакома. Иди, ложись на стол. Брюки не забудь снять. Девушка, - обратилась она к Людмиле, - а вы что здесь делаете? Идите, подышите свежим воздухом. Минут через сорок мы его вам отдадим.

- Она тоже врач, Мария Алексеевна.

- Какой? - поинтересовалась та.

- Невропатолог, - гордо произнесла Людмила.

- Не обижайся, миленькая, но всё равно придется выйти. Здесь молоточком махать не потребуется. Не хватает еще, потом вас откачивать.

- Люда, правда, иди, погуляй. Видишь, какие здесь ребята опытные. Потом ты мне перевязки делать будешь. Хорошо? – Саша подмигнул ей.

Через час улыбающийся Александр с перемотанным коленом, волоча ногу, вышел из амбулатории. Люда сидела на корточках, прислонясь к переборке.

- Ну как ты? - бросилась она к нему, - Я тут вся, как на иголках... Дёрнул меня черт, попросить у тебя этот арбуз... Век себе этого не прощу. И экскурсии накрылись...

- Почему накрылись? Ты будешь ездить и мне, потом, вечерами рассказывать. А через три дня я к тебе присоединюсь. Ты послушай другое, я просто восхищен Марией Алексеевной, медицинской сестрой. Мне бы такую! Сделала все сама. Не руки, - золото! А дамский угодник пребывал в роли статиста. Дай-подай!

- Давай я тебя под руку возьму.

- Ради этого я готов и второе колено повредить. Я – раненый матрос, а ты – Даша Севастопольская, тащишь меня по бастиону на сортировочную площадку, защищая от градом пуль. Потом, выбившись из сил, бросаешь мое тело на землю. Я издаю стон. Ты встаешь на колени и гладишь меня по щеке. Подходит Пирогов Николай Иванович: «Кого ты мне еще приперла, Даша?». «Это герой, Николай Иванович». «Что же геройского он совершил?» «Он спас арбуз!»...

- Не смешно!.. Вот только чем теперь я этого героя кормить буду? Обед давно прошел, а до ужина, - она взглянула на часы, - еще ой как долго!

- Вопрос выведенного яйца не стоит. Мы сейчас спустимся в каюту и всё закажем. Предлагаю на ваше, сударыня, утверждение самое простое и доступное меню: жареная молодая картошка с укропом, цыплята табака. По два на брата. Огурчики, можно малосольные. Естественно, помидорчики. И виновник нашего торжества, арбуз тоже пойдет в дело! Учитывая наше сегодняшнее стрессовое состояние, грамм по 100-150 коньячку явно не повредит. А еще у меня есть кофе, который ты никогда не пила. Между прочим, он самый дорогой в мире и произрастает на трех островах: Яве, Суматре и Сулавеси. А называется: «Корі Luwak». Один килограмм его стоит свыше тысячи долларов.

- Это когда зернышки проходят через пальмового зверька циветта?

- Совершенно верно. Хотел удивить, а удивимся сам. Куда ты меня ведешь? Моя каюта совсем в другой стороне.

- Послушайте, больной! За вами нужен постоянный уход. Поэтому лазарет перенесен в мою каюту. Возражения не принимаются! Еще вопросы к докладчику будут?

- Вопросов нет! Слушаюсь и повинуюсь! Но мне надо привести себя в божеский вид. Брюки порваны, грязный...

- Все поправимо. Ты дашь мне ключ, скажешь где что взять... А привести себя в порядок можно и у меня.

- Деловое предложение. И главное, осмысленное.

- Вот и славно! Стороны пришли к общему консенсусу, как говорил глупый Горбачев, считая себя очень умным.

Они вошли в каюту Люды. Около двери аккуратно лежали свертки и пакеты, ждущие своих хозяев. Везде было чисто и опрятно. Злополучный арбуз покоился на холодильнике, а пакет с книгами лежал на палубе у изголовья кровати.

Пока Людмила ходила за шортами, майкой, тапочками и всем остальным, выбрасывала порванные брюки, Александр освоился, и даже успел заказать в ресторане ужин. Когда она вернулась, всё уже дымилось на столе.

- Это сон? Или снова я что-то грандиозное пропустила? Ты ходил в ресторан?

- Я летал туда, - Саша довольно заулыбался.

- А крылья?...

- «А вместо крыльев пламенный мотор!..».

- Вот всё, что ты просил. Иди в ванну, мойся, переодевайся, а я посмотрю, наконец, что в этом пакете. Только ногу не мочи.

- Спасибо, доктор. Что бы я без вас делал?

- По всей видимости, стоял на палубе и курил.

- Скорее всего, так и было бы.

Когда он возвратился, Люда, в коротеньком халатике, поджав под себя ноги, с интересом рассматривала альбомы и книги, купленные Александром.

- Если я резидент, то ты волшебник! Давай из этого дорожущего фотоаппарата я первым сниму тебя, а потом буду корить, как расточителя денежных средств.

- Если тебе ничего не понравилось, придется всё выбросить за борт.

- За борт, конечно, не надо, но и таких подарков тоже больше делать не надо. Пожалуйста, Сашенька, прошу тебя. От книг, я просто в восхищении! Ну а фотоаппарат, – у меня нет слов!

- Раз слов нет, значит угодил. На этом и порешили. А книги мне тоже жутко хочется посмотреть. Но это потом. Сейчас...

- Саша, я не могу понять, откуда продавщица могла меня знать? Главное: «Передай Люде...». И тебя назвала по имени. Как-то всё это странно, запутанно... Мистика какая-то!

- Я сам ничего не понимаю. Давай начнем гадать, а еда пусть стынет.

- Ой, про еду я совсем забыла. Извини. Ты у меня голоден! Значит, правду говорят, что все бабы дуры. Ты разливай, а я на мгновение в душ.

11

- Ну! – она искрилась капельками, стекающей с ее волос воды и была обворожительно хороша. У Александра от увиденного пересохло в горле. – На правах хозяйки хочу сказать... - она на мгновенье задумалась, - Нет, собьюсь... За тебя, Саша! Будь всегда здоров! – она чокнулась и одним махом выпила содержимое рюмки.

- Очень лихо! По-гусарски! Закусывай быстренько, а то опьянеешь.

Ели они долго, молча и с аппетитом. Видно голод и, правда, не был теткой.

- Однако вкусно, - Александр откинулся, потянулся за сигаретами, - Людочка, я с твоего позволения закурю.

- Саша, а ты был женат? – неожиданно спросила Людмила.

- Нет.

- Почему?

- Не поверишь, - засмеялся он, - некогда было. Учеба, практика, работа над диссертацией...

- Ну, а хотя бы девушка у тебя была?

- Не без этого. Я, в конце концов, не монах. Но всё это кратковременно, без клятв в вечной любви. А вот вчера было ровно год, как не стало моей любимой женщины. Я познакомился с ней в алжирском госпитале. Она тоже работала хирургом. Капитан. Звали ее Жаклин Реймер. Француженка. Она на два года была старше меня. Мы с ней очень быстро сошлись характерами. И общая работа, и общие интересы... Ты знаешь, мы понимали друг друга с полуслова. Вместе трудились, вместе отдыхали... И вообще всегда были вместе, - Саша снова закурил, разлил по рюмкам коньяк, - Давай помянем ее.

- Они выпили. Александр взял в рот ломтик лимона, долго жевал его, - И вот как-то привезли раненых. Много раненых. И у каждого своё. Мы взяли двух офицеров. У одного пробито легкое. Пуля прошла навылет. А у второго - осколочное ранение левой голени. Фрагмент конечности просто держался на одной коже. Я стал оперировать раненого в грудную клетку, а она пошла на ампутацию. Уж как так вышло? Скорее всего от профессиональной расхлябанности. Такое, к несчастью, бывает. И довольно часто. Из-за нее она и пострадала. Короче, пиля кость, ее рука соскальзывает и натывается на заостренный осколок. Здесь бы надо остановиться, промыть рану, хорошо ее обработать... Она же лишь прижгла йодом и завершила операцию. Как выяснилось позже, раненый два года назад перенес гемолитическую желтуху и вдобавок болел СПИДом. Когда Жаклин узнала об этом, она заперлась у себя в комнате, никого не пускала, два дня пила, а потом... застрелилась.

Александр вытер глаза, поднес графин ко рту и выпил всё его содержимое.

- Извини Люда. Мне надо побыть одному. Пойду я.

- Конечно, Саша, иди. Я все прекрасно понимаю, - она тоже шмыгнула носом и приложила салфетку к глазам, - Я тебя провожу.

- Не надо.

Он поднялся, и сильно хромая, пошел к выходу.

- Саша, а можно я завтра тебя навещу?

- Ну конечно можно. Только не бери всё так близко к сердцу. Мне просто сейчас очень тяжело. Рана на сердце должна зажить. А эта рана очень и очень глубокая. Спокойной ночи.

- Спокойной ночи, Сашенька.

Когда дверь каюты закрылась, Людмила упала на койку и зарыдала.

Ночь спала плохо. Снились какие-то кошмары. И лишь под утро сон сморил ее.

12

Проснулась Людмила от объявления по трансляции о красоте столицы Татарии и о приглашении всех на экскурсию по Казани. Времени на сборы не было. Наскоро помылась, она во весь дух бросилась в каюту Саши. На дверях висела записка: «Я ушел в санчасть. Чувствую себя хорошо. Встретимся после экскурсии. И чтобы всё-всё запомнила. Я желаю подробно узнать про Казанское ханство и Казанский Кремль, о взятии Казани Иваном Грозным, и про осаду Емельяном Пугачевым, о мечети Кул Шариф... И, наконец, почему Казанский собор находится в Санкт-Петербурге, а не в Казани. Целую, Саша.».

Людмила улыбнулась, прижала губы к записке, оставив на ней след от помады, и стремительно полетела к себе. Схватив камеру, фотоаппарат, пакет для брата, Люда стремительно направилась к трапу. Она совсем забыла, что сегодня с Русланом они встречается на причале. И телефон как назло оказался разряженным.

Сойдя на берег, она очутилась в объятьях высокого, молодого человека с букетом белых роз.

- Русик, братишка - заверещала она, болтая в воздухе ногами и целуя того в щеку, - ты совсем обалдел. В тебе силы, как у племенного быка, отпусти немедленно, раздавишь.

- Людка, красота моя неопишная, поздравляю с наивысшим образованием! - захохотал Руслан, - Это тебе, - протянул он букет, снова целуя ее, - Поехали ко мне. Машина ждет.

- Русланчик, я хочу посмотреть город. Вон уже и в автобусы приглашают. Поехали со мной. По дороге и поговорим.

- Согласен, - он обнял сестру за плечи, и автобус поглотил их.

Александр в это время стоял на палубе и лицезрел происходящее. Внутри его всё сжалось, защемило в груди. Он проворно спустился в каюту, собрал вещи. Перекурив, вызвал горничную.

- Девушка, примите номер. Я выхожу. Найдите, кто поможет вынести мне вещи. И ещё, вызовите такси к трапу. Это вам за хорошую работу, - протянул он ей пять тысяч рублей.

- Вам что, у нас не понравилось? Может быть...

- Не волнуйтесь, всё было просто великолепно! Никаких претензий. Просто обстоятельства сложились таким образом, что мне надо срочно уехать.

- Как же так! Такие деньжищи потеряете...

- Не в деньгах счастье, девушка. Давайте не будем плакаться. Сделайте быстренько всё, что я попросил.

Через час Александр был в аэропорту.

13

Людмила вернулась с экскурсии к ужину. Быстро положив вещи и переодевшись, она поспешила к Александру. Дверь была открыта. В каюте жужжал пылесос.

- Здравствуйте. А где Саша?

- Кто?

- Саша. Он живет здесь.

- Нет, девушка. Здесь уже никто не живет.

- Как?... Но только вчера... Сегодня...

- Он выехал отсюда днем.

- Как выехал?.. Куда? Зачем? И ничего не сказал... Он не оставлял никакой записки? – Людмила была вся в нервном напряжении, - Да что случилось, в конце концов?!

- Кроме горы окурков, здесь больше ничего не было. А вы узнайте в рубке дежурного. Там сведения наверняка есть.

Люда резво понеслась на ют корабля, который в это время отходил от причала, поэтому на все ее просьбы никто не реагировал. Наконец теплоход лег на заданный курс.

- Что вы девушка хотите?

- Сегодня с корабля кто-то выезжал?

- Не знаю. Я недавно заступил на дежурство. Сейчас посмотрим вахтенный журнал. А что такое? Пропало что-нибудь?

- Нет. Всё на месте. Мне просто нужны его данные, фамилия и так далее.

- Извините, но таких сведений мы не даем.

- Почему?

- Не положено.

Людмила понуро побрела к себе в каюту.

- Что случилось? Почему не предупредил?.. – напряженно думала она.

И тут ее осенило, - Он видел ее встречу с Русланом. Точно видел... Эти розы, поцелуи... Дурачок! Какой дурачок!... Неужели нельзя было дождаться моего возвращения. Всё бы выяснилось само собой.

Мир вдруг стал уныл и неинтересен.

Вначале она хотела сойти в следующем порту. Но поразмыслив, приняла решение пройти это путешествие до конца. И потом, где она будет его искать? Ведь поехать он мог в любую сторону. А возвращаться домой?... Что скажет родителям?... Влюбилась, а он сошел...

Наревевшись как белуга, далеко за полночь, у нее родился гениальный план, который она в дальнейшем собиралась претворить в жизнь. И сразу успокоившись, она глубоко и безмятежно вздохнула, повернулась на бок и спокойно заснула.

Экскурсии проходили безрадостно, без желаемого задора и интереса, хотя впечатлений было более чем предостаточно. Вечерами она просматривала фотографии, книги обо всех городах, где была, вспоминала встречи с Сашей, о котором знала только имя. Какой же всё-таки надо быть глупой, чтоб не спросить фамилию и телефон...

15

Домой Людмила вернулась немного удрученной, но полной впечатлений от поездки и увиденного, с огромным ящиком книг и сувениров. За ужином она без умолку рассказывала обо всех городах, посещенных ею, интересных случаях, происшедших на теплоходе... И только о встрече с Сашей она не произнесла ни слова.

- Дочка, - спросила мать, - какая-то ты вся напряженная, неестественная... У тебя всё в порядке?

- Всё нормально, мама. Устала немного. День-два, - и буду как огурец.

- Что Руслан?!

- Выглядит очень хорошо. Домой к нему не поехала. Хотелось посмотреть Казань, Кремль... Экскурсия была просто фантастическая. Руся всем передал привет. Поблагодарил за подарок. Хотел мне всучить какой-то пакет, но я категорически отказалась. И так, как дура с этими баулами и коробками. В следующий раз никогда больше ничего не возьму. Одна морочка. В Волгограде из-за меня на полчаса задержали экскурсию. Видите ли, Семен Петрович проспал. Кто этот Семен Петрович, понятия не имею. Взял, и даже не поблагодарил. А об извинении за свое опоздание и говорить не приходится.

- Миша, - спросила отца мать, - это не тот Кузьменко?..

- Он самый.

- От него и не такое можно ожидать... Но... Величина!..

- Мне все равно кто он. Главное, что человеческого в нем я ничего не увидела.

- Люша, я заметил у тебя новый фотоаппарат, - отец разлил по рюмкам домашнюю наливку, - Что, мой сломался?

- Нет, пап, работает, - густая краска покрыла ее лицо.
- Купила?
- Подарили.
- А ты хоть знаешь, сколько он стоит?
- Думаю, что много.
- Да не много. А очень много.
- Я с тобой, папа, хотела поговорить по этому поводу... Но позже.
- А сейчас нельзя? Или этого мать не должна знать? Может тут криминалом пахнет или еще чем-то нехорошим? – спросил он грозно.
- Папа! Как только ты мог подумать такое?
- А что я мог подумать? Дочери дарят фотоаппарат почти за четыре тысячи долларов!..
- За сколько? – искренне удивилась Люда.
- За сколько слышала.

16

Людмила, перескакивая с одного места на другое, краснея и бледнея, рассказала родителям всё, начиная от первого дня, до последнего.

- Я же не знала, что он видел нашу встречу с Русланом... Розы, поцелуи, обнимания...
 - А ты не могла предупредить человека, что встречаешься с братом?
 - Если могла, предупредила бы. У меня напрочь всё отшибло, когда он рассказал обо всём, что случилось с этой женщиной. А потом Саша ушел, сказав, что надо побыть одному.
 - Да. История. Столько перенести и остаться человеком... - отец поднялся, взял в коридоре сигареты, закурил и снова разлил наливку по рюмкам.
- Выпили молча.
- И что ты намерена делать? – спросила мать.

- Я хочу его найти и всё объяснить.

- Ты вообще-то понимаешь, что говоришь? В Москве, даже не в Москве, а пригороде, найти человека?... Кроме имени ничего не знаешь... Смешно даже. Ни в милицию, ни в комендатуру...

- Папа, пожалуйста, тебе это сделать по своим каналам очень просто. Данных, хоть отбавляй. Есть имя, звание, род войск, профессия, кандидат медицинских наук... Из заграничной командировки прибыл и, буквально, около месяца назад назначен старшим ординатором в Подмосковный госпиталь. Папочка, милый, помоги. Я люблю его! И знаю, что ему я тоже равнодушна. Век за тебя буду Богу молиться, - она упала перед ним на колени и зарыдала.

- Встань немедленно. Ишь, что придумала...

- Не встану, - слезы градом катились из ее глаз.

- Миша, может, и правда можно что-то сделать? Попробуй, - тоже взмолилась жена.

Он крякнул, налил себе полный стакан и выпил. Долго жевал хлеб, посыпанный солью.

- Попробовать можно. Но обещать пока ничего не могу.

- Спасибо, папочка, - Людмила повисла на его шеи и принялась целовать, размазывая слезы по его щекам.

-Люша, если ты сейчас меня задушишь, то тогда я тебе точно ничем помочь не смогу.

Через четыре дня отец приехал со службы необычно рано и в приподнятом настроении. Долго переодевался. Жена и дочь стояли, скрестив на груди руки, высказывая своим видом явное нетерпение. Но он не спешил. Достав из холодильника бутылку «Нарзана», с жадностью выпил ее и сев в кресло, закурил.

- Миша, ты долго собираешься испытывать наше терпение? Может, хватит?... – жена подошла, забрала сигарету и раздавила ее в пепельнице.

- Девочки, есть две новости. Одна хорошая, другая еще лучше. С какой начать?

- Та, что лучше, - дрожащим голосом простонала Людмила.

- Мне дали отпуск. Через неделю, Света, - повернулся он к жене, - едем в Сочинский санаторий. Билеты заказаны. От тебя остается только собрать вещи.

- Папа, а вторая новость, какая? – не выдержала Людмила.

- Президент подписал указ о награждении меня орденом Нахимова, - он снова взял сигарету и закурил.

- И это всё? - Людмила собралась уходить к себе в комнату.

- Почему все? И вовсе не все.

- К нам придут сегодня гости?

- С чего ты взяла?

- Вид у тебя уж очень праздничный.

- А ты не рада за отца?

- Очень рада, - печально ответила дочь, - Я пойду к себе, музыку послушаю.

- Так тебе что, не нужны данные о твоём принце?

- Ты принес? – ее глаза засияли, - Какой же ты всё-таки... Давай быстрее!

- А твой капитан настоящий мужик! Два ордена имеет, - отец подошел к шкафу, открыл его, стал шарить по карманам рубашки.

- Папа, причем тут ордена? Ну, не томи уже, давай свою записку.

- Держи, - протянул он ей аккуратно свернутый лист бумаги.

Людмила обхватила отца руками за шею и крепко поцеловала, - Я тебя очень сильно люблю, - прошептала она ему на ухо.

- Сильнее, чем маму? – тоже шепотом спросил он.

- Да, - моргнула она глазами.

- Умница! Это по-нашему!

Мать стояла в стороне и, счастливо улыбаясь, смотрела на эту идиллию.

- Люша, - остановил он дочь уже в дверях, - на обратной стороне листа адрес, где он живет в общежитии. Неделю назад как туда въехал. Дай мужику хоть немного привести в порядок свое логово. На службу выходит через двадцать шесть дней.

- А вот и не дам! Утром рано и поеду! – она радостно обернулась вокруг себя и захлопнула дверь.

- Молодец! Судьбу надо крепко за яйца держать.

- Миша, вроде бы солидным человеком стал, а нет-нет, да и лезет из тебя флотское прошлое.

- Разве я не правильно сказал. Помню, как начинал я на эсминце «Благородный»...

- Ой, не вдавайся в воспоминания... Я тоже помню, как ты безвылазно сидел на этом корабле, а я с Русланом на руках кочевала с квартиры на квартиру. А потом Людмила родилась... Но сказал правильно. Крепко надо эту судьбу держать. До синевы в пальцах...

18

Проснувшееся утро гомонило щебетом оголтелых птиц. Людмила медленно приближалась к указанному ей старушкой дому. Поднявшись на четвертый этаж, она прошла по длинному коридору и остановилась перед дверью с номером 417. Дверь была открыта. Из комнаты лилась мелодичная арабская музыка. Люда постучала. Никто не ответил. Тогда она тихонечко вошла. На стремянке, лицом к окну, стоял Саша и покрывал потолок нежно-голубой эмульсионной краской. В углу лежали аккуратно сложенные обои, клей, краска и что-то еще. Стены были ободраны и тщательно выровнены.

- Извините, мне нужен Агеев Александр Викторович. Я из ЖЭКа. Прислали вам помочь.

- Я никого не вызывал. И помощи ни у кого не просил, - он повернул голову. На мгновение его лицо было растерянным.

- Люда? Ты? Откуда? И как... - он быстро спустился, вытер руки и, буквально, подлетел к ней, секунду постоял, вглядываясь в глаза, потом

обнял и крепко прижал к себе, - Прости. Какой же я ненормальный... Только через две недели вспомнил о том, что ты говорила про брата, который живет в Казани. Я прилетел в Москву, примчался на Речной вокзал, а теплоход уже пришел три часа назад. Сведения о пассажирах администрация не дает, ни под каким видом. Даже за большие деньги. Но я все равно бы тебя нашел! Потратил годы, но нашел.

- Я люблю тебя, Саша, - хрипло произнесла Люда и, положив голову на его плечо, заплакала. Да так громко, что в комнату стали заглядывать прохожие.

- У вас что-то случилось? - спрашивали они.

- Нет-нет, всё в порядке. Просто мы решили пожениться и таким образом расстаемся с холостой жизнью.

- Тогда счастья вам и любви! И деток... Здоровых и умных!

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

1

Корабль нехотя оторвался от причала, и, дав, прощальный гудок расставания, медленно и, как бы нехотя, вышел из базы на боевую службу. На берегу, в развивающихся от легкого бриза платьях, жены и дети, боевые подруги, и друзья трогательно, со слезами на глазах, махали руками. Все разлучались с любимыми, минимум, на сто восемьдесят дней. Сто восемьдесят! Как это много! Просто, ужасающе, много.

Отбушует ароматом весна. Солнышко покроет летним загаром, а ласковое и нежное море охладит жаркие тела отдыхающих. Осень разрешится плодами от бремени цветущей весны...

И когда вновь задуют северные ветра, корабль вернется в родную базу.

И уже любимые и близкие, скрюченные от ветра и дождя, с зонтиками и в плащах, будут встречать своих героев. И снова будут слезы. Но теперь эти слезы радости и счастья встречи.

2

Миша Головин познакомился с Мариной за месяц до ухода на боевую службу.

Вечером, сойдя с корабля, он медленно шел в сторону площади Нахимова. Чувствовалось, что пришла весна, и в плаще было уже жарковато. У Дома офицеров к нему подбежала симпатичная девушка.

- Молодой человек, вы не желаете сходить на концерт Людмилы Сенчиной? Мы хотели с подружкой пойти, - торопливо стрекотала она, - а у нее температура поднялась. И вот, билет пропадает, - она наивно улыбнулась, - Будет интересно, уверяю вас. Или вы домой спешите?

- Дом я пока не заимел... Поэтому с удовольствием принимаю ваше предложение. Сколько с меня за билетик?

Девушка назвала сумму.

Было немного дороговато, но... отступить поздно. Да и девушка была слишком хороша.

Концерт очень понравился. Массу удовольствий оба получили сполна.

Михаил проводил Марину до дома. Расстались они хорошими друзьями.

Дружба быстро переросла в любовь.

Молодости свойственно влюбляться. Для того она и создана эта молодость – весна человеческой жизни.

Морская жизнь своеобразна и очень специфична. Но как только появлялась малейшая возможность сойти на берег, Миша сразу связывался с ней и они незамедлительно встречались.

Стремительно приближалось их расставание. Корабль уходил на боевую службу. Встречи стали реже, но страсть их только возрастала.

И вот этот день настал.

Марина стояла в стороне от общей массы провожающих, в голубом платье и белом плаще, и махала, как и все, рукой. И тоже плакала. Сердце Миши разрывалось на части. Он безумно любил ее и уже не представлял свою дальнейшую жизнь без нее.

- Перед расставанием они поклялись, что по возвращению Миши с моря, сыграют свадьбу и совершат свадебное путешествие в славный город Ленинград. Михаил родился и учился в этом городе. Там жили и его родители. И вообще, этот город нельзя было не любить, и нельзя не восторгаться им. Здесь, что не имя, то легенда!..

Марина выросла в Севастополе. И немного ревностно относилась к хвалебным речам Михаила, горячо отстаивая бессмертную славу и беспримерный подвиг моряков, защищавших этот город. Но удавалось ей это не всегда успешно, чем немного ее огорчало.

3

Корабль прошел боновые заграждения и вышел в Черное море. Дали: «Отбой аварийной тревоги. От мест отойти!».

Миша пришел в каюту, сел за стол, достал приготовленный для этих целей блокнот, в красивом черном кожаном переплете, ручку и принялся писать: «Здравствуй, любовь моя! Точнее, до свидания. Каждый оборот гребного винта отдаляет нас друг от друга. Впереди целая вечность разлуки. Я, чтобы не сойти здесь с ума без тебя, буду вести отчет о том, что сделал, где был и что видел. А когда вернусь, ты прочтешь это и составишь представление о моих скитаниях и большой любви к тебе... Извини, объявили «Большой сбор». Надо идти. Ибо вся наша служба начинается с этих самых сборов. Без них мы погибнем. А чтобы было понятно, сгорим или утонем. 10 часов 58 минут. 15 мая 1980 года.

15.05 80. 11 часов 27 минут.

Впереди шторм! Правда, небольшой. Надо всё закрепить и проверить. Я здесь чувствую себя первоклассником. Ведь на этот корабль меня перевели два месяца назад. До этого я служил на ремонтирующемся корабле. А там всё тихо и спокойно. Как в люльке новорожденного. Бегу. Извини. Целую.

17.05.80. 17 часов 45 мин.

Скоро ужин. И так немного задержались. Корабль сильно качает. Неприятно начинать поход именно с этого. Командир приказал покормить экипаж и всем объявить отбой. Завтра очень рано вставать. Мы подойдем к турецким берегам. Я люблю тебя. Спокойной ночи, родной мой человечек!

18.05.89. 04.25.

Мариночка, доброе утро. Ты еще спишь, а мы подошли к Турции. Скоро начнем входить в Босфор. Если честно, то для меня это тоже впервые. Мои моряки, со мной разумеется, построены на юте. А чтобы тебе было понятно, в корме корабля. Поэтому увижу всё и, непременно, очень подробно тебе расскажу. Я об этом проливе прочитал много. Скоро и ты о нем узнаешь. Опять тревога. Бегу на ют! Целую.

18.05.80. 16.40

Мы прошли Босфор. И всего лишь за полтора часа. В шесть начали движение, а уже в половине восьмого вышли в Мраморное море. Если честно, думал, что идти будем гораздо дольше. По морю пробежали четыре часа. У выхода пообедали и втянулись в полив Дарданеллы. Их тоже прошли за четыре часа. И наконец, оставив по правому борту мыс Геллы, входим в Эгейском море! Ноги тяжеленные. При проходе узкостей, все время надо стоять на юте. Немного полежу. Надо чуточку отдохнуть. Иначе, не выдержишь! Целую! Люблю! Подробности позже. Своё повествование продолжу после вечернего доклада старшему помощнику и ужина.

18.47.

Очень скучаю по тебе! Хочу, чтобы этот поход быстрее закончился. И зачем ты согласилась поехать в эту экспедицию, да еще в глухую тайгу, где нет ни почты, ни телефона, ни телеграфа. Я понимаю, - так сильнее соскучимся... Но жить аскетами?..Общение между людьми должно быть! А между любящими - тем более.

Ну, хорошо. Буду терпеть и писать тебе свой дневник, отражая в нем хронологию своего похода. А теперь слушай рассказ про моё сегодняшнее житие.

Как только мы вошли в Босфор, к нам, под турецким флагом, быстро приблизился большущий белый катер. Это НАТОвский разведчик, напичканный радио-, видео-, фото- и другой аппаратурой. Во всех ракурсах нас прослушали и сфотографировали. Потом чуть-чуть проведив, катер развернулся и ушел в свою базу. А мы, самым малым ходом, продолжили свой славный боевой путь.

Пролив удивительно красив. Босфор – название греческое. Турки же его называют «Стамбульский пролив». Он разделяет Европу и Малую Азию, соединяя Чёрное море с Мраморным. А в паре с Дарданеллами - Чёрное море с Эгейским, которое является частью Средиземного моря. По обеим сторонам его расположен крупнейший турецкий город Стамбул.

Легенда гласит, что пролив получил своё название благодаря дочери аргивского царя. Чтобы избежать гнева жены, Геры, Зевс превратил свою прекраснейшую возлюбленную по имени Ио в белую корову. Несчастливая Ио избрала водный путь к спасению, нырнув в синеву пролива, который с тех пор и называется «коровьим бродом» или Босфором.

По обеим сторонам пролива стоят роскошнейшие дворцы и мечети, каждый имеет свое название, запомнить которые я просто не мог. Дар полиглота напрочь отсутствует. Матросы фотографировали. Обещали подарить фотографии. Очень жалею, что не взял свой фотоаппарат. Просто, из головы вылетело.

Длина пролива около 30 км. Максимальная ширина на севере около четырех километров, а минимальная - 700 метров.

Берега, а если быть точным – Европу с Азией, соединяет Босфорский мост, построенный в 1973 году. Планируют в скором будущем построить и второй мост.

Ни Мраморное море, ни пролив Дарданеллы ничего интересного собой не представляют. Суглинистые, гористые берега с редкими, бедными селениями. Но вот и они позади. Мы в Эгейское море.

Солнышко мое, буду спать. С нулей до четырех часов утра заступаю дублером вахтенного офицера. Начинаются суровые флотские будни.

23 мая 1980 года.

Здравствуй, любимая! Поверь, так устал, что сил нет взять ручку и написать тебе. Конечно, ручку беру, но пишу какие-то планы, конспекты политзанятий, заполняю Журнал боевой подготовки, провожу ученья, тренировки, а ночами борюсь за живучесть. Без этого никак нельзя. Мы в любую секунду должны быть готовы к войне. Такова наша участь.

Каждый день стою вахтенным офицером, правда, еще дублером. Сложного в этом ничего нет, но ответственности много. И эти нюансы надо знать.

В Критском море встали на якорь. Зачем? Сказать трудно. Командир, безусловно, располагает сведениями. А нам, если честно, всё равно.

Про Эгейское море рассказать много не могу. Шли по нему в основном ночью. Однако, с уверенностью поведаю тебе, что в нем около двух тысяч островов! Представляешь? И даже есть остров Лесбос, на котором жили в античные времена лесбиянки.

Могу добавить, что это море образовалось около 20 тысяч лет назад в результате погружения суши, частями которой и являются эти многочисленные острова.

С названием Эгейского моря связан известный миф о Тесее, убившем Минотавра. Эгей, афинский царь, был отцом героя. Он условился со своим сыном, который отправился на Крит, чтобы сразиться с чудовищем. В случае благополучного исхода и победы над Минотавром, черные паруса на корабле «смертников», будут заменены на белые. Тесей победил Минотавра и, благодаря Ариадне, давшей ему путеводную нить, выбрался со своими спутниками из лабиринта. Но на радостях забыл сменить паруса. Эгей, увидев вдали корабль с черными парусами, не сдержал отчаяния и бросился с утеса в море, которое с тех пор и стало называться Эгейским.

Вот такие, Мариночка, дела. Вот такие были отчаянные люди.

Тут все связано с мифами и легендами. Приду в Севастополь, схожу в библиотеку и возьму книгу «Легенды и мифы древней Греции». Если вдруг где-то увидишь ее, - купи обязательно. Буду тебе очень признателен. А то, информацию беру из флотских брошюрок.

Завтра баня. Это радует. Хочется и правда смыть земную грязь. Но вначале танкер нас заправит водой и мазутом. А это - опять «Тревога» и очередная суета.

Хорошо то, что морской душ можно принимать в любое время суток. Я изредка позволяю себе эту роскошь. Но, поверь, и на это нет времени. Изматываешься так, что хочется сразу в койку. Еще не лег, а уже спишь. И спать много тоже нельзя, иначе мои матросы разбалуются. А их держать нужно в строгости и слабинку давать никак нельзя.

За всё это время ты мне приснилась всего один раз. А я хочу видеть тебя каждый день, хочу ощущать тебя каждый день, хочу... Хочу и всё. Потому что люблю! Тебя люблю! Человек не может жить без веры и любви. Ты – моя Вера, Надежда и Любовь. Ты моё Счастье, моя Страсть и моё Будущее!

Три дня назад мне объявили выговор. Представляешь, проспал подъем Военно-морского флага. На меня начальство кричало и назвало меня «мальчишкой». Вот такой я у тебя, любимая, разгильдяй.

А в целом у нас офицеры все хорошие. И все разные. Из молодых нас всего шесть человек: я, доктор и четыре командира группы. Всех перечислять не буду, но на отдельные личности стоит обратить внимание.

Командир – мужик боевой. И самое главное - справедливый. С ним легко. И подскажет и по попке отшлепает. Он среднего роста, коренастый, плотный и слегка смахивает на медведя. Сам же из крестьянской семьи, но море любит. И оно платит ему тем же.

Замполит – мужик суровый. С ним лучше, вообще, никогда не встречаться.

Старший помощник. Личность неординарная. Во-первых, на нем лежит, весит и так далее, буквально, всё, что касается корабля. И, во-вторых, он патологически ленив. Для нас это совсем не плохо. Но и ленивому человеку надо работать. Причем хорошо. Это порой создаёт сумятицу и добавляет дополнительные трудности. И не кому-нибудь, а нам. А, вообще, он рубаха-парень, но, не для всех. У него... Извини. Опять строят офицеров и мичманов. Значит, снова что-то, где-то не так. И таких команд в сутки бывают сотни. Бегу...

... Продолжаю. Поступила новая вводная. Завтра подходит флагманский корабль Средиземноморской эскадры. К нам явятся все специалисты для знакомства с экипажем и боевыми частями. Естественно, будет строевой смотр. А это значит, - всем стричься и гладиться. А еще готовить всю документацию для проверки. Одни, услышав эту новость, пошли курить. Для меня же опять всё это ново и впервые. Для начала вызываю парикмахера. Потом все остальное. Да, чуть не забыл, мыть нас и менять белье будут сегодня. Оказывается и от проверяющих тоже есть толк.

И снова прости. Военная служба оказывается гораздо сильнее жизни и всего остального!

24 мая 1980 года.

Мариша, сегодня суббота. Проверка прошла великолепно. По крайней мере, для меня. Сейчас на юте идет фильм. А я, заметь, уже самостоятельно, на якоре, стою вахтенным офицером. Хочется быть там, поближе к цивилизации, а не здесь. Предполагаю, а точнее уверен, что завтра будет тоже самое.

Ты знаешь, я порядочная свинья! Ни разу не спросил где ты, как ты? Полагаю, что еще в пути. А может уже вас едят таежные комары? Береги себя! Ты мне очень и очень нужна!

Извини, но писать здесь больше не могу. Иначе я стану государственным преступником. Спокойной ночи, родная. Целую тебя нежно и очень долго-долго.

Нет! Попишу еще немного. Всё равно никого нет. А если вдруг... То я всяко услышу... Расскажу тебе про нашу прошлую помывку. Это либо цирк, либо издевательство. Представь себе, только очень ясно и четко. В большом железном помещении стоят пятнадцать голых мужчин, подчеркиваю, абсолютно голых мужчин. Стоят долго. Вместо испарины на их теле мурашки от холода. Наконец сверху издевательски кричат: «Готовы?» Снизу, то есть от нас, вопят, что готовы. И всё это сопровождается отборным матом. «Подаем воду!» - снова кричат нам.

Хочу сказать, что, скорее всего, мат придумали на флоте. И не для связки слов или чтобы сорвать зло или горечь. Здесь ругаются красиво и как-то по-доброму, если так можно выразиться. И каждый вносит в этот мат что-то своё, совершенно новоиспеченное. Спросишь: «Ругаюсь ли я?». Если честно, то «Да». Но самый матерщинник у нас, на кого бы ты подумала? - доктор! Уникальная личность! Но о нем немного позже.

А мы стоим, ждем и мерзнем. Наконец слышится бульканье и шипенье. Все бросаются в кабинки. Но вместо воды из сосков летят крупные брызги пара, которые иглами впиваются в кожу, обжигая ее до пузырей. После чего, минут пять идет вода.

- Намылились? – вопят сверху.

- Намылились! – отвечаем мы.

- Мойтесь!

О нас забывают на четверть часа. Снова раздаются душераздирающие крики мыльных, окончательно заледеневших, мужчин. Теперь вода подается надолго. И все, в конце концов, остаются довольны.

После бани, честное слово, наступает такая благодать, будто всё плохое и тяжелое ушло за борт вместе с мыльной водой. И ты как бы заново на этот свет народился.

25.05 1980 год. Воскресенье! Сегодня день рождения у нашего главного артиллериста. Несмотря на то, что я приглашен на его тайное от командования и совсем скромное чествование, с 20.00 до 00.00 снова на вахте. И фильм не посмотрю. И рюмку не выпью. Это дискриминация!!! Но с другой стороны воспитание характера и силы воли. Я должен у тебя быть мужественным и стойким. Сейчас иду обеспечивать спортивные мероприятия на корабле. Мне кажется, что я один делаю всё. Но если разобраться, то это не так. «Взрослые» отдыхают от своих прошлых флотских будней. Среднее поколение делает что-то своё, а молодые пашут...

18.00. того же дня.

Отступая от последовательного рассказа о наших офицерах, расскажу тебе о нашем начальнике медицинской службы. Мы с ним в одном звании. Но он имеет неоспоримый авторитет. Доктор, тоже учился в Ленинграде, в Военно-медицинской академии. Он на корабле - Бог! Делает, буквально, всё. Машет скальпелем налево и направо. Вчера ночью вырезал мичману аппендицит. И это у него не первая такая операция. Представляешь, больше никого с медицинским образованием нет, а он... Это, своего рода, героизм, который здесь считают обыденным явлением. Помогают совершенно посторонние люди. Его смелости и мужеству, не боюсь сказать именно так, можно позавидовать. И если он сказал, значит, так оно и есть. Зубы рвёт, переломы сопоставляет без рентгена... Ну а всё остальное, включая и венерические заболевания, лечит только так... За это его сильно уважают. И многое прощают. Этим доктор, естественно, пользуется. Даже слишком. Он самый разбалованный офицер. Одним словом, хулиган, обладающий злым и колким юмором. Палец в рот не клади. Мгновенно откусит. Но человек с юмором и очень веселый. Отвечает, не задумываясь. Ему бы в КВН играть... Но здесь свой КВН. И, даже, похлеще.

Хочу еще рассказать тебе о ловле рыбы. Когда корабль встает на якорь, весь экипаж, кроме вахты и дежурной службы, разумеется, вечером собирается по правому борту с удочками, а лучше со спиннингами. На конце груз и поводки с крючками, на которых привязаны красные ниточки. Опустил леску в воду метра на два-три и тощи назад. Несколько рыб обязательно будут висеть на крючках. За ночь налавливают на весь экипаж, а это триста человек. На корабле наступает рыбный день. Тут тебе и уха, и жареная рыба, и, даже, копченую делают. Хочу сказать, что пока рыба теплая, она вкусная. Стоит ей остыть, - становится сухой и вкус пропадает.

Мариша! Иду заступать на вахту. Буду защищать твой сон. Спокойной ночи, родная. Целую и обнимаю. И очень люблю.

Ночью снялись с якоря. Идем встречать американские корабли. Будем следить за ними. Корабль летит полным ходом.

30.05.

Не прекращаю любить тебя. Писать некогда. Скажу только, что встретили авианосец с кораблями охраны и обеспечения. Продолжаем следить за их действиями. Все устали и хочется постоять на якоре. Целую тебя, родная моя, и люблю. Какие у тебя взаимоотношения с комарами? Для меня они - стихийное бедствие!

06.06 80.

Слава Богу! Все закончилось. Проводили их до Гибралтара. Они ушли в Тихий океан, а мы встали где-то посередине Средиземного моря. Представь себе, ветер дует с Африки, ее не видно даже, а мух, мошкар и прочей гадости нанесло полный корабль. На иллюминаторах поставили сетки. Доктор сказал, что для профилактики малярии, в жилых помещениях за час до сна, будет проведена дезинсекция. Как все серьезно! Кстати, он опять вырезал аппендицит! В шторм! Молодец! Я все больше и больше его уважаю. По его версии, моряки слишком много едят хлеба, мы же сами его печем. И он частенько бывает сыроват. Но когда горячий, до безумия вкусный. Это я тебе точно говорю. Как глаголет король Медицины, когда этот сырой комок идет по кишечнику, то закупоривает все дырочки. Теперь я такой хлеб не ем. Страшно.

Говорить о слежении сложно. Это надо либо обладать мастером слова, либо все это видеть.

Само пребывание в непосредственной близости от потенциального врага, делает всех собранными. Любые ошибки - исключаются.

Мариночка, ты не представляешь себе, как это впечатляет, когда всё небо в самолетах и вертолетах, выпущенных с авианосца. Дух от такой мощи захватывает. И мы... Обидно, что у нас такого нет!

Представь себе, в субботу и воскресенье буду смотреть кино. На юте вооружают кинопроектор, вешается экран, из кубриков выносятся скамейки, из кают-компаний стулья. Какой фильм будут крутить, никто не знает. Это

вотчина замполита. Он выбирает, он утверждает. Собственно говоря, какая разница, лишь бы было интересно.

Помнишь, я тебе писал, что стоял на мостике, когда показывали кино Там шел «Экипаж». Нормальный фильм! С удовольствием бы его посмотрел еще раз.

Продолжу представлять тебе наших офицеров. Мой сосед по каюте - главный артиллерист. Ему уже за сорок! Но мужчина очень красивый и представительный. Естественно, разведен. Говорят женщин у него... Очень даже много. Но с другой стороны - вся жизнь проведена на корабле. От одной мысли, что такое бывает, начинаешь сходиться с ума. Человек он хороший, но специфичный.

О себе говорить много не буду. Неприлично как-то. Парень нормальный. И очень влюблен в девочку, по имени Марина.

Наш механик. Убери его службу и корабль встанет, и окажется небоеспособным. Это буквально всё! И свет, который вращает всё и вся, и ход корабля, и вода, и пар... Короче, всё, всё, всё. Ответственности – не знаю даже, как и выразиться.

Если командир – это мозг корабля, его тактика и стратегия, то механик - руки этого мозга. Как красиво и, самое главное, умно сказал. Оцени!

Наш штурман. Личность более, чем простая.

Извини, родная, «Аварийная тревога». От этого, спаси и сохрани, Господи! Потом допишу.

16.00.

Загорелась ветошь, что хранилась возле трубы. Слава Богу, обошлось без криминала. Зато воспитательная работа длилась больше часа. А потом старпом пошел обходить корабль. Короче, слюна и всё остальное из него валили, как из рога изобилия. Послеобеденного сна или, как говорят на флоте, «адмиральского часа, не было, все устраняли замечания. Все, исключая доктора. Он придумал опять себе какую-то работу. А вместо нее - сладко поспал.

Солнышко, иду к старпому на вечерний доклад. Потом - «Малая приборка». А уже потом - ужин. Вечером, кстати, нам тоже дают первое. Кормят здесь очень хорошо. А в 21.00 еще и вечерний чай. Представляешь? Вернусь с боевой службы толстым и ленивым.

8 июня.

Вчера смотрел фильм «Сыщик». Понравился. Завтра из Севастополя придет корабль. Привезет продукты и почту. Очень жаль, что от тебя ничего не будет.

Наступила хандра. Ничего не хочу делать. В свободное время отдаю себя целиком и полностью койке. Доктор дал почитать книгу «Пирогов» из серии «Жизнь замечательных людей». Вначале я отнесся к ней скептически. А потом - увлекся. Читаю с упоением. До чего одержимый был человек! Талантище! Глыба! Я, если честно, впервые пожалел, что не стал врачом. Мне кажется, у меня бы получилось. А как ты видишь меня в белом халате? Кстати, корабельные доктора не несут ни вахты, ни дежурства. Так закреплено в Корабельном уставе. Буду Главкомандующим, непременно изменю эту статью. Тоже пусть покорячатся на благо Отечества. А с другой стороны, кто тогда лечить будет? Ладно, пусть живут. А уж мы за них сами...

Сегодня воскресенье. Вахта у меня с 12.00 до 16.00 и с 00.00 до 04.00. посвящу день безделью и сну. Правда, на корабле такое случается крайне редко. А вдруг, мне повезет.

Мариша, ты тоже мне должна будешь день за днем рассказать о своей экспедиции: что делали, что видели, чем занимались, где были... Никогда не видел тайгу. Да и вообще, что я видел? У нас - всё впереди. Весь Земной шар под нашими ногами! Нежно-нежно целую. И очень-очень люблю. Крепче, чем Тристан Изольду.

12.06.

Совместно с другими кораблями занимались поиском иностранных подводных лодок, утюжили по квадратам Средиземное море. Ничего не нашли. Либо они легли на грунт, либо мы глухи. Сутками экипаж в жутком напряжении. Все явно переутомились.

Встали опять на якорь. Две недели «отдыха». Что-то случилось с первой машиной. Будут разбираться. Техника и та не выдерживает.

Да, мама прислала письмо. У нас дома все нормально. Дедушка с бабушкой переехали на дачу, если ты помнишь, я говорил, что она под Белоостровом. Мама с папой в июле идут в отпуск и тоже переезжают туда. Там так красиво! Лес. В основном хвойный. Два озера с ледяной водой. Но люди купаются. Я один раз тоже рискнул, потом две недели маялся с ангиной. Скоро начнет поспевать клубника. У нас ее целая плантация. И что самое

классное, по границе огорода течет не очень широкий, но, достаточно, глубокий ручей, чуть выше колен. Видно исток какой-нибудь реки. Удобно поливать. Шланг бросил, мотор завел, и водичка, хоть целый день, брызжет на участке.

15.06.

На нас движется шторм невероятной силы. Этого еще не хватало. Крепим имущество и снимаемся с якоря.

23.06.

Привет, малыш! Завтра попробую рассказать тебе про ад, в который я попал. А сейчас надо руководить приборкой. Корабль, извини за выражение, весь облёван.

24.06.1980 год. Поздравь меня. Я заново родился! Попробую описать тебе этот кошмар. С чем бы его сравнить?... Что-то, отдаленно, похоже на качели. Корабль качается с носа в корму и с левого борта на правый. Причем, одновременно. Между волнами образуется глубоченная яма, в которую падает и зарывается нос. Гребень волны накрывает корабль. И бьет его с такой невероятной силой, что трещит корпус и выгибаются переборки. Корабль каждую минуту готов переломиться. Двигаться надо только навстречу волне, иначе, запросто, можно перевернуться, что мы чуть и не совершили. Крен был такой сильный, что не хватило, буквально, полутора градусов, чтобы корабль совершил оверкиль. Жутко! Раз – и в секунду нет трехсот человек

И люди, в этих невероятных условиях, держат руль, стоят на вахтах и делают всё, чтобы выжить и победить стихию.

И так может тянуться и день, и два, и неделю...

Скажу честно, - девяносто процентов моряков страдают «морской» болезнью, в том числе и я. Голова просто раскалывается, тошнит и выворачивает наизнанку. И вот, когда пустой не только желудок, но, кажется, и весь кишечник, все равно тебя мучают приступы тошноты до тех пор, пока из тебя не выйдет капля желчи. И еще хочу добавить. Сна нет. Просто лежишь с закрытыми глазами и всё. Создаётся впечатление, что и силы на поднятие век совершенно отсутствуют.

Со всего экипажа найдется, может быть, десятка два человек, у которых эта самая «морская» болезнь проявляется абсолютно иначе. У них патологически повышается аппетит, и съесть, в этот период, они способны очень много.

Что после этого представляет собой корабль, представить абсолютно не сложно.

С началом шторма, наш доктор ложится в лазарете, туда ему приносят два мешка с сухарями, черными и белыми, и он всё это время лежит и с койки не встает. Цвет его лица после шторма можно сравнить лишь со смесью зеленки и синими чернилами. Видно, как ему тоже не сладко приходится. Даже в лежачем положении.

Извини, но я сейчас тоже, как хреновый моряк, буду искать любую шхеру, чтобы только поспать. Полагаю, что мичмана без меня справятся.

15.45.

Хочу сказать тебе, Мариша, - после всего того, что я перенес и испытал, всем своим существом понял, уразумел, осознал, абсолютно неважно, как это называется, что на кораблях служат только одни герои, от командира до кока и боцмана. Именно, в такой экстремальной ситуации начинаешь постигать, на что способен человек. Веруешь в его силу, волю, знания и умения. Невероятно! Непостижимо! Невообразимо! Да здравствует Моряк! Да здравствует Жизнь!

А ведь это просто те люди, которые вчера играли в футбол, пахали поле, перекрывали реки... И вот они победили стихию, которая при малейшем попустительстве любого, могла перевернуть этот тысячетонный корабль и поглотить в своих глубинах. Теперь я понимаю то, о чем нам говорили преподаватели, что от одного человека зависит жизнь всего экипажа.

Извини! Получилось всё как-то очень патриотично. Но, ради Бога, поверь, дорогая, в моих словах нет и доли лжи.

Целую и люблю.

26.06. Доброе утро, родная. Мы снова на якоре, продолжаем ремонтировать машину, как хорошо, что у нас их две, и наводим порядки после шторма. А недостатков, честное слово, очень и очень много. И посуда побита, и светильники полопались, и документация залита водой, поступающей мощными потоками через задранные иллюминаторы...

Закатывай рукава и вперед...

Представляешь, ударом волны сдвинуло мой торпедный аппарат. Сейчас вся моя боевая часть разбирается в движущей части. И я туда иду. Целую, родная. Пока!

03.07. Извини, что долго не писал. Дел - невпроворот. Понаехали начальники с бригады и дивизии. Всем им нужен боевой эсминец «Благородный», не тот, что за «ноздрю» к стенке привязанный стоит, а тот что море утюжит. Наш корабль, фактически, как атомный, только заправляется мазутом. Мазут горит, превращая воду в пар, а уже пар крутит винты. И может эсминец ходить бесконечно долго. Раб моря. А мы - дети этого раба.

Не поверишь, с подъема до отбоя все ходим, как черти, с ног до головы, испачканные мазутом. Нет ни одной свободной минутки, чтобы можно было взять и просто потянуться или глубоко вздохнуть. Вечно какая-то сумятица.

Даже едим на месте. Пресной воды мало, а соленой мазут не отмывается. Я, кажется, пропах этой смазкой насквозь.

Ничего. Впереди времени много, всё выветрится.

07.07. 1980 год.

Мариночка, сегодня был приятно удивлен и растроган до слез. Когда офицеры собрались на обед, командир поздравил меня с днем рождения, а замполит зачитал твою радиограмму. Честно, у меня на глазах были слезы. И ты знаешь, каждый офицер был растроган не меньше моего. Спасибо тебе огромное от меня и от всей нашей кают-компании. Ты - умница! И как умудрилась выйти и найти нас? Мы сейчас аж за Корсикой бултыхаемся. Ты - моё чудо! Моя сказка! И моя песня! Я нежно и незабвенно люблю тебя! И целую, целую, целую. Сегодня буду накрывать стол. Только: «Т-с-с-с!», чтобы враги не слышали. Посидеть не получится. Корабль на ходу. Перед ужином, кто сможет – зайдет.

11. 07.

Мы перешли в Адриатическое море и словно попали из яви в дивную сказку. Здесь тихо. Море, как утюгом выглажено и лазурной краской выкрашено. Солнышко светит. Разве что, птицы не поют.

Будем красить корабль и готовиться к заходу в югославский город Дубровник. Это Хорватия. Завидуй! Я скоро увижу чужую землю.

Интересно, как там живут люди? И сильно ли отличаются от нас по уровню жизни и вообще...

- За период боевой службы, для снятия психо-эмоционального напряжения экипажа, корабль дважды за поход заходит в иностранные порты. Говоря честно, то и, правда, все злые, дерганые, ни к кому не подойдешь.

Должен заметить, что на корабле любят красить. Красят всё подряд. Интересно, в масштабах государства, сколько расходуется краски на Военно-морском флоте? Как у нас любят писать: «Можно оплести Земной шар столько-то раз или провести черту от Земли до Плутона туда и обратно».

Я заметил, в море просто огромные бакланы. Когда выливают помой после нашего обеда, они как орлы слетаются. И сильный крик стоит. Короче - дармоеды.

14.07.

Поймали просто огромную черепаху. Сварили суп. Похож на уху. А мясо напоминает жесткую курицу. Конечно, если бы это готовили профессионалы, можно судить о вкусовых качествах. А так... Что вышло, то и ели.

Через пять дней начинаем движение в сторону Дубровника. Скорее бы уже!

19.07.

Ну, вот мы и в Югославии. Стоим в большой лагуне, кишасей от огромного количество яхт и катеров. Здесь живописные, скалистые берега. Они-то и прельщают киношников со всего мира. От причала дорога ведет в старый город. Идти довольно далеко. Наверное, километра три. Это наш маршрут. Корабль – старый город – корабль. Старый город восхищает своей античностью!

В Средние века Дубровник был единственным городом-государством в восточной Адриатике.

Центральным входом в Старый город являются ворота Пиле, построенные еще в XVI веке. От них ведет главная улица, которая называется Страдун.

Возле ворот Пиле, во внутреннем двореке, находится Монастырская аптека и Францисканский монастырь. Рядом с ним - Большой фонтан Онофрио и Княжеский дворец.

На главной городской площади, расположенной на противоположной от ворот Пиле находятся звонница с часами, Малый фонтан Онофрио и городская ратуша.

На площади Ложа расположена церковь святого Власия - покровителя Дубровника.

И очень много баров, которыми мы иногда пользуемся, если не видит начальство.

А теперь, Мариночка, я расскажу тебе другую прелесть чужой земли, более ужасную и жуткую. Нас пятнадцать, без командира и его сателлитов, офицеров, два из которых всегда на вахте. Остается тринадцать. А экипаж около трехсот человек. И каждый день этот бедный офицер до и после обеда водит пятерки моряков в город. Шесть километров до обеда и столько же после. Первые два дня еще сносно. Но вот потом!.. Ноги опухают, не хотят ходить. А моряки ждут. Им тоже хочется побывать в иностранном порту.

Представь. Сердцем, душой, всем чем можешь, наши муки... Прочувствуй нашу боль.

Только закончился обед. Минуты не прошло. А уже звучит команда: «Личному составу, сходящему на берег, построится, шкафут, правый борт».

После приёма пищи, офицеры скатываются по трапам в каюты. Хоть одну минуточку полежать с приподнятыми вверх ногами.

Но снова несется команда. И надо идти.

На моряков приятно смотреть. Они все выглажены, начищены, подтянуты... Офицерам на свой внешний вид уже наплевать. У них прошла и психопатия, и всё остальное. Снова хочется в море.

Старший помощник сверяет по спискам сходящих в город. Ему эта канитель тоже, порядком, надоела. В городе он уже два раза был, и для него это предостаточно.

- Все? – спрашивает он у дежурного по кораблю.

- Доктора нет.

- Где этот борзый старший лейтенант? Принесите его сюда!

- Начальнику медицинской службы срочно прибыть на ют, - раздается по громкоговорящей связи.

Наконец, появляется доктор. Он идет, словно на ходулях. Его лицо выражает всю скорбь планеты. Емельян Пугачев при четвертовании выглядел куда респектабельнее.

- В чем дело? – пытается задать старпом вопрос.

- Делал перевязку.

- Кому?

- Александр Николаевич, этими ненужными выяснениями мы задерживаем сход на берег.

- Нале-во! Бегом по трапу марш! – устало командует старший помощник.

И снова путь. Почти на Голгофу.

Мариночка, не ругайся, пожалуйста. Я купил тебе красивейшее платье. Оно тебе, обязательно, понравится. Клянусь всеми Богами Олимпа! Спрятал его, от греха подальше, в сейф. Очень хочется увидеть тебя в нем.

29.07.

Мы снова в море, где иногда можно даже поспать. Все этим только и занимаются по мере возможности, отдыхая от приевшихся красот Адриатики.

Опять кто-то из американцев зашел в Средиземку. Идем встречаться с ними и начнем следить.

08.08.

Что-то нового и интересного в нашей жизни очень и очень мало. Порой и рассказать нечего. Новый день мало отличается от вчерашнего. «Дичаем-с», - как говорил поручик Ржевский.

29.08.

Нас опять штормило. Но это было совсем не так, как в тот раз. Хотя... Почему-то Владыка морей и океанов на нас сердится?

03.09

Я чего-то забыл рассказывать тебе про наших остальных офицеров. Штурман, на котором мы остановились. Непонятная, во всех отношениях, личность. Он одиночка. Живет сам по себе. Курит самые дешевые сигареты и

пьет тоже один. Черные усы прикрывают утопленную челюсть. Ноги - Х-образные. И, прости за бестактность, ужасно пахнут. Периодически командир, если дороги штурмана и его пересекаются, воспитывает доктора. Этот процесс надо видеть. Доктор, не любящий никаких притеснений, возмущается и, в конце концов, предлагает отрезать ноги штурману по самое «не могу». Командир пыхтит и называет начмеда «бездельником».

Вскоре это забывается до того момента, пока командир снова не натывается на тошнотворный запах ног штурмана. И снова идет воспитание доктора, но уже в другом аспекте. Теперь ему настоятельно рекомендуют засунуть ноги штурмана в формалин, почитать учебники, написать на кафедру кожных и венерических болезней письмо и эго, обязательно, показать командиру. И так постоянно. Наверное, доктор убьёт штурмана, тем самым избавит командира от запаха, а себя от командирских наставлений.

Для всех кто это видит и слышит, как бальзам на сердце. Я просто погибаю от смеха, когда слышу подобное. Но это надо делать, стоя за углом. Иначе от всех потом, возможно, будет плохо.

Вот такие дела наши скорбные, радость моя. Пойду, посмотрю, чем занимается мой личный состав. Потом начну подбивать документацию.

Скоро мы сдаем штабу бригады очередную боевую задачу. Надо получать положительную оценку.

Хочу без ложной скромности сказать, что к морской службе я привыкаю. Командование хвалит меня и, даже, ставит в пример. Вот такой я у тебя молодец!

Как ты, любовь моя? Мне тут доктор рассказал, что в тайге живет клещ, который кусает и заражает человека энцефалитом. Я теперь сильно переживаю за тебя. Будь аккуратна. Береги себя. Знай, что я тебя очень люблю!

30.09. Мариша, не писал тебе почти месяц. Причина банальна. Заместитель командира корабля по политической части пришел проверить, как я провожу политзанятия с личным составом. А провожу я их «очень даже хорошо», прямо с журнала. И никакого конспекта у меня нет. И, как оказалось, не было еще восьми конспектов к восьми занятиям.

Я был «приглашен» к нему в каюту и он мне, стоящему два с лишним часа по стойке смирно, словно в карауле у знамени училища, объяснял мою некомпетентность и несостоятельность, как офицера. Объяснял, что если у

меня нет этих самых конспектов, то боевая часть вовсе не боевая часть, а какой-то сброд, не способный к выполнению своих функциональных обязанностей. Без политической подготовки, оказывается, нет, и не может быть, боевой подготовки. Вот с каким лозунгом в голове я вышел от него. Мало того, он дал мне ровно месяц для восстановления всех этих конспектов. И отметил эту дату у себя в календаре. Теперь я, забив «болт» на всю боевую подготовку, всё свободное время, которого и так нет, «адмиральский час», просмотры фильмов и всё остальное, пишу до тошноты и писчего спазме эти конспекты. Сказать честно, не успею я всё это к сроку написать. Ручка для меня сейчас самый лютей враг.

Одно во всем этом меня сильно радует. Доктор, тоже, оказался мерзавцем! Тоже сейчас сидит, и громко ругаясь матом, пишет. Правда, только пять конспектов, а не как я – восемь.

Должен сказать, что наш начмед очень эрудированный человек, умеет красиво говорить, Женщины, знакомясь с ним, просто тонут от его умиления, внимательности, обходительности и вежливости. Так он их покоряет. Но проходит время, характер в их отношениях меняется коренным образом, а они продолжают его любить. У него очень сильно развит магнетизм. И что характерно, - у доктора нет врагов. Он книги читает (а чем ему больше заниматься), на шутку заводной, стихи пишет и материться, как сапожник, а, может быть, дабе и похлещи. А похлещи, ругался лишь отец этого сапожника. Так оно дальше и пошло от отца к сыну, исключительно по матери. Целую и очень, очень сильно люблю тебя. А как скучаю, даже не передать. Продолжу свое новое «любимое» занятие. Пока.

26.09.

Мариша, я заболел. Не переживай. Всё не так серьезно. Просто простыл. Стоял на мостике, а он у нас открытый. Шел дождь, да еще и туман. Видимость плохая. Я промок до ниточки. Мне бы после вахты спиртику выпить, он у моряков зовется «шило», чаю горячего и на боковую. Я же пока переделся... Короче, - кашель, насморк, головная боль, слабость и температура 37,8.

Доктор, надо отдать ему должное, сразу положил меня в лазарет, назначил кучу таблеток и заставил моряка носить мне каждый час горячий сладкий чай. И, даже, пошел к продовольственникам и принес мне банку черничного варенья. Это видно из командирских запасов. Простые смертные у нас такое не едят.

Но болеть на корабле никому не велено. Начальство это очень даже не любит. Моряк должен быть либо живой и здоровый, либо мертвый. Третьего не дано. Доктору приказали, чтобы через три дня я был в строю. Но мне хватило и их. Вылежался, выспался... Что еще нужно молодому организму? Так что, любушка моя, не волнуйся, я здоров как, бык. Говоря словами нашего доктора, как «итальянский жеребец». От таких докторских слов нашего идеологического работника почему-то коробит.

02. 10. 1980 год.

Боже! Уже октябрь! Как долго и, в тоже время, быстро летит время. Скоро пять месяцев, как мы расстались. Ты стояла в голубом платье и расстегнутом белом плаще...

А мы собираемся заходить в Сирию. В порт Тартус. Ветераны вещают, что ничего хорошего там нет. Нищая страна. Представь себе, там даже фотографировать запрещается, настолько все убого. Но, рассказывают, в ларьках все есть. И все импортное. Магнитофон бы купить японский. Но денег на него точно не хватит. Зайдем, посмотрим... Потом тебе все подробно напишу.

Будем опять краситься. В это время для офицеров наступает своеобразный отпуск. Личный состав занят покраской, можно намного и расслабиться.

Остается, максимум, полтора месяца до нашей встречи. Тороплю время... А оно стоит и двигаться не хочет.

У вас экспедиция тоже должна закончиться месяц назад. Завтра приходит корабль из Севастополя. А вдруг и для меня на почте ставили на конверте штамп. Вот бы было хорошо! Я был бы самым счастливым человеком во всей вселенной. Целую и очень сильно люблю.

03.10. 1980 год. 07.28

Сухогруз пришел! Наш баркас пойдет за продуктами и почтой после десяти часов. Так сказал командир. Волна большая. Надо переждать. Представь себе, а я ждать не хочу. Не хочу и всё! Где мои крылья? Неужели они еще не выросли?

12.00.

Начался обед. А баркас еще от борта так не отошел. Неужели Всевышний не видит, как сильно я жду от тебя письма!

13.00.

Пришел рассыльный. Меня назначили старшим на баркасе. Ура! Боги смилостивились ко мне! Бегу получать пистолет. Пожелай попутного ветра!!!

17.30

Только что вернулись. Безумно долго. Пока получили овощи, - полтора часа прошло. Взвешивание и прочая бумажная канитель... Лишь потом бросили нам пять мешков почты. Не удивляйся. Это и газеты, и журналы. С подпиской у нас строго. Каждый обязан выписывать по 3-4 газеты и 2-3 журнала... И, естественно, письма. Потом встречный ветер снижал ход нашей «керосинки».

Всю корреспонденцию вначале поверяет замполит. Почтальон, есть у нас и такая нештатная должность, отбирает ему, по одной газете и журналу, какие только пришли за всё это время, выписывает он их или нет. А вот уж все письма тот пропускает через свои руки. Читать не читает, но смотрит, кому и от кого пришло, а заодно и сортирует те, что прибыли офицерам и мичманам.

Бегу на ужин. Сейчас будут задавать глупые вопросы: где был и почему опоздал. Почту, скорее всего, отсортируют не раньше двадцати одного часа. Целую.

18.30.

Хожу по кораблю сам не свой. Аж пробивает нервная дрожь. Сердце подсказывает, что что-то меня ждет.

За сегодня выкурил больше пачки сигарет.

21. 50. Пришло толстенное письмо. Даже не знаю от кого. Опять ты молчишь. Скорее бы закончилось это проклятое море. Как хочу увидеть тебя, прижать к себе и поцеловать... Значит зря сегодня я так волновался. Через десять минут вечерняя проверка. После нее в койке и прочту, что написала мне Петрова Мария Яковлевна. Бред какой-то... Кто такая Петрова? Прочту, выясню и доложу. Обнимаю тебя, моя родная, и целую. Спокойной ночи.

II

Умостившись поудобнее, Михаил разорвал конверт и ахнул. Письмо было от Мариночки. С дрожью в руках он стал читать: «Здравствуй, самый-самый любимый и самый-самый дорогой мой Человек! Мой, слышишь, мой! Я

никого и никогда так не называла и вряд ли кому-либо так скажу. Запомни это, Мишенька!

Начну с самого начала. Время еще позволяет, поэтому спешить не буду.

В экспедиции мы пробыли меньше месяца. Так быстро завершилось наше изыскание. И первым вертолетом нас вернули, как здесь говорят: «На землю». В середине июля я была уже дома. И как оказалось, вернулась очень даже своевременно.

Ты представить себе не можешь, как там было трудно. Причин масса. Коллектив один и очень-очень разношерстный. Практически, все лидеры. Исполнителей нет. Даже драки случались. Я боялась их всех. Ужасно проклинала себя за эту глупость, когда пошла на поводу у Самуила Яковлевича, заведующего кафедрой биологии симферопольского университета. Это он убедил меня посмотреть природу тайги. Расписал ее красоты, растительный и животный мир. В нашу задачу входило подготовить для Ботанического музея фотовыставку - «Зелёный мир тайги». Второе, - собрать и засушить редкие виды растений. Третье – по возможности подстрелить таёжных птиц и зверей. Именно для этого и взяли двух опытных специалистов по чучелам. Предполагалось для этих целей взять два ружья. Но как потом выяснилось, каждый мужчина имел при себе ружье. А их в группе было двенадцать человек, вместо предполагаемых восьми, исключая Самуила Яковлевича и нас, девочек. Этих, примкнувших к нам четырех, просто никто не знал. Вообще никто. Они сказали, что из Отдела по охране окружающей среды. Но вот как они попали к нам в вагон?.. Наверное, слышали наши радостные разговоры. Мы же шли и верещали на весь вокзал.

Дорогой мой Мишенька, все беды начались сразу, как только поезд тронулся. А началось они с водки, которой, как оказалось потом, было так много, что даже забирали сомнения, откуда она у них берется. Наши сотрудники вначале сопротивлялись. Но это продолжалось совсем недолго. Вскоре и они стали пить.

Я, Маша Перепелкина и Женя Григоренко ехали в одном купе вместе с Самуилом Яковлевичем. И постоянно закрывались. Они к нам и стучались, и ломились, и угрожали... И все это по ночам. Мы даже со страху в туалет ходили все вместе, представляешь? И чего я, дура, не вышла в Полтаве или Харькове? Ума нет – считай калека.

Доехали мы с горем пополам до Свердловска, раньше он звался Екатеринбург, вышли. По дороге где-то двоих потеряли. Но, что утешило, не наших, не с университета.

Стоят все отекающие, глаза в землю. Не бандиты, а, просто, пай-мальчики. Самуил Яковлевич им всё высказал и велел в магазине взять на сутки съестного. А уж в лагере провиант нас ждал.

На автобусе, который нам выделили местные туристы, (порой поражаешься человечности незнакомых людей, их порядочности и пунктуальности) мы доехали до лагеря. По времени это заняло почти семь часов. Далековато.

Уже вечерело. Там стояло полукругом семь срубленных из дерева домиков, пять жилых, а два для хозяйственного и продуктов. Всё предусмотрено, даже богатая медицинская аптечка и рация. В каждом домике аккумуляторное освещение и керосиновые лампы. И еще! Может я, правда, приехала из дикого края, но двери на домиках закрыты просто на защелки. И никаких замков! А ведь там есть что взять!

Туалет метрах в двадцати, а между домами, под навесом длиннющий стол. Невдалеке вертолетная площадка. А вокруг вековые сосны. Представь себе, дорогой мой, как сквозь деревья светит огромнейшая Луна? Сказочно красиво! Просто страшновато.

И везде идеальная чистота и порядок. Ни окурка, ни спички, ни полиэтиленового пакета.

Это лагерь геологов. Таких много по тайге настроено.

Да, забыла сказать. Возле стола стоит небольшая железная печка для приготовления пищи. И в каждом доме по «буржуйке». И что еще меня восхитило, у каждой печки лежат стопки дров. Пришел - растапливай и грейся. Всё предусмотрено до мелочей. Чай, соль, спички и даже сигареты... Молодцы геологи! Так держать!

- Все осмотрелись, все увидели, как живут нормальные люди? - спросил Самуил Яковлевич, - Я хочу, чтобы и мы оставили о себе такое же впечатление.

Потом мы сели за стол и перекусили тем, что взяли с собой, а заодно наш руководитель рассказал план дальнейших работ, в какую сторону будем удаляться от этих мест и, что должны пройти за четыре месяца двести с

лишним километров. В каждой точке работать будем неделю, удаляясь от базы километров на пять. Три - четыре раза придется ночевать в тайге.

Дежурить по лагерю всем выпадало по очереди. Дежурный должен поддерживать порядок, готовить завтрак и ужин, а обед – сухим пайком на месте работы.

Две с половиной недели прошли почти идеально. Самуил Яковлевич и мы, девочки, занимались растительностью, а мужчины бродили по тайге, били птицу и зверя, стараясь не повреждать мех и перо. Мясо у нас никогда не переводилось.

Мы уже думали перебазироваться на другую стоянку, как вдруг случилась беда.

Маша Перепелкина ночью, никого не предупредив, обычно мы всегда ходили по двое, побежала в туалет. На дороге ее встретили двое пьяных, примкнувшим к нам мужиков. Видно они прихватили алкоголь вместе с провиантом. Как потом выяснилось в милиции, оба были неоднократно судимы за разбой и нанесение тяжких телесных повреждений, повлекших за собой смерть. Их разыскивали за разбойное нападение на оружейный магазин в Ялте. Было взято четыре карабина и множество патронов к ним. Те двое, что отстали, были тоже из их банды.

Они оглушили Машу чем-то тяжелым, изнасиловали ее, бросили в отхожую яму и скрылись в неизвестном направлении. Как потом выяснилось, пропало два карабина и все патроны к ним, консервы, хлеб, соль и спички. А рацию они разбили вдребезги.

Слава Богу, что у Самуила Яковлевича был с собой приборчик для подачи сигнала SOS. Через тридцать минут к нам прилетел вертолет и забрал Машу. Она была без сознания и стонала.

Потом прилетел второй вертолет с нарядом милиции и служебной собакой. Нас всех допросили. Собаку пустили по следу. Но вскоре она след потеряла. Видно чем-то они эти следы побрызгали.

Вот так я вернулась домой. К Маше нас не пустили. И я сейчас не располагаю информацией о ее состоянии. И адреса ее не знаю. А все, кто был с нами, ушли в отпуска. Теперь узнать о ней можно только в сентябре. У меня уже это не получится...

Мишенька, мне очень больно писать это письмо, поверь мне. Я сейчас плачу. И пусть слезы капаят на этот листок. Ты будешь видеть, что это правда. Я оттягивала его до последнего. Но через шесть дней мы все уезжаем в Израиль. Да, да, милый, именно в Израиль. Здесь нет опечатки. Отец добивался этого пять лет. И вот пришло разрешение. С Киева мы сначала летим в Западную Германию, а уже оттуда в Тель-Авив. Прямого сообщения от нас туда нет.

Мишенька, любимый мой, дорогой и желанный. Прости меня за всё. Я так виновата перед тобой. На коленях стою, только прости. Поверь, тогда я не знала, что так будет. И еще, очень боюсь, чтобы это письмо не принесло тебе вред, от того и написала совершенно другой адрес и другую фамилию. Эти комитетчики, если докопаются, то спокойного житья тебе не дадут. Всю карьеру переломают, а я этого очень не хочу.

Мишуля, я понимаю, как тебе всё это горько и больно читать. Но ничего уже, понимаешь, ничего нельзя вернуть и переделать!

Мишенька, дорогой, нежный и ласковый! Я этого тебе не говорила, а сейчас, как бешеная ору на весь мир: «Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!!! И ВСЕГДА, ЗАПОМНИ ЭТО, ВСЕГДА БУДУ ЛЮБИТЬ! И ты в этом не сомневайся нисколечко.

Я от всего своего чистого сердца, от всей своей истерзанной души, желаю тебе счастья! Много счастья! Ты этого, мой хороший, заслужил. Я буду помнить тебя всегда, всю свою жизнь. И если у меня родиться когда-нибудь мальчик, я, обязательно, назову его Мишенькой. В честь тебя, любимый. И любить его буду, как любила тебя. Живи долго и никогда не болей.

А с другой стороны, что бы ты подумал обо мне, если бы мы не встретились? Наверняка, очень плохо. А я очень не хочу, чтобы ты так думал о своей Марине.

До свидания, Мишенька! Мой Мишенька! Моя любовь и несбывшееся счастье! Я верю, я постоянно буду просить об этом Бога, чтобы наши пути хоть раз, хоть где-нибудь, пусть даже на том свете, пересеклись.

Целую тебя бесчисленное количество раз, мой дорогой и единственный.

Я не говорю тебе: «Прощай». Я говорю тебе: «ДО СВИДАНИЯ!».

Любящая и скорбящая Марина.

14 сентября 1980 год.

Город-герой Севастополь.»

Михаил выключил свет, повернулся к переборке и беззвучно заплакал. Слезы лились ручьем. Казалось, что жизнь для него прекратила свой стремительный бег.

Ш

1

А жизнь стремительно бежала вперед, неистово круша старое и не формируя ничего нового.

Михаил прижился на флоте. Служил там, куда посылала Родина. Прошел все инстанции корабельного офицера, начиная от командира боевой части, и заканчивая командиром дивизии. И везде служил хорошо. Был требователен и справедлив.

Закончив Академию Генерального штаба, был направлен в штаб Военно-морской базы в Санкт-Петербурге. Получил контр-адмирала, а три месяца назад и вице-адмирала.

А шел уже 2007 год. Не до конца оперившаяся страна, шатко стоявшая на своих хрупких ножках, постепенно набирала обороты. Началось интенсивное восстановление, разрушенного правлением вечно пьяного Ельцина, Военно-морского флота. Строились совершенно новые корабли и подводные лодки. Модернизировались старые.

Работы у Михаила Евгеньевича Головина было через край... База большая, требующая, практически полного восстановления. На «металлоломе» много не навоюешь.

Ну, ничего, будет лошадь, и ракета полетит обязательно!

2

В этот год в Петербурге выдалось просто замечательное лето. Солнышко благосклонно относилось к людям. И дожди тоже не надоедали.

Головин сидел за столом и что-то диктовал адъютанту. Как всегда, на самом важном месте, раздался телефонный звонок. Звонил дежурный.

- Слушаю! - строгим голосом спросил Головин.

- Дежурный по штабу, капитан второго ранга Жилин. Товарищ вице-адмирал, здесь на КП женщина, два часа нам душу выворачивает, говорит, что вы ее очень хорошо знаете, и за это не будете ругать, а даже, наоборот... Просит сказать вам два слова.

- Вы меня извините, конечно, может у меня начинается старческий маразм, но вы, старший офицер, дежурный, а на службе лирикой занимаетесь. Открыли институт благородных девиц? Скоро флот в цирк превратите! Передайте ей, что существуют дни и часы приема граждан, пусть записывается. Я сниму вас с дежурства!

- Виноват, товарищ вице-адмирал! Я так и говорил. Но она утверждает, что завтра вылетает из страны и больше сюда никогда не вернется.

- Хорошо. Спросите ее фамилию и цель прибытия.

- Есть! Как ваша фамилия и цель прибытия, - офицер обратился к стоящей неподалеку женщине с молодым человеком.

Она подошла к окошку, громко и членораздельно проговорила, чтобы слышали на том конце провода:

- Марина Степановна Кудулай. Марина! С восьмидесятого года! – уже прокричала она.

- Товарищ вице-адмирал...

- Я слышал. Через три минуты буду! Не отпускай ее никуда!

- Сейчас подойдет. Подождите, пожалуйста, несколько минут.

- Я всю жизнь этого ждала. А этих несколько минут боюсь, не выдержу. Вы не могли бы сказать, где я могу присесть?

Офицер вынес стул, - Присаживайтесь, пожалуйста. И вам тоже? – спросил он у молодого человека.

- Нет. Спасибо. Я постою.

Резко открылась дверь, и вошел высокий, подтянутый мужчина, со слегка посеребренной головой. Его пронизательный взгляд мгновенно оценил обстановку.

Марина тихо встала. Из ее глаз градом потекли слезы.

- Мама... - бросился к ней молодой человек.

- Мне хорошо, Мишенька, не беспокойся.

Головин подбежал к Марине и обнял ее.

- Мариночка, любовь моя, ты здесь? Я не верю своим глазам! - шептал адмирал и гладил ее по голове, вдыхая всей грудью родной и не забытый запах своей молодости. В его глазах тоже стояли слезы, - У вас нет, случайно, лишнего билетика на Людмилу Сенчину? - Михаил крепко прижал ее к себе и нежно поцеловал в шею.

Марина зарыдала в голос и хрипло закашлялась.

- Дежурный! – прокричал адмирал, - Быстро воды и нашатырь! В санчасть позвони. Пусть бегут сюда и захватят сердечные. А мы во дворе в тенечке посидим, на лавочке. Пойдем, милая, тихонечко. Облокачивайся на меня. И вы, молодой человек, пойдете с нами. Жилин, - вновь обратился вице-адмирал к дежурному, - вызови мою машину. Пусть здесь ждет. И скажи, чтоб захватил с собой бутылку минералки и мне принес.

- Есть! – прокричал, явно перепуганный офицер, неся воду и ватку с нашатырем.

3

Марина выпила сердечные капли, умылась и попила водички, которую принес шофер. Сын махал на нее газетой.

- Вот оказывается, как бывает, когда встречаешь свою любовь, первую и последнюю, - она слабо улыбнулась, - Тяжело, однако. Ну, слава Богу, случилось то, о чем я каждый день ставила свечку и совершала молитву. Да вы сядьте, ребята, мне уже хорошо. Очень хорошо! Правда. Михаил Евгеньевич, познакомьтесь, это мой сын, Михаил. А это, Миша, тот человек, о котором ты всё-всё знаешь, которого я безумно любила, люблю и буду любить всю оставшуюся жизнь. Пожмите друг другу руки.

Головин протянул руку и крепко пожал руку Михаила.

- Боже! Как мне сейчас хорошо! – вскрикнула Марина и закашлялась, потом со свистом вздохнула и вытерла пот на лбу, - Извини, простыла в дороге немного.

Головин достал из кармана носовой платочек, вытер им глаза и высморкался, - Извините. Наверное, я тоже сейчас буду плакать, как третьего октября восьмидесятого года, когда, Мариночка, прочитал твоё письмо. У меня тогда был такой нервный срыв... Спасибо нашему доктору, он потихонечку вывел меня из этого состояния. Я до конца службы пролежал в его санчасти, а по прибытию в Севастополь еще три недели лечился в госпитале. Я ни с кем не разговаривал, ни на кого не реагировал, ни с кем не общался. Меня даже чуть не комиссовали. Говорили, что было какое-то запредельное торможение. А потом все резко восстановилось. Меня не списали с боевого корабля, благодаря нашему командиру, дай ему Бог здоровья. И как видите - достиг кое-каких высот. Вы надолго приехали? Боже, как я рад и счастлив, что снова, Мариночка, вижу тебя. У тебя немного изменился голос. Стал слегка осиплый.

- Я же сказала, что где-то просквозило. Мишенька, родной мой, как много горя я тебе принесла. Прости меня, пожалуйста. Позволь я тебя поцелую, радость моя и боль моя. Или здесь нельзя целоваться?

- Можно, только очень аккуратно.

Марина приблизилась и нежно коснулась его губ.

- А улетаем мы, Мишенька, завтра ночью в два часа двадцать семь минут. В нашем распоряжении, - она взглянула на часики, шестнадцать часов.

- Как завтра? Я вас не пущу. Нет, нет, нет! И речи быть не может.

- Никак нельзя, любимый. У нас виза заканчивается. Мишенька, мы уже третий день здесь стоим с восьми утра до завершения вашего рабочего дня. Никто не позволил с тобой связаться. Только этот офицер оказался отзывчивым. Ты уж его не ругай. Если бы не он... А в машинах вы все проезжаете с затемненными стеклами. Попробуй, разгляди. И в справочной тебя нет. Большой государственный человек! И адрес, и телефон... Кругом броней закрыт. Но сегодня я должна была в обязательном порядке тебя увидеть. Иначе быть не могло. Не знаю, чтобы я сделала, но сегодня увидела обязательно. Бог помог мне и в этот раз. Теперь я могу умереть спокойно.

- Не говори так больше никогда. Ты меня обижаешь этим. В следующем году я к тебе, обязательно, приеду. Сейчас мы с Израилем друзья, сейчас всё можно. Будешь ждать?

- Тебя, любимый, я только и жду.

- Вот и договорились. Сейчас я оставлю вас ровно на тридцать минут. Вы тут посидите или погуляйте. А я решу маленькую проблему и буду с вами до самого отлета. Возражения есть? Нет! Вот и замечательно! Я скоро. Не скучайте, - он нежно притянул Марину к себе и поцеловал, - Я люблю тебя!

- Это правда?

- Головин никогда и никого не обманывает. Об этом можешь спросить кого угодно. Самый справедливый и честный офицер.

- Умница! Другого я бы и не полюбила. Ну, беги, Мишенька. Мы тебя будем ждать здесь.

4

- Вот, Миша, это тот человек, про которого я тебе всегда рассказываю. Как он тебе?

- Серьезный мужчина. Настоящий мужик! Я правильно выразился?

- Весьма, даже правильно, сынок.

- И очень заметно, что своё чувство любви к тебе он сохранил. Оно живет в его сердце.

- Спасибо, малыш. Я очень рада, что он тебе понравился. Мы были с ним знакомы ровно месяц! Люди годами встречаются, а потом живут как кошка с собакой. У нас кроме поцелуев с ним ничего не было. Кому рассказать, никто не поверит. Вот и тебе, Мишенька, я искренне желаю найти такую девушку. У нас это сделать практически невозможно. Ты сам видишь, что общество, в котором мы живем, похоже на стаю голодных ворон. Не смогла я полюбить ни эту страну, ни наш город, ни тем более всё остальное. Я существую, а не живу вот уже двадцать пять лет. Миша, родненький ты мой, будет любая возможность, уезжай в Россию. Языком ты владеешь, специальность хорошая. Здесь можешь превосходно жить. И самое главное, найти то, что мило твоему сердцу. Тут еще не успели разбаловаться окончательно.

- Мама, а давай вместе уедем.

- Мишуля, ты же знаешь всю мою ситуацию. Скажи на милость, куда я такая поеду? Только об этом никому ни звука. Договорились?

- Хорошо, мама.

- Молодчина! А вот и наш герой! Каков красавец, и не узнать!

5

Из парадного входа вышел Головин. Теперь он выглядел совершенно буднично. На нем были в обтяжку сидящие джинсы фирмы levis, рубашка, того же производства. Куртку с блокнотом он держал в одной руке. В другой был огромный футляр для фотоаппарата.

- Не соскучились? - широко улыбнулся он, как это делал всегда, встречая Марину.

- Соскучились. И, даже, очень. Ты теперь никакой не адмирал, а настоящий «мачо». Еще ковбойскую шляпу и мужчину для рекламы сигарет готов, правда, Миша? – повернулась она к сыну и заразительно засмеялась.

- Пойдемте к машине. А это, Миша, тебе от меня в подарок, - Головин потянул футляр.

- Что это? - удивленно спросил Михаил.

- Это тебе, дружище, от меня фотоаппарат. Поверь, аналогов нет. По многим параметрам превосходит знаменитые иностранные фирмы. Проверишь в деле. Уверяю – понравится.

- А меня выпустят отсюда с ним?

- Обижает. А я зачем родился на этот свет? Выпустят, не бойся.

- Михаил Евгеньевич, - Марине было приятно за Мишин подарок, но она сделала нарочито серьезное лицо, - вероятно, это слишком дорого для подарка.

- Марина Степановна! Я сейчас готов подарить вам весь мир! Дайте мне только точку опоры! Ваш подарок еще впереди. А пока, душа моя, возьми этот блокнот. Он из нашего восьмидесятого года. В нем весь мой отчет тебе о том боевом походе, включая день получения письма. Мариночка, дай мне слово, что ты его будешь читать у себя в Израиле, а не сейчас. Сегодня мы отдыхаем и веселимся.

- Спасибо, любимый. Берёг, сохранил... - она трогательно прижала блокнот к губам, - Значит, есть в этой грешной жизни настоящая, живая любовь, а не только в романах. И живет она только на небесах. Теперь это будет

единственной моей книгой, которую я буду читать. А потом с ней предстану перед Богом. Сыночек, проследи, чтобы похоронили меня с этим блокнотом.

- Мама...

- Марина...

- Всё, всё, всё, ребята. Это я так. А тебя, Мишенька, отпустили к нам? Правда?- радостно запрыгала Марина.

- Отпустили, - засмеялся Михаил.

Они подошли к машине.

Миша, садись вперед. Будешь фотографировать. Там всё очень просто, а мы с мамой сядем сзади. Володя, - обратился он к водителю, - к Софье Львовне. Только не спеши. Покатаем гостей по Питеру. И где есть памятные и красивые места, притормаживай.

- Есть!

Автомобиль тронулся.

- Володя, будем ехать, тормознешь у антикварного магазина Бирмана, на Литейном. Помнишь? Надо кое-что посмотреть.

- Мишенька, если это мне, то ничего не надо покупать. Для меня сегодня подарок – это ты. О таком подарке можно мечтать всю жизнь! Что я и делаю каждый день.

- Разговорчики! Кто у кого в гостях, вы у меня или я у вас? Вот когда приеду к вам, буду все молча брать. Пожалее еще, что такой гость появился!

Машина остановилась.

- Нам выходить!

- А можно я останусь – спросил Миша.

- Мишенька, ты властен делать всё, что захочешь. Толька одна просьба. От машины далеко не отлучайся. Ладно?

- Я не буду выходить. Здесь посижу.

- Посиди. Только сильно не скучай. Володя, ты хоть бы музыку включил, а то сидим, как на совещании. Мариша, Вашу руку. Нас ждут великие дела!

- Слушаюсь и повинуюсь, мой господин.

- Другое дело.

6

Они вошли в магазин. Над дверью запел колокольчик. Из-за прилавка выглянул мужчина с огромной шевелюрой рыжих волос, лет шестидесятишестидесяти пяти, с огромными роговыми очками на носу.

- Ба! Какие люди! Сто лет вас не видел в наших краях, Михаил Евгеньевич. Пару статуэточек для вас у меня припасено. Показать?

- Здравствуйте, Игорь Борисович. Вы просто выдаете мой возраст перед этой прекрасной женщиной.

- Ради Бога, простите меня, милая дама. Я явно погорячился. Это юное создание, - показал он на Головина, - абсолютно не понимает, что только в возрасте ста лет к мужчине приходит мудрость и ...

- Вы перепутали, Игорь Борисович, мудрость с маразмом, - засмеялся Михаил.

- Умный человек! – развел руками продавец, - Светлая голова. Так что привело вас ко мне в столь ранний час?

- А пришли мы, Игорь Борисович к вам, с Мариной Степановной, вот по какому вопросу. Она у нас Рыба по гороскопу, а камень у Рыбы – изумруд. Мы бы хотели... Кстати, Марина вот уже двадцать лет живет в Израиле и завтра туда улетает.

- Миша, прекрати немедленно! – прошептала Марина

- Милая девушка, этот человек знает, что делает. У него сейчас сердце рвется из его орденосной груди, а вы хотите, чтобы оно плакало?

- Что вы? Конечно не хочу.

- Правильно говорите. Больше не нужно слов. Сейчас я вам всё подберу. А я смотрю сквозь свои линзы и вижу, что с вами, Михаил Евгеньевич, стоит моя Софа, только в молодости, разумеется. Я ничего не спросил, Понимаете, сердце...

Михаил приложил руку к часам.

- Всё, мой хороший всё, лечу. Вижу, как вы спешите, - уже раздалось из соседней комнаты и послышался скрежет ключа, - Мариночка, - прокричал он, - Извините, если я вас спрошу. Как там живут наши?

- По-разному, Игорь Борисович.

- О чем я и говорю! Там надо пахать, как Библейский Сафат. Между прочим, его сыном был Елисей, который видел вознесение Илии на небо. Так о чем я? Все, кто уехал – дураки. Вы меня, конечно, извините за вульгарность. А я здесь! И никуда ехать не собираюсь. И работать не буду. Здесь моя Родина и здесь я буду перебиваться с масла на паюсную икру. Даже в сказке надо потрудиться, чтобы добыть несметные сокровища! Обетованная земля! Пусть теперь мандарины собирают. Я их здесь на рынке куплю. Лежу я как-то вечером, читаю газеты. Их сейчас, как собак не резанных. И все врут. Читаю, и слюна от умиления по щеке течет. Вдруг слышу, из зала, Софа меня сильно зовет. Я, пересиливая боль в пояснице, встаю, иду. «Шо произошло? Гена Райзман Луну купил?». «Сядь возле меня и посмотри, что в мире делается!». Я послушно сажусь, смотрю. Показывают, как Миша Шуфутинский живет в Израиле. Вот он на рынке берет себе одно яблочко, один апельсин и один банан. С его-то лицом ему по ведру каждого мало. Ну, показали, где он живет. Скажу вам, далеко не хоромы и не дворец. Здесь - да. Здесь Миша жил во дворце, а там – развернуться негде. Теперь Миша поет. Миша - любимый наш певец. В ресторане, как последний лабух. Мне стало жутко интересно. Сколько же там посетителей слушает золотой голос шансона? Четыре человека... Мама дорогая! Это максимум полцента с рыла... Когда здесь с одного стадиона он миллион клал в карман. И где теперь этот Миша? Он вернулся в Москву! Здесь, в России, деньги зарабатывают, а не на реке Иордан или Стены плача. Вот, мои золотые, смотрите. Заговорил я вас совсем. Устали? Это кольцо. Это серьги. А колечко через пять минут будет здесь, - и он закрутил диск телефона.

- Сеня? Игорь Борисович. У тебя есть женские колечки с изумрудом? Сколько? Неси все три. У тебя на всё четыре минуты. Я сказал: «Четыре!» Ну что, нравится? Примерьте, пожалуйста.

- Миша, ты представляешь...

- Миша всё представляет. Вы примерьте. Потом уже будем разговоры разговаривать. Подойдите к зеркалу.

- Божественно! - взвизгнула Марина, глядя на свое изображение, -
Посмотри, Мишенька! Сказка!

- Никакой сказки я здесь не вижу, - разочарованно произнес Игорь
Борисович.

- Почему?

- Посмотрите на себя внимательно. Где вы видите сказку?

Марина растерялась.

- Скажите, вы видели сказку в джинсах, майке и кроссовках?

- Нет, - горестно ответила она.

- О чем я и говорю. Женщина создана для платья, а не для джинс и, вообще, брюк. Именно оно придает ей женственность, грациозность и все то, что так манит к ней мужчину. Отныне, я запрещаю вам так одеваться. В огороде, персики собирать, пожалуйста. Но на улице... А еще с таким мужчиной... Пойдемте со мной. Мы пока занимаемся женскими делами, вы Михаил Евгеньевич, полистайте вот это. История царей Романовых. Издано в 1905 года. Потрясающе интересно!

Громов сел в кресло, взял книгу, нехотя стал ее перелистовать. Звякнул колокольчик, вошел худой, кучерявый подросток, лет двенадцати.

- Лёва! Ты ползком полз? – откуда-то из глубины донесся голос Игоря Борисовича, - Клиенты замерзли тебя ждать.

- Я бежал, дядя Игорь.

- Он бежал!.. Я сейчас выйду и пощупаю твой пульс, мерзавец! Принес?

Да.

- Неси сюда.

Прошло какое-то время. Послышалось шуршанье. Головин поднял голову и онемел. Перед ним стояла настоящая королева. На Марине было изысканное темное платье, украшенное изумрудным колье, в ушах отражали свет такого же цвета сережки, и на безымянном пальце левой руки искрилось колечко, а на ногах - туфли на высоком каблуке.

- Потрясающе! - воскликнул адмирал, - Заверните.

- Уже!

- Можно забирать?

- Я бы уже давно забрал. Вы же знаете, к нам ходят очень богатые клиенты. Могут забрать мгновенно. И глазом не успеете моргнуть.

- Стоп, стоп, стоп! – защелкала пальцем Марина, - Вы не забыли, что здесь еще есть я?

- Мариночка! Мы, кажется, обо всем договорились. Вы думаете, всё это стоит так дорого? Отнюдь! Вы лучше мне скажите, вашу прежнюю, с позволения сказать, одежду сжечь или вы ее все-таки заберете?

- А что, я пойду так? Резвее можно в таком виде по улице ходить, убьют. Я не думаю, что Россия победила преступность. Я, наверно...

- Мариша, мы сейчас едим в такое место, где надо выглядеть именно так и не иначе.

- Мишенька, - Марина повисла на Михаиле, - мой дорогой, любимый и самый, самый родной. Я так тебе благодарна и, в тоже время, ввела в такие расходы... Я не знаю, не умею выразить словами и действиями всё то, что я к тебе испытываю! Спасибо тебе, любимый. Если бы я могла... Если бы... Поцелуй меня, пожалуйста.

Сзади раздалось покрикивание.

- Молодые люди, здесь есть еще я. Так я не понял, что делать с вещами? – Игорь Борисович восхищенно смотрел на Марину, - Сбросить бы мне лет тридцать и оставил бы я вас тогда, Михаил Евгеньевич, с носом

- Заберу всё как память. Память о вас, Игорь Борисович, память о этом чудесном городе, память вот об этом человеке, - она обняла за талию Михаила.

- Лева! Всё быстро заверни в пакет и неси сюда.

- У меня в брюках деньги, документы... Можно я их заберу?

- Ах! Старею. А это уже плохо. Минуточку, - антиквар зашел за прилавок и вынес элегантную дамскую сумочку, - Марина, примите это лично от меня. В общую стоимость она не входит. Поклонитесь до земли Обетованной, а у Стены плача поставьте за меня, Игоря Бирмана, свечку.

- Всё сделаю, Игорь Борисович, не волнуйтесь. Спасибо вам большое за вашу доброту и отзывчивость, искренность и внимание. Разрешите мне вас поцеловать. Искренно поцеловать. И пусть меня покарает Бог, если я сейчас вру, - она обвили его шею руками и троекратно поцеловала. Потом отошла и поклонилась до земли.

- Девонька, что ты со мной сейчас делаешь? Уезжайте, Михаил Евгеньевич, а я здесь стану плакать. Доброго вам пути. Будьте счастливы и живите долго.

Головин проводил Марину до машины.

- Присаживайся дорогая, я на одну секундочку заскочу к Игорю Борисовичу.

7

- Мама, где ты так долго была? Я уже начал волноваться. Ого! Ты у меня просто царица! Так красиво! Так тебе всё идет! Прямо, как Золушка. Прости за сравнение. Ушла замарашкой, а вернулась королевой. Это тебе Михаил Евгеньевич подарил? Здорово как! Ты на себя хоть смотрела в зеркало? Я даже и не узнал тебя вначале. Чудо какое-то.

- Тебе, правда, нравится Мишенька?

- Я в полном восторге!

- А вам Володя?

- Супер! Вас, правда, не узнать.

- Мама, а мы с Володей познакомились. Я пригласил его к нам в гости. Он сказал, что Михаил Евгеньевич самый...

Открылась дверь и сел Головин.

- О чем беседа? Как вам, молодые люди, Марина Степановна?

- Мы от нее без ума.

- Должен заметить, не одни вы. Я тоже принимаю в этом самое активное участие. Володя, а теперь быстренько до Софьи Львовны. Мы начинаем опаздывать. Мужчина обязан быть пунктуальным! Если впереди затор, можешь воспользоваться мигалкой и, даже, сиреной. Но не лихачить. Ехать быстро и аккуратно. Вот вы молодые, у вас впереди длинная и счастливая жизнь. Запомните. Человек обязан видеть дальше горизонта. Именно там его

будущее. Под ногами могут валяться только десять копеек. Но это не счастье и не удача. Это лишь какое-то мгновенное везенье. И нельзя быть кисой или паинькой. В пути таких затопчут. Иногда, для создания муляжа войны, надо создавать для себя ореол таинственного человека. И жить в постоянной борьбе: с самим собой, что очень и очень трудно, с окружающей средой, с коллективом... Если коллектив почувствует твою слабость и фальшь, - доверие потеряно навсегда. А этого допускать нельзя. Тогда всю жизнь будешь жить рабом.

- Мишенька! Раньше я не наблюдала у тебя философских наклонностей. Скажи мне честно, всё это, - она обвела себя рукой, - очень дорого?

- Из всего этого, самая дорогая – это ты. Всё остальное – мелочь!

- Правда? – Марина взяла его руку и прижала к своей щеке, - Ты знаешь, я до сих пор не верю, что ты рядом. И очень боюсь, что это сон. А если сон, то я останусь в нем вечно, и не буду просыпаться.

Она положила голову на его плечо.

- Мишенька, как сказал сын, за одно мгновение ты Замарашку превратил в царицу. Так красиво! Я несказанно благодарна тебе за это. Такого мне никто и никогда не дарил. Я трогаю их постоянно, и во мне силы прибавляются, ну нежность с любовью через край выливаются. Знаешь, Миша, о чем я постоянно думаю. Почему Бог разделил людей по национальностям? Не случись этого и на всей планете люди были бы братья. И жили бы они вечно там, где родились. И не было бы никакой вражды. И никаких держав. И никаких границ. И мы бы с тобой никогда не расстались. И всех окружала только любовь. А я бы тебя всегда любила и ждала на берегу с нашими детьми

- Ложись ко мне на колени, а я буду гладить твои волосы и читать стихи Асадова.

- Правда? Ты их еще помнишь? – она сбросила туфли, поджала ножки и улеглась на сидение.

- Почему я их должен забыть?

- Мало ли?.. Такой дяденька солидный...

- Ты считаешь, что солидные дяденьки только солидное и говорят?

Она пожала плечами, положила его руку под свою голову и поцеловала ее.

- А помнишь, какое стихотворение ты мне прочитал первым?

- Конечно!

- Ой! – засмеялась она, - Хвастунишка! Тогда прочти.

- Пожалуйста: «Любить - это, прежде всего, отдавать.

Любить - значит, чувства свои, как реку,

С весенней щедростью расплескать

На радость близкому человеку.»

- Я восхищена! Вот это память! А вот что я ответила тебе, точно не помнишь. Шекель даю!

- Если шекель, тогда слушай. Я за шекель тебе всего Асадова прочту.

- Ну, ну..

- Слушай: «Я могу тебя очень ждать,

Долго-долго и верно-верно,

И ночами могу не спать

Год, и два, и всю жизнь, наверно!»

- Невероятно! Потрясающе! Я даже не знаю тех слов, которые тебе должна сказать!

- А ничего и не надо сейчас говорить. Давай и всё.

- Не поняла. Что давать?

- Не прикидывайся простачком. Шекель давай.

Марина счастливо рассмеялась.

- - Миша, похлопала по спине сына, - дай мне, пожалуйста, кошелек. Она открыла его, порылась среди бумаг, - Вот вам, мой герой и победитель заслуженный выигрыш.

Головин взял и гордо положил в карман рубашки.

- Вот это уже справедливо, - засмеялся он, - Подъезжаем!

8

Машина съехала с трассы в лес. На повороте стояла табличка: «Посторонним въезд воспрещен».

- Володя, - зашептал Миша, - ты что, читать не умеешь. Там же предупреждающая надпись.

- Не волнуйся. Это не для нас.

Вскоре показались ворота с якорями по бокам и КПП.

Ворота бесшумно отъехали в сторону. Офицер по стойке «Смирно» отдал честь.

- Ой, как обидно! Всю дорогу пролежала у тебя на коленях, ничего и не видела.

- Не страшно. Обратно поедем той же дорогой. Всё и увидишь. Да, собственно говоря, ничего интересного и не пропустила.

- Куда ты нас привез? Здесь так красиво. Это Берендеево царство?

- Почти. Тут место отдыха очень больших флотских чинов. Да разве только флотских. А царство здесь Софьи Львовны. А вот и она сама идет встречать нас.

- Здравствуйте, Михаил Евгеньевич. Здравствуйте, - обернулась она к гостям, - Все готово, как вы сказали. Стол сейчас девочки накрывают на террасе. Сегодня тепло. А там тенёк и сквозняков нет. Погуляйте пока. Буквально минут десять. Вас пригласят. Покажите гостям наши красоты.

- Спасибо, Софья Львовна. Занимайтесь своими делами.

- Михаил Евгеньевич, вы здесь будете отдыхать?

- Нет. К вечеру уедем.

- Приятного аппетита, - и она бесшумно растворилась.

- Миша! Как у вас здесь строго. Да-нет, и не более.

- Здесь работают те, кто не задает лишних вопросов. А тем более говорит о них на базаре. За такие вещи быстро снимают с работы. Миша, чего стоишь в стороне? Ты сегодня должен сделать два миллиона снимков. Вы не каждый день ко мне приезжаете. Володя! Иди сюда. Сними нас втроем. Только уговор, - все веселые и счастливые! У нас не расставание. У нас встреча! Все улыбаемся и веселимся.

Владимир фотографировал их непрерывно: и у дерева, и у клумбы, фонтана, бассейна, озера, и с Амуром, и на футбольном поле... И стоя, и лежа, и на руках Михаила Евгеньевича, и в обнимку, и по одиночке. А откуда-то сверху тихо играла музыка Шопена

Сзади неслышно подошла девушка.

- Михаил Евгеньевич, все готово. Приглашаем вас.

- Спасибо. Идем. Не забудьте водителя покормить.

- Обязательно, Михаил Евгеньевич.

- Ну что, идем. Желудок и правда свое требует. Володя, У нас сейчас четырнадцать десять. На восемнадцать будь готов.

- Есть!

- Мишенька, - Марина пристально глядела в глаза Головину, - ответь мне, только честно, как если бы сейчас спросил тебя Всевышней, - Я тебе нравлюсь? Ты меня еще любишь? Да или нет? И без обмана.

- Мариночка, меня обижают твои вопросы. Тебе ничего не отвечу, а Всевышнему скажу, - Головин встал на колени, обратил голову к небу и перекрестился, - Господи, всемилостивейший, покарай меня на этом месте, если я скажу сейчас неправду. Я люблю эту женщину. Очень сильно люблю. Любил всегда, люблю сейчас и буду любить вечно. И чтобы подтвердить свои слова я немедленно поставлю Тебе за это свечу, - он снова перекрестился

- Мишенька, родной мой! - вновь заплакала Марина, - Как я счастлива! - она тоже опустилась на колени, - Спасибо тебе, Господи, за все. За то, что я нашла его, за то, что дышу сейчас с ним одним воздухом, за то, что он есть и будет, - она тоже перекрестилась, поклонилась до самой земли и, обняв Михаила, долго целовала его губы.

- Давай договоримся, Мариша, - сегодня это были твои последние слезы. Пойдем, поставим свечки, у нас тут есть часовенка, и начнем наше застолье. А то все остынет.

9

- Дорогие мои, родные и любимые! – Головин с рюмкой встал над столом, - Я сегодня встретился со своею молодостью или молодость со мной... Я не знаю. Знаю одно, что такое случается не каждый день и далеко не со всеми. Мне несказанно повезло. Значит, я счастливый человек! Самый счастливый! В моей жизни было всё: я видел глаза смерти, как в зеркале видят свои собственные, видел счастье на глазах спасенных из моря ребят... Горел. Слава Богу, не тонул. Концом троса мне перебивало ноги. И сразу хочу закрыть ещё один щепетильный вопрос. Он обязательно последует, поэтому отвечаю на него сразу. Женат был. В 1985 году. И всего полгода. Развелся, потому что нельзя думать об одной, а видеть совершенно чужое лицо, слышать чужой голос и... вообще. Детей нет. Короче вот так, мои дорогие! Вся моя жизнь связана с флотом. Я хочу выпить за нас всех. За всё то, что было, что есть и что будет. Звезд с неба не хватал. Они сами как-то падали на погоны. Здоровья нам всем, счастья и огромной любви. Миша, извини меня, я тебя совсем не знаю, но я люблю твою маму, люблю больше собственной жизни.

- Миша, - хлюпнула носом Марина, - ты запретил мне плакать. Тогда давайте выпьем и поедим. А то чувствую, от этих кулинарных запахов скоро наступит голодный обморок. Все, что ты сказал, любимый - прекрасно. Выпьем за это, - и она чокнулась со всеми.

- Мама, - обеспокоенно сказал Миша, - тебе же нельзя.

- Молчи, сын. Сегодня мне всё можно.

Марина, Миша, всё, что вы видите на столе – это мои любимые блюда. Кушайте. Уха из севрюги растворяет все болезни в организме. Действительно, давайте хорошенько поедим, а уже потом начнем разговоры разговаривать.

Ели быстро и с аппетитом. Несколько раз произносились тосты.

- Ой! По-моему я так наелась... Очень все вкусно. Миша, а чай планируется.

- Непременно и исключительно из самовара.

- Мишенька, давай теперь я расскажу тебе немножко о себе. 1980 год. Нас принимали как, героев. А чего не герои? Газеты писали, что мы вырвались из плена, звезда свободы загорелась перед нами... Короче, - сплошная попугайщина. Не люблю об этом вспоминать. Нам дали квартиру, не совсем далеко от Тель-Авива, в городе Херцлия.

Надо признаться, там, конечно, большая разница от Союза. Во всех отношениях. И быт другой, и культура, и преступности почти нет. Но не знаю. Меня не восхитило. Ведь свинья живет в грязи и от этого ни коим образом не страдает. Постели ей ковер - ее быт и нрав сразу нарушатся. Так и со мной.

Вначале все изучали иврит. Как без этого? Папе предложили довольно солидную должность инженера-технолога на каком-то крупном заводе с приличной зарплатой. Мама ничем не занималась, сидела дома.

Потом я окончила курсы медицинских сестер и пошла работать в дом престарелых. Говоря откровенно, мы были лишними в этом государстве. Особенно это заметно сейчас, когда евреев туда понаехало миллионы. Их не знают куда девать. Идут собирать мандарины. Никто ни работать не хочет, ни учить язык, ни где-либо учиться. Сейчас там и преступность будь здоров! Ничего не делая, все хотят хорошо жить. В сказку приехали.

Если здесь все были евреями и гордились этим, то теперь выходцы отсюда - все русские. Ты был на одесском «Приводе»?

- Нет.

- Хорошо. Другой пример. Игорь Борисович. Он говорит, не умолкая. Вот так и в Израиле. Впечатление такое, что ты находишься в самом центре пчелиного улья. Говорят все и никто никого не слушает. Но дисциплина чувствуется во всем. Этому там надо поучиться.

- Была я, как Несмеяна. Ходила вечно с кислым лицом.

В 1982 году вышла замуж за банкира, который почти на двадцать лет был старше меня. Мама постаралась. Жили и живем в большом достатке. Но золото не обладает свойством веселить душу и растапливать лед в сердце. Так родился Мишенька, которому я посвятила всю себя. Муж есть, точнее, числится, но как номинальная единица.

Мишенька, я немного устала. Даже не устала, а опьянела от свежего воздуха. У нас же днем выйти невозможно. В пепел превратишься. У тебя есть здесь, где можно полежать?

- Пойдемте в мой домик. И правда, не мешает всем передохнуть.

- Михаил Евгеньевич, а можно я здесь поброжу, пофотографирую.

- Конечно можно. Если кто поинтересуется, скажешь, что ты мой гость. Обед понравился?

- Особенно зайчатина и картошка с грибами, - облизнулась Марина.

- А уха?

Уха вне всякого сомнения. Кормят у вас здесь просто великолепно и, самое главное, вкусно.

10

Михаил и Марина вошли в, так называемый, домик, который внутри мог поспорить с царскими покоями.

- Вот теперь, милый, мы и одни, - она прильнула к нему, - Я хочу тебе дать то, что не смогла сделать в восьмидесятом году. Покажи, где душ. Приглашаю принять его вместе.

После бурной встречи они лежали на огромной кровати.

- Знаешь, Мишенька, я баба шальная. А вот если возьму и вернусь, примешь, не прогонишь?

- А такое возможно? Я бы тебя на руках носил. Верить?

- Тебе, дорогой, всегда верю. Боже, как всё глупо... я так жалею, что уехала... Всё равно бы нашли и вышвырнули из страны. Здесь законы варварские. Миша, где бы моему Мишке здесь найти такую девчонку, как я? У нас всё давно испорчено.

- Глупенькая, это хорошее прививается с трудом, а гадость схватывается мгновенно. Наше общество, наверное, испорченнее вашего, в десятки раз. И куда мы идем, подумать страшно.

- Да, любимый, согласна. Думаю, вскоре, изольёт Господь с небес серу и огонь на нашу Землю и вымрет на ней вся скверна. Как за разврат уничтожил он Содом и Гоморру, стерев их с лица земли. Давай, Мишенька, еще раз

нацелуемся с тобой до следующего года. Вещи надо из гостинцы забрать и таможенную декларацию заполнить. А то, с такими подарками нас арестуют здесь и отправят к северным оленям.

- Не волнуйся, мы всё успеем, прошептал он, задыхаясь в ее объятьях.

IV

1

Через три недели Головин получил из Израиля письмо. Он прочитал адрес. Вроде бы всё сходилось. И адрес тот же. Но почему не Маринин почерк? Почему в разделе фамилии стоит Перельман Михаил?

Он быстро разорвал конверт: «Здравствуйте, уважаемый Михаил Евгеньевич! Вам пишет Миша Перельман. С прискорбием уведомляю Вас, что умерла моя мама, а Ваша давнишняя любовь, Марина Степановна.

У нее была выраженная аневризма аорты. Этот диагноз ей поставили еще двенадцать лет назад. Предлагали операцию, риск которой очень даже велик. Но она постоянно оттягивала, говорила, пойдет и так. Последнее время она стала чувствовать себя значительно хуже. Появились одышка, сухой кашель, изменился голос.

В это время она была одержима лишь одной целью, - поехать в Россию и увидеть Вас. И уже ничего не могло ее остановить. Она, как предчувствовала свою кончину, и спешила завершить все свои замыслы. О встречи с вами она мечтала всю жизнь. И делилась этим всегда со мной. Мы были с ней друзьями и единомышленниками. И я знаю о Вас и о ней всё-всё.

Мама клятвенно уверяла меня, что после России она обязательно ляжет в клинику и сделает операцию. Собственно говоря, так и было...

На удивление, что туда, что обратно полет она перенесла очень даже хорошо. И по возвращению домой даже помолодела, стала живой, бодрой... И категорично заявила, что сделает операцию и вернется к Вам, что жить здесь больше не может, что там ее Родина, а здесь каторга.

Папу она никогда не любила и вышла замуж лишь затем, чтобы родить меня. После моего появления, она отдала всецело себя мне, а с отцом никаких отношений не поддерживала.

Ваш дневник она читала каждый божий день и по несколько раз. Полагаю, что знала его наизусть. Вы для нее были истинный герой, образец настоящего мужчины... Она боготворила Вас!

За несколько часов до операции, она позвала меня к себе и сказала, что если с ней что-то случится, хотя была уверена на сто процентов в положительном исходе, то похоронить в том же платье, которое Вы ей подарили, с теми же драгоценностями и блокнотом.

Исход операции был плачевный.

Похоронили ее так, как она просила, хотя все были против. Но я проследил, чтобы ничего не пропало, и всё было сделано так, как она велела.

Очень она любила Вас, Михаил Евгеньевич. И меня любила, видя во мне вас. Она была моим самым преданным другом. Им и останется. Одно ее пожелание я всё-таки не выполню. Мама хотела, чтобы я эмигрировал в Россию. Этого я не смогу сделать. Здесь я вырос, здесь живу, тут моя Родина. В, конце концов, здесь моя мама. И я останусь с ней. Пусть она услышит меня и простит за это.

Царствие ей небесное и пусть земля будет всегда пухом!

Передайте, пожалуйста, Игорю Борисовичу, что все его просьбы она выполнила.

После посланной Вам телеграммы о успешном прибытии, она всё порывалась, написать письмо, но подготовка к операции занимала слишком много времени. Она говорила: «Выйду из наркоза и начну забрасывать его письмами. И всё время улыбалась, что раньше для неё было редкостью.

Дорогой Михаил Евгеньевич! Вы обещали приехать в следующем году. Не обманите маму и меня тоже. Будем ждать Вас!

Извините за безрадостные известия. Мир опустел не только для Вас, но и для меня.

С искреннем уважением, Михаил Перельман.

Кланяйтесь от нас Северной столице.

До свидания.

С глубоким уважением, Миша

P.S. Как мама и хотела, на надгробной плите написана ее русская фамилия.

27 августа 2007 года

Город Херцлия.

Израиль.

2

Головин долго сидел, склонив голову на скрещенные руки. Потом тяжело поднялся, вышел из кабинета, прошелся по коридору. Было муторно, горько и горестно. Казалось, что время остановилось навсегда.

РАЙСКАЯ ЖИЗНЬ

Если и есть в Вооруженных силах рай, то это, непременно, в Военкомате, в каком-нибудь отдаленном районном центре, где до линии горизонта, а может быть и дальше, нет ни одного начальника.

Военком, прослуживший до этого в войсках довольно длительное время и видевший в этой жизни, буквально, всё, кроме Бога и Джорджа Буша, по болезни, блату, либо «очень крупно повезло», попадает в край непуганых птиц.

И ничего, что два раза в год призывная комиссия. И ничего, что в это время надо маленько пошевелиться... В остальное же время – Рай!!!

На этом посту, в этом Богом забытом поселке, он - Человек! И, далеко, не последний! Он смело входит в портянках и сапогах в Элиту района. Правда, вскоре надевает ботинки, но портяночный дух остается на всю жизнь, как шрам, как родинка, как татуировка.

Но Элита всегда держит его на расстоянии. Не совсем надежный товарищ. С водкой дружит, да и вообще... Он же на всех плюёт, ибо никому из них не подчиняется. Его начальники были где-то в области, да и то приезжали расслабиться по-полной, со всеми вытекающими отсюда и оттуда последствиями. А уезжали, елозя «брюхом» по асфальту от даров волхвов и благодарных жителей.

У военкома персональная машина. А это в сельской местности, далеко не последнее дело.

Ему дают большущий дом. И он сразу же заводит хозяйство. В первую очередь это свиньи и в, изобилии, дичь. Коровой обзаводятся редко. Жене, которая моталась с ним по гарнизонам, дергать теперь за сиськи как-то не с руки. Ныне она, тоже, в фаворе. И не пристойно «светской» даме подобными вещами заниматься.

Военком начинает обрастать друзьями. Это, в первую очередь, директора совхозов, егеря, милиция и инспекторы рыбнадзора. И те тоже тянутся к нему. Ведь не у каждого сын или внук, вдруг, возьмёт и захочет защищать родное Отечество. Как тут можно обойтись без военкома? А пять тонн зерна, полтонны картошки, капусты, свеклы, моркови и прочей мелочи, для хорошего человека не жалко. Есть желание кабана или лося завалить - никаких проблем. Нужен судачок или щучка под заливное - ничего делать не надо. И водку наливать будем, и с ложечки кормить тоже. Живи и здравствуй, дорогой! Нам это не в убыток.

Если Юрий Алексеевич Гагарин заслужил такое право своим беспримерным подвигом, то военком, просто нужен всем. Вот его за это и кормят, и поят.

Любящий себя военный комиссар, в обязательном порядке, заводит две, а то и три любовницы. Однообразная и скучная военная служба требует постоянной психо-эмоциональной разгрузки, которую не может дать жена. Без этой самой разгрузки можно быстро спиться, поймать «белочку», или надолго слечь с циррозом печени. А этого никак нельзя. Ты же человек военный,.. и вдруг с «белочкой» в руке. Как-то не очень даже хорошо получается.

С женщинами важно что? Не перепутать имя. А если... Приходится искать замену. Это не так долго, но тратится драгоценный фактор, - время. Поэтому человечество, за длительное своё существование, придумало слова, заменяющие женские имена: «зайчик», «котенок», «душка», «крошка» и прочую ересь. Здесь уже никак не ошибёшься. И ты любишь, и тебя тоже. Тебя даже крепче, потому как ты Элита.

Военные, а военком плоть от плоти, кровь от крови, военный, любят еще и выпить. Иногда, даже крепко. А учитывая, что этот, да разве только этот, военкомат, находится вдали от шума городского, выпивать приходится часто, а порой и много. С годами нос военного комиссара становится красным, с

жилками синевы, а лицо приобретает бронзовый оттенок, будто бы он родился и всю жизнь провел в солярии.

Ну, вот, кратенько и весь обзор, как живут, бытуют и служат Отчизне те, кто, собственно говоря, и куёт кадры для формирования всех видов Вооруженных сил государства.

Перегудов Василий Иванович, далеко, конечно, не Чапаев, но проплывал недалече... Уж больно имя и отчество видное.

Майор, послуживший десять лет артиллеристом, где частично и потерял слух на оба уха от вечного грохота снарядов, был переведен в военкомы. Но в лейтенантские годы он служил на крейсере, где совершил какое-то деяние, не свойственное военному. А так как был он офицером грамотным, сослали его к черту на кулички, где он и прозябал до сих пор. Так Перегудов из моряка превратился в сухопутного офицера. Но вот уже полтора месяца «изучал» на новом месте собственную дислокацию и диспозицию. Всё для него было, пока, дико и непонятно. Семья еще не приехала, и он прозябал жизнь в своем кабинете.

От всей этой непонятки майор запил горькую.

И чего не залить. Друзья за тысячу километров. Каждый день звонить не станешь. Да и некогда этим друзьям выслушивать Васин бред. Каждый из них занят боевой подготовкой, потихонечку тоже теряя слух. И каждый готов разделить с ним его должность.

К восьми часам стали подтягиваться подчиненные. В коридоре стоял босой, взъерошенный, сильно помятый, в парадной тужурке и при медалях, их начальник. Его слегка покачивало, а перегар стоял такой стойкий, что, казалось, кислорода в помещении не было вообще.

- Где подарки? – с трудом выдавил он из себя.

- Какие подарки? – переглянулись подчиненные.

- У меня сегодня день рождения, - по складам произнес военком.

- Василий Иванович, - решил прикрыть общий зад начальник второго отдела, прапорщик Яременко, - Мы готовились провести это мероприятие в обед. Секундочку, - он быстро вошел в свой кабинет и вышел оттуда с

бутылкой водки, - Девочки! Организуйте нам по бутерброду и по стаканчику чая. Пойдемте, Василий Иванович, в ваш кабинет.

Со своим заместителем, капитаном Сергиенко, новый военком контакта пока не нашел. Да и как найти, если заместитель здесь с лейтенантов крутится, свору собак съел, а его, как молодого... Поэтому заместитель на все забил «болт» и целыми днями, развалясь у себя в кабинете, смотрел по общественному компьютеру фильмы сомнительного содержания, с явно выраженной порнографической ориентацией. И когда деловод Вера приходила, чтобы исполнить очередную бумагу, то всегда натыкалась на жриц любви и их многочисленных партнеров.

- Что это, Валентин Сергеевич? – неизменно спрашивала она, слегка порозовев.

- Где, Вера?

- Вот, - и она показывала на экран компьютера.

- Не обращай внимания. По всей видимости, опять произошел сбой программы.

Через час Яременко доложил, - Шеф спит. Надо что-то сообразить. Кто же знал, что у него сегодня день рождения. Значит так. Прием на сегодня отменяется. Ворота закрыть и на них записку написать. Всем сейчас по домам и чтоб, через сорок минут, здесь была организована хорошая закуска. Машина начальника в вашем распоряжении. Водку я беру на себя. И последнее. С военных по пятьсот рублей, с гражданских по триста.

Через сорок минут навезли всего столько, что стол явно был должен сломаться от яств.

- Люба, Галя, вы занимаетесь столом. Картошка, знаете, где лежит. Лариса Ивановна, на ваши хрупкие плечи ложится подарок, две бутылки минеральной воды и пару селедочек. Вот деньги.

- Что покупать-то? Я, даже, не знаю.

- Прояви смекалку. Всё! Я тебя здесь уже не вижу!

И работа закипела. Все, наученные опытом предыдущего начальника, работали быстро, сноровисто и с пониманием дела.

Около десяти часов в комнате дежурного раздался телефонный звонок.

К заместителю военкома влетел красный прапорщик Яременко, - Валентин Сергеевич, начальника приглашает к телефону дежурный по облвоенкомату! А он, извините, никакой. Как говориться: «Ни в зуб ногой».

- Что он хочет?

- Не сказал.

Сергиенко лениво прошел в дежурную комнату, поднес трубку к уху.

- Капитан Сергиенко у телефона. Здравия желаю!

- Здравствуй, Валентин. Самойлов. Где твой начальник?

- В администрацию уехал.

- Немедленно разыщи его. У вас через два часа генерал будет.

- С какой целью?

- Генералы о своих планах нам не докладывают. Встретьте, как положено, - и в трубке слышались гудки.

- Где наш доморощенный алкоголик? Женя, - повернулся он к Яременко, выволоки его из кабинета и под холодный душ. Час там держи, чтоб вся дурь вышла. Генерал за такое никого по голове не погладит. Всем достанется.

- Валентин Сергеевич, а со столом что делать?

- А вот со столом ничего не надо делать. Он будет нашим амортизатором.

Через секунду из кабинета военкома вывалился Яременко, - Валентин Сергеевич! А его нет!

- Кого нет? Как нет? - заорал Сергиенко, - Через окно ушел?

- Он не мог через окно уйти. На всех окнах решетки.

- Тогда где он? Мы же из коридора не отлучались.

- Он полчаса как вышел. Сказал, что в туалет пошел, - вспомнила Галя.

- Твою дивизию! – прорычал зам, - Всем на поиски этого тела!

Военкома отыскиали не быстро.

-Лариса Ивановна нашла его в парке, что напротив военкомата. Его тело покоилось между березами, росшими из одного корня. Он обнял их, как дорогих сестер. Лиловая голова валялась на груди. Из рта катилась тягучая слюна, прямо на парадную рубашку.

Яременко и Лариса быстро заволокли его во двор.

- Женя, вытащи всё из его карманов, а его самого в душевую. Только дверь снаружи подоприте, чтоб не вышел раньше времени, а вы, Лариса Ивановна, как наш уважаемый доктор, проявите сноровку и очистите ему желудок.

- У меня такого ничего нет... - растерялась Лариса.

- Одна морока с вами. С этими бумагами вы, товарищ пособник смерти, всю связь с практикой потеряете. Если уже не потеряли. Скоро градусник будете у соседней спрашивать, куда поставить. Нашатырный спирт есть?

- Есть, - Лариса стояла бледная. В таком тоне с ней никогда и никто не разговаривал.

- Накапайте в стакан воды десять капель нашатыря и дайте ему выпить. Пусть хорошенько проблюётся. Трезвее будет. И быстро это делайте! Времени у нас нет,

- Валентин Сергеевич, может раздеть его, - спросил Евгений

- Не надо. Так ему будет уютнее. А когда включишь душ, не забудь «барашек» снять, чтоб воду не перекрыл. Действуй, не изучай меня невинными глазами. На приведение его в чувства, у нас не более сорока минут.

Дав начальнику «волшебных капель», его отнесли в душевую камеру, посадили на «рыбину» и включили ледяной душ. «Барашек» Евгений забрал с собой.

Вскоре из кабинки раздалось рычание, переходящее в отборный мат. Потом пытались выломать дверь, потом что-то орало, грозили, но, в конце концов, через двадцать минут окончательно замолкли.

- Он там не помер? – поинтересовалась Галя.

- Герои не умирают! Они живут в наших сердцах, - ухмыльнулся Сергиенко,
- А теперь Вера, иди, открывай, - скомандовал Валентин Сергеевич, - Тебя он

не тронет, а всех остальных должен убить, даже Ларису Ивановну, несмотря на ее гуманную профессию. Только сразу ему скажи, что через полчаса приедет генерал из облвоенкомата.

- Я боюсь.

- Не бойся, Вера. Мы с тобой! Если потребуется, похороним со всеми воинскими почестями. И выстрелят не три, а пять раз. А я буду плакать.

-Ну вас, - махнула рукой Вера и пошла открывать душевую.

Картина, которую увидела Вера, была, явно, не для слабонервных. Из душевой вышел голый, синий, дрожащий и не могущий сказать ни одного слово военком. От холода его детородный орган провалился в живот.

- Василий Иванович! Через тридцать минут здесь будет генерал из облвоенкомата.

- Кто сказал? – переставая трястись, спросил военком.

- Два часа назад позвонил дежурный из города.

- Почему я узнаю это в последнюю... Да... Быстро переодеваться. И всем готовить свои документы для проверки!

Буквально минут через семь у ворот военкомата скрипнули тормоза.

- Смирно! - заорал Яременко, - Товарищ генерал! Начальник второго отдела прапорщик Яременко. Военкомат работает согласно штатному расписанию.

- Молодец! Армейские навыки не утратил. А где твои начальники?

Из кабинетов уже бежали отекший военком и его боевой заместитель.

- Здорова, Вася! Как тут тебе? Чего такой отекший? Пьёшь, мерзавец! – генерал обнял Перегудова.

- Здравия желаю, товарищ генерал! Никак нет, не пью. Поздравляю вас с генеральским званием - они вместе служили в одной дивизии и знали друг друга очень хорошо, - Бомбоубежища проверял. Промерз насмерть.

- Молодец! А сколько их у тебя?

Перегудов глянул на Яременко. Тот показал два пальца.

- Два, товарищ генерал. Очень грязные. Весь перепачкался. Пришлось душ принимать.

- Молодец, вырастаешь в обстановку.

- Генерал прошел вдоль строя, поздоровался со всеми.

- Ба, - он увидел накрытый стол, - А это по какому поводу?

- У нашего начальника сегодня день рождения, - ответила за всех Лариса Ивановна.

- Вася, правда, что ли?

- Так точно, товарищ генерал.

- Товарищи, - обратился он к стоящим сзади капитанам, - считаю, проверка прошла успешно. Оценка - положительная. Рабочие замечания представите мне завтра в форме акта. Но это если нас пригласят за стол. А ежели нет...

- Николай Иванович, с превеликим удовольствием. Мы как раз и подгадывали к вашему прибытию. Приглашаю всех к столу.

Через два часа довольный и в меру пьяненький генерал, встал.

- Мне хочется сказать всем: «Спасибо». Василию Ивановичу пожелать крепкого здоровья и успехов в боевой и политической обстановке. Ваше подразделение всегда было и, надеюсь, останется в передовиках. Может быть, у кого-то есть вопросы, предложения.

- Разрешите, товарищ генерал, - поднялся военком, - Мой заместитель, капитан Сергиенко Валентин Сергеевич, служит в системе военных комиссариатов очень давно. На своей должности прошел, как говорится, и Крым, и Рим... Я настоятельно его рекомендую на должность военкома.

- Вот старый дурак, - хлопнул себя по лбу генерал, - И ты еще, со своим днем рождения... Все из седой башки вылетело.

- Пожалуйста, товарищ генерал, - подал папку прибывший капитан.

- Валентин Сергеевич, вот тебе приказ о присвоении воинского звания «майор» и погоны. Поздравляю!

- Служу Отечеству! – прогремел от неожиданности Сергиенко.

- Служи, служи... А вот второй приказ о назначении тебя военкомом, - и генерал прочитал название районного центра, - Вопросы у тебя ко мне есть?

- Никак нет. Спасибо.

- Служи также хорошо, как служил здесь. А теперь по коням. Пока доберемся, и рабочий день закончится.

- Николай Иванович, как-то нехорошо получается. А звание обмыть? А должность?

- Перегудов, а ведь ты прав. стакан водки новому майору! И звезду в нее! Пей, Сергиенко. Теперь ты старший офицер! И военком!

Еще час компания не могла разойтись.

Теперь Сергиенко, тоже, ночевал в своем кабинете. До дома дойти не было сил.

Через месяц майору Перегудову пришла Грамота, в которой говорилось о его высоких показателях при выполнении воинского долга.

На должность заместителя райвоенкома прислали нового офицера, старшего лейтенанта.

Служба продолжалась, как и должна продолжаться в военных комиссариатах, где до линии горизонта, а может быть и дальше, нет ни одного начальника.

И ТАКОЕ БЫВАЕТ...

КОРОЛЕВА

1

Три платья, две пары туфель, ну и всё остальное, без чего не может обойтись ни одна женщина, были аккуратно сложены в дорожную сумку.

Серьги в уши, кольца на пальцы, деньги, от греха подальше, в бьюстгальтер... Паспорт, путевка в санаторий и билет на поезд в сумочку... Стандартный набор продуктов питания в пакетик... Много не надо. Вечером перекусить в поезде, да утром позавтракать в Симферополе, а уж обедать придется в санатории.

- Так! – Тамара устало выдохнула, однако мозг продолжал лихорадочно работать, - Докторам... - коньяк, сигареты, конфеты и шоколадки положила. Косметика... Для дороги и отдыха... Тапочки... Туалетная бумага... Салфетки, вытирать руки... Что еще? Книгу? Лишний вес. Там библиотека есть. Да и будет ли время читать? – она снова впала в транс, - Кажется, ничего не забыла. Ну а если?... Не страшно. Сейчас все можно купить. Были бы деньги или... богатые спонсоры, - она мечтательно хмыкнула, - Ну а теперь быстренько в душ и на вокзал. Так хочется уже умотать отсюда побыстрее.

Придирчиво окинув критическим взглядом свое отражение в зеркале, Тамара осталась довольной собственным внешним видом.

- И все-таки мама права, сравнивая меня с королевой. Что греха таить, - хороша. И никуда от этого не деться. Только всё время забываю, про какую королеву она говорит. Да какая разница, - она жеманно улыбнулась, - Борис, иди, присядем на дорожку! – крикнула в зал мужу, погружаясь в кресло. Муж, словно чужой в этом доме, скромно примостился на краешке стула.

- Слушай, Боря, сюда и запоминай, - в голосе Тамары звучал металл, - с друзьями больно не якшайся. От них кроме пьянки больше никакого толка. На хлеб я тебе деньги оставила, а все остальное найдешь дома. А не найдешь.., - она развела руками, - жирок порастрясешь маленько. Понял? И машиной, наконец, займись. А то дребезжит, как трактор. Наверное, уже все знают, кто по городу едет. Перед людьми стыдно. Тебе лично все по барабану. А мне нет! Ну, теперь и я мешать не буду, перестану мельтешить перед твоими светлыми очами. Так что вперед и с песней! А не сделаешь, можешь сразу завидовать мертвым, понял? – она зло улыбнулась.

- Займусь. Обязательно займусь. Не волнуйся только. Всё будет нормально. Отдыхай спокойно, лечись, сил набирайся, нервы укрепляй. Звони изредка, не забывай.

- С тобой никаких нервов не напасешься. И почему это я должна звонить изредка? Чтоб не мешать тебе разлагаться?

- Да я так, к слову. Что ты ко всему придираешься? Звони хоть сорок раз на день.

- Что-то на душе у меня не спокойно. Прямо кошки скребут. Может и не ехать вовсе? Что посоветуешь?

- Дело твое. Не хочешь, билет сдам. Но подлечиться надо. Сама говоришь, что нервы ни к черту.

- Какой сговорчивый ты сегодня у меня. Прямо ягненок. Всё волчье куда-то подевалось...

- Тебе хочется настроение мне испортить? Считай, что уже получилось. Надо выходить. Пока доберемся, и поезд подойдет. А и так мы, кажется, уже пересидели немного, - он встал, взял вещи и направился к выходу.

- Надеюсь, что в салоне машины чисто? Не придется мне сегодня ехать в свинарнике?

Борис пропустил фразу жены мимо ушей.

2

Вокзал был пуст. Только бабка, окружив себя котомками, что-то тупо жевала в тусклом свете единственной, засиженной мухами, лампочки. В зале ожидания резко пахло мочой и еще чем-то затхлым.

- Пойдем отсюда на перрон, иначе провоняем все насквозь. И не отмыться потом будет. Ты покуришь, я разомнусь немного.

На улице было жарко. Наступающий вечер не нес желанную прохладу. На скамейке трое изрядно подвыпивших молодых людей под расстроенную гитару вразнобой пели о желании уехать в Тамбов.

- Ты не желаешь к ним присоединиться?

- Не умно.

- Тогда сходи, узнай, не опаздывает ли наш поезд?

- У кого? У бабки?

- Хорошо! Я сама... - Тамара, нервно дернув плечами и массивно работая ягодицами, направилась к двери вокзала.

- Где узнавать будешь? Ты разве не видела табличку у кассы: «Технический перерыв».

- Представь себе, не видела. А если и...

В громкоговорителе что-то булькнуло и прохрипело.

- Должно быть наш поезд. По времени как раз, - Тамара тревожно напряглась, - Ты не расслышал, на какой путь прибывает?

- Ну, естественно на первый. Тут за сутки от силы с десятков поездов проходит.

- А с какого конца нумерация? Вокзальные объявления сравнимы лишь с почерком врача. И здесь, и там что-то есть, но разобрать никогда не возможно. Бери вещи. Седьмой вагон. Вон и поезд идет.

Поезд неожиданно свернул на третий путь.

- Тебя послушать, себя обидеть. Теперь все туфли о камни сотру. Побежали по перрону, а там спустимся. Спасибо, что вагон наш почти рядом остановился.

Перелезая через пути, Борис зацепился за рельсу и со всего маху упал в растекшийся мазут. Силой характера, спасая драгоценную поклажу, он отшвырнул драгоценную ношу в сторону. Из раскрытых окон вагонов послышался смех. Тамара обернулась.

- И здесь ты без фокусов не можешь, - ядовито прошипела она, - Домой иди, провожальщик. В твоей помощи я больше не нуждаюсь, - она схватила сумку и, гордо выпятив грудь, элегантно балансируя на камнях, поспешила к вагону, - Мне не трезвонь. Позвоню сама, как устроюсь, - крикнула супруга из тамбура.

Дверь закрылась. Поезд протяжно дал гудок и, набирая скорость, покатил на юг.

Борис в сердцах сорвал рубашку, швырнув ее в сторону уходящего поезда и пошел под краном отмывать грязь, прилипшую к нему за сегодняшний день. По пути домой купил бутылку водки, колбасы и поехал благоустраивать свою короткую холостяцкую жизнь.

Жизнь продолжалась во всех ее проявлениях.

Продолжалась везде и у всех.

Но везде и у всех по-разному.

Вагон трясло так, как трясет лихорадящего больного. Тамара, стараясь держать равновесие, медленно продвигалась по вагону, ища свой номер на дверях купе.

- Здравствуйте, - грациозно произнесла она, входя в купе, чарующе улыбаясь.

За столиком сидели три представителя сильного пола и лениво пили пиво.

- Четырнадцатое здесь место? Или мне дальше?

- Здесь, здесь, - хором ответили они.

- Я не помешаю вашему коллективу?

- Что вы! У нас сегодня как раз не хватает одного человека, - довольно симпатичный мужчина, лет тридцати - тридцати пяти галантно приподнялся и в поклоне распротер руки, - Проходите, располагайтесь...

- Мальчики, а среди вас есть джентльмены? Только честно?! – Тамара решила сразу закончить со всеми своими проблемами.

- А вы сомневаетесь? Чем вызвано такое необоснованное недоверие к нам?

- Просто у меня верхняя полка, а я жутко боюсь высоты, - плаксиво проговорила она.

- И все? Как вас зовут?

- Тамара.

- Томочка, перед вами настоящие джентльмены, больше скажу, - мушкетеры! Атос, - прошуршал он стоптанными тапочками и резко наклонил голову, - Портос, - показал на маленького, лысого толстяка со шрамом на подбородке, - и Арамис.

Мужчина, сидящий у окна, с трудом оторвал пятую точку от полки и, приложив левую руку к груди, поклонился. На двух его пальцах синели выколотые перстни, - Тамара, мое место - ваше место. Я ничего не боюсь. И высоты тоже. Так что устраивайтесь здесь, переодевайтесь... А мы, наверное, пойдем с гвардейцами покурим.

Все шумно поднялись и вышли в коридор. Тамара закрыла дверь и радостно улыбнулась, - Ура! Отдых начинается удачно! До чего, действительно, порядочные люди. Редко в наше время встретишь таких... Сейчас в основном все злые, желчные... Так и норовят укусить, сделать больно, унижить, - думала Тамара переодеваясь. Она одела китайский, темно-синего цвета шелковый халат, по которому бродили сказочные золотые птицы под серебряными звездами. Это за хороший труд и многое-многое другое ей привез из Турции директор их предприятия, Гордиенко Петр Иванович. Он же и путевочку в Ялту организовал со стопроцентной скидкой, - Золотой человек! Вот как таких мужчин не любить?!

Она подошла к зеркалу, подкрасила губы, поправила волосы и, мазнув себя в нескольких местах умопомрачительными духами, еще раз пристально оглядела себя, - Хороша! Даже очень! – и с чарующей улыбкой распахнула дверь.

В коридоре взад-вперед носились дети. Тамара подошла к раскрытому окну, высунула голову. Придорожные посадки на фоне вечернего неба приобретали сказочные очертания. Прохлады не чувствовалось и здесь.

- А мы уже пришли, - раздалось за спиной.

Она обернулась. Мужчины с тремя пакетами широко раскрыв глаза, влюблено смотрели на нее. Сердце ее от произведенного эффекта радостно застучало.

- Констанция! – воскликнул Портос и рухнул на колени.

- Томочка, не сосредоточивайте внимания на этом человеке. Он в школе очень плохо учился. Да и учился ли вообще... Потому абсолютно не разбирается в людях. Встань уже, недоразвитый, - Атос взял Тамару под руку, - Вы - настоящая королева! И обращаться к вам отныне мы будем: «Ваше Величество!». Все усвоили? Мне стыдно за вас, гвардейцы.

- Са-а... Пардон. Атос, я вызову вас на дуэль, - проскрипел Портос, поднимаясь с коленок.

- Умри сам, несчастный! Ваше Величество, - Атос влюблено взглянул в Тамарины глаза, - пройдемте в покои и устроим королевский ужин в вашу честь. Тум, тум, турум!.. – он попытался изобразить что-то похожее на торжественный марш.

- На столе в мгновение ока появились сначала две бутылки коньяка, а потом и третья, предназначенная для лечащего врача, ну и, естественно, всё остальное, что было в кульках и пакетах. Соседи Тамары оказались рыбаками с сейнера и очень компанейскими ребятами, которые ехали в Севастополь после отпуска, чтобы через неделю вновь уйти в Атлантику за новым уловом. За горячительными напитками и веселыми разговорами, стрелки часов быстро перевалили далеко за полночь.

- Атос, - скомандовал Арамис, - пойди, взгляни на расписание. Узнай, что впереди маячит. Ваше Величество, - повернулся он к Тамаре, - учитывая то, что всем нам уже сегодня рано вставать, а еще предстоит кое-что серьезное сделать, я предлагаю нам с вами немного прошвырнуться по коридору и размять кости. Не возражаете? Да и купе не мешает проветрить. А ты, - он хлопнул по плечу Портоса, - прибери тут немного. И разлей остатки для крепкого сна. Понял меня? Как вам мое предложение, Томочка?

- Замечательно! – захлопала Тамара в ладоши, - Я согласна. И, правда, перед Симферополем надо немножко отдохнуть. А то появлюсь завтра в Ялте вся пожеванная, никто и не полюбит, - и королева залиvisto пьяно засмеялась.

- В дверях их чуть не сбил Атос.

- Шеф, через час сорок Джанкой.

- Молодец! – похвалил он его, - Значит всё идет по расписанию. Пойди, помоги Портосу.

- Атос - Портос, Атос - Портос... Я язык сломала за этот вечер... У вас есть другие имена? – капризно прижалась Тамара к Арамису. Ей явно хотелось продолжения банкета.

- Королева, сейчас это уже не так и важно. Вот завтра утром... Пойдемте. Нас ждут великие дела.

Они вошли в купе. Стол был прибран. Его украшали лишь четыре рюмки с янтарной жидкостью, плитка шоколада и бутылка минеральной воды. Матрасы разложены, простыни заправлены.

- Друзья мои! – Арамис поднял рюмку, - За прекрасную женщину и замечательный вечер! Вот ваша, Тома, рюмочка. Быть добру! – он выпил не чокаясь.

- А я пью за вас. Вы хорошие ребята.

- Умница!

- Мальчишки... - Тамару сильно шатнуло, - У меня в сумке есть еще одна бутылка коньяка. Я сейчас достану... Ой, - она обхватила голову руками, - что-то у меня всё плывет перед глазами. Можно я прилягу. Это сейчас пройдет...

Через пару минут послышался надрывный, свистящий храп королевской особы.

4

- Так, мушкетеры, - лицо Арамиса было злым и сосредоточенным, - действуем быстро и без шума. Сумку ее ты переложил? – прошипел он в сторону Портоса.

- Что за вопрос?

- А ты, - повернулся он к Атосу, - давай, тихонечко стаскивай халат... Серьги снимай и кольца. И за пазухой пошарь. Деньги там. Я проверял. Только слишком не увлекайтесь, господин Атос, иначе я с вами сделаю тоже самое, - хмыкнул он, - А я потрясу сумочку. Оставляем платье и туфли. Не голой же ей домой возвращаться. И паспорт... Выходим по одному. Я с сумкой пойду в хвост поезда. Ты, дамский угодник, в нос... Ну а ты, Колобок, все здесь тщательно протри. И вот возьми еще телефон. Вытащишь «симку» и в окно выбросишь. Через десять минут идешь вслед за мной. И чтобы как мыши!.. Проводницу не разбудите. Вперед!..

5

- Гражданочка, гражданочка, просыпаемся. Да просыпаемся, в конце концов! Нагулялась вчера до отрыжки, теперь проснуться не можешь? Все пассажиры давно вышли. В Симферополе двадцать минут как стоим. Мне белье сдавать надо, - проводница неистово трясла Тамарино плечо.

- Что? Уже приехали? Неожиданно... Сейчас, сейчас,.. – Тамара тяжело приподнялась, - Да выйдите... Дайте мне наконец переодеться. Господи, как

мне плохо. Во рту сухо, как в пустыне, голова кружится и сейчас от боли, наверное, расколется, - она схватила со столика бутылку минеральной воды и, не отрываясь, выпила ее.

- Женщина, у вас есть ровно пять минут. Поезд скоро будут перегонять на запасные пути. Чтоб ко мне никаких претензий потом не было.

- Да поняла я, - раздраженно произнесла не коронованная королева, - Одна минута, - и мы распрощаемся.

Она с трудом встала, подошла к зеркалу. Оттуда на нее глянуло отекавшее лицо, - Боже, какой вид!... Как я теперь с таким лицом появлюсь в санатории? - Тамара автоматически надевала платье, туфли, - И кавалеры мои куда-то делись? Не ожидала. А так все начиналось мило,.. - она подняла нижнее сиденье, - А где моя сумка? Стоп! А халат? Я же в нем была? Ничего не понимаю, - она приподняла второе сиденье. Там тоже было пусто.

Вновь вошла проводница.

- Гражданочка, вы скоро?..

- Да подождите вы... Я вещи свои не могу найти.

- Пить надо меньше.

- Это не ваше дело! Что хочу, то и делаю. Не на ваши деньги гуляю.

- Так вы будите выходить? Я сейчас бригадира вызову и милицию. Пусть они с вами разбираются.

- Как же мне плохо, - Тамара руками сдавила виски, - Я сейчас потеряю сознание, - и она повалилась на кровать, - Вызовите скорее врача!

Тут проводница перепугалась не на шутку. То, что допустила пьянку - полбеды, а вот если пассажир помрет... И она опрометью побежала в вагон бригадира, понимая, что домой она сегодня попадет не скоро.

А поезд тем временем двинулся на запасной путь.

Бригадир, предчувствуя задним местом неотвратимость своего здесь длительного пребывания, в горячке собрал пену в углах рта и начал доходчиво объяснять проводнице, бледнеющей с каждым его словом всё сильнее и сильнее, как она в этой жизни не права, и что здесь она как бы

больше не работает. На всё про всё это заняло у него порядка сорока минут. Наконец, вспомнив причину этой душещипательной беседы и видя, что еще секунда и будет еще один труп, теперь уже на его совести, вызвал милицию, скорую помощь и пошел на место происшествия. А там, тоже бледная и тоже рыдающая Тамара, поведала строгому начальнику о том, что из всего, что у нее было с собой, осталось лишь платье, которое сейчас на ней, туфли, да паспорт с помадой в сумочке.

Пособники смерти приехали через сорок минут. Расспросив и померив давление они посадили Тамару в машину скорой помощи и увезли в больницу. Через полтора часа явились стражи порядка. Они опросили теряющую в очередной раз сознание проводницу, что-то посмотрели, что-то записали и ушли.

- Михаил Иванович,.. – прошептала полуживая проводница.

- Что еще тебе нужно, Потапчук? – бригадир собирался покинуть это «райское» местечко. Он тоже находился на грани душевного срыва.

- Михаил Иванович! Можно вас пригласить к себе в купе. У меня есть хорошая водка. Хочу хоть как-то искупить свою вину.

Бригадир повернулся, внимательно оглядел симпатичную, стройную девушку, будто видел ее сегодня впервые.

- Говоришь, хоть как-то?.. Искупить... Не мешало бы. Больше никого в вагоне нет?

- Нет, - зарделась проводница, предчувствуя возможное воцарение мира. Иногда для его торжества нужна война. И даже необходимы большие жертвы.

- Пойди, проверь, заперты ли выходы.

- Я мигом!

Разошлись противоборствующие стороны поздним вечером. Мир был заключен к удовлетворению обеих сторон.

В больнице Тамару осмотрел консилиум врачей и, поставив диагноз: «Острое отравление алкоголем и неизвестным ядом, Предположительно

клофелином.». Потом хорошо промыли желудок с кишечником, поставили капельницу и сделали массу уколов. И только было несчастная начала засыпать, как пришел лейтенант милиции.

- Гражданка Ивасюк? Тамара Сергеевна?

- Да. Это я.

- Лейтенант Голубок. Это вас ограбили?

- Меня, - шмыгнула носом Тамара

- Тогда давайте по порядку запишем все ваши данные, а потом всё остальное - он достал лист бумаги, ручку и принялся писать, - Значит, вы ехали в санаторий?

- Да. В Ялту.

- Кто ехал вместе с вами в купе.? Их имена, фамилии, откуда ехали, куда?..

- Когда я вошла в купе, там было трое мужчин. Спросили куда еду... Предложили выпить за знакомство. Они рыбаки. Возвращались из отпуска в Севастополь, чтобы оттуда уйти в рейс.

- Откуда возвращались?

- Не говорили. А я не и спрашивала.

- Имена... Фамилии...

- Атос, Портос и Арамис... - смущенно произнесла Тамара.

- Что Атос, Портос и Арамис,.. - не понял лейтенант, - А куда же делся д'Артаньян? Вам случаем не плохо? Может врача позвать?

- Не надо. Всё в порядке. Это их так звали. Точнее они так представились, - на бледных щеках Тамары появился румянец.

- Вы с головой дружите? На учете у психиатра не состоите?

- Не состою. Почему вы меня обижаете?

- Потому что у нормальных людей не могут быть такие имена, - чувствовалось как лейтенант накаляется, - А другие нормальные это должны

понимать. В «дурке» Ельцины, Наполеоны, Сталины... В том числе и Портосы с Атосами. Это вам, надеюсь, понятно?

- Они абсолютно не походили на бандитов, а казались очень даже порядочными людьми.

- А вы кем были у них, Констанцией, королевой или...

- Королевой, - выдавила из себя Тамара.

- Какие же вы иногда, женщины, бываете глу,.. простите, доверчивые. А раньше вы с бандитами встречались?

- Почему вы так решили?

- Вы же сами сказали, что они походили на милых людей. Получается, что видели их в своей жизни? Так?

- Да. Видела. К кино их сейчас каждый день показывают.

- Не надо путать кино с реальностью. А теперь, подробненько, опишите мне их. Рост, вес, родинки, шрамы, усы, борода, характерные привычки, ну там чешется как-то по-особому или ходит прихрамывая, в носу постоянно ковыряется или ногти грызет... Понимаете? Давайте начнем, - он мотнул головой, как бы отгоняя от себя нежелательные ведения, - с Атоса.

- Приятной наружности мужчина тридцати – тридцати пяти лет. Высокий. Под метр восемьдесят. Волосы прямые, светлые. Нос тоже прямой. Небольшая ямочка на подбородке. Ничего примечательного. Да, на левом мизинце отращен длинный ноготь.

- Это существенно, - лейтенант надул щеки и выпустил воздух, - Дальше. Как одет?

- Они все были в темных майках и светлых шортах. Арамис. Ему, как и Портосу, где-то около пятидесяти. Немного пониже Атоса. Мне показалось, что он у них главный. Ему никто, никогда не перечил. Плотный, будто бы сбитый из одних мышц. Немного резок в движениях. Нос приплюснут, как у боксера. Волосы подстрижены под ноль. Уши маленькие, не характерные для его большой головы, и повернуты вперед, как локаторы. На левой голени продольный след от ожога. На левой руке, безымянном и среднем пальцах, выколоты два перстня.

- Здесь, если можно, чуточку поподробнее. Их форма, размер, что изображено...

Тамара поджала губы, - На одном квадратик поделен по диагонали на темную и светлую стороны. Вот только на каком пальце?.. А второй... - было отчетливо видно, как она шевелит мозгами - даже не могу вспомнить. Извините. И еще, если это нужно, после того как что-то съест, обязательно начинает ковыряться спичкой в зубах.

- По этому персонажу всё?

- Всё.

- Давайте про третьего?

- Третий. Портос. Маленький. Ниже меня. Толстый, рыхлый. Дышит и говорит с присвистом. На подбородке слева глубокий, продольный шрам. Когда ест, всегда кряхтит. Малоразговорчив. У меня сложилось впечатление, что он немного недослышивает, потому что к говорящему всегда поворачивает левое ухо. И любит сидеть, поджав одну ногу под себя. Кажется левую... Да, - утвердительно кивнула она, - Точно. Левую. Подстрижен тоже под ноль.

- Они не называли себя как-то по-другому? По имени или... кличка какая. Серый там, Рябой, Лысый или еще как?

- Не слышала. Хотя... Нет, не помню.

- О чем говорили во время застолья? Много выпили?

- Они в основном меня спрашивали. Кто, кем работаю, да куда еду, да зачем... Анекдотики разные, тосты... А выпили три бутылки коньяка.

- Для хорошей компании нормально, - хмыкнул лейтенант, - И что дальше?

- Арамис посмотрел на часы и говорит, мол, хватит гулять, надо и отдохнуть. Мы с ним вышли в коридор подышать, а когда вернулись, на столике было всё прибрано, лишь рюмки с коньяком стояли. Выпили... Больше я ничего не помню.

- Что у вас украли, вы можете перечислить?

- Можно сказать, всё...

- Гражданка, я не на посиделки сюда пришел. И не послушать вас. Это дома будете поднимать руки к небу. Мне конкретно и подробно о каждой украденной вещи. Поняли?

- Поняла. Записывайте.

И обиженно поджав губы, Тамара скрупулезно перечислила и описала каждую пропавшую вещь, включая размер бюстгалтеров и цвета всех трусиков. Лейтенант удрученно слушал этот бред самовлюбленной женщины, уставившись в пол. Он сердцем чувствовал, что раскрыть это дело, скорее всего не удастся.

Наконец протокольная часть была закончена. Подписав документы, лейтенант поднялся.

- Дайте мне номер телефона вашего мужа. Надо сообщить о случившемся. Пусть приедет...

- Не надо никому и никуда сообщать. От переизбытка информации быстро состарится. И сны тревожные начнут сниться, - раздраженно ответила Тамара, - Меньше будет знать, останется вечно молодым. У меня здесь знакомая живет. А доберусь я сама, без вашей помощи. Вы преступников ловите...

- На нет и суда нет. До свидания. Как будет что-то известно, я вам непременно сообщу или вызову. Адрес ваш у меня имеется.

7

Через двое суток поезд мчал Тамару в плацкартном вагоне домой. С каждым поворотом колес, а потом и с каждым шагом ее настроение становилось все хуже и хуже. Теперь в происшедшем с ней виноваты были все. Буквально все. Но только не она.

На оставшиеся от билета деньги, какие дала ей подруга Света, с которой она вместе очень даже неплохо отдохнула в прошлом году в Анапе, Тамара доехала на такси до дома. Только-только начинало светать. Лифт как всегда не работал. Ни одна лампочка не горела. Хрустя битым стеклом и шурша многочисленными окурками, она в полной темноте поднялась на пятый этаж. На третьем от мусоропровода ее окликнул пьяный голос, - Эй, подруга! Выпить есть? Иди сюда.

Тамара даже не испугалась.

- Я тебе сейчас так «Эйкну», что вся скорлупа сползет в ботинки. Понял, друг?

- Понял. Вопросов больше не имею.

- А не имеешь, пошел вон отсюда, а то сейчас приду домой, участковому позвоню.

- Не шуми. Ухожу, ухожу.

Тамара подошла к двери, глубоко вдохнула, будто собираясь нырнуть в воду, и нажала на кнопку звонка. Звонила долго. Наконец за дверью послышалось шуршанье.

- Кто там? – спросил приглушенный голос мужа.

- Любовь твоя. Открывай быстрее.

- Тамара? А чего ты приехала так рано?

- Ты мне через дверь будешь задавать вопросы или все-таки домойпустишь?

Ключ с неохотой заскрежетал в скважине. Тамара быстро шагнула в прихожую. Перед ней, обернув себя простыней, стоял как вкопанный, бледный Борис.

- Не слышу визга радости? Чего не изображаем бурное веселье? Меня можно потрогать руками и даже поцеловать. Или я стала походить в твоих глазах на привидение?

Вдруг в Тамариной голове промелькнула здравая мысль. Она отстранила рукой мужа, стремительно вошла в спальню и включила свет. На кровати, ее кровати, прикрыв срам подушкой, ее подушкой, с пунцовыми щеками лежала ее лучшая подруга, Маринка, - начальница цеха сбыта.

- Опочки! Вижу, что кровать здесь не успевает остывать. Бока не натерла, подруга, или там другие какие места?

- Не волнуйся, подруга, не натерла! Ты же не натираешь эти же места на директорском ложе или в кабинете у главного технолога.

От такой вопиющей наглости у Тамары аж спазм сдавил горло. Она украдкой скосила глаза в сторону Бориса. Тот недоумённо глядел на все происходящее глазами невинного зрителя.

- А вы, Борис Николаевич, оказываетесь совсем не такой, как кажитесь на самом деле, - повернулась Тамара к мужу, прекрасно понимая, что продолжение выяснения отношений с Мариной, может выйти для нее боком, – Посмотришь на вас, и плакать от умиления хочется. Впору икону писать. И на тебе... Всё как у всех! Получай, сволочь, - она со всей силой залепила супругу пощечину, - Дура была, что вышла за тебя замуж. Да и не за тебя вовсе, а за форму твою морскую. За бескозырку и брюки клеш... А ты...

- Боря, - раздалось за спиной Тамары. Марина надевала платье, - и ты терпишь такое от этой, с позволения сказать, жены? Да она гроша ломаного не стоит. Если бы ты знал, сколько у нее...

- Закрой сейчас же свою вонючую пасть! И пошла вон отсюда! – завизжала Тамара, - А ты покажи своей гостье порог! – рявкнула она на мужа.

- Еще одно неласковое слово в мою сторону или в сторону Бориса и я тебя побью. Поняла? Боря одевайся, пойдём ко мне. Возьми только то, что тебе необходимо в первое время. А завтра все, что нужно, я тебе куплю. И про документы не забудь. А теперь ты, Томик, выслушай меня. Боря сюда больше не вернется. Вчера он подал на развод с тобой, раздел имущества и размен квартиры. Ясно?

- Да как ты смеешь распоряжаться в моем доме?! Кто ты такая?!

- Смею! И тон поубавь!.. Если ты не смогла шесть лет родить Борису ребенка, то я, к твоему сведению, беременна от него. Пойдем, Борюшка. Здесь нам больше делать нечего.

- Он никуда не пойдет! - Тамара встала у двери, широко растопырив руки.

- Тома, не устраивай, пожалуйста, тут дешевого представления. Это не твоя роль. И пропусти нас, - Марина грубо отодвинула ее в сторону и распахнула дверь, - Счастливо оставаться?. Да, забыла спросить, а чего это ты так рано с курорта вернулась? Выгнали за природную распущенность?

- Не твое дело!..

- Не мое, так не мое. Бывай, подруга, не скучай...

- Будьте вы прокляты! – прокричала Тамара в пустоту лестничного проема, который ответил ей хрустом битого стекла и шуршанием многочисленных окурков.

Она рефлекторно закрыла дверь, вошла в спальню и опустошенно повалилась на смятую постель. Взгляд тупо изучал обстановку спальни. Сознание подобно солнечному лучу, настойчиво пробивающемуся через толщу плотного тумана, медленно осмысливало реалии происшедшего. Всё четче и четче вырисовывалась мысль, что время ее королевской власти бесследно утрачено. И от жалости к себе Тамара зарыдала во всё горло.

ОДНО ЗА ДРУГИМ

В нашей грешной жизни всё и всегда случается вдруг, неожиданно-негаданно, как снег на голову, как гром среди ясного неба, как обухам по голове, как серпом... Короче, внезапно и даже как-то неожиданно.

К примеру, зима к нам всегда приходит очень внезапно. Выпал снег, - и всё встало: трамваи, троллейбусы, машины... Пешеходы, увязая по пояс, гуськом бредут на работу, волокут детей в детские сады... И только школьники не спешат в храм знаний. Снег выпал!

Почему всё и всегда так? Да потому что снегоуборочная техника не подготовлена, не отремонтирована. За долгое лето все про всё забывали. А кто не забыл, - понадеялся на природный авось. И в результате никто не виноват. К природе же никакие санкции не применишь? С нее взятки гладки.

И такое у нас происходит и зимой, и летом, и весной, и осенью, и днем, и ночью, и во дворе, и за углом, и где угодно, и когда угодно.

У кумовьев Степана и Павла волосы встали дыбом, когда их дети решили пожениться и пришли к ним за благословением.

Конечно, такое мероприятие до чрезвычайности очень даже хорошее и нужное. Все это понимают и одобряют. Но не во время же жатвы, когда все село в поле! Когда время диктует свои условия и каждый человек у директора совхоза на счете, когда рук не хватает и приходится звать на подмогу и малого и старого. Вот поэтому деревенские свадьбы в большинстве своем играют после уборки урожая. И гуляет на них всё село,

от малого до старого не просыхая три дня. А выпивают и съедают за это время, столько, сколько выпивают и съедают все жители Фарерских островов за год. Зато потом дети рождаются летом, когда и солнце, и овощи с фруктами... И всё свеженькое, с собственного огорода... Как тут не быть всем здоровенькими: и мамочкам и их ребеночкам?

Оказалось, что всё у их детей давно налажено и отработано. И беременность в том числе. И даже срок рождения малыша известен, - через полтора, два месяца... Нет только штампа в паспорте, да Свидетельства о браке. Ну и совести, хотя об этом говорить было уже поздно. И главное, что никто не обращал внимания на небольшой Катькин живот. Поправилась, - и всё... А тут на тебе... И тянуть уже нельзя.

Не принято такое в деревне, чтоб девка в подоле ребенка приносила. Засмеют. И родителям позор, и молодой матери тоже. И без свадьбы тоже нельзя. Как это? Пойти в сельсовет и расписаться?... В нормальных семьях так не делается. Стол нужен, гости нужны... И чтоб «Горько!» До хрипоты... И похмелье с утра... И курочки на третьей день...

Степан с Павлом прекрасно понимали, что директор совхоза пошлет их далеко и с их затеей, и с их свадьбой. Они бы и сами так поступили с каждым, кто бы эдакое удумал в такое время.

И как всегда перед ними встали два извечных вопроса человечества: «Как быть?» и «Что делать?». Наверное «Что делать?» стоял мощнее и был повесомее.

Время, время, время...

Нельзя тянуть, вот в чем дело-то! Вдруг родит раньше этого времени...

И так они сильно переживали по этому поводу, что Бог услышал их молитвы, пустив на земли хозяйства дождь. Проливной дождь.

На второй день ненастья, а для них это были самые счастливые дни, кумовья пошли в контору. Директор, мужчина крупный, деловой, с жестким и волевым характером, по-деловому справедливый, сидел за столом с главным агрономом и пил пиво.

- Разрешите, Николай Михайлович.

- Директор исподлобья взглянул на них.

- И что, друзья мои, привело вас в этот скромный кабинет, в скорбный для совхоза час? Аль еще какое лихо, кроме дождя, обрушилось на наши головы? Знаю, что вам это всё глубоко по барабану и вы живете по принципу: «Всем горе, а нам свадьба?». Так, Степан? – директор неизменно был в курсе всех событий, происходящих в селе. И кто-то же всё это ему докладывал!

Кумовья, прижавшись плечом к плечу, мужественно стояли перед ним, бесстрашно глядя тому в глаза.

Директор засмеялся.

- Ты взгляни на них, Иван Тимофеевич, - обратился он к безучастно сидящему агроному. Это как минимум 26 Бакинских комиссаров. Они пришли умереть здесь лютой смертью, но не сдаться. Ну, хоть скажите нам что-нибудь. Не стойте как истуканы. Мы с агрономом тут третий час пиво пьем, и что сейчас в мире творится, не знаем.

- Стабильности нет, - выдохнул Павел.

Директор басовито расхохотался.

- Видишь, Иван Тимофеевич, - толкнул он локтем агронома, - как политически подкованы у нас люди! - и его тело опять затряслось от душившего хохота, - Люблю толковых и веселых людей. А что скажешь ты, Степа?

- А что сказать, Николай Михайлович? Одному бы оторвать, а другой законопатить ... И дождя бы не было.

- Трезвая мысль. Но запоздалая. Наверное, ты это всё плетешь, чтобы меня разжалобить? - директор закурил, - Значит так, передовики производства. Сегодня утром мы с агрономом объехали поля. Залито всё конкретно. По дороге дважды буксовали, а заехать на поле, - и говорить нечего. Минимум дней пять просохнуть всё должно. И то если дождь прекратится сегодня. А сегодня среда? Так что в пятницу играйте свадьбу. Управитесь?

- Конечно, Николай Михайлович, - повеселели кумовья.

- Нам с Тимофеевичем место за столом найдется?

- Обижаете, Николай Михайлович, конечно. Будите почетными гостями.

- Лады! Идите с Богом! И не мешайте нам больше с Тимофеевичем горевать, - директор разлил по кружкам пиво. Ему, как и всякому человеку, тоже хотелось расслабиться. Во время жатвы толком и поспать не доводится. А тут сама погода благоприятствовала.

- Николай Михайлович, - Павел всегда был лидером в этой двойке, - а можно утречком в пятницу попросить у вас грузовичок.

- Зачем?

- Съездить в Алексеевку.

- Зачем?

- Водки привезти, - в селе самогон именовали ласково водкой.

- У нас что, ее здесь не хватает?

- Нам много нужно.

- Ну, если много, то возьмите. Завгару я скажу, - и он что-то записал в блокноте.

- Спасибо, - кумовья попятились к двери.

- Паша, - окликнул директор, - Если мне не изменяет память, ты на флоте служил?

- Так точно! Электрик слабого тока, боевая часть 5, эскадренный миноносец «Благородный»!

- Знаю, что на флоте не верят ни в Бога, ни в черта. Так?

- Так точно!

- Значит ты, Степа, поворожил на дождь?

- Что вы, Николай Михайлович, - ответил за кума Павел. Мы не по этой части.

- Знаю я все ваши части, - хмыкнул директор.

- Это у Васьки Хромого таща на такие дела мастак. А мы?.. - Павел пожал плечами, - Мы, - нет..

- Ты им веришь, Иван Тимофеевич? – обратился директор к агроному, снова закуривая.

- Отпустил бы ты их уже, Николай Михайлович. Пусть идут. У них сейчас каждая минута на счету. А без колдовства здесь точно не обошлось. Посмотри, какие у Степана чернящие глаза... И дочь у него... Попробуй потом пристрой ее с дитем кому-нибудь...

- Иван Тимофеевич,.. - загнусявил Степан.

- Вы еще здесь? – директор приподнялся, с хрустом потянулся, - Сейчас передумаю...

Не успело эхо отбить фразу от стены, как в кабинете уже никого не было.

И словно по взмаху волшебной палочки работа в селе мгновенно закипела, будто все только того и ждали. Каждый знал, что именно в этой суматохе он должен и, главное, обязан сделать.

Застучали топоры с молотками сколачивая столы со скамейками под натягивающимся тентом. Мыли в проточной воде посуду, хранившуюся в мешках для этих целей в совхозном подвале. Директор прислал коровью и свиную туши. Били и свой скот с птицей. К утру, бригада старушек перечистила два мешка рыбы...

В каждом доме резали, чистили, варили, жарили, пекли... И делали еще много чего, что вскорости съестся, выпьется и забудется. Готовую пищу сносили в подвалы, чтоб, не дай Господь, не испортилась.

Тут и погода стала налаживаться. Дождь потихонечку начал стихать, а в четверг после обеда и вовсе перестал. На небе засияло умытое солнышко.

В пятницу, еще на дворе было темно, Степан и Павел были уже в Алексеевке, у Степановой тещи, на всю округу знаменитой мастерице варить самогон.

- Шо, мама, изделие готово? – сразу спросил Степан, еще не успев переступить порог.

- Да как, зятек, не готово? Со вчерашнего вечера вас дожидается. Я и пробу сняла. Пьёшь, и пить хочется. Чистый мед! И я собралась уже. Меня-то с собой возьмешь?

- И сколько наварила? - на пустые вопросы Степан не отвечал.

- Аккурат четыре бидона. Под завязочку. Подумала, что сто литров может и не хватить. Так я... Меня, спрашиваю, возьмешь?

- Да как не взять вас, тетя Груня? Без вас мы бы пропали...

- Ой! Ктось там? Не ты ли, Пашка? Я в потьмах тебя и не заметила...

- Я, тетя Груня, кто ж еще. Теперь мы совсем породнились. Куда иголка, туда и нитка.

- Это так. Что правда, то правда.

- Говоришь мед?.. – Степан открывал каждый бидон, нюхал, макал и облизывал палец.

- И чаво нюхать? Чаво? Прямо как одеколон выбираешь. Налей, попробуй... А потом нюхать будешь, - теща обиженно поджала сухие губы.

- Пашь, и, правда, надо снять пробу...

- Разве что по стаканчику. Спешить надо. Вон и солнце встает. Дорога, сам видел, какая. Сюда почти два часа добирались. И назад не меньше. А помыться, побриться, переодеться... Некогда лясы разводить. Грузимся и поехали.

- Что верно, то верно.

- Степан, вон бутылка на столе, это то, что в бидон не влезло, - прошамкала теща

- Мамаша, быстро в кузов, а мы тут мигом.

Одним махом выпив по граненому стакану водки и одобрительно крякнув, друзья проворно побросали сорокалитровые бидоны в кузов и двинулись в обратный путь. Времени на закуску и тосты не было. Павел, схватив со стола кусок черствого хлеба, понюхал его, сунул в карман куртки и прыгнул в кабину.

Всё шло как нельзя кстати. И дождь, и солнце, и управились вовремя, и через пяток километров дом... В сказке изъяны бывают. А тут все без сучка и задоринки.

Обогнув кукурузное поле они выехали на прямую дорогу к селу, когда увидели двигающийся им на встречу милицейский УАЗик.

- Опочки, - простонал Степан, - влипли! Делать что будем?

Ситуация действительно была аховая. Во время жатвы милиция лютовала. Ни одна машина не имела права выезжать не по назначению. Считалось это чуть ли не уголовным преступлением. А все сельскохозяйственные работники должны быть на рабочих местах, а не разъезжать по личным делам, да еще и в нетрезвом состоянии.

- Степа, ты о Суворове что-нибудь слышал? Или в школе учебник истории скурил от корки до корки? – Павел зубами сдавил до хруста фильтр сигареты.

- А причем здесь наш бригадир? Бумаги то у нас все равно никакой нет. Так что... Интересно, водку заберут или выльют?

- Балда ты, Степа. Суворов, - полководец такой был. Между прочим, очень даже знаменитый. И у нас в селе тоже. Понял? Так вот он говорил: «Только вперед!». Понял? Что ползешь, как беременная черепаха? Добавь газку! Понимаешь меня? - было видно, как он тоже нервничает.

Милицейский УАЗик остановился. Из него в предвкушении наживы вылезло два милиционера. Один поднял руку.

Кумовья остановились и тоже вылезли из машины.

- Степка, чаво встали? Колесо проббили, аль ишо чё? – проскрипела теща из кузова.

- На сук напоролись? Сиди уже, не дергайся.

- Да как вы умудрились в кабине глаз себе выбить? И чем? Вокруг ни одного дерева, ни кусточка... Кто выбил то из вас?

- Ты можешь посидеть три минуты тихо...

Подошли милиционеры. Один, утопая сапогами в грязи, обошел машину. Поднял брезент.

- Кто такие? Откуда? Что везем?

- Вот оно, - в животе Степана тревожно забулькало и жутко захотелось в туалет, - Теперь посадят! Факт! – он сунул сигарету в рот. Спички в трясущихся руках непрерывно ломались.

- А что, сынок, на свадьбу можно везти? Да так много? Водку конечно! – прошамкала теща, - Без нее никак нельзя. Свадьба! Сам должен понимать. Не ситро же на ней пить! Так?

- Ё-ё-ё-ё!.. – Степан схватился за руками голову, сделал шаг назад и поскользнувшись, со всего маху рухнул в придорожную грязь.

- Чего это с ним? – поинтересовался милиционер, кивнув в сторону упавшего Степана.

- Сказал, что на сук напоролся. Глаз что ли выбил, не говорит. Чудные какие-то, ей Богу! И главное, - ни кустика, ни деревца...

- Говоришь, бабушка, на сук напоролся?... Бывает... Борт опусти, - обратился сержант к Павлу.

Павел понуро исполнил приказание. Сержант прыгнул в кузов.

- Ого! – искренне удивился милиционер, - Четыре бидона!?

- Боюсь, как бы мало не было, - теще явно нравился разговорчивый милиционер

- Олег, - крикнул он второму милиционеру, - сто шестьдесят литров! Представляешь?! Давай заберем! Год можно будет в магазин не заглядывать Вы откуда, граждане? И второй, более нескромный вопрос, - куда путь держите? Ответы на поставленные вопросы приравниваются к явке с повинной - старшина снова повернулся к Павлу.

- У-у-у-у!.. - подал голос, ползающий в грязи Степан.

- Он у вас блаженный? Гляди, как извозился, родимый. Видимо в образ свиньи входит. С природой сливается.

- Видимо. Инвалид детства. Он еще на Луну воет, и кровь из жертв пьет в летаргическом сне.

- Спаси и сохрани! - перекрестилась теща, - Пашк, ты о ком такие страхи рассказываешь?

- Не переживай, тетя Груня, то в Америке. У нас такого не бывает.

-А-а-а... Степан где? Чёй-то не видать его.

- Медитирует он... В Нирвану уйти хочет.

- Чяво-о-о? Свадьба на носу, а он уже соплей умывается? Я щас слезу, такую ему Нирвану дам, мало не покажется.

- Мамаша, минуточку. Давайте вначале разберемся, а уж потом делайте, что хотите. Откуда такие вы все разные?

- С Песчаного, - настроение Павла тоже принялось падать. Хотелась и ему слиться с природой. Ну, хотя бы с желудем. И тогда этот боров Степан его тут же сожрет.

- Так это у вас свадьба?! – радостно воскликнул старшина.

- У нас.

- На инструктаже предупреждали, сегодня ваших не трогать. А чего сейчас, а не позже?

- Обстоятельства...

- Ясненько...

- Тогда вперед! И молодым счастья! Олег, поехали. Это с Песчаного. Они сегодня свадьбу гуляют.

- Сынок, - теще не терпелось угостить хорошего человека, - ты бы с другом попробовал моей водочки. Потом всю жизнь за ней ко мне приходите будешь.

- Да мы вроде бы как сегодня на службе. Разве что по граммулечке. Олег, забирайся сюда. А из чего же пить будем?

- Так баночка в кабине есть, - мгновенно засуетился Павел, - Водка и правда мировая.

- Вы что, уже пили? – взглянул сержант на Павла с хитринкой.

- Никак нет. Но дух уж больно хорош!

- Если дух?.. - старшина вытер с усов набежавшую слюну, - Неси свою банку?

Он аккуратно открыл бидон, ласково посмотрел на слегка синеватую жидкость и глубоко вдохнул, закатив к небу глаза. Тетка Груня умиленно глядело на него. Кто-кто, а она понимала натуру питья. И потому как пьет человек, она могла доподлинно всё о нем рассказать.

Аккуратно держа пол-литровую баночку двумя пальцами, старшина осторожненько и с любовью погрузил ее в жидкость и так же бережно вынул из бидона, несколько раз обтер дно о его края. Жидкость заискрилась в лучах утреннего солнца. Он как святыню поднес банку к губам и не торопясь выпил. Смачно крякнув, глубоко вдохнул запах рукава форменной рубашки.

- Так вы и есть та самая легендарная тетя Груня из Алексеевки?

- Да! Это я! – зарделась старушка, - Понравилось моё изделие?

- Нет слов! - он снова зачерпнул банку и передал ее напарнику, - Теперь мы вас будем крышевать! Не возражаете?

- Не уразумела тебя сынок. Старая... Новых слов не понимаю.

- Теперь вас никто трогать не будет. И обижать тоже. А если... Скажите, что ваши друзья ныне Петр Василек и Олег Проханов. Поняли? А мы к вам в гости заезжать будем. Хорошо?

- Милости прошу. Хорошим людям всегда рады!

Павел, льстиво улыбаясь, держал хлеб в руке, - извините, но закуску мы не предусмотрели.

- Ничего, - прохрипел второй милиционер, отдавая банку, и тоже втягивая пыль рубашки, - Мы не гулять сюда приехали, а работать. Пусть молодые живут счастливо! Поехали Петро. И им надо спешить, и нам еще столько дел сделать!..

- Сынки, вы вечерком к нам на веселье загляните. Если не выпейте, то хотя бы покушаете, - напутствовала стражей порядка тетя Груня.

- Спасибо. Появится возможность, непременно заскочим.

Дыхнув на всех ядовитыми парами бензина, милиционеры продолжили свой прерванный путь.

- Вставай, Маугли, расселся здесь, - Павел подошел, к продолжающему сидеть в грязи Степану. Ты здесь жить собрался? Гнездо свил? Жаль, зеркала нет, полюбовался бы на себя, - и он прыснул от смеха. Машину я поведу. В таком виде тебе в кабине делать нечего. Забирайся в кузов или пешком иди. И давай быстрее! Времени абсолютно нет. Через два с половиной часа регистрация!

Но все всё успели.

Потихонечку.

Одно за другим, одно за другим...

И нигде не опоздали.

Всё везде вовремя.

И свадьбу справили, и ряжеными погуляли, и куриной лапшой завершили...

А потом всем скопом урожай убрали. Да какой урожай! Директор Героя получил. И медалей с орденами не счесть было. И всем премии! И всем подарки!

Через два месяца молодые родили двойню. Два мальчика. Одного, что общительнее был, назвали Павлом, а молчуна Степаном. Как и дедов.

Дай им всем Бог здоровья и счастья на долгие годы!

ОДНАЖДЫ ЛЕТОМ

Лето...

Оттого оно и зовется красным, что ни днем, ни ночью от него нет покоя. Днем солнце тебя испепеляет, а ночью наступает страшная духота, что и дышать нечем. Кожа становится липкой до омерзения, что резко снижает количество естественной близости мужчин и женщин. Да и мозги просто плавятся. И только желудок постоянно требует жидкости, чтобы не допустить полного обезвоживания организма.

Семьи, в этот период жизни, мгновенно распадаются. И каждый ищет себе место попрохладнее да поуютнее.

Слава облюбывал себе полку в бане. Матрасов набросал, двери настежь пооткрывал... А из вентиляционного окна сквознячок продувает. В общем, жить можно.

Антонина, спустив с привязи цепную собаку, не стала искать заоблачного счастья. Избавившись от клейкого ярма, она распахнула окно и в костюме, не сегодня родившейся Евы, улеглась на широченную кровать, прикрыв наготу тонкой тюлью. Широко раскинув ноги, руки и все остальное, Тоня крепко и спокойно уснула.

Вдруг, среди ночи, что-то толкнуло ее изнутри. Она открыла глаза. В пару метрах от нее стоял молодой парень. Как он сюда попал, было не ясно.

И собака по двору злющая бегают.

На кухне горел свет.

И что самое интересное - испуга не было.

- Что ты тут делаешь? - спросила она.

- Позвонить можно?

- А сколько времени?

- Два часа.

- Действительно, самое время для звонков, - хмыкнула Антонина, - Как ты, вообще, сюда проник? И чего собака тебя не порвала. Даже ведешь себя так, будто здесь бывал не первый раз.

- Я через забор.

- Отвернись, я оденусь.

Через минуту Тоня была уже в халате.

- Вот телефон. Звони, - уселась она на стул, внимательно разглядывая своего нежданного гостя. Это был высокий симпатичный парень, лет девятнадцати, в джинсовых шортах и темной майке с большими вырезами

под мышками. Светлые волосы спадали на лоб. Он Антонине знаком не был, но где-то она его уже видела.

- А вы не могли бы выйти, - неуверенно спросил он.

- Может еще будут какие пожелания?

- Извините, - молодой человек начал крутить диск. К телефону длительное время никто не подходил.

- Але, Максим, это Степан. У меня беда. Машина села на брюхо в песке. Выручай. Нужен трактор с длинным тросом.

В телефоне что-то долго говорили.

- Макс, сходи к дяде Мише. Скажи, что если вытащит, пять тысяч даю.

Степан опять долго слушал.

- За детским лагерем вашим... Поворот там... С девчонкой приехал и увязли. Мне ее, кровь из носа, к утру надо довести до дома. Замужем она. И вдобавок неместная. Как назло, у нас обоих телефоны разрядились. Я у лагеря его ждать буду. А она в машине сидит, караулит. Пожалуйста, Максим. Век буду тебе благодарен, - он аккуратно повесил трубку, - Спасибо вам, - повернулся он к Антонине, - Извините.

- А ты чей?

- Это не так важно. Я пойду.

- Подожди, я хоть собаку привяжу.

Антонина вышла, примкнула цепью своего ненадежного охранника. Из бани доносился богатырский храп.

Парень вышел через калитку и еще раз поблагодарил хозяйку.

- Вот ты ночью спишь, а я от себя провожаю молодого человека, - рассказала она утром всё мужу. В ответ получила лишь ухмылку.

- Это всё тебе приснилось! Не мог Мухтар пропустить чужого. Он бы его порвал в клочья. Сходи к невропатологу, а лучше к психиатру.

- До чего непробиваемый человек! Ему говорят одно, а он твердит другое. Чурбан неотёсанный! – обидчиво пробубнила Тоня.

ПАРИ

Дверь с шумом распахнулась, и в бар ввалился Сергей Головин. Его вытянутое, овальное лицо украшала экстравагантная прическа ирокез. Огненно-рыжие волосы, уложенные наверх в форме лезвия топора, воинственно выступали над головой. Если бы индейцы, даже самые агрессивные, увидели подобное, они немедленно выкурили бы не одну трубку мира.

Вчера вечером он вернулся с юга от бабки, где и отдыхал всё лето. Друзья решили отметить его долгожданное возвращение в родные пенаты. Условились встретиться в одиннадцать дня и выпить по этому поводу по паре бутылочек холодненького пива.

- Привет! – с порога махнул он рукой приятелям, сидящим в дальнем углу, - Вы еще ничего не заказывали?

Василий Перегуд, Женька Помазун и Олег Зеленый широко раскрытыми глазами глядели на это диво и сосредоточенно курили.

- Что притихли? Думаете, из-за дыма я вас не увижу? - он протянул руку для приветствия.

Первым опомнился Евгений.

- Ё-ё-ё!.. – произнес он заезженную до дыр фразу, - и неистово застучав руками по столу, зашелся от смеха, - Карнавал в Бразилии такого еще не видел. Головешка, ты в курсе, что цирк сегодня мотанул до Житомира? Тебя не взяли или ты проспал? Ой, - стонал он, - не могу больше! Дайте что-нибудь попить!

- И вовсе нет, - прогудел Василий Перегуд, - В «дурке» сегодня день открытых дверей. Даунов погулять выпустили.

Друзья, и все кто был в баре, поддавшись всеобщему веселью, смеялись как ненормальные. У беременной официантки от необузданного смеха начались колики в животе. Пришлось даже вызывать скорую помощь.

- Жалко, что в нашем городе нет приличного гей-клуба, - верещал сквозь всхлипывания Пепегуд, - ты был бы в нем самым желанным мальчиком!

- Серега, повернись к нам боком... - визжал Зеленый, - Нет, нет, не надо. Боком ты еще красивее. Зачем ты вернулся?

- А где твои лук и стрелы, - Евгений сползал под стол.

Новый приступ веселья потряс зал.

Вскоре приехала скорая помощь. Врач, седенький мужчина с бородкой, осмотрел женщину и медленно повел ее к выходу.

- Доктор, - закричал Зеленый, - не уходите. Тут еще один ваш пациент есть.

Врач, передав беременную медицинской сестре, повернулся, - Кто? Где? – Он подслеповато осмотрел зал.

- А вот! – Олег показал на Сергея.

- Этот?

- Этот, этот...

- Насколько мне позволяет судить мой профессиональный опыт, - доктор снял очки и протер их краем халата, - передо мной инвалид детства... Явно выраженная гидроцефалия и, скорее всего, слабоумие. Мы такими клиентами, друзья мои, не занимаемся. Звоните 02. Там есть специально подготовленные люди, которые пытаются вставлять мозги. Извините, надо спешить, у женщины схватки, - проговорил он удаляясь.

Головин сидел пунцовый и дышал как загнанная собака.

Вскоре все успокоились.

- Головешка, ты на часы иногда смотришь? Мы насколько договаривались? В следующий раз больше не просыпайся. Ну а если вдруг проснешься, то постарайся как-то отзвониться. Я терпеть ненавижу, когда меня вращают на пальце. Понял? Мы тебя тут, дебила, почти два часа ждем, - в голосе Олега слышались суровые нотки, - Наверное, я сейчас для порядка, постучу по твоей рыжей петушиной бестолковке.

- Зеленуха, не мути воду, ладно? Вы и так тут обгадили меня с головы до ног. И я еще с вами сижу... А если опоздал, значит, причина была. Зачем бисер напрасно по воздуху метать? Двадцать «Черниговского» и пару крупных лещей! - крикнул он в сторону стойки, небрежно доставая из шорт

сто пятьдесят гривен и кладя их на стол, - Холодненького только! К вашему сведению, - снова повернулся он к приятелям, - с такой прической весь юг сейчас тусуется.

- Головастик, ты что, ночью клад нашел? – опять засмеялся Перегуд, радостно потирая руки.

- На клад у него мозгов не хватит. Всё его серое вещество ушло в гребень. Кошелек у кого-то подрезал по дороге, - уточнил Помазун.

- Да сам ты, Помазок, недоразвитый. Я шо, похож на припадочного, чтоб за колючку садиться? А прическа, к твоему сведению, называется: «Ирокез»! Запомни, неуч, тренируй мозги. Хотя с твоими мозгом я явно погорячился. Женюсь я, понятно? Поздравляйте! – он важно приподнялся и выставил вперед правую руку.

Все в недоумении тупо пожали ее. Воцарилось долгое молчание.

- Я либо сплю, либо меня здесь никогда не было, - Зеленый взял сигарету, закурил, - Что ты сейчас прогубашлепил, Гловастик? Выразись понятнее. Стань на минуту приличным человеком.

- Зелень, не шурши пустотой!

- Пусть он лучше скажет, где вчера так надрался, что сегодня оседлал красавицу леса, белочку? – Помазун выбрал кусок рыбы покрупнее и принялся его чистить.

- Сереженька, глотни пивка и начинай. И не смей лгать, собака, иначе посеешь раньше родителей, - Перегуд тоже остановил свой выбор на средней части леща, - Давай, давай, мы ждем.

- Я готов оскорбиться и уйти...

- А никто и не держит, - резюмировал Олег, - Пиво у нас теперь есть, рыба тоже... Так что милости просим покинуть этот гостеприимный зал. Вы нам, как бы, больше и не интересны. Разве что можете вон там, в сторонке фокусы показывать, - и он снова зашелся от смеха.

- А можно я его поглажу. Соскучился... - тоже затрясся Василий.

- Нормально встретили... Я шел сюда... Допью свое пиво и уйду. Друзья называются, - голос Головина неподдельно дрожал.

- Серый, брат, мы же шутили. Не бери дурного в голову. Ой! Про голову больше не буду. Рассказывай. Держи вот, - Зеленый достал из кармана рубашки сигарету, - У бати стибрил, американская. Для себя, между прочим. А тебе отдаю.

- Сегрун, а я рыбку тебе почистил, - Помазун положил ему жирный кусок на тарелку, - Ты же знаешь, как мы тебя любим... Меньше, конечно, чем пиво... Но всё равно любим! – счастливо захохотал он.

- Головастик, не томи. Рассказывай...

- Я, кажется, четко и ясно сказал вам, женюсь!

- Так это мы поняли. За такого пригожего хлопца как ты, любая красавица готова броситься в омут... - Зеленый погасил смех глотком пива.

- Идиот!..

- Не ищи идиота в другом, если сам таковым родился.

- Долго собачиться будем? Чью руку и сердце ты заграбастал своими потными ручищами? – откинувшись на стуле, спросил Перегуд.

- Венгер Маринки.

- Чью? – закашлялся Евгений, - Вы с ней месяцев пять, как не встречаетесь?

- Не встречаемся... Она беременна! Утром явился ее батя, и началось... Вы видели какой он громила?! Такой баловаться не станет!..

- И что теперь?

- Что, что?.. Через три дня свадьба. В пятницу.

- За такой короткий срок разве можно подготовиться?

- У него уже все готово.

- А костюм пошить, платье... Да мало ли?..

- Сказал, что на прокат возьмем...

- А Маринка?

- А что Маринка? Стоит как корова... Ни бе, ни ме...

- Крупновата она. В ней, поди, килограмм сто двадцать? И это в восемнадцать лет!.. А родит, повзрослеет, еще мало-мало накопит... О-о-о!... – простонал Перегуд, качая головой.

- Серега, запомни, - Зеленый обнял друга и прижал к себе, - У женщин не бывает лишнего веса. Просто они наращивают дополнительные места для поцелуев. В данном случае, твоих поцелуев!.. Сладких, горячих, трепетных, нежных...

- Серый, какая беременность? Дурят они, а ты и уши развесил. И было то у тебя с ней один раз, и то на помойке... Если ты не брехал, конечно, - Евгений залихватски откупорил бутылку.

- Тебя самого, Помазок, на помойке сделали.

- За такие слова я тебе сейчас прическу помну.

- Хватит! – Зеленый встал, пошарил по карманам, - А дела, действительно, хреновые. У кого деньги есть? Без водки мы ничего не пойдем и не решим.

- Так у меня тысяча гривен! Точнее уже восемьсот пятьдесят, - произнес Головин виновато, доставая сотенные купюры из шорт.

- Что ни час, то чудо... Ирокез, - хохотнул Перегуд, - пиво, свадьба, деньги... Откуда они у тебя? Может ты будущего тестя грохнул, а нас как соучастников по соседним камерам рассуют, за то, что пьем тут с тобой.

- Каким камерам?.. Успокойся. Это мать на кольца дала...

- И что?.. Деньги пропьем... А кольца?..

- Ничего страшного. Скажу, мальчишник с вами устроил. У меня еще дома есть немного. Перед отъездом мне бабка пятьсот гривен подарила! Так что гуляем! Бармен, - развязно крикнул Головин, - принеси литр водки и закусить!

- Головастик, где это ты так наловчился? Бармен... Водки...

- Учись, Помазок, пока я жив.

- Сережа, а она, правда, беременна? Может тебя охмурить хотят? – прошептал Зеленый оглядываясь.

- А живот? Думаешь, подушку в трусы запихали? Нет, все натурально.

- Подожди, а как же Люська?

- Звонил. Ревет, как белуга. А что можно поделаться? Я с ней все деньги на телефоне выговорил. Сказал, пусть ждет. С годик перекантуюсь, а потом разведусь.

- Дядя Женя тебе разведется!.. Будешь теперь всю жизнь скакать под его дудку. А гульнешь, он тебе мошонку мгновенно откроет.

С подносом и тряпкой подошел бармен - Ребята, минут пять погуляйте, а я здесь пока стол приберу и накрою.

- Дело человек говорит. Перед продолжением банкета необходимо освободить мочевого пузырь, - Василий с хрустом потянулся и резко встал.

- Вместо рюмок, стаканы поставь, - командовал Зеленый, - Мы не просто пить сегодня будем, а друга пропивать, - он обнял Сергея, - Я прав, пацаны?

- Олег, ты всегда прав. Я так рад что вы мои друзья... Аж слезы на глаза наворачиваются.

- Отставить! Головастик, настоящие индейцы не плачут даже под пытками врагов.

Компания шумно поднялась и в развалку направилась к туалету. Когда они вернулись, на чистом столе стояли две бутылки «Хлебный дар», овощные салаты и дымились пельмени.

- А теперь, - Головин, разлил водку по стаканам, - давайте начнем меня пропивать.

Первым поднялся Женя Помазун.

- Что я хочу, Серега, тебе сказать. Ты для нас теперь отрезанный ломоть. Шесть лет мы друг без друга ни ногой... И знаем друг о друге всё. И вот... Короче, я желаю тебе счастья, хотя, такого слова Венгеры скорее всего даже и не знают. У них на первом месте деньги. А любовь и всё остальное, - это не для них. Там что дядя Женя, что тетя Клава, оба куркули. И дочка в них. И тебя таким сделают. Если выживешь, конечно. Будь, Головешка!.. - и он, не чокаясь, опрокинул стакан в рот. Все тоже грустно выпили и дружно зачавкали над столом.

- Да ну тебя, Помазок... - хрипло произнес Головин, отрывая голову от тарелки, - Умеешь ты настроение поднимать в коллективе. Давайте еще накатим?

- Вот что, Серый,.. - Зеленый долго молчал, - Нет, ничего на ум не приходит. За тебя! – и он тоже выпил не чокаясь.

Сидели долго.

Ели, курили, пили.

Курили больше, чем ели. И пили тоже больше. В конце концов, всех сильно разобрал хмель.

- Пацаны, я придумал, - промышчал Головин, - Когда меня в ЗАГСе спросят, готов ли я взять Маринку в жены, я скажу, что не готов. И убегу. Как вам моя идея?

- Нет, - затряс головой Василий, - не скажешь, побоишься.

- Я-а-а? Кого-о-о? А спорим, что скажу?

Разговор явно оживился.

- Спорим! – не своим голосом заорал Зеленый.

- И мы спорим, - заголосили Помазун и Перегуд.

- На что? – гребень на голове воинственно завибрировал.

- Если скажешь, мы тебе ящик коньяка, а не скажешь – ты нам. Идет?

- Не идет! Не согласен! Умненькие, да?

- Кто, мы?

- Ну не я же? Если я вам ящик, то тогда и вы мне тоже каждый по ящику. Иначе спорить не буду. Поняли?

- Идет! – протянул руку Зеленый.

- Мы согласны, - подтвердили Помазун и Перегуд.

Друзья ударили по рукам.

- Вот это по-мужски! Теперь – по домам! – невнятно произнес будущий муж.

- Головастик, а ты и в ЗАГС пойдешь с таким причесоном?

- Нет. Тесть сказал, что если появлюсь в таком виде, то он волосы вырвет прямо там.

- Молодец, дядя Женя! Мы рады, что передаем тебя в надежные руки. И за себя рады, что после свадьбы будем пить коньяк за твое здоровье! – Перегуд хрипло засмеялся.

Зеленый попытался подняться со стула, но его сильно качнуло, и он свалился на пол. Поднялся с третьей попытки.

- Серый, - прохрипел он, - сегодня мы тебя классно пропили. Развези теперь всех по домам на такси! Не хватало, чтобы нас в таком виде милиция загребла. Я и идти уже не могу.

До свадьбы друзья больше не встречались. Общались только по телефону.

В пятницу, с букетами дешевых и не совсем свежих цветов, друзья ожидали появления молодых у ЗАГСа. Они, как выяснилось позже, не входили в число приглашенных лиц на столь торжественное мероприятие, и пришли только лишь из солидарности. Ну и вопрос о коньяке был далеко не лишним.

Наконец вдалеке показалось непонятное шествие, напоминающее траурное. В целях предотвращения преступной расточительности на машины, экономная семья Венгер приняла решение три квартала пройти пешком. Не далеко, и для здоровья полезно! И по городу с фотографом кататься? Зачем? Не в столице живем! За столом сделали две-три фотографии на память и достаточно. Некогда потом эти карточки рассматривать, работать надо! Да и гостей, чтоб не кормить даром, не приглашали. Итак, девять ртов: молодые, родители, дочка с мужем, они же свидетели, и брат жениха.

Впереди всей этой процессии с квадратным лицом шел квадратный дядя Женя. В вытянутой правой руке он нес огромный букет, с торчащими кое-где корешками. Следом за ним, шли молодые, крепко сцепившись руками. Лицо громадной как скала Марины светилось фосфоресцирующим светом

Луны. Под далеко не свадебным розовым платьем четко просматривался выпирающий живот.

Сергеа выглядел пасмурным и хмурым. В мятом, явно с чужого плеча костюме и белой рубашке с желтым галстуком, он походил на только что ошипанного дохлого цыпленка. Лоб изрезали глубокие складки. И только на выбритой до синевы голове весело играли солнечные зайчики. С боков их мертвой хваткой держали свидетели, лица которых не выражали никаких эмоций. За ними следовали матери молодых, поддерживая изрядно выпившего и странно улыбающегося дядю Пашу, отца Сереги. И сзади, с сигаретой во рту, плелся Мишка, Сережин старший брат. Было заметно, что он тоже далеко не трезв.

- Посмотри на нашего жениха... При таком благоприятном стечении обстоятельств коньяк наш! И это радует! – резюмировал ситуацию Зеленый.

- А, как улыбается его будущая теща, у нее просто рот не закрывается. А чего не радоваться... Такую кобылу замуж выдает.

- Мне мама сказала, что ей зубные протезы большего размера поставили, вот челюсти и не смыкаются.

- Помазок, ты гонишь! Так не бывает.

- Зуб даю.

- И что? Теперь Головастик будет тещу в десны целовать? Весело, - прыснул Перегуд.

- Да, Серега не впечатляет. Он больше похож на раба, чем жениха. Не повезло парню. Кончат они его.

- А где молодые жить собираются?

- У Венгегов.

- Кто сказал?

- А где еще? В двухкомнатной у Головиных?

- Тогда точно Серега не жилец на этом свете. Запашет его дядя Женя. Да и тетя Клава не холодец под водку...

- Дядька Паша крепко врезал. Видимо сильно радуется за сына. И у тети Светы одна скорбь на лице.

Тем временем кортеж подошел к ЗАГСУ.

- Что пришли? – подлетела к ребятам улыбающаяся Венгер, - Выпить на халяву? Вас, по-моему, никто сюда и не приглашал.

- В ваших руках мед ядом становится, любезная тетя Клава – съязвил Олег Зеленый, - Мы только хотим пожелать другу счастья, да насладиться вашей радушной улыбкой.

- Дала бы я сейчас Олег тебе в глаз, да люди кругом. И не для того мы сюда сегодня пришли. Поздравите и проваливайте!.. Чего ждем? – это она уже командовало своими, - Не стоим как истуканы, заходим. Нас ждут.

Все вошли в небольшой зал, украшенный лентами, лепными голубями и лозунгом, призывающим крепить молодую семью. Свидетели расстелили рушник, на который первой ступила, естественно, Марина, слегка придерживав суженого за локоть. И рушник, символизируя собой белое облако, понес их в Царствие небесное, где сам Господь Бог благословлял их брак и скреплял его священными узами.

А в это самое время заведующая ЗАГСом, одетая в строгий костюм, заученным шаблонным языком говорила о создании новой семьи.

Головин скосил глаза на товарищей. Те не отрываясь, смотрели на него.

- Готовы ли Вы, Сергей, взять в жены Марину? – торжественно спросила женщина.

Сергей вздрогнул и весь напрягся.

- Сергей, я вас спрашиваю?

- Что? Я не расслышал.

- Готовы ли Вы, Сергей, взять в жены Марину?

- Нет, - выдавил он из себя.

Друзья схватились за голову и гуськом потянулись к выходу.

- Что нет?.. Я вас не поняла...

- Извините, сказал не так, как хотел. Да.

- А Вы Марина...

Больше приятели ничего не слышали. Главное, что слово «Нет» прозвучало в этом зале. Теперь их мысли были совсем о другом, - где достать деньги на этот долбаный коньяк.

Как выяснялось через много лет, Сергей, чтобы завоевать расположение будущего тестя, вступил с ним в преступный сговор, рассказав о споре. Идея тому понравилась, и он ее одобрил. Не каждые же день в дом шестьдесят бутылок коньяка с небес сваливается. А «Нет», «Да» - без разницы. Главное штамп в паспорте!

В жизни всё продолжало идти своим чередом. Коньяк из магазина перекечевал к Венгеру в подвал. Сергей Головин заматерел, хотя и был всю жизнь марионеткой в руках своего грозного тестя. Марина родила дочь и прибавила в весе килограмм сорок, поэтому кровать им пришлось срочно расширять и укреплять. Теще поставили новые зубные протезы, но и они оказались большего размера. А к ее постоянной улыбке все в городе привыкли и теперь ее уже не замечали. Друзья разлетелись по свету. Встречались очень и очень редко.

Такова жизнь с ее зигзагами и поворотами.

«РЫБАК»

Валерий Павлович Крюк пришел домой далеко за полночь. Стараясь не шуметь, что у него никак не получалось, стал переодеваться. Из спальни на шум вышла заспанная жена. Волосы ее торчали в разные стороны, сорочка каким-то удивительным способом была перевернута на бок. Зажмурив один глаз от света и прикрыв другой ладонью, она протяжно и громко зевнула.

- Валера, ты чего сегодня так поздно? Ведь знаешь, я волнуюсь. Неужели трудно было позвонить. Ждала тебя, ждала... Потом легла, почитала немного, да и уснула. Который час?

- Без четверти час.

- Ничего себе. Где это ты загулял?

- Иди, спи, неугомонная моя! - Валера обнял супругу, прижал и нежно поцеловал, - У Петьки Лисицина в гараже посидели. А телефон в кабинете забыл. На столе. Всё спешка виновата. И, главное, торопиться никуда не надо, а все куда-то спешу. Смешно даже, - первые лица города и области в гараже пьют... Петр машину в субботу купил! Я и не знал. Крутая! Черный Lexus! И нам давно свою сменить. Четвертый год... По нынешнем временам устарела. Отдам ее в администрацию, а из бюджета куплю другую. Петя может... Мы тоже не лысые... В этом году область по многим показателям выходит на первое место. Так что и деньги большие скоро будут, и хлеб с маслом на столе. Три литра армянского коньяка выставил. Ну и закусочку соответствующую... Были Николай Павлович, Миша Селезнев и Саша Сизоненко. Но Сашка и получаса не посидел. Жена в больнице. Воспаление легких подхватила. Холод, а она все в молодуху играет. Вот и доигралась. Теперь из задницы решето делают, - он засмеялся, - А ты Танюшка у меня молодец! Выглядишь изумительно! Правда, шубку из Италии я тебе классную привез? Ни у кого такой нет! И тепло и красиво! Скажи, Тань? Сам бы носил, - он снова засмеялся, - Представляешь, Петр ни с того, ни с сего и говорит: «Я – серб». Все же знают, что он еврей. А Николай Павлович, вот умница, люблю находчивых и остроумных, ему и отвечает: «Жаль, что я не молот!». Улавливаешь? Серп – молот... А с другой стороны, - не молод. Мол, возраст уже... Я так смеялся. Здорово! Прямо КВН! Ты, наверное, иди спать, - он легенько шлепнул жену по мягкому месту, - а я попью чайку и в ванной полежу. Промерз сильно. Дрожь в теле. Домой на машине доехал, а в гараже прохладно было. Зато романтично. Хочу хорошенько прогреться. Не хватает простыть. А то через три дня по телевизору выступать. Свет в ванной включать не буду, полежу во тьме, продумаю план своего вступления. Надо сказать что-то этакое, чтоб избиратель поверил только в тебя. Отогреюсь и совершу над тобой акт насилия, - он снова засмеялся своей шутке, - Дети как, в порядке?

- Всё хорошо, Валерочка. Оксана на зимние каникулы с классом в Киев едет. Я не возражаю. Пусть. Через два года школу заканчивает. Как быстро летит время! Надо уже думать, куда ее пристраивать.

- Сама-то куда она собирается? В артистки?

- С Леной Гаврилюк хочет поступать в торговый, а я против. Дебит, кредит... Лучше в медицинский. Белый халат... Почет... Уважение... Славка с синяком

под глазом пришел. И молчит. Валера, ты бы с ним поговорил. И учится хорошо, и не балованный, а вот поведение...

- Ничего. Мужик растет! Чтоб потом уважали, не грех и синяк под глазом поносить.

- Завтра в школу вызывают. Сашка окно в классе разбил. Только не ругай его! Не специально. Я разобралась.

- Молодчина. Люблю во всем порядок. И тебя за это люблю. Тыл всегда должен быть надежным.

- Иди уже, стратег, пускай воду, а я чайник поставлю, - Татьяна счастливо улыбнулась, - Есть захочешь, - в холодильнике балычок свеженький. Бутерброд сделай.

- Есть не буду. Сыт, - он провел ребром ладони по горлу.

- Ну, хорошо, тогда хозяйничай здесь сам. Я пошла спать. Не буду тебе мешать.

Татьяна мужа любила и очень уважала. Пятнадцать лет вместе! Это – срок! Всё конечно было... И слезы, и радости... Трех детей родила... В доме, как во дворце, заблудиться можно. Золотых унитазов разве что нет. Холодильники забиты... Одежды, обуви... И каждый год гардероб обновляется. Обстановка... И всё благодаря ему. И дети молодцы! И лицом, и умом...

А познакомились они совершенно случайно. Она, студентка первого курса университета и будущее светило экономики, летела как угорелая на экзамен и на углу института буквально врезалась в молодого человека, как потом оказалось, аспиранта юридического факультета их университета. Удар был настолько силен, что каждый из них от любви потерял голову и рассудок. А вскоре Валера, ему было уже тридцать один год, защитив диссертацию, был направлен в администрацию небольшого городка Одесской области. Уехала с ним и Татьяна. Вначале училась заочно, но потом пошли дети, и учебу пришлось оставить. Первая жена Валеры, после их двухлетней совместной жизни встретила араба, сильно его полюбила и укатила к нему в Аравийскую пустыню, где бесследно и сгинула. А Валерочка потихоньку став доктором наук, был избран мэром большущего города. Уже о столице мечтает. Но это после выборов. Да и надо ли вообще туда ехать? Уж лучше быть первым в провинции, чем сто первым в Киеве! Хотя,.. чем черт не шутит!

- Тьфу, тьфу, тьфу! - Татьяна перекрестилась, - И не курит, и не пьет, и пост какой большущий занимает, и не гулящий... И уважают все: и в правительстве, и в городе...

Таня мужа не ревновала. Или почти не ревновала. Доходили, конечно, кое-какие разговоры, были и подозрения, и предположения... Но из всего этого рушить семью она не собиралась. И чего шуметь?! Только собак дразнить... Рот раскроешь, - вся свора до хрипоты гавкать примется. Каждому соринку в чужом глазу увидеть захочется. Никому нельзя такой повод давать! Сожрут! Причем – мгновенно. В конце концов, - не пойман – не вор. А если что и было, чай не убудет. Домой-то всегда с подарками возвращается. Летом каждый год на море ездим. Болгария, Италия, Кипр, Тунис... А на Канары больше не хочу. Один раз была и достаточно. Во-первых, - далеко, во-вторых - вода кругом. Прошлый раз как заштормило, думала, конец света наступает. И в-третьих, - очень самолетов боюсь. Страшно и жутко.

Свернувшись в комочек, она счастлива и спокойно заснула.

А Валерий жадно проглотив стакан кипятка, с вожделием погрузился в горячую ванну. Приятное тепло иголочками пронизывало его переохлажденное тело, каждая клеточка блаженно пульсировала от переизбытка долгожданного счастья. Хотелось просто погреться, без всяческих современных извращений. Он вытянулся. Окружающая тьма действовала на него успокаивающе, расслабляла.

- Собственно говоря, что волноваться? – думал он окутанный дремой, - Моя кандидатура в верхах одобрена. Конкуренты слабоваты. Агитация, реклама работают... Полагаю, выборы пройдут без сучка и задоринки. И все равно... Не грех будет напомнить обывателю, что родился в рабочей семье, что на флоте служил, - он это любит и проглатывает с удовольствием. Цифры напишут... А что? После выборов точно машину куплю. И круче, чем у Лисициана... Николай Павлович, молодец! Через месяц шестьдесят, а совсем не хмелеет... А Мишка слабак, - три рюмки и слюна по губе. Но парень свой. Надо подумать, куда его двинуть дальше. Свои люди везде нужны... Рыба обалденная... Где ее Петя откопал?... Сашка, паразит, окно разбил... И я разбивал... И не одно... Надо, кстати, в восемнадцатой школе окна пластиковые поставить... Это большой плюс. Танька прелесть... Хорошая жена... Надо ей... А весной... Чего тянуть?... – мысли Валерия набегали одни на другие. И наконец, он сладко заснул. С улыбкой на губах...

Среди ночи Валерий проснулся от ледящего холода. Ноги сводила судорога. Зубы стучали сами по себе. Озноб колотил все тело. Он пошарил рукой вокруг себя в поисках одеяла, но услышал плеск воды. Сердце ёкнуло!

- Где я? – сон как рукой сняло, - Откуда вода? – явь мешалась с вымыслом, - Лодка дала течь?.. Куда делись остальные? И темень - хоть глаз выколи, ни огонечка. Хоть бы Луна вышла, - стало жутко, - Э-э-э-э! – тихо прокричал он, - Есть тут кто-нибудь?

Никто не ответил. Он обвел вокруг себя руками. Слева была пустота. Справа рука уперлась во что-то твердое.

- Стена... Следственно у пирса стою.

Валерий аккуратно приподнялся, попробовал лодку на устойчивость. Та стояла жестко.

- Это хорошо, - подумал он, - Или прибило к берегу или выбросило на отмель. Вылезать надо... А то здесь и околеешь насмерть.

Валерий осторожно начал садиться на борт лодки... и в это время вспыхнул яркий свет. Инстинктивно прикрыв руками глаза, он рухнул в пустоту. Последнее, что услышал Валерий, истошный крик жены

Открыв глаза, он увидел склонившегося над собой врача.

- Где я? Что со мной?

- Валерий Павлович, вы в больнице. Разговаривать нельзя. Все объяснения потом. Сейчас сестра сделает укольчик, вы поспите, и станет лучше. Голова болит?

- Болит.

- Тошнит сильно?

- Не очень.

- Замечательно!

Сквозь дрему он слышал голоса жены и врача, и то, что его куда-то везли на каталке, что-то мотали холодное на руку, и то, как ставили капельницу, и клали холод на лоб... Потом всё оборвалось. Сон поглотил его.

Утром Валерий Павлович открыл глаза, посмотрел по сторонам. Он лежал в чистой одноместной палате. А рядом в кресле, поджав под себя ноги, спала жена. На столике, источая волшебный, чарующий запах, стоял большущий букет из белоснежных роз, рядом красовалась огромная ваза с фруктами, а на тумбочке - телефон и две бутылки минеральной воды. Идиллия мира, любви и душевного спокойствия до слез растрогали Валерия. Голова слегка кружилась. Во рту собралась кислая слюна. Придерживая закрытую гипсом руку, он тихонечко встал, подошел к зеркалу. Вид шокировал: на лбу красовалась огромная багровая шишка, левый глаз отек, нижняя губа распухла и отвисла.

- Красавец! – прошептал он.

- Валерочка, милый, ты зачем встал? – Татьяна нежно взяла его под здоровую руку и повела к кровати, - Доктор категорически запретил этого делать! А я пять минут как задремала. Извини. Даже не слышала, как ты поднялся. Ложись тихонечко. «Утку» я тебе сейчас принесу. Как ты меня напугал! Чуть «кондрашку» не схватила. Включаю свет, вхожу в ванну, и ты подаешь... Лежишь, не шевелишься. Думала, разбился насмерть. Вызвала скорую. Пяти минут не прошло, как они приехали. Говорят, сознание потерял. Укол сразу сделали. Ты глаза открыл. Тебя на носилки и в больницу. А там и рентген, и томографию и все остальное... У тебя сотрясение головного мозга. Лежать, не вставая две недели. Попробуй мне только встать! – погрозила она пальцем, - И одну косточку сломал в предплечье. Виталий Александрович, это твой лечащий врач, он же начальник отделения, сказал, что ты, мой хороший, очень даже легко отделался. Все твои начальники в курсе... И все желают тебе скорейшего выздоровления. И еще. Три дня, а может быть и больше, до стабилизации твоего состояния, никаких звонков. Так распорядился сам Николай Павлович! Телефон я забираю. И не делай мне круглые глаза. Не поможет!

- А как же выступление, как же...

- И еще доктор сказал, чтоб ты не разговаривал. Уж слишком сильно потряхнул свои светлые мозги. А не будешь слушаться, могут возникнуть осложнения... Начнет кружиться и болеть голова, будет сильно тошнить. Понял, друг мой ситный!? А чтоб свет не раздражал, сейчас придут санитарочки и повесят темные шторы. Они ждали, когда ты проснешься. А еще Николай Павлович сказал, чтоб не беспокоился. Ты им нужен здоровый.

И мне тоже. И детям. А в сегодняшней газете напишут, что ты упал на стройке, проверяя готовность дома к сдаче. За тебя думают, за тебя борются, за тебя переживают. Вот поправишься и расскажешь, для каких целей отработываешь прыжки с ванны на пол, - Татьяна засмеялась и поцеловала мужа, - Не в десантные ли войска ты у меня собрался? Люблю тебя! Не болей, пожалуйста, - прошептала она ему на ухо и снова поцеловала.

И все закончилось очень хорошо. Вместо запланированного выступления по телевизору, Мишка Селезнев смастерил часовой фильм о деятельности мэра города, где не забыл показать фотографии родителей, трудившихся на машиностроительном заводе, деда-фронтовика, с орденами и медалями на груди, бравого моряка-торпедиста эсминца «Благородный» старшину второй статьи Валерия Крюк и еще вставил массу нарезок из многочисленных славных дел передового мэра и гражданина. Народ посмотрел и ахнул: «А ведь это именно тот человек, с которым мы заживем как в раю!».

Но рай не может поместить всех желающих. В нем живут только святые. В нашей же земной жизни святых выбирают или назначают, как назначили на очень высокую должность, теперь уже Михаила Леонидовича Селезнева, как выбрали на повторный срок мэром Валерия Павловича Крюк, прозванного в кулуарах Рыбак.

СДАЧА

Глубоко засунув руки в карманы и приняв конфигурации вопросительного знака, Олег быстро шагнул домой. Роман с Вероникой временно прерывался. Сегодня от тещи возвращалась жена, и надо было в квартире навести маломальский порядок.

Бодрящая утренняя свежесть понижала в груди любовную горячку, доводя ее до нормальной температуры.

Ему вдруг жутко захотелось есть, аж в голове помутилось. И не чего-нибудь, а вареной колбасы с черным хлебом и луком. И чтоб лук в соль макать! И чтоб на зубах хрустело!

Рот наполнила вязкая, кислая слюна. Желудок сдавил спазм.

Не задумываясь, он заскочил в ближайший магазинчик. За прилавком развалившись на стуле дремала далеко не молодая, полная женщина. Ее голова грузно свалилась на мощную грудь, щеки, покрытые глубокими оспинками, растеклись по плечам, а верхняя губа, густо поросшая черными волосками, свистяще дребезжала на выдохе. По всему было видно, что сегодня Олег был первым покупателем.

- Доброе утро, красота! В то время, когда народ, стиснув зубы, кует светлое будущее, она разводит здесь организованное безделье. Просыпаемся и приступаем к работе! – улыбнулся он далеко не полным зубов ртом, - Колбаски мне. Вот этой, - ткнул Олег пальцем в витрину, - грамм четыреста, а лучше пятьсот. И порезать, разумеется. Хлебушка черного половину булки. Тоже порезать. А лук есть?

- Лук на рынке! Две остановки.

- Шутить изволите, сударыня?

Продавщица, молча положила кусок колбасы на весы и, бросив его затем на доску, быстро заработала ножом.

- Хлеб половинить не буду.

- А мне отрежь! Остальную половинку себе заберешь. На шару.

- Сказала, не буду, значит, не буду.

- Хорошо, давай буханку. Сам отрежу. И соли шепотку.

- Я здесь щепотками товар не реализую. Хочешь, бери пачку. Не хочешь...

- Как трудно сейчас нам, шатко идущим по этой Земле. Ни сна, ни покоя... Каждый норовит тебя унижить, обидеть или укусить. А то и раздавить как букашку. Никто не делает к тебе даже шага навстречу. А ты всё тянешься и тянешься к этим людям. Из последних сил тянешься... А потом накатывает усталость и безразличие. Ко всему и ко всем. И тоже делаешься равнодушным и черствым. Так каждый из нас, в конце концов, превращается в сухаря. Делается сухим, холодным и бездушным. Сегодня тебе щепотку соли пожалели, завтра...

- Философ? Умный?

- Да так, находит иногда.

- А раз находит, забирай свою колбасу и вали отсюда. Не мешай нам и дальше быть грубыми и циничными.

- Ого! Я вижу перед собой достойного соперника. Тогда вопрос! Причем не в бровь, а в глаз. Один глаз в целях безопасности рекомендую прикрыть. Поручик Ржевский не грешил с вашей дальней-дальней бабушкой? Году эдак 1812? С ответом не тороплю. Советую очень хорошо подумать.

- Ты чего мелишь, сморчок?! Какой Ржевский?

- Не надо отпираться. Я вас узнал! Вы и он одно лицо. Точнее даже не лицо, а усы. Усы гвардейца, гусара, кавалергарда!..

- Да я...

- Мамаша, будем взаимно вежливы. Так что там, на счет щепотки соли? Про лук я уже не спрашиваю, полагая, что вы его на рабочем месте не едите. Вдруг целоваться придется?.. Так? Кстати, как вы относитесь к поцелуям? - ощерил свой щербатый рот Олег, - Лично я это дело очень даже люблю. И женщинам нравится, как это я делаю.

- Ой, целовальщик, - нервно засмеялась продавщица, - ты зубы вначале поставь, потом уж целуйся. С тобой целоваться хорошо с похмелья. На рвоту сразу тянет. А если кто и позволяет тебе это делать, то такие же. Квазимодо! - и она грязно выругалась? - Лучше скажи, где это ты харю свою поганую выпачкал? Так и по городу, поди, ехал?..

- Не может быть? – он принялся тереть ладонью лицо.

- Нагнись, болезный, я вытру.

Олег доверчиво наклонился. И в это время страшный удар кулаком свалил его с ног. Падая, он спиной врезался в окно. Стекла веером посыпались на пол. Из разбитого носа ручьем потекла кровь, глаз заплыл.

- Тетя Зина, что тут у вас за буря в стакане? Стекла с утра бьете, - в магазинчик вошел милиционер, Пьяный что ли? - мотнул головой он в сторону Олега.

- Да нет, не похоже. Колбасы взял, хлеба...

- Рассчитался?

- И рассчитался. И сдачу получил.
- А почему лицо разбито?
- Чё ты мне допрос устраиваешь? У него и спроси. Кофе хочешь?
- Что-то темнишь ты, тетя Зина. Эй, - наклонился он над Олегом, - ты кто такой?
- Березкин Олег, - прошепелявил тот.
- Проживаешь где?
- На Харьковской 17, квартира 9.
- Почему в таком виде?..
- Голова резко закружилась, упал...
- Упал, так упал. Кто стекло вставлять будет? – спросил милиционер выпрямляясь.
- Сейчас Петру позвоню. У меня с прошлого раза большущий кусок остался,
- ответила продавщица.
- Как-то у вас странно всё здесь... Прошлый раз покупатель упал, в этот раз...
- Ко мне какие претензии? Хил мужик стал. Здоровье на сигареты разменивает. Кофе делать?
- Можно. Попью, да пойду. В доме напротив пьяная драка. Хорошо хоть утром, а не ночью. Ты чего расселся?- потрепал милиционер Олега за воротник, - Иди домой! А то в отделение заберу.
- Тот с трудом поднялся и поплелся к выходу.
- Колбасу забыл, сынок...
- Да ну ее, - махнул Олег рукой, - Теперь мне, и жевать нечем. Ржевскому отдай.
- Отдам, не переживай, - вздохнула продавщица.
- Какому еще Ржевскому? - не понял милиционер.

- Не обращай внимание. Видно мозги сильно стряхнул. Вот и несет черт те что. Да ты садись, не стой. И не спеши. День только начинается. Сейчас еще бутерброд с колбасой сделаю.

ЛЕТНЯЯ ИСТОРИЯ

О лете мы начинаем плохо думать, когда сверх меры становится жарко, душно и тоскливо.

К Людмиле под вечер пришла соседка Света, женщина боевая и энергичная. И коня на скаку, и в горящую избу... В разведку вряд ли, а вот в бой, - обязательно!

- Что сидим, скучаем? Пошли ко мне, - она махнула в сторону дома кучерявой годово́й, демонстрируя химическую завивку, - Подруги пришли. Ты их знаешь. Машка с Милкой, медсестры из больницы, женщины боевые и, самое главное, без комплексов. Будет дамский, медицинский коллектив. Витя уже и шашлык пожарил. Посидим, вина выпьем, а мажет, чего и покрепче, - и она заразительно засмеялась.

- Света, какое вино, какая водка?.. Дышать нечем, - начала сопротивляется Людмила, прекрасно зная, что идти придется. Уговорит обязательно.

- Вот после первой и раздышишься, - Света снова смеется, - Одевайся и пошли. Стой! А чего одеваться. Все свои. Видишь я в чём. Нарядаться не для кого. Из мужиков, один Витя. Но он сегодня не в счет. Запирай свою богадельню, и потопали.

У Светы во дворе уже всё было готово.

Люда вошла, поздоровалась.

- Девчонки, поехали, -скомандовала Светлана и, чокнувшись, выпила. Все последовали ее примеру. Витя сидел немного в стороне, но тоже участвовал в этом деле.

- Сейчас анекдот расскажу, а то забуду, - у Светланы рот никогда не закрывается. «Лектор читает лекцию о нравственности и говорит, что самые развращенные – это артисты, на втором месте, медицинские работники, то есть, мы с вами, а на третьем - военные. На первом ряду сидит полковник, старый, лысый... И заявляет, что, мол, извините меня, я прожил с женой тридцать лет и ни разу ей не изменил. А с задних рядов орет пьяненький майор: «Вот из-за таких мудаков, мы и тянемся на третьем месте», - Светлана заливисто смеется и наливает снова, - Девочки, надо нам

поднапрячься и обогнать артистов. Как идея? А ты не слушай пьяных женщин, - говорит она мужу, - пойдди лучше музыку включи.

Витя, по-доброму, улыбается и идет включать музыку, опрокинув в себя рюмочку водочки.

- Милый, - ехидно улыбается Светлана, - я тебя послала музыку включить, а не водку с нами жрать. Сегодня у нас девичник. Разве ты этого не заметил?

Наконец из окна полились «Добры молодцы» с «Богатырской нашей силой».

- Ты что нам включил, Витенька? Опять этих кобелей подзаборных. Здесь собрались нежные и ранимые создания. Ты такие слова слышал когда-нибудь? И еще красивые. На меня посмотри и сам всё поймешь, А Людмила еще и влюблена.

- Правда? – в один голос спросили Маша и Мила.

- Истинная правда, - подтверждает Света.

- Как интересно... В кого? – осведомились они.

- Это большая тайна, которая не раскрывается даже под пытками, - Эй, мой хороший, ты там не уснул? Давай для Люды Магомаева, «Ноктюрн». Такая песня, подруги, даже я плачу. Витюша, - снова кричит она в окно, - где ты, дорогой?

- У нас нет Магомаева, - говорит громко Витя.

- Ты в сборниках его поищи. А не найдешь, разогреешь себе чай. Попьешь, пописаешь и спать ложись. К нам можешь больше не появляться. Спиртное для тебя сегодня закончилось.

- Люда, а он хоть нормальный мужик? Без приборбасов?

- Он разный... Но если ты не можешь объяснить самой себе, почему прощаешь все выходки этого человека, значит ты его по-настоящему любишь.

- Счастливая, - мечтательно произнесла Мила.

- Мне мамка говорила, Царствие ей небесное, что великий дар природы, причем, в любом ее проявлении, и есть любовь.

- А мы здесь уже счастливы только от предчувствия счастья. Любимый, - снова кричит Света в окно, - ты уже чай пьешь?

Видно чай и всё остальное не очень устраивало Виктора, поэтому вскоре раздался бархатный баритон Магомаева:

Между мною и тобою — гул небытия,

Звездные моря, тайные моря.

Как тебе сейчас живется, вешняя моя,

Нежная моя, странная моя?

Если хочешь, если можешь — вспомни обо мне,

Вспомни обо мне, вспомни обо мне.

Хоть случайно, хоть однажды вспомни обо мне,

Долгая любовь моя

А между мною и тобой — века,

Мгновенья и года, сны и облака.

Я им к тебе сейчас лететь велю.

Ведь я тебя еще сильнее люблю.

Людмила всхлипнула.

- Это, надо же, какие слова, - шмыгнула носом Мила, - Я ни разу не слышала эту песню. Да если б мне кто-нибудь такую песню посвятил, я бы эго, наверное, до смерти зацеловала. У нас тут все проще. «Мальчик хочет в Тамбов» да «Караганда» ... И в кусты. Вот и вся романтика. Какая тут, к херам, любовь?

- Разве здесь кто-то знает это слово? – тоже всхлипнула Маша.

-Люда, даже не сомневайся в этом человеке. Плохой такое никогда не посвятит.

- Хорош сырость в моем доме разводить, - Света сама готова была пустить слезу,
- Маэстро, выключай шарманку, бери свой огромный фонарь и купаться пойдём.
Но сначала выпьем.

-Света, дай хоть песню дослушать.

- Я тебе ее по дороге спою.

- Света, ты что, рехнулась? На дворе темень, хоть глаз выколи. Мы по домам.

- Витюша, разливай. Давайте девочки за любовь выпьем. Мы когда придем домой с тобой, Витенька, ты мне будешь рассказывать, как любишь меня. Я тебя что-то не слышу.

- Хорошо. Как скажешь.

- Понятливый ты у меня муженек. Включи фонарь. Видите, девочки, какой большой луч. Мы будем купаться, а Витя будет нашей Луной. Витя, ты хочешь быть Луной?

Виктор улыбается и машет головой.

- А купальники же мы не брали.

- Темнота! Ночью голышом купаются всё. Тогда в тебя входит необузданная, сексуальная энергия. Это я сегодня в газете вычитала. Правда, делать это всё надо в полнолуние. Но Луна у нас есть. Включи, Витюша, еще раз фонарь для наглядности. Классно я придумала? Вперед! И никаких «Нет», не воспринимаются. А ты, луноход, нам дорогу освещай.

До речки добрались резво. Да и находилась та не так далеко.

Быстро раздевшись, ватага, не совсем трезвых женщин, в «лунном» свете ринулась в воду. Вода была потрясающе теплой. И только начали закипать страсти, как на берег въехали две машины с включенными фарами. Из них вышли шесть мужиков, разложили одеяло, достали сумки и стали культурно отдыхать. С каждой минутой их культура поднималась все выше и выше, а голоса становились громче и громче.

Женщины, погрузившись по горло, тихо сидели в воде. Свет «Луны» наэлектризовывал их природное начало.

Наконец, они стали замерзать.

- Эй, мужик, с фонарем! – крикнули через час Виктору, - Вы что, рыбу ловите? Зови своих, пить будем. У нас мальчишник. Брат с Севера приехал. Полмагазина скупил. А рыбу мы вам завтра на рынке возьмем.

- Спасибо, я не пью, - солгал Витя.

- Болеешь?

- Есть немного.

- Ну, лови тогда. А замерзнешь, подходи, не стесняйся.

- Витя,- зашипела Света, - Собери наше бельишко и двигайся потихонечку в сторону. Туда, где темно. А там вверх начнешь светить, немецким парашютистам знак подавать Ты у меня должен знать, что Луна вращается вокруг Земли. Вот и ты, тоже, вращайся. Мы, если уже не превратились в Русалок, то в куски льда скоро, точно, превратимся. Начинай, дружок, движение. Да поживее. Иначе, вдовцом скоро станешь. Но этого я не допущу. Голой к мужикам выйду, так и знай.

- И Витя медленно пошел вдоль берега.

- Эй! Ты куда пошел? - закричали уже сильно подогретые мужики, - Решили потягать бредешок? Может вам помочь? И уху, потом, сварганим.

- Спасибо, не надо. Мы сами.

- Смотри. Но пару хвостов дашь! Иначе мы можем и обидеться.

- Дадим, конечно. Вы, пока, отдыхайте.

- Витя, Витя! – снова зашептала Света, - Подойди к берегу и белье наше оставь. А сам отойди подальше. И фонарь выключи. Он уже не нужен.

Послышался плеск воды.

- Девчонки, одеваем быстро платья и айда отсюда. От греха подальше. А с трусами дома разберемся, - скомандовала Света.

Низко пригибаясь к песку и огибая веселую компанию, они напоминая партизан, возвращающихся после минирования железнодорожного полотна, быстро неслись к дому.

Первой, этого стремительного темпа, не выдержала Маша.

- Я больше не могу бежать. Нужны мы этим мужикам, как собаке пятая нога. Они по пьянствовать приехали. Потом, мы уже далеко убежали. А где Витя?

Сзади послышалось хриплое, свистящее дыхание.

- А вот и наш защитник. Витюша! Ты тылы для нашего отхода охранял или предателем захотел сделаться? – Света всегда говорила серьезно, и нельзя было

понять, шутит она или вещает истину, - И «Луну» сегодня слегка завалил. Но, правда, потом справился. За проявленное мужество и героизм сегодня можешь просить у меня всё, что угодно. Отказа ни в чем не будет.

- Тогда, дай мне воды. Пить хочу.

- Милый мой, ты что-то реальное проси. Или возвращайся назад. Там воды...

- Девочки, Вы как хотите, а я пошла домой. Скоро, наверное, полночь, а мать и супруга гуляет. Сейчас мне достанется.

- Машуля, а трусы, вечный атрибут женского туалета?..

- Выкинешь их. Этого добра...

- А вдруг муж... А их нет. Где наш волшебный фонарь? Посвети-ка нам. Молодец! Быстренько разбираем. Мои розовые, - утвердительно заявила Светлана, - А вы уж делите между собой, что осталось.

Разобрав свои трусики, женщины простились и быстрым шагом поспешили к своим домам. Впереди маячил новый трудовой день.

УЛЫБКА СУДЬБЫ

Вечером, после усиленной подготовки к зачету по международному морскому праву, Валера Ларионов, Вова Пастернак и Слава Кирилюк, три закадычных друга, решили прошвырнуться по городу. Было не по-весеннему тепло. А тишина стояла такая, что казалось, не будь шороха машин, был бы слышен шепот звезд.

- Хорошо-то как, пацаны! Весна! Эх!.. – от избытка чувств Валерий вытянул вверх руки, - Вот закончим скоро нашу бурсу, разбредемся, в полном смысле этого слова, по морям и океанам, и встречаться будем чаще в море, чем на суше. Такова судьба моряка!

- Валера, прекрати о грустном. Сегодня, между прочим, дискотека на Набережной. Пошли? Хоть кости разомнем. А то бродим бесцельно, как неприкаянные. Скучно, - Володя посмотрел на товарищей.

- А что, здоровая идея. Айда! – Кирилюк сразу ускорил шаг.

- Ребята, мне завтра рано вставать, - вдруг воспротивился Ларионов, - Мама приезжает. Надо будет встретить. Вы ступайте, а я в общежитие.

- Валерка, не дури, - друзья подхватили его под руки и потянули за собой, - Не понравится, уйдешь. Мы на часок-другой, не более. И время еще детское. Без двадцати десять.

Дискотека гудела, как растревоженный улей. Что пели, разобрать, конечно, было невозможно. Слышались только неистовые удары барабана. Они во всю мощь колошматили по грудной клетке, пытаюсь остановить рвущееся наружу сердце.

Взяв билеты, друзья прошли на площадку. У самого входа, прислонясь к стенке, стояла маленькая, рыженькая, с хитрющими глазами девчонка.

- Ты чего стоишь, стенку вытираешь? – Валере домой уже не хотелось.

- Что? – она приставила палец к уху, - Не слышу! Здесь кричать надо!

- Танцевать пошли!

- Я подружку жду!

- Она тебе сильно нужна!

- Нет! – замотала девушка головой, - А ты с друзьями?

Он кивнул головой, - Они уже в центре круга танцуют. Пойдем и мы? – он взял ее за руку, - Как тебя зовут?

- Марина.

- А меня Валера.

После часа непрерывного дерганья Марина устало повисла на его плечах.

- Валерочка, если я сейчас не попью, то на этой планете станет одним человеком меньше. Не могу больше. Правда. И ноги гудят с непривычки. А ты пить не хочешь?

- Хочу. И даже очень.

- Тогда пойдем? Мне, если честно, здесь уже надоело, - просительно проговорила Марина.

- Пойдем.

- Ты классный парень! Мне с тобой хорошо, - она крепко прижалась к его руке.

Сердце у Валеры глухо забилося. По телу пробежала дрожь. Во рту еще больше пересохло.

- Ну что стоим, пошли? - она сморщила курносый носик.

В ближайшем кафе все столики, плотно затянутые табачным дымом, были заняты. К стойке бара было просто не подойти из-за облепившего ее народа.

- Вот невезуха, - огорченно произнес Валерий.

- Не переживай, за углом ларечек. Там купим минералку, а дома у меня есть вино. Собственного приготовления, между прочим. Или тебе домой нужно? – все это она говорила как само собой разумеющееся.

- Да... То есть нет, не нужно.

- Как здорово! Полетели! А то он после полуночи закрывается.

Женщина уже запирала двери спасательного ларька, когда они подбежали.

- Ой! – закричала Марина, - Подождите, пожалуйста, не закрывайтесь. Продайте нам большую бутылку минеральной водички. С танцев... Пить очень хочется.

Женщина, молча, взяла деньги и вынесла воду.

- Спасибо большое! Валера, открывай быстрее. Больше нет сил терпеть.

- Всё? – продавец равнодушно взглянула на них, - Сигареты не нужны?

- Мне нет. Тебе не надо, Валера?

- Я не курю, - ответил он, смещаясь.

- Умница! В этом деле нет ничего хорошего. И не начинай даже. Мужчины полагают, что курение придает им красоту, силу и уверенность в себе. Ничего подобного! Кашель и дурной запах изо рта... Вот и все прелести... Открыл? Давай скорей!

Она долго пила не отрываясь. Вода стекала по подбородку на грудь, оставляя большое пятно на платье.

- Фу-у-у! – наконец выдохнула она, сгибаясь и передавая бутылку Валерию.

Тот быстро допил остальное, бросил бутылку в урну.

- Ты настоящий рыцарь! Не дал мне погибнуть от жажды! – она приподнялась на носочки и поцеловала в щеку.

Валерия опять забил озноб. Всё, что сейчас происходило, было у него впервые.

- Ты замерз, мой хороший? – отстранилась от него Марина, - Мне, тоже, что-то прохладно. Побежали, скорее, домой, пока не простыли. Сейчас на горку поднимемся и третий дом наш.

Буквально через пять минут они входили в уютный, чистый дом.

- Вот здесь мы с бабушкой и живем. Она на две недели поехала к брату в Запорожье. У него в следующую пятницу день рождения. Шестьдесят пять лет стукнет. Хорошо, что огород с ней успели посадить. А то вон, какая теплынь на дворе. Участок у нас большущий. Завтра сам увидишь. Да ты не стесняйся, проходи. Хочешь, горячую ванну наберу? Давай!? – улыбнулась она, - Согреешься сразу. Посиди здесь, я мигом.

Вскоре из ванной послышался шум воды.

- Валера, а ты любишь вино? Или будем чай пить? Лично я к спиртным напиткам отношусь очень равнодушно. И дедушка, царствие ему небесное, практически не пил никогда. В праздники разве что. Кстати, вот он на фотографии. Смотри, какой красавец! Был, между прочим, командиром крейсера, - гордо произнесла Марина, - А вот сосед, что через четыре дома от нас живет, не просыхает. И сын его такой же. А ведь он на два года меня старше. Что с ним дальше будет, страшно и представить.

- Мариша, а...

- Валерочка, все вопросы потом. Сейчас быстренько в ванну. Я, пока, чай вскипячу и, тоже, переоденусь, а то когда воду пила, всю грудь промочила. Держи полотенце. Мыло, шампунь и мочалка на полке. Легкого пара! - она чмокнула его в щеку и тихонечко подтолкнула в спину.

Когда он вышел из ванны, распаренный и взъерошенный, Марина была уже в халатике и растоптанных тапочках. На кухне пыхтел чайник. На сковородке что-то жарилось. И все это выглядело как-то по-домашнему: и этот незатейливый уют, и простенькая обстановка, и еще что-то такое, что невозможно передать словами, а можно прочувствовать только сердцем.

- С легким паром, Валерочка! Ты такой румяный, как калач, только что вынутый из печки. Пойдем, я тебя покормлю, чаем напою.

- Как хорошо у тебя, Мариночка, спокойно.

- Нравится?

- Очень!

- А я? – шепотом спросила она.

- И ты тоже.

- Правда? Ты мне, тоже, сразу понравился. Как увидела тебя, так сердце чуть не выскочило из груди. Никогда со мной такого не было. Честное слово! Золотой ты мой,.. – она села с ним рядом, обняла, притянула к себе и зашептала на ухо, - Всё, что я сейчас буду тебе говорить, чистая правда. Бога в свидетели призываю! - Марина перекрестилась, - Нисколько душой не покривлю. Никому и никогда это не рассказывала, а тебе расскажу. И если хоть долечку сокру, пусть Всевышний меня строго покарает. А ты, мой милый, пей чай, кушай яичницу с колбаской и слушай. Договорились? Тогда поехали.

- Я кушать не хочу. Спасибо.

- Нет, - она встала, придвинула тарелки Валере, - так дело у нас не пойдет. Я кому это все готовила? Для кого бутерброды делала? Вот сахар, варенье... Кстати, очень вкусное, абрикосовое. Рекомендую попробовать. Между прочим, сама в прошлом году его варила. Может меда принести?

- Спасибо. Больше ничего не надо. Я, если честно... - но заметив в глазах Марины огорчение, твердо заявил, - Ты знаешь, что-то и, правда, аппетит разыгрался, - схитрил он, - Пожалуй, съем всё. Мне даже захотелось узнать насколько вкусно это варенье. И вообще, умеет ли моя девушка изысканно готовить? Как говорит моя мама, - женщина в семье должна быть искусным дипломатом, виртуозным поваром, любящей женой и ласковой матерью.

Марина улыбнулась, - Кстати, я думаю и даже уверена, что во мне все это есть. Кушай, потом поставишь свою оценку. И так, начну с самого что ни на есть детства. Когда мне было два года, погибли мои родители. Точнее утонули. Если помнишь, в 1986 году, 31 августа в Черном море, столкнувшись с другим кораблем, затонул пассажирский лайнер «Адмирал Нахимов», шедший из Новороссийска в Сочи. Это было девятнадцать лет назад. Тогда погибло почти четыреста человек, в том числе и мои папа с мамой. Маме в этот день исполнилось двадцать пять лет, и папа, в качестве подарка, решил покатать ее по морю на белом пароходе. Вот такой получился трагический подарок, - Марина тяжело вздохнула, - Так что родителей я не помню. А воспитали меня бабушка и дедушка. Воспитывали строго, но правильно, за что я им очень благодарна. Дед три года назад как умер. Мировой был мужик! Мы с ним любили путешествовать. Палатка... И дня на три... А то и на неделю. Рыбу ловим, грибы собираем... И обязательно с заходом в какое-нибудь историческое место. Но предварительно все об этом месте изучим. Так интересней смотреть. У нас столько альбомов с фотографиями тех мест... Если тебе станет интересно, обязательно когда-то покажу. Договорились? И бабушка у меня очень хорошая. Привила мне любовь к литературе, искусству... Валера, давай еще чаю налью. Ты так быстро его выпил. Сейчас подогрею.

Она встала, зажгла плиту, поставила чайник.

- Тебе не наскучило меня слушать?

- Нет, что ты.

- Наскучит, останови. Я люблю поговорить.

- Марина, а фотография родителей у тебя есть?

- Конечно, есть. Но они у бабушки где-то спрятаны. Я их потом обязательно найду. Пока дедушка служил, я с ними успела пожить и в Полярном на севере, и в Севастополе и, даже, год в Москве... Уже шесть лет живем здесь, в Херсоне. Трехкомнатную квартиру в Крыму продали и переехали сюда. Это дедушкина родина. В этом доме он родился. Его сюда всегда тянуло. Дед сделал перепланировку, достроил второй этаж. У него там был наблюдательный пункт. Даже визир себе поставил. Смотрел, как корабли по Днепру идут. Наверное, и на пляж поглядывал, - засмеялась она, - Этот визир, кстати, и сейчас в рабочем состоянии. А теперь весь второй этаж – моё

королевство. Мне здесь, тоже, очень нравится. Река рядом. Центр – рукой подать... А приусадебный участок просто громадный. Всё на нем сажаем. И на рынок ходить не надо. У нас даже курочки есть и кролики. Вот такие мы с бабушкой хозяйшкИ! – Марина немного помолчала, глубоко вдохнула, - Училась я очень хорошо. И жутко мечтала стать врачом. Но... звонок, прозвучавший после окончания восьмого класса, всё оборвал. Мечты... Радость... Веру в будущее. После выпускных экзаменов классом пошли встречать рассвет. Нас было пятнадцать человек: восемь мальчиков и семь девочек. Было радостно, весело... От счастья кружилась голова. Ребята наливали нам шампанское, а сами пили сухое вино. Вскоре, все девчонки сильно опьянели и уснули. Видно, что-то подмешали. Ну а потом, всех изнасиловали. Кто, как, - я ничего не помню. Утром из парней никого с нами не было. Как говорится, похмелье оказалось очень и очень горьким. В милицию никто не заявлял. Да и на кого жаловаться? И дома, тоже, никому ничего не сказали. Идти дальше учиться в девятый класс я, категорически, отказалась. И как только меня не уговаривали дедушка с бабушкой. Чуть ли не на коленях молили. Не пошла. Стыдно было и позорно. Одним подобное все равно, а я не могу. Не современная я, понимаешь. До сих пор кажется, что на меня все смотрят. И смеются, - она жадно допила остывший чай, - Поступила в медицинский колледж. Закончила с красным дипломом. Сейчас работаю операционной сестрой в городской больнице. Думала, после него пойти учиться в медицинскую академию. Но опять не получилось. Дедушка тяжело заболел, а потом,.. – она всхлипнула и горько заплакала, - Почему я такая несчастная? Почему мне так в жизни не везет? Я ведь... - Марина уронила голову на стол и зарыдала.

- Марина, Марина, Мариночка... - запричитал Валерий. Он отодвинул стул, подошел к ней, стал гладить по голове - Успокойся, пожалуйста. Всё уже прошло, всё будет хорошо...

- Что хорошо? Что? Что мне скоро двадцать один год? Что я стесняюсь саму себя? Я семью хочу! Я любить хочу! Я детей хочу! – она подняла заплаканное лицо, по щекам катились большущие слезы, - Мне сегодня, впервые, понравился молодой человек. И этот человек – ты. Понимаешь, впервые! В моем сердце вспыхнула давно тлевшая любовь. И что?.. – она снова уронила голову и ее спина затряслась еще сильнее. - Иди домой, Валера. Пожалуйста. Извини, что так всё получилось. Мне надо побыть одной.

- Мариночка, не прогоняй меня. Не надо. Всё, о чем ты рассказала, горько, но не смертельно, поверь мне. Ты мне, тоже, очень и очень нравишься. Это – чистая правда. Ты первая девушка, которая поцеловала меня. Именно ты заставила забиться мое сердце в новом, неведомом мне ритме. Именно сегодня я испытал то, чего никогда не испытывал: и сладость твоего прикосновения, и глубокую горечь твоих душевных ран. Я не блещу красотой, не обладаю красноречием дипломата, у меня нет богатых родственников и семи пядей во лбу. Я могу прельщать девушек лишь тем, что учусь в морской академии, и моя будущая работа будет связана с морем и многочисленными заходами в иностранные порты. А это – деньги, и даже большие. Поэтому, представители слабого пола идут замуж не за нас, а за эти деньги и импортные вещи. Ты же видела меня сегодня не в морской форме, а в обычной одежде, в которой ходят миллионы молодых людей. И посему, твои чувства чисты и искренни. Только не подумай, что я аскет. Отнюдь, я люблю жизнь во всех ее проявлениях. Но, если честно, я боюсь женщин. Трое моих товарищей уже лечились от венерических болезней. А парень, с которым учился в школе и сидел за одной партой, служа в армии, заразился СПИДом. Страшно. Очень страшно!

- Валера, - Марина поняла голову, глаза ее просохли, - ты меня не бойся. У меня ничего такого нет. Я себя проверила, наверное, тысячу раз, - испуганно произнесла она.

- Мариночка, я не в этом смысле, - пожал он плечами, - Может быть, я сейчас выгляжу смешон и несуразен, - произнес он, опускаясь на колени, - но выслушай и ты меня. И, пожалуйста, не перебивай. Хорошо? Давным-давно моя будущая мама, ей тогда было девятнадцать лет, стояла на улице и горько плакала. Мимо шел моряк, офицер, старший лейтенант. Он остановился, приподнял мамину голову и вытер ей платочком слезы.

- Ваше горе стоит этих слез? – спросил он.

- Стоит, - всхлипнула мама, - У меня украли кошелек. Теперь я не могу ни на чем уехать. А мне нужно на другой конец города. На метро пять копеек, - загнула она палец, - а потом еще и на троллейбусе. А это еще четыре копейки, - и она снова зарыдала.

- Да, - сказал офицер и весело рассмеялся, - Действительно, эти слезы того стоят. Но я знаю как легко и просто выйти из этого положения.

- Как? – обрадовалась мама.

- Вы выходите за меня замуж, а я буду носить вас на руках на другой конец города, тем самым уже мы будем с вами экономить каждый день тридцать шесть копеек. Тридцать шесть! – он поднял вверх палец, - Это же какие деньжищи! Вы согласны?

- Вам смешно, а мне хоть волком вой.

- Нисколечко. У вас паспорт с собой?

- Да. Вы хотите оставить его под залог? Это мысль, - голос мамы повеселел,
- Только где?

- Пойдемте. Я сейчас вам покажу это место.

Они перешли через дорогу и вошли в помещение, на котором большими буквами было написано: «ЗАГС», но Оля, так зовут мою маму, этого не заметила.

- Как величают мою плаксу?

- Оля, - шмыгнула мама носом.

- Давайте, Олечка, мне свой паспорт и посидите вот здесь, - он подвел ее к столику, - полистайте прессу.

- А зачем вам мой паспорт? – попыталась она возразить.

- Я, потом, все объясню. У нас, точнее у меня, времени всего пятнадцать минут. В противном случае, рабочий день в этой канторе закончится.

Мама отдала паспорт и принялась бездумно рассматривать в журнале фотографии.

Из двери выглянула женщина средних лет.

- Девушка, вы Титова Ольга Ивановна?

- Да. Я.

- Это у вас украли деньги?

- У меня.

- Не переживайте, все будет хорошо, - и дверь захлопнулась.

Минут через десять из кабинета вышел офицер.

- Олечка, а теперь бегом! Иначе, мы опоздаем еще в одно место, - и они во всю прыть помчались вниз по улице.

- Куда мы так торопимся? Где мой паспорт? – тяжело дыша, пыталась прояснить обстановку мама.

- В универмаг. Да вот и он, перед вами. Зря бежали, - сказал он, взглянув на распорядок его работы и вытирая со лба пот, - Идемте. Теперь всё делаем неторопливо, с чувством собственного достоинства. Возьмите меня под руку. Нет, нет, под левую. Ведь правой рукой я должен честь отдавать. Не забывайте, что я человек военный. И потихонечку привыкайте к этому.

- А что мы делаем? Я, вообще, ничего не понимаю. Вы хоть для начала представьтесь.

- Разве я этого еще не сделал? – рассмеялся офицер, - Миша, - он наклонил голову, - Михаил Ларионов.

Как здорово! А меня Оля. Ой, я и забыла, что вы мое имя уже знаете.

Они остановились у ювелирного отдела.

- Девушка, - позвал он продавщицу, - нам вот это колечко с камушком. И еще два обручальных кольца.

- Миша, это еще зачем? – зашептала мама, - Что вы делаете?

- Оля, - теперь зашептал он, - с этой секунды мы на «Ты», это первое. Во-вторых, завтра в 14.00 мы с тобой расписываемся, а без колец какая свадьба. И, в-третьих, через неделю мы едем в Кронштадт, где я служу. Вот так, Мариночка, моя мама встретила моего папу. На всё, про всё они потратили не больше получаса. И прожили в любви и счастье двадцать лет, народив двух мальчиков и одну девочку. И сейчас живут душа в душу. Кстати, завтра утром, - он взглянул на висевшие на стене часы, - точнее уже сегодня, через шесть часов и семнадцать минут, моя мама приезжает сюда. И мы с тобой идем ее встречать. Она, тоже, медработник. Окулист в поликлинике. Так вот, у меня времени оказалось гораздо больше, чем у них, - он взял руки Марины в свои, прикоснулся к ним губами, - Милая, дорогая, нежная и любимая Мариночка! Тс-с-с... - он прикрыл пальцем ее губы, - Я предлагаю тебе руку и

сердце. Будь моей женой! Обещаю, что никогда, ни при каких обстоятельствах не обижу тебя и буду любить всю свою долгую жизнь.

- Господи! - Марина обхватила его голову, прижала к груди, - Господи! – повторила она, - Ты, правда, делаешь мне предложение? И я тебе нравлюсь? И ничего...

- Мариночка, разве я могу шутить такими вещами? Ты согласна?

- Согласна, милый. И я тебе обещаю, что ты будешь у меня самым желанным и счастливым человеком. И я буду любить тебя крепко-крепко! И всю жизнь! Поцелуй меня, пожалуйста.

Их губы слились. Поцелуй был долог и сладок, как путь домой из постылой чужбины, терпок, как выстоянное вино, дурманящ, как запах черемухи и бесконечен, как бескрайняя Вселенная. Наконец, Марина отстранилась от Валерия.

- Скажи мне, милый, я не сплю?

- Нет, - прошептал он ей на ухо, - А я? Знаешь, давай по чуть-чуть выпьем вина. Такое событие... В честь нашей помолвки.

- Я сейчас принесу, - Марина побежала в комнату, - А ты, пока, достань рюмочки из серванта.

Валерий встал, открыл дверку серванта, взял два хрустальных фужера. Толи руки были потные, толи взял неудобно, но один бокал выскользнул и, с мелодичным звуком упал на пол, разбившись вдребезги. Инстинктивно пытаясь его поймать, Валера потерял равновесие и со всего маха сел на осколки. Джинсы тут же пропитались кровью.

- Что ты там без меня успел уже разбить? - слышался из комнаты веселый голос Марины.

- Кажется, разбился я сам. Как это некстати.

- Горе-то какое, - всплеснула Марина руками, - Снимай быстренько брюки.

Она осмотрела рану.

- Сейчас положу тампон, перевяжу, и поедem в больницу. Рана слишком глубокая. Шить надо.

- Может так заживет?..

- Как раз надо, - тяжело вздохнула Марина, - Не бойся, я же с тобой. И даже больно не будет. Полежи, я скорую вызову.

Через сорок минут, с многочисленными швами на ягодице, Валерий блаженно лежал в одиночной палате. Марина сидела на стуле, склонив свою голову на подушку.

- Ты, у меня, молодец! - шептала она, - Ни разу и не ойкнул. Василий Кузьмич тебя даже похвалил. Он хирург от Бога! Порой такие чудеса творит!.. Ему даже предлагали переехать в академию, в Днепропетровск на кафедру госпитальной хирургии. А он отказался. У него сын здесь погиб. Милиционером был. И жена в этот же день умерла от горя. Представляешь, он за одну ночь седым стал. Пил после этого много. Но сейчас и капли в рот не берет. Взял себе на воспитание из детского дома мальчика и девочку. В этом году они школу закончили и поступили в медакадемию в Запорожье. Василий Кузьмич всегда берет меня к себе операционной сестрой. Говорит, что со мной легко, не надо ничего напоминать, сама всё знаю. Вот так вот! - пошептала она гордо, - Агитирует поступать в медицинский ВУЗ.

- Я тоже с ним солидарен. Надо поступать.

- Уже не получится. Я теперь буду детей рожать и мужа с моря ждать. Ты возражать против такого не будешь?

- Как можно возражать, тем более против такого. Пододвинься, пожалуйста, ко мне поближе, а то я не достаю до твоих губок, - он взглянул на часы, - Ой, Мариночка, через два с небольшим часа мама придет. А я встретить не смогу. Что делать? И телефон в брюках у тебя дома оставил. И телеграмму тоже.

- Валерочка, не переживай, я маму встречу. Только скажи, как ее зовут, откуда она приезжает и как выглядит? А я сейчас быстренько на скорой доеду до дому, возьму телеграмму, твой телефон и мигом на вокзал. Всё твое из карманов я в ванной на полочку положила, когда джинсы замачивала.

- Ларионова Ольга Дмитриевна. Приезжает из Черкасс киевским поездом в 9.00. Номер поезда и вагон не помню. Это в телеграмме. А как выглядит?... - он задумался, - Приблизительно твоего роста... Сорок два года... Да, -

встрепенулся он, - она такая же рыженькая, как и ты. Извини, если обидел, - покраснел он, - Если что, позвони. В телефоне она у меня как «мама» записана. Вспомнил, - засмеялся он, - Ты фильм «Титаник» видела?

- Конечно. И не один раз.

- Главную героиню помнишь?

- Да. И что?..

- Мама на нее не похожа, - и он залился веселым смехом.

- Я не знала, что ты у меня такой глупенький, - она тоже весело фыркнула и поцеловала его, - И не смейся так громко, а то взбудоражишь всю больницу. Маму куда надо отвезти?

- Я не знаю, - смутился он, - Она ко мне на день рождения приезжает.

- И когда оно у тебя?

- Послезавтра.

- Хорошо. Я побежала. Встречу, отвезу к себе домой, а потом приедем к тебе. А ты поспи немного, - Марина потрепала его за волосы и стремительно вышла из палаты.

2

Поезд опаздывал аж на пятьдесят минут. Марина быстренько обошла привокзальную площадь. Цветов нигде не было. Недолго думая, она остановила такси.

- На рынок. Купим цветы и обратно. Если можно, то побыстрее. Надо успеть к приходу поезда.

Мастерски взвизгнув шинами, машина мгновенно набрала скорость. И уж через полчаса, Марина с огромным букетом ромашек стояла на перроне. Ее сердце глухо стучало в груди. Тело била мелкая дрожь.

- Внимание встречающих! – прогудело в громкоговорителе, - Поезд № 102, Киев – Херсон, прибывает на первую платформу. Нумерация вагонов с головы поезда.

Глаза Марины забегали в поисках седьмого вагона. А вот и он. Она встала напротив дверей, пристально всматриваясь в выходящих из вагона пассажиров, которых было совсем и немного. Наконец на перрон, с увесистой сумкой, вышла симпатичная женщина с рыжей прической на голове. Ее стройную фигуру облегал модный белый плащ. Марина, прижав к груди букет, широким шагом подошла к ней.

- Простите, вы Ольга Дмитриевна Ларионова?

- Я.

- А я Марина, - она еще крепче прижала цветы к себе.

- Очень приятно. Здравствуйте Марина.

- Здравствуйте Ольга Дмитриевна. С приездом. Как доехали? – Марина абсолютно не контролировала себя и не знала как себя вести.

- Нормально. Вы встречаете кого-то?

- Да. То есть, нет. Извините.

- А для кого цветы? – спросила она, чтобы разрядить обстановку. Женщине нравилась в девушке и застенчивость, и неподдельная робость.

- Ой, прошу прощения, я забыла совсем... Это вам, - она протянула достаточно помятый букет.

- Какая прелесть, - Ольга Дмитриевна опустила голову в цветы, глубоко вдохнула, - Очень люблю ромашки. Спасибо большое. А вы девушка Валеры? Где же он сам?

- Вы только не беспокойтесь, Валера в больнице. С ним ничего страшного нет, - затараторила она, видя, как побледнела женщина, - Он поскользнулся, упал на стекло и порезал ягодицу. Шрам не большой, сантиметров пять. Не волнуйтесь, ничего серьезного он не повредил. Наложили швы, сделали противостолбнячную сыворотку... Сейчас Валера спит... И вас ждет.

- Чего же мы стоим? Поехали немедленно к нему.

- Ольга Дмитриевна, я уверяю вас, что опасаться просто нечего. Не волнуйтесь так, пожалуйста. Я сама ассистировала хирургу. Наложили четыре шва. Место, правда, не удобное... У вас замечательный сын! Мы с вами

сейчас заедем ко мне домой, это не далеко, оставим вещи и поедем в больницу.

- Мариночка, вы медсестра? Там, правда, всё хорошо или вы меня успокаиваете?

- Честное-пречестное слово. Я никогда не обманываю. Давайте мне вашу сумочку. Пятнадцать минут до дома, там минут пять и десять до больницы. Максимум через сорок минут вы его обнимете. А вон и такси, пойдете быстрее.

3

Когда они на цыпочках вошли в палату, Валерий, обняв двумя руками подушку, спал богатырским сном.

- А вот и наш герой, - улыбнулась Марина, - Даже будить жалко. Присаживайтесь, Ольга Дмитриевна, - Марина пододвинула стул к кровати, - а я, пока, гостинцы достану.

- Мариночка, присядь. Потом достанем. А то шуршать начнем и разбудим его. Пусть поспит. Если ты здесь хозяйка, организуй, пожалуйста, чай. Я так перенервничала, аж во рту все сохлось.

- Ой, конечно. Пойдемте в сестринскую. Там у нас и чайник, и сахар, и печенье. Это через палату.

Буквально минут через пять, женщины, как давнишние знакомые пили чай и мирно беседовали.

- Больница у вас шикарная. Чисто везде, ухожено... Приятно такое видеть. Ты давно здесь работаешь?

- Уже четыре года.

- И родом отсюда?

-Да. Родилась здесь. Ну а потом колесила по всей стране. Дедушка военный моряк был.

- Почему с дедушкой? – удивилась Ольга Дмитриевна, - А родители...

- Марина, ты здесь? – в дверь просунулась голова дежурной медицинской сестры, - Там твой герой по коридору бродит, тебя разыскивает. Говорит, что на зачет надо ехать. Нервничает.

Марина и Ольга Дмитриевна как ошпаренные вылетели из сестринской. Навстречу им, слегка прихрамывая, шел Валерий.

- Сынок, как ты, мой хороший? – Ольга Дмитриевна прижала сына к себе, - Как себя чувствуешь?

- Нормально, мам. Как доехала? Как папа?

- Доехала хорошо. Марина встретила, у себя разместила... Папа передает тебе огромный привет. Ждет, когда на каникулы приедешь. Куда это вы с ним уже собрались? Говорит, что на Волгу, порыбачить. Правда?

- Мама, ты с Мариной уже познакомились? – Валера обнял мать и любяще смотрел на пунцовую Марину.

- Конечно. Хорошая девочка. Мне понравилась.

- И мне тоже. Она моя будущая жена. На каникулах свадьба.

- Хорошо, Валерочка. Не зря у меня сердце по-доброму ёкнуло, когда увидела ее на вокзале. Очень рада за тебя, сынок! Ты же знаешь, что мы с папой всегда поддерживаем твою точку зрения. Иди сюда, дочка, - Ольга Дмитриевна притянула к себе Марину и тоже обняла, - А знаешь Мариночка, как я познакомилась с его отцом?

- Мама, ну конечно Марина знает. Эту историю будут знать и твои внуки, и внуки твоих внуков. А теперь мне надо срочно добраться до общежития, переодеться и по-быстрому сдать зачет. На всё про всё у меня есть полтора часа.

- А как же...

- Мама, у меня уже ничего не болит. Я аккуратно. Хирург сказал, что двигаться можно. А, пока, с меня будут сосать соки, у вас появится возможность обсудить план дальнейших действий. Мамулечка, только долго не мучай Маришу вопросами, она сегодня еще не спала, - и, поцеловав обоих, Валера медленно повел их к выходу.

Корабль жизни набирал новые обороты. И Судьба счастливо улыбалась этому.

ГОСТИ

«Возмущенные татары обратились
в правительство с требованием
видоизменить пословицу:
«Незванный гость - хуже татарина».

Правительство подумало и изменило
трактовку народа на:
«Незванный гость - лучше татарина».

Анекдот.

Гости...

Как в этом слове много невысказанного, таинственного и, даже, трагичного. И всегда оно трактуется двояко: теми к кому приезжают, и теми, кто приезжает. И всегда эти мнения полярные.

Одесситы, желая подчеркнуть к вам свою непочтительность, непременно скажут: «Шоб от вас никогда не уезжали гости!».

Мудро, не правда ли?

Гости для хозяина, в полном смысле этого слова, - стихийное бедствие. А если они приезжают еще и неожиданно, да еще из столицы, наступает полная тоска. Дом превращается в извергающийся вулкан. Всех надо накормить, напоить, спать уложить, а еще и занять чем-то, чтоб те, уехав, рыло не воротили и хвастались там, у себя, что видели то-то и то-то. И, мол, на следующий год опять туда поедем, так нам всё понравилось! А в Лакорунью или Майами мы в любое время слетать можем.

Хозяева в позе заглавной буквы «Г» начинают носиться, опережая собственный визг, завидуют мертвым и с нетерпением ждут, как манну небесную, отъезда «дорогих» гостей. Потом месяц приходят в себя, и весь год молят Бога о недопущении подобных испытаний.

Солнышко клонила к западу. Долгожданный вечер нес желанную прохладу. Люда Тимофеева привычно помыла посуду, и только было собралась прилечь на диван да посмотреть новости, как у дома скрипнули тормоза, и залаяла собака.

- Кого это еще несет на ночь глядя? - с сожалением подумала она.

Профессия врача приучила ее к таким поздним визитам. Ведь у болезни нет выходных и обеденных перерывов, она приходит без предупреждения, когда ей вздумается.

Людмила выглянула в окно. У калитки остановились две крутые иномарки, из которых со смехом выходили люди. Знакомых среди них не было.

- Наверное, к соседям, - успокоилась она, снова направляясь к дивану.

- Лю-да! – прокричали не совсем трезвые голоса, Вы-хо-ди!

- Господи, кого это принесла нелегкая?

Она накинула халат и, как была в тапочках, подошла к калитке.

- Людка, привет! Ты что, не узнаешь меня? Это я, Света Розумовская... Мы с тобой в прошлом году познакомились в «Одноклассниках». Ты адрес дала, приглашала в гости. Вот, я и приехала! Открывай свою богадельню! Давай быстрее обнимемся!

Люда сходила за ключом, отомкнула замок.

- От кого прячешься, Людмила-царевна? Под замком сидишь, в дом не пускаешь, - Светлана висела у нее на шее и, дыша пивным перегаром, без умолку болтала, - Познакомься. Это мои друзья, - Славик с женой, Галиной, и мой возлюбленный, Валера.

Люда в знак знакомства пожала всем руки и ошеломленно созерцала всю эту картину, навалившуюся на нее так внезапно.

- Людка! Да проснись ты, наконец! Мы к тебе дня на три-четыре. Не выгонишь? В дом уже приглашай! Или весь вечер прикажешь здесь стоять?

- Ой! – встрепенулась Людмила, - Извините. Всё так неожиданно... Конечно проходите. Минуточку, я собаку придержу. А то, не дай Бог, укусит.

- Подожди. Сейчас водку достанем, закуску...

- Не надо. У меня спиртным весь шкаф заставлен. Больные не забывают своего спасителя.

- Валера, тогда водку не доставай, у нее есть. Бери только закуску. А мы Людок, - она повернулась опять к Людмиле, - на Урал ездили. Красотища, - неопиcуемая!.. И не рассказать. Камней разных насобирали... А то все по за границам разъезжаем, думаем там лучше. Если говорить честно, я хотела в этом году мотануть в Швейцарию. А Валерка уперся и ни в какую. У него на Урале завод по добыче меди. Вот, заодно, и решил проверить свое хозяйство. Деньжищ имеет, – она развела руки, - Я только тебе об этом не говорила, а ты не слышала. Хорошо? – шептала она Людмиле доверительно на ухо, - Пришлось согласиться. Иногда, подруга, приходится уступать. Но нисколько не жалею!.. Воздух, горные реки... Еда на костре... Сказка! И встречали, как коронованных особ. Но на Новый год он точно не отвертится. Полетим в Берн. Ты была в Швейцарии?

Нет, не была. Только в Турции, - огорченно прошептала Люда, - Как лето наступает, - дочь с мужем и внучкой приезжают. Три дня назад как уехали. Даже в квартире еще не успела прибраться. Так что, заранее, извиняюсь за беспорядок.

- Ты нас тоже извини. Свалились, на тебя, как снег на голову. Главное Волгу переехали в районе Саратова, у Галины там мать живет, я и вспомнила, что здесь где-то рядом ты обитаешь. Чего не навесить старую подругу? А то расписала местные красоты... И воздух у них тягучий, и река, и лес... Видели мы сегодня твою речку. Ручей, да и только! Переплунуть можно. Где обещанная величавость? Обманула? С тягучим воздухом завтра разберемся. И лесом тоже... А вот комаров у вас, действительно, множество! Веди уже в дом, а то и, правда, сожрут за милую душу.

- Вы с дороги пойдите душ примите, и я быстренько картошечку поставлю. А пока она варится, на стол накрою.

- Дело молвишь. Из пакетов всё на стол выкладывай. Мы пока к тебе ехали, маленечко проголодались.

Минут через сорок чистые гости уселись за выдвинутый на середину комнаты сервированный разносолом и водкой стол. Вскоре стало шумно и жарко. И больше от выпитого, чем от съеденного.

Залежи спиртного Людмилы резко сокращались.

На всё происходящее она смотрела с леденящим душу холодом.

- Если так и дальше будет продолжаться три-четыре дня, как они сказали, я просто не вынесу, - мыслила она содрогаясь.

А гости, с притупленными от алкоголя слуховыми нервами, говорили все громче и развязнее. Люда была для них явно лишней на этом празднике жизни. Она взглянула на часы. Стрелки стремительно приближались к полуночи. Теперь уже, после каждой выпитой рюмки, все ходили на крыльцо курить.

- Завтра на работу, - Людмила украдкой зевнула, - Опять не выплуюсь. Голова... Давление...

- Людка! - Светлана вспомнила о хозяйке, - Я смотрю, ты не ешь, не пьешь... Болеешь что ли? Бери, не стесняйся. Все, что было вкусного в вашей глуши, у тебя на столе, - Светлана сидела красная, по ее щекам обильно катились струйки пота.

- Спасибо. Я вообще не пью. А перед вашим приездом еще и поужинала. Так что есть, совсем, не хочется.

- Зря, много теряешь!

- Света, можно тебя на минуточку, - Люда встала и пошла на кухню.

- Что случилось, подруга моя дорогая? – Светлана обняла Люду и прижалась к ней. Людмилу тут же накрыла волна едкого, смердящего, конского пота. Бежевая кофточка мгновенно сделалась мокрой, а тело липким. Люда брезгливо передернулась. Спазм сдавил горло. Подступила тошнота.

- Пойдем, я тебе покажу, где лежит чистое белье. Одни лягут в спальне, другие на диване в зале. Уж сами решайте кто где.

- А ты где будешь спать? С нами? – заливисто рассмеялась Светлана.

- Нет. Я на раскладушке, на кухне.

- Не обижайся, подруга. Это я пошутила. Мы тебя не стесняем?

- Нисколечко. Я очень рада, что вы приехали, - бодрым голосом солгала Людмила, - Вы отдыхайте, а я пойду спать. Хорошо?

- Конечно, милая, ложись. Извини, что доставили тебе столько хлопот! Спокойной ночи.

- Спокойной ночи, Светочка. Всё нормально. Как говорится: «Мой дом – твой дом!», - сгоряча ляпнула она, явно не подумавши.

- Спасибо тебе, Люда. А мы, с твоего разрешения, еще посидим.

- Конечно. Отдыхайте, веселитесь.

Спала Людмила беспокойно. Тревожные мысли шевелили волосы на черепной коробке. Она постоянно вздрагивала от громких голосов и смеха, а потом и от чужого богатырского храпа. Будил ее и треск разбитого стекла... Но, теперь, ей это было уже всё равно.

За окном стало светать, когда она зашлась душераздирающим кашлем. Со сна никак не могла понять, отчего в квартире так накурено, но когда заглянула в зал, сердце ее провалилось в пятки. На то, что Славик и Галя лежали абсолютно голые с широко раздвинутыми, видимо для вентиляции, ногами, она не обратила никакого внимания, хотя бегло детали и успела рассмотреть. Ее шокирующему взору предстал стол, заваленный объедками, окурками и пустыми бутылками. Но и не это, вовсе, было самым существенным.

На полу, в углу, лежал вдребезги разбитый цветочный горшок с ее любимым цветком Монстера, доставшейся ей от покойной мамы. Стебель, и самое главное, корни были безжалостно раздавлены и растоптаны.

Люда беззвучно заплакала. Собрав всё, что осталось от цветка, она вышла во двор, обмыла израненное растение водой и прикопала возле забора, обильно полив комнатной водичкой. Во дворе ее насторожила тишина. Не было привычного счастливого повизгивания верного пса и друга Цыгана, которого она никогда в жизни не отпускала на улицу, и который в

неистовстве рвал цепь при приближении кого-то чужого. И не походило на то, что он оборвал цепь. Целехонькой та лежала возле будки.

- Это сколько же они выпили, если подошли к цепному псу, отвязали его, а он их не тронул?..

Придя в дом, она распахнула настежь окна в зале и кухне и, оставив открытой наружную дверь, чтоб проветривалось, прилегла на раскладушку, решив, оставшиеся до подъема двадцать минут полежать и подумать, как жить дальше.

Солнце нещадно било в глаза, когда Людмила проснулась. Настенные часы бессердечно показывали пятнадцать минут десятого.

- Проспала!

На наведение марафета времени абсолютно не было. Пригладив растрепанные волосы водой, на ходу надевая платье и туфли, Людмила помчалась в поликлинику.

- Людмила Александровна, где вы были? Заведующий раз семь спрашивал вас, - высунулась голова из окошка регистратуры, - Сказал, как появитесь, немедленно к нему. К вам четырнадцать человек записалось, - крикнула она в спину убегающей Тимофеевой.

Не успела Людмила зайти в кабинет, как распахнулась дверь и, держась за распухшую щеку, вошел Глава районной администрации. За ним, красный, как знамя пролетарской революции, ввалился заведующий поликлиникой, грозя ей кулаком. У Люды кровь отлила от головы, и холодная испарина покрыла побледневшее лицо.

- Людмила Александровна, выручайте! – прошепелявил Глава, - Ночь не спал! Терпел! Жду вас, как никогда раньше никого не ждал. Александр Витальевич, - повернулся он к заведующему, - занимайтесь своими делами. Мы тут уже сами...

- Людмила Александровна, закончите прием, не забудьте зайти ко мне с объяснительной запиской по поводу вашего сегодняшнего опоздания.

- Александр Витальевич, давайте простим ей этот проступок. С кем не бывает. На ней, поглядите, и так лица нет, она и так себя уже наказала, а вы к

ней со своей объяснительной. Пусть работает спокойно. Пообещайте мне, что никаких мер и вызовов не последует.

- Хорошо, Николай Ильич.

- Я проверю. И если... То не возьму в следующую субботу на рыбалку. Кстати, городское начальство обещало подъехать. Договорились?

- Договорились, Николай Ильич! Спасибо. Людмила Александровна, всё отменяется. Работайте спокойно, - прошептал он и вышел, тихо прикрыв дверь.

- Кстати. А зуб-то у меня уже не болит. Так что, не зря вы, Людмила Александровна, задержались сегодня. Я, наверное, тоже пойду. Времени в обрез. К конференции готовиться надо.

- Нет-нет, Николай Ильич! Присядьте, пожалуйста. Я должна посмотреть ваш рот. Сейчас только руки помою и перчатки надену. Ведь не от нечего же делать он всю ночь вас мучил. Не надо было терпеть и ждать утра. Прислали бы за мной машину, всё и порешили.

- Да посылал я машину. А у вас веселье вовсю... Я и приказал шоферу не беспокоить.

Людмила густо покраснела.

- Извините. Это знакомые вчера приехали. Отдыхали на Урале. А на обратной дороге решили заскочить ко мне. Я ни сном, не духом... А они бац, и нагрянули. Извините, Николай Ильич, но зуб леченью не подлежит. Как же вы запустили свой рот! Только при беглом осмотре, я насчитала шесть кариозных зубов. Пообещайте, что после конференции вы сразу придете ко мне. А этот зуб будем удалять. Ротик пошире откройте, сделаю укольчик. Заморозится... и ничего не почувствуете. Главное, не бойтесь. Разве я могу сделать больно моему сегодняшнему спасителю. Точно тогда получу выговор. И премии лишусь. За всё время, сколько работаю, такого со мной еще не случилось, чтоб на работу проспала. Гости беспокойные попались. Всю ночь пили. Я ушла, чтоб не мешать, - рассказывая, Люда этим самым обеляла себя. А то останешься без вины виноватой. В поселке такое допускать нельзя. Сожрут, - И лишь под утро меня сморило. И как, сама не пойму. Откройте рот. Давайте посмотрим. Не ждите ничего, расслабьтесь. Когда буду тащить, предупрежу, - произнесла ласково она, беря с подноса

щипцы, - Вот и всё. Откройте глаза, посмотрите какая огромная киста на корешке. Вовремя удалили ваш зуб. А то могло бы... Ватку прикусите. Минут через сорок выплюнете. Ничего горячего сегодня не пить и не есть. Рекомендую часика два полежать. И жду вас к себе!.. Нельзя ходить с таким плохим ртом, тем более такому большому человеку! Договорились?

Николай Ильич криво улыбнулся, махнул головой и направился к выходу. Людмила засемила рядом, провожая высокого гостя.

Рабочий день прошел как во сне.

Что делала, как делала, кому делала, с кем и о чем говорила, - ничего не запомнила. Ждала лишь окончания рабочего дня. А он тянулся будто бы резиновый.

Домой почти бежала. На сердце лежала тревога.

А дома, как не странно, всё оказалось в порядке: комната убрана, посуда помыта, кровати заправлены. И что самое интересно, Цыган вновь был на привязи. Гости сидели на кухне с опухшими лицами, и пили пиво.

- Ну, наконец-то! Мы тебя ждем, ждем. А ты всё не идешь и не идешь. Мы скучаем! Переодевайся, и на пляж. Нам надо отмокнуть, - Светлана было в красивом цветастом сарафане.

- А кушать? – попыталась возразить Людмила.

- На речки и покушаем. Ребята замариновали мясо, взяли красную рыбу, белое сухое вино, два ящика пива... И даже шампура купили.

- У меня они есть. Восемь штук!

- Кто знал? Ищи потом полдня. Времени на это ни у кого нет. Мы тебя вчера не сильно беспокоили? Ой, совсем забыла, я же цветок у тебя разбила. Черт дернул посмотреть его вблизи. А он возьми и выскользни из рук. Мы тебе новый купили. Нет, нет, нет, потом посмотришь. Переодевайся быстренько и поехали. Если честно, надоело сидеть в четырех стенах. Ждем тебя на улице.

Гости гуськом вышли во двор. Цыган хоть бы тявкнул.

- Надо узнать, кто же это отважился его отпустить? – устало подумала Людмила, натягивая на себя купальник, - С каким бы удовольствием я сейчас поспала. И откуда они взялись эти гости? Одни только что уехали, другие

явились. Какая же я все-таки доверчивая дура. Взять и пригласить в дом не пойми кого, - мысли накатывались одна на другую, - Расхлебывай теперь, Людочка-дурочка, вози, развлекай, голой пляши... Если этот праздник затянется надолго, я сойду с ума.

Она умылась холодной водой, чтобы отогнать навязчивую дремоту.

- Я готова! – Людмила вышла на крыльцо, натянуто улыбнулась. - надо их от поселка подальше отвезти, а то нажрутся опять... А мне здесь жить, - пришла в голову тревожная мысль - Есть у нас на речке одно уютное местечко, только немного далековато. Но очень красиво!

- Ничего страшного. Надеюсь, наши машины там пройдут? – Валерий развязно улыбнулся.

- Конечно, пройдут! Едемте?

- Людка, садись в нашу машину на переднее сидение. Дорогу показывать будешь. А я сзади примощусь, - Светлана закурила сигарету и смачно затынулась.

- Людка! Меня в жизни так никто не звал... - грустно думала Людмила, - Падаю всё ниже и ниже. Чтоб я еще в жизни с кем-то познакомилась, кого-то пригласила в гости... Какая я, действительно, все-таки ненормальная...

- А чего ты одна поедешь? Позвони кому-нибудь. Мяса много, и алкоголя не мало, - засмеялась Света, - У тебя есть друг?

- Он в командировке, - соврала Людмила.

- Один в командировке, другого возьми, - Светлана никак не могла угомониться.

- Поедем, Света. Три часа уже. Пока доедем, пока костер разведем, пока то да сё... И ночь наступит.

- Куда тебе спешить? Ты завтра выходная или работаешь?

- Выходная.

- Ну, вот и хорошо! Гуляй пока гуляется!

- Я завтра хотела показать вам святой источник. Представляете, в овраге, который со всех сторон обложен коричневым камнем, из-под земли бьют

три родничка, образуя небольшой водоем, из которого водичка стекает в купель. И что характерно, в каждом источнике вода имеет свой вкус. Невдалеке часовенка поставлена. Там так спокойно и умиротворенно... Честно! Правда, очень здорово! Туда совершается паломничество. Люди излечиваются от разных недугов... Одному богатому человеку, фамилию к сожалению не знаю, в этом месте знамение пришло. Он в воде увидел образ Божьей матери... И сделал всё там красиво и с любовью. И назвал источник «Явленная».

- Далеко? – заинтересовался Валерий.

- Около тридцати километров. Половина дороги по трассе, а затем грунтовка.

- Ерунда. Десять минут езды. Завтра исцеляться поедем. Грехи, так сказать, смывать, - засмеялся он, поворачиваясь к Свете.

- У нас с тобой нет грехов, - развязно заулыбалась Светлана.

- В святую только не играй. Тебе это не идет.

- Не начинай!.. На дорогу лучше смотри. Подруга, - обратилась она к Людмиле, - ты бы рассказала нам чего-нибудь интересного о своем поселке. Хотя, что тут может быть интересного? Дыра дырой! Как здесь жить можно, не понимаю. Пойти некуда. Величавая река, тянущийся воздух... - передразнила она Люду.

- Тогда и приезжать не надо было. Как есть, так и живем, - обиженно произнесла Людмила, - не всем же жизнь в столицах прожигать!

- Хватит! – гаркнул на Светлану Валерий, - Еще одно слово и я тебя здесь высажу. Пешком пойдешь до своей Москвы. А я это сделаю, ты меня знаешь. Запомни, дорогая, раз и навсегда, - поспориться с умным и хорошим человеком, а я считаю Люду именно такой, также трудно, как помириться с глупым. И закончим разговор на эту тему. Извинись перед ней немедленно!

- Люда, прости меня, пожалуйста. Что-то сегодня я, явно, не в своей тарелке. Подруга, ну не дуйся на глупую женщину, ладно?

- Хорошо, - горестно выдохнула Людмила, - Валера, сейчас налево. Вон, видите впереди песчаный плес, это и есть наши Третьи пески, любимое

место отдыха местного бомонда. Такой в наших краях тоже имеется, правда, местного разлива.

- Потрясающе! Восхитительно! Какая-то печальная, тихая и, в то же время, расслабляющая красота. Люблю такие места. На Урале чувствуешь силу природы. Там с ней надо бороться. А здесь... Славик, скажи, красиво. Состарюсь, приеду сюда, построю скит и буду Богу молиться...

- Мальчики, давайте быстренько в лес, надо дров насобирать, костер разводить. А то действительно, пока то, пока сё, и темнеть начнет. Мы с девочками, - Галина открыла багажник, - всё достанем. И искупаемся. Вперед, Робинзоны! – было заметно, что это место ей тоже понравилось. Светлана же не проронила ни слова.

Домой вернулись далеко за полночь. Но вечер Людмиле понравился. Была раскованная, тихая, непринужденная обстановка. И чувствовалась исходящая от всех доброта.

Шашлык был просто восхитителен. Люда, даже, спросила рецепт маринада. Под такую закуску и вино было не хмельным.

Будильник Людмила завела на десять утра. Хотелось немного поспать.

Встав, она быстро приготовила яичницу и разбудила гостей.

- Сейчас съездим к источнику. Оттуда заедим еще в одно место. В тех краях стоит очень старая церковь. Ее тоже надо посетить. С батюшкой я хорошо знакома. После очищения святой водой, батюшкино благословение будет и к месту, и кстати. Такой план одобряется?

- Мы согласны, - утвердительно кивнула Светлана.

- На улице жара невероятная. На небе ни облачка. Поедем в майках и шортах. А уже в церкви наденем платочки и юбки. Там они есть.

- И на это согласны, - Славик достал из кармана ключ, - Люда, ты такая правильная и строгая, что я начинаю тебя бояться. И чем-то напоминаешь моего классного руководителя, учителя по химии. Его все боялись, но и уважали тоже.

- Бояться меня не надо. Я сама всего боюсь, - засмеялась Людмила, - И последнее. Женщины при омовенье водой должны быть в длинных

полотняных сорочках. У меня их, естественно, нет. Я для этих целей взяла свои длинные рубашки. Не возражаете? Они все чистые. И алкоголь с собой брать не следует. Нехорошо это, – опять наставительно проговорила она.

- Тогда минуточку, - Валерий достал из бардачка две бутылки водки, - Нельзя, так нельзя! Людочка, забери их, пожалуйста, и положи в холодильник. Вечером будут кстати.

К источнику приехали быстро. Трасса, практически, пустовала, а полевая дорога - укатана.

К роднику вел пологий, но очень длинный спуск. Колеи дороги, размытые дождевыми потоками, походили на пересохшие русла реки.

Аккуратно съехав вниз, машины поставили на огромной зеленой поляне, которую сплошь покрывали полевые цветы. Здесь стояла звенящая тишина, нарушаемая божественным пением птиц. Было легко и спокойно. Даже говорить не хотелось.

Зашли в часовенку. Молча, постояли у алтаря, помолились. Каждый просил у Бога то, что ему не хватало.

Людмила, взяв пустую бутылку, аккуратно, по камешкам спустилась к источнику, стала набирать воду.

Никто даже и не заметил, как небо заволкло, и над ними нависла огромная черная туча. Сразу сделалось темно. Через мгновение хлынул проливной дождь и с такой жуткой грозой, что сердце уходило от ужаса в пятки. Молнии следовали одна за другой. И грохот стоял такой, как при артиллерийской канонаде. Пока добежали до машин, - промокли насквозь. Люда, вылезая из родника, в спешке поскользнулась и со всего маха упала навзничь в ручей, разбив локоть до крови. Выкарабкиваясь из оврага на четвереньках, другим способом это сделать было просто невозможно, она вся перепачкалась в глине и грязи и, подойдя к машине, в растерянности остановилась, дрожа от холода, как осиновый лист.

- Люда, что ты там стоишь? Давай к нам. Мы все здесь, - крикнул Славик, открывая дверь, - Если погибать, то сразу всем, - печально улыбнулся он.

- Как я сяду в таком виде?

- Не говори ерунду, со всех вода течет. Весь салон уже мокрый.

- Я же грязная...

- Грязная, чистая... Не хватает еще заболеть. Быстро залезай!

Три с лишним часа, а может и больше, лавина воды низвергалась с небес. Мощные потоки, неся грязь и камни, стекали с хребта в ущелье. Казалось, что раскаты грома слились в один протяжный, ужасающий грохот. Дождь лил, не переставая. Всем казалось, что этот небесный ад никогда не закончится. И каждый прекрасно понимал, опасаясь даже произнести такое, что выехать отсюда уже невозможно. Причем никогда.

Гроза потихонечку начала уходить в сторону, но дождь шел как оглашенный.

А делать что-то было нужно.

Людмила сидела тихо, чувствуя себя во всём виноватой. По щекам медленно текли слезы скорби, жалости, горести, душевной и физической боли... Но их никто не замечал. Все были угрюмы и злы.

- Вы тут посидите, - наконец произнесла она, - а я пойду, поищу дорогу, пока не стемнело. Может как-то еще можно отсюда выбраться.

Ей никто ничего не ответил.

Она устало вылезла из машины. Ледяной душ безжалостно окатил ее. Людмила, инстинктивно, обхватила себя руками. Так, казалось, было теплее. Куда идти, что искать, ей было безразлично. Людмила тупо брела по широкому лугу, залитому по колени водой. Из-за плотной пелены дождя, в двух метрах, ничего не было видно. Дорога, по которой они спускались, превратилась в бурную речку. Вдруг, впереди, рассеянно замаячила фигура в длинном плаще с остроконечным капюшоном. Силуэт походил на киношного маньяка. Раньше бы она испугалась и бросилась прочь, подумав, что это и есть он, а сейчас скользя и спотыкаясь, побежала к нему, ища спасенья.

- Мужчина! Мужчина! - неистово завопила она, пытаюсь перекричать шум льющейся воды, сильно опасаясь, что тот растворится в этом природном бедламе. Силуэт поднял капюшон, постоял, прислушиваясь, и тоже побежал, но в другую от Людмилы сторону.

- Мужчина, да подождите вы, в конце концов, - задыхаясь, она схватила его за плащ и резко повернула к себе. Передней стоял бледный, мокрый старик, лет шестидесяти пяти, с огромными линзами на глазах.

- Что вам нужно? Чего вы от меня хотите? - голос человека испуганно дрожал, - Я потерял коров, которых здесь пасу.

- Да вон ваши коровы, - Людмила указала пальцем, понимая, что пастух ничего вокруг себя не видит, - в кустах стоят. Скажите, здесь еще какая-то дорога, чтоб выехать от сюда? Мы приезжали к источнику... А тут дождь...

- Нет, дочка. Надо наверх подниматься. Другой дороги здесь нет. И никогда не было. Извини. Я к своим коровкам пойду. Посидите, отдохните, авось и дождь пройдет. Дорога-то и пообсохнет. Аль наверх попробуйте выбраться, а уж там... - он махнул рукой и, сгорбившись, побрел к коровам.

Людмила развернулась и обреченно побрела назад, явно не слушая рассужденья старика.

- Вот это влипла... - и Людмила, впервые в жизни, так грязно выругалась, что ей позавидовал бы пьяный боцман, - понесло меня сюда... В церковь бы съездили - и хватит... Надо же было вывернуться наизнанку. Источник... Очищение... Паломники... Видно Бог, за грехи наши, и наказал всех. Не знаю как всех, а меня точно! Теперь месяц здесь будем сидеть, - она снова зарыдала, - Конечно, пешком уйти можно... А машины? Их же не бросишь...

-Дороги нет, - открыла она дверцу, - Я не знаю, что делать?! Дед посоветовал попробовать выкатить машины наверх. А там можно попытаться...

- Не корчи, дорогуша, перед нами святую. Даже близко ее не напоминаешь. Ты местная, - рычала Светлана синюшными губами, - Звони, ищи, делай что-нибудь... По твоей милости мы тут! Уж будь любезна... Я не собираюсь...

- Хватит! – заорал Валерий, - Люда, - заговорил он тихо, - сосредоточься и успокойся... Соберись! Слышишь меня?!.. Сейчас всё зависит от тебя. Либо мы съедим друг друга или помрем мученической смертью, чего не хотелось бы... У тебя телефон с собой?

- Да, - прошептала она, кивнув головой, и захлопала себя по карманам. Было заметно, как ее лицо резко стало бледнеть, - А его нет. Не знаю где он... Но был, это точно. Потеряла где-то... - и она вновь зарыдала.

- Давай без истерик! Если брала, то найдем. Вспомни, где ты нагибалась, падала или еще что-то подобное...

- Я падала всего один раз, у источника, когда воду набирала. Сейчас сбегая, посмотрю...

- Он здесь, - донесся радостный голос Людмилы, - в воде лежит. Только вот будет ли теперь работать? Три с лишнем часа там покоился.

- Неси, просушим. Авось хоть в чем-то нам сегодня повезет.

- И на хера мы сюда поехали? – вновь подала голос Света, - Надо было так вляпаться! И водки не взяли... Осталось только подхватить воспаление легких.

- Ты можешь, в конце концов, помолчать? Одно и тоже... Ничего толкового... Надоело слушать!

- Ах, надоело?.. Целуйся теперь со своей Людочкой в дёсна...

На улице резко потемнело. Вновь стал накрапывать дождик.

- Валера! Положение, действительно, становится безвыходным. И маловероятно, что телефон заработает, - подал голос Слава, - Пока еще что-то видно, давай, действительно попробуем вытолкать машины наверх. По дороге не пройдем, а вот по обочине, по траве можно попробовать. Не думаю, что наверху всё так безнадежно и дорога размякла... На наших машинах и не выедем? Телефон протри и горячим воздухом просуши. Авось и заработает.

- Предложение дельное. Люда, давай телефон сюда. А вы пихайте, что есть мочи...

Машины, общими усилиями, все-таки удалось вытолкать наверх. Все, с ног до головы, были облеплены грязью.

Наступила ночь. Она была такой темной, что вытянутую руку не было видно. Лишь молнии изредка проясняли реалии. Похолодало. А дождь то переставал, то начинал идти снова.

- Приехали! Отсюда теперь не только выехать, выйти невозможно! Сплошное месиво. Валера, проверь телефон, вдруг заработал, в чем я очень даже сомневаюсь, - Вячеслав закурил и, с размаху сел там, где стоял.

- Ура! Работает! – радостно закричал Валера, - Люда, садись и... вызволяй нас. Делай всё возможное и невозможное...

- Вот, что значит святая вода. Столько времени пролежал и заработал, - облегченно подумала Людмила и легко вздохнула. К ней вернулась привычная уверенность.

С чего начинает человек, попавший в беду? С милиции.

Людмила не была исключением.

- Ждите! – произнес милиционер, - пожарные и МЧС на пожаре.

А вот, сколько ждать, он не сказал.

Людмилу вновь охватило отчаянье. Но было оно не долгим. Она решительно набрала номер Главы районной администрации.

- Добрый вечер, Николай Ильич. Тимофеева вас беспокоит. Простите, если разбудила.

- Узнал, Людмила Александровна, узнал. Вы на счет зуба? Спасибо! Ничего не болит. Золотые ручки. В конце года повесим вас на районную Доску почета.

- Спасибо, Николай Ильич. Только у меня беда...

- Что такое? - встревожено осведомился Глава, - Чем могу помочь?

- Помните, я рассказывала, что ко мне приехали гости...

- Конечно. И что? Буянят? Мы их быстро здесь утихомирим, - захохотал он.

- Нет, что вы... Я их сегодня повезла на наш святой источник. Знаете, где он находится?

- Мне ли, Людмила Александровна, не знать где и что находится в моем районе. Это «Явленная» что ли?

- Да, Николай Ильич. Здесь такой дождь прошел, буквально всё смыло. Сплошное месиво. И ночь... Выехать никак не можем.

- У меня та же проблема. Этот дождь столько беды натворил... Поля залил, от молнии три дома сгорело... Одни убытки... Вы наверху или в яме сидите?

- Наверху.

- Сейчас позвоню их Главе сельской администрации. Он за вами трактор пришлет. Ждите. Машин сколько?

- Две.

- Тросы есть?

- Он спрашивает, есть ли у нас тросы? - повернулась она к Славе.

- Скажи, есть, - утвердительно махнул головой он.

- Николай Ильич, есть! – покричала она в трубку.

- Ждите. Как вытащат, сообщите. И фары пусть включают, чтоб найти вас можно было.

В телефоне раздались гудки.

Минут через сорок вдалеке послышался шум гусеничного трактора. Все ожили, начали мигать фарами, сигналить...

- Да, мужики, крупно вам повезло. Бывает, что здесь неделями сидят... И ничего, выживают, - захохотал тракторист закуривая. Он был в огромных резиновых сапогах и фуфайке на голое тело. Начальство что ли?.. Сам Глава сельской администрации за мной приходил, упрашивал... Короче, с вас литр беленькой. Иначе и вытаскивать не буду. Возьму, и прямо здесь поломаюсь.

- Мужик, я тебе сто долларов дам, только сделай все побыстрее.

- Зачем мне доллары? Что я с ними у нас буду делать?

- Хорошо, - было слышно, как Вячеслав сдерживает эмоции, - Я тебе на ящик хорошей водки денег дам. Пойдет?

- Пойдет! Приятно иметь дело с понимающими людьми.

Он обошел машины, постучал сапогом по скатам.

- Обоих сразу не вытащу. И тросы порвем, и машины угробим. Сначала одного на трассу вытащу, а потом за другим приеду. Такой расклад принимается?

- Мы на всё согласны, - всхлипнула Галина.

- Вы тут с бабами? Могли бы пару ночек и перекантоваться, - снова засмеялся тракторист, цепляя трос к машине. – Поехали!

Трактор натужно напрягся и первая машина, виляя колесами, неохотно сдвинулась с места.

Домой приехали в четвертом часу. Все, включая и машины, до такой степени были выпачканы грязью, что равнодушно на такое смотреть было просто невозможно. Глядя друг на друга, все смеялись, как умалишенные.

- Ребята, в душ, а потом за стол, - Людмила вновь почувствовала себя хозяйкой.

- Спасибо, мы покушаем в Пензе. Да и помоемся там. Машины надо срочно сдавать в автосервис, иначе завтра их можно будет выбрасывать. Быстро грузимся, и поехали. Через полтора часа будем на месте.

Прощанье было не долгим и скоротечным, без поцелуев, слез расставания и клятв в вечной дружбе...

Людмила, помылась и переоделась. И только вознамерилась лечь, как раздался телефонный звонок.

- Ну, кому я еще нужна? – она взглянула на часы. Стрелки показывали начало шестого.

- Слушаю вас, - произнесла она строго.

- Вас уже освободили из плена, Людмила Александровна? – послышался строгий голос Главы районной администрации.

- Да, Николай Ильич. Спасибо вам большое. Только что смыла с себя грязь и собиралась хоть немного вздремнуть.

- Это замечательно! Почему не позвонили? Я же сказал, чтоб доложили, когда вытащат.

- Извините, Николай Ильич, закрутилась и забыла. Да и темно еще. Думала, что спите.

- Думаю здесь, Людмила Александровна, за вас я, проблемы ваши решаю тоже я... И слово: «Забыла» звучит очень даже не к месту. Приятных вам снов! – из трубки, вонзаясь в воспаленный мозг, полились короткие гудки.

Заливаясь слезами, Людмила включила компьютер, вошла в «Одноклассники» и заблокировала всех своих знакомых, кроме лучших подруг.

РАССТРОЕННОЕ ЗАСТОЛЬЕ

Саня любил выпить.

Нет, он не был ни запойным, ни пьяницей, ни последним алкоголиком.

Просто купит бутылку, спрячет ее, и, потом, тихонечко к ней прикладывается. И то не каждый день.

Вере это не всегда нравилось. И решила она выследить, где у мужа тайник.

В день зарплаты супруга она, увидев, что тот идет слегка навеселе, с провисающим карманом пиджака, спряталась в огороде и затаилась в кустах смородины.

Санька крадучись вошел во двор, ласково прикрыл калитку, огляделся. Не заметив ничего подозрительного, быстро шмыгнул в сарай, где хранились дрова для бани.

Спустя какое-то время, Александр вышел от туда, отряхивая рукава и брюки.

- Сашь, ты чего вместо дома по сараям лазаешь?

- Верунь, думаю немного леса подкупить. А то весной баню топить нечем будет.

- Только осину не бери. Жара от нее никакого нет. Дуб, ольха... И соснячку немного... От него запах приятный.

- Дело говоришь!.. На вот, зарплату принес. Правда, с мужиками по сто грамм потянули. Что у нас нового?

- Валера заезжал. Опять у них с супругой нелады. Как теща придет, так Лерка делается змея змеей. Что мать, что дочь – обе дуры...

- Что- то эту дуру ты сама под него подкладывала.

-Вспомнил?! А если всё видел, чего ж не отговорил?

- Да разве вас отговоришь? Ума – палата.

- Эко в тебе водка играет...

- Во мне, может, и водка играет... А вот куда же кладезь ума делась?!

- Поругаться хочешь. Не получится. Добрая я сегодня. Мой руки и садимся ужинать.

- Я завтра в четыре утра на Киев еду. Ты меня в три толкни. И термосок с едой приготовь. Кофейку крепенького заварить не забудь. Что туда, что обратно, всё ночью ехать придется.

- Поешь, и спать ложись. Сегодня по хозяйству я сама справлюсь. Приучила я тебя будить на работу. Пора самому наловчиться вставать.

- Я уже один раз сам вставал. Спасибо, Петька рядом живет. Чуть не выгнали. Забыла?

- Такое разве что забудешь?

- Сегодня на медосмотре Женька Сидоренко медсестре говорит: «У вас свечи от геморроя есть?» «Где-то были, сейчас посмотрю», - отвечает она. «Если есть, захватите к ним и подсвечники». Представляешь? Все покато так и повалились. А она, не дура - баба, говорит ему: «Подсвечники все разобрали. Одни канделябры остались».

- Там у вас все, если не дебилы, то недоразвитые. Естественно, только ты у меня всегда в здоровом уме, - ехидно заметила супруга.

- До чего ты, гнусный человек. А еще судишь Валеркину тещу. В вас нет чувства юмора. Всё, что не скажешь, всё воспринимается, как должное.

- Одни вы у нас образованные и умные. А коль такие, то утром сами и вставайте.

- Что ты начинаешь... Выгонят меня, локти кусать будешь. Да не достанешь.

- Иди, уж, кормилец, спи. Так и быть, разбужу.

- Проводив утром мужа в рейс, Вера немного поспала, справила дела по хозяйству, выпроводила внучку в школу и, перед работой, решила зайти в сарай.

Вначале она всё оглядела глазами опытного разведчика. В темном углу стоял уже много лет пенек, который давно бы следовало расколоть. Но он стоял и до него никто не дотрагивался. Вера подошла к нему и присмотрелась. В середине он был аккуратно распилен. Она сняла верхнюю половинку. И вот оно - чудо! Вот он, заветный тайничок. В выдолбленной сердцевине стояла бутылка водки.

- Ах ты, паразит! Надо же, додумался до такого! Я тебе устрою сладкую жизнь! А я, дура, и не догадывалась.

Успокоившись, Вера поставила половинку на место и, со спокойной душой, пошла на работу.

Вечером она взяла шприц и, аккуратно продырявив пробку, выкачала содержимое в банку, заместив водку водой. Поставив бутылку в середину пенька, она совместила его края, убрала банку глубоко в шкаф, и принялась собирать огурцы на засолку.

В таких хлопотах прошла неделя.

Александр крутился, как волчок. На водителей напал мор, и они, с высоченной температурой, лежали в инфекционном отделении. По возвращению из Киева, Александр поехал Херсон.

Дни шли за днями. И месяц сменил свое название.

Кажется, все забыли о злополучной бутылке.

Но, вдруг, приперлись кумовья. Как всегда. Совершенно неожиданно, без предупреждения, как, впрочем, и всегда, перед обедом, и аккуратно в субботу.

Шли мимо, как не зайти.

Вера быстро разогрела борщ, Кума почистила картошку. Соления, - одна минуту в подвал спуститься.

Сели за стол. Александр вдруг вскочил, как ошпаренный.

- Минуточку! Никому не расходиться! Я на секунду. Вера, поставь рюмочки.

Через мгновение он приносит бутылку водки.

Вера, если честно, уже и забыла о совершенном ей злодеянии. Она сразу онемела. И что делать не знает, и как выходить из этого нелепого положения, тоже.

- Вот это по-нашему! - вскрикнул кум, - Я думал, на сухую будем сидеть. Хотел уже свою из торбы доставать, - как жеребец, заржал он.

Александр быстро разлил по рюмкам.

- Кумовья, предлагаю выпить за наше здоровье. Будем здоровы мы, будут здоровы и наши дети с внуками, - он чокнулся и опрокинул рюмку в рот.

Не почувствовав вкуса водки, Саша сокрушенно подумал, что, наверное, пора бросать употреблять эту гадость. Совсем вкус сжег.

Вера выпив, слегка порозовела, понимая сердцем свой грешный проступок.

Гости, выпив и слегка крякнув, набросились на борщ.

- Ну, - произнес Александр, разлив кристальную жидкость по рюмкам - между первой и второй... А то чего-то даже и не вставило. Будем жить! – и он снова вылил содержимое в рот.

Вера слегка пригубила, взглянув из-под ресниц на гостей. Те выпили и продолжали есть борщ.

Когда Саша встал третий раз, кум не выдержал и спросил: «А вы давно с водки на воду перешли?»

И тут красная, как помидор, Вера оторвала свой полный зад от стула, - Извините, теперь уже я выйду на минуточку.

Вскоре Вера вошла с баночкой, - Гости, дорогие, вы меня, глупую, извините, это я виновата. Мой, - она кивнула на Александра, - пристрастился к этому делу, - щелкнула она пальцем по шее, - Я вычислила, куда он прячет этот яд.

И заменила водку на воду. Вот здесь, - она потрясла баночкой с хрустальной жидкостью, всё настоящее, - и она сама разлила свою жидкость по рюмкам.

- Дура!.. – прохрипел Александр вставая, - Умеешь позорить перед людьми.

Он вышел, сильно хлопнув дверью.

Поздно ночью друзья приволокли его чуть теплого.

Теперь и он лежал в больнице под капельницей, избавляясь от алкогольной интоксикации.

АВАНС

Со своим знаменитым тезкой, Леонид Ильич Брежнев не имел ничего общего. Даже близко не стоял. Даже не жил на одной планете. Увидишь – расстроишься. И невольно побранишь природу за ее такое нерадивое и наплевательское отношение к созданию прекрасного.

Внешне Леня походил на огромный косолапый вопросительный знак с огненно рыжей шевелюрой. Вытянутое лицо, сплошь покрытое веснушками, со скрюченным носом, напоминавшим огурец, выросшим на засушливом поле, выражало постоянное удивление. Его такого и в армию побоялись брать. Враг увидит – и разоружаться начнет. Пропадет надобность в военных. И что тогда будет за государство, в котором нет армии?

Но природа, надо отдать ей все-таки должное, отбирая одно, непременно одаривает чем-то другим. Леня был гениален. Причем во всем. И пользовался заслуженным авторитетом в городе и далеко за его пределами.

Получив золотую медаль в школе, и уверовав в своих знаниях, Леня учиться дальше не пошел. Не интересно!

И он, действительно, знал всё и мог всё. Ему не составляло никакого труда усовершенствовать компьютер, починить японский телевизор, устранить поломку машины любой фирмы и любой марки, а отремонтировать утюг или, скажем, соковыжималку, - и говорить не приходится. И ракету бы собрал, да кое-каких деталей просто не достать. Надобно стихотворение к юбилею, - не вопрос. Заметку в газету? Скажите только о чем... Анекдоты –

каждый день новые. Многие даже предполагали, что он сам их и придумывает.

И никому не отказывал. Ни пенсионерке, ни первому лицу города.

Но что поражало в нем обывателя, - денег, дурак, за свою работу почти не брал. На его месте другой давно бы миллионером стал. А этот - нет! Вот и живет как последний шаромыжник! Ни семьи в тридцать лет, ни хозяйства... И в доме шаром покати. Какая дура за такого простофилю пойдет? Не в лице и фигуре счастье, баба и лицо, и фигуру, и все остальное за углом найдет, ей деньги подавай! С лица, как известно, воду не пить. А у этого только шиш в кармане, да две дырки. Короче пословица про золото, которое не блестит, была придумана народом исключительно про него.

Работал Брежнев заведующим складом. Склада, как такового, вроде бы и не было в природе, но на самом деле он был, и в нем Леонид творил от зари до зари свои чудеса.

И еще Брежнев был остр на язык. Не дай Господь кому-то зацепить его, - заклюет и так опозорит, что потом и на люди показаться стыдно будет.

Вот таким был Леонид Ильич Брежнев, идя по жизни сам по себе, отдавая все людям, беря для себя лишь минимум.

Ну и чтобы закончить промывать мозги нашему герою, надо отметить, что к алкоголю Леонид тоже относился равнодушно. Нет, сказать, что он вовсе не пил, значит соврать. После каждого аванса он степенно заходил в пельменную. Девочки, завидев в окно, как он направляется в их сторону, весело кричали на кухню: «Маша, Кулибин наш идет! Аванс сегодня! Пельменчиков две порции со сметанкой... И не скупись!». А кассирша наливала двести традиционных грамм водки.

- Девчата, здравствуйте! - басил он с порога, - Как говорила одна моя хорошая знакомая: «Цените в жизни позитив, умейте радоваться счастьем!».

- Не прибедняйтесь, Леонид Ильич, небось, сами придумали. Вот сюда проходите, я столик только что вытерла. Вам как всегда? – уважительно спрашивала официантка Стеша, женщина крупная, не замужняя, с хвостом из трех детей.

- Привычек, как и цвета кожи не меняю. Стефания, ты забыла спросить, буду ли я мыть руки?

- Ой, извините, Леонид Ильич, запамятовала. Вы к нам так редко заходите...

- Не редко, а один раз в месяц. После аванса. Вот уже десять лет. Скоро справлять годовщину будем.

- У нас проблемка...

- Опять мясорубка?

- Да. Она.

- Каждый раз говорю, купите новую. Там весь механизм у нее уже сточился.

- Мы не против. Только Степан Петрович... Рукой машет, мол, потом...

- Ваш Петрович от жадности скоро разум потеряет. Держи телефон, набери его.

- Он ругаться будет.

- Тогда не набирай. Руками крутите мясо. И не жалуйтесь больше, - Леонид выдохнул, выпил полстакана и принялся за пельмени, - Мясо крадете... Одни жилы, - проговорил он смачно жуя, - Представьте себе, никто в нашем государстве не ворует. Вообще никто, - Брежнева потянуло на философию, - Наступает изобилие. У всех всё есть. Денег - куча! Сломалась мясорубка, - пошел, купил. Да и надобность в этой мясорубке пропадает. В магазине фарш из мяса, а не из всякого дерьма, которое вы в него кладете.

- Мы ничего не кладем, - покраснела Стефания.

- Вот и я о том, - махнул рукой Леонид, - А надо, чтоб клали. Мяса хотя бы... Да не о вас сейчас речь. Я образно изъясняюсь. В масштабах государства, так сказать. Уразумела?

Официантка глупо пожала плечами, - Уразумела, - ели слышно прошептала она, явно ничего не понимая, - Вот, - она подала телефон, - Набрала.

- Кого? – не понял Леонид.

- Вы же просили набрать Степана Петровича.

- А-а-а... - протянул он, - Давай. Пока я говорить буду, сочку томатного мне принеси.

- А томатный сок у нас закончился. Буквально перед вами.

- Всё, о чем говорили большевики, свершилось...

- Кто говорил?

- Стеша, принеси что-нибудь, - махнул он рукой, - Але! Степан Петрович? Брежнев... Ну, Брежнев у нас один. Леонид Ильич, разумеется. Да. У вас. Аванс сегодня, где же мне быть. Петрович, у вас опять полетела мясорубка. Тихо, тихо... Девочки тут не причем. Я уже говорил... Она по старости давно должна быть сдана в утиль. Мне тридцать. А ей сорок. Предупреждаю. Ремонтирую последний раз! Потом и на коленях не просите. Там в ней всё стерто... Я удивляюсь, как она еще что-то крутит. И куда смотрит техника безопасности?.. Не дай Бог, конечно, случись беда, твоя мошонка первой будет в тисках. Купи уже новую. Желательно белорусскую. Там из металла их делают. А это качество! Почему я к тебе хожу? Потому что в пельмени мясо кладете, - и Леонид, извергая изо рта фонтан прожеванного теста, неистово захохотал, - Сегодня у меня выходной, а вот завтра утречком, часиков в шесть, привезете ко мне на работу. Без опозданий только. Я знаю, что там поломалось. Минут сорок и будет функционировать. Так что Петрович, не забывай прошлое, с надеждой смотри в будущее, но живи в настоящем. Не послушаешься – локти кусать будешь. Ан не достанешь. Предупреждаю, - ремонтирую последний раз. Что?.. Пока рано. Понял... До свидания. Передаю.

- Люся, тебя, - крикнул он кассирше.

Рассекая воздух безразмерной грудью, подбежала кассирша, - Да, Степан Петрович! Да! Поняла! Поняла. Всё сделаем, как вы сказали. До свидания, Степан Петрович – тараторила она, постоянно, кланяясь.

- Степан Петрович сказал принести вам еще порцию пельменей, а если хотите, то и водки. И денег не брать! Если возьмем, обещал уволить, - объявила Люся, отдавая телефон.

- Строгий у вас начальник. От пельменей, пожалуй, не откажусь. А водки не надо. Двести грамм – моя месячная норма. Я ей здесь у вас чищу свои сосуды. Занимаюсь, так сказать, профилактикой атеросклероза.

- Леня, никак аванс сегодня? По этому случаю с тебя сто грамм. И весь мир я брошу к твоим ногам! Как сказал, оцени? Не все тебе нас неучей уму разуму учить! - в пельменную вошел Генка Свий. От него за версту несло перегаром.

- Гена, ты же знаешь, - я ни с кем не пью и другим не наливаю.

- Это нам известно. Проверить решил. А вдруг... Анекдот рассказали... Люсьен, плесни грамм сто. И бутербродик с килечкой... Слушай. В свинарник заходит волк. Свиньи аж на колени от страха упали. А он им культурно так и говорит: «Ассаламалейкум!» Свиньи поднимаются, отряхиваются: «Слава Богу, мусульманин!». Ты понял? – захохотал Геннадий и, опрокинув в рот рюмку, смачно зачавкал, - Держи, - протянул Свий руку, - Сегодня надо всё успеть. Жена к теще укатила. Как говориться: «Баба с возу - мужик гуляет!». Пока!

- Я тоже, пожалуй, пойду, - было заметно, что Брежнев сильно охмелел – Завтра в шесть. А то... - он махнул рукой, - Спасибо. Всё было очень вкусно.

Леня медленно брел домой. И, буквально, всё радовало его. И заходящее солнце, и ласточки, стремительно летающие в поиске мошки, и еще не посохший после дождичка асфальт, и люди, идущие неизвестно куда... Но эти люди, заметив не совсем уверенную походку Брежнева, старались резко изменить свой маршрут. Каждый знал, что именно сегодня однофамилец легендарного генсека может любого ввести в краску своими нелепыми вопросами и поведением. Поэтому лучше пойти другой дорогой, целее будешь. В обычные же дни Леня был приятным собеседником и очень тактичным человеком. А вот в день аванса...

- Пламенный привет не состоявшимся жертвам сталинских репрессий! – на скамеечке в парке сидели три пожилых женщины, - Всем сегодня под юбку заглянули?

- Никак аванс сегодня, Ленька?

- Он самый. Завидуете?

Женщины нутром чувствовали, что разговор этот у них будет длинный и не очень приятный.

- А чего это мы жертвы? Нам Сталин ничего плохого не сделал, - поджала сморщенные губы Глафира.

- Глаша, не трогай его. А то не отвяжется. Сиди тихо, - зашикали на нее подруги.

- А должен был. Просто обязан. Не рассмотрел он в вас будущих саботажниц и сквалыг. Вы до сих пор надежно скрываете под личиной добропорядочности свою гнилую сущность.

- Чем мы тебе не угодили, Лёнечка? Сидим здесь тихо, мирно, никого не трогаем... Ты сам к нам пристал.

- Это вы никого не трогаете? Ангелочками прикидываетесь? Вы зачем сюда пришли? Чтоб воздухом дышать? Фигушки! – он скрутил огромную дулю, - Сплетницы! А ну марш по домам!

- Кто ты такой, чтоб нас гнать? – побагровела Матрена.

- Я? Ваша совесть. И если хотите, то ум и честь. Вот вы здесь каждый день сидите и проходим косточки перемываете, сплетни по городу разносите, не в одну семью свой грязный пятак всунули, не с одного дома грязь на улицу вытащили... А скольких поссорили между собой! Одних разводов минимум три... А что под носом вашим делается и не видите.

- Ой, совестливый ты наш! Честь... С ума можно сойти! Водка в тебе сейчас говорит, - Зинаида потуже затянула на шее платок, - Когда трезвый, душа не нарадуется. А выпил...

- Жениться тебе надо. Негоже в тридцать лет бобылем ходить! - Глафира деловито сняла очки, протерла их подолом платья.

- Мне твоей Анютки хватает. Да и она уже поднадоела.

- Что ты плетешь? Что ты плетешь? Чтоб Анютка с тобой? Да у нее муж есть! Понял? Я...

- Глафира, не якай. Ты зятя своего загрызла. Вот он и спился из-за тебя. Такой мужик пропал. Первый краснодеревщик в округе! Рекомендую тебе сегодня подойти к зеркалу. Увидишь там себя в зверином облике.

- Не верю я тебе, паразит! У меня дочь...

- У твоей дочери на левой ягодице родимое пятно. Так? А на правой груди шрам от операции. Так?

- Глаша, что он плетет, не слушай.

- Зина, теперь с тобой разберемся. Ты у нас стоишь на твердом втором месте по своей природной вредности. А скажи ко мне, где пропал твой Яша ажных целых шесть дней? Можешь не отвечать или сказать, что на рыбалке или, мол, не знаю. Может, и они не знают, подружки твои? Так я им сейчас доложу. У Маруси Сазоновой он был. А до Маруси с Писаренко Ольгой...

- Закрой свой рот...

- Не нравится? А каково было Степаненко Люде, замечу, беременной, когда ты в магазине орала, что ее муж бросил? На самом-то деле тот уехал на заработки. И все это знали. И что? У женщины выкидыш. Спасибо докторам, ребенка смогли спасти.

- Я не знала...

- Не знала что? Что беременна или что на заработки уехал?.. Всё ты знала! Матрена, - крикнул он вслед убегающей третьей подруги, - а ты куда? У меня есть и тебе что сказать. Какую дурь в самогон добавляешь, карбид или куриный помет? – орал Брежнев быстро семенящей Матрене, - К Сударушкину Тольке и Мишке Малюку в больницу не хочешь сходить? Твоего зелья выпили... Почему ты не в тюрьме до сих пор?! А ну быстро по домам! – топнул ногой разъяренный Леонид на оставшихся подруг, - И чтоб я вас здесь больше не видел! Сидят, понимаешь, ждут подтверждения закона всемирного тяготения, на кого из них желудь упадет. А вдруг не упадет?!... И окажется тогда не прав Ньютон? Так?

Довольный разгоном злобствующих женщин, Брежнев собрался было продолжить свой прерванный путь, как его окликнул председатель профсоюзного комитета промышленного комбината, Акименко Борис Петрович.

- Леня, ты здесь? А я тебя ищу... По зарез нужен! У тебя аванс сегодня? – скривился он, пристально взглянув на Брежнева.

- Это вы за этим меня искали, чтоб поинтересоваться? Или денег в долг хотите попросить? Сколько отстегнуть? Странный вы какой-то. Не с молотилки свалились?

- Ой, Леня! Нормальный ты парень, но в этот день, становишься социально опасным для общества. Ну да ладно... Надо найти красивое решение. Помоги.

- Борис Петрович, вы и я... Это я у вас советы должен спрашивать.

- Леонид Ильич, не будем вступать в дискуссию. Времени нет...

- Хочу задать глупый вопрос, прекрасно понимаю, что глупых вопросов не бывает, бывают лишь глупые ответы. Вы по поводу дня рождения Ивана Ивановича?

Акименко остолбенел, достал платочек, вытер намокший лоб. Мертвенная бледность покрыла его лицо.

- Давай присядем, Леня. Мне что-то скверно, - он сел, снял с головы шляпу, начал обмахивать ей лицо, - Ты медиум или тебя уже кто-то об этом попросил? Понимаешь, - зашептал он, постоянно оглядываясь, - мы в безвыходном положении... Как ни как, первое лицо города... А что мы можем?.. Да ничего. Буквально ничего. Понимаешь? Денег нет! – Акименко приблизил голову к уху Леонида и зашептал, - Мы на грани банкротства. Понимаешь?! Нам никак нельзя обоссаться. Иначе всему нашему комбинату наступит... - и он выпустил в атмосферу весьма грязное изречение, не свойственное работникам идеологического фронта.

Леонид понимающе подобрал губы и закивал головой, - Только страх обостряет наши чувства. И чем я вам могу помочь?

- Как чем, Леня, как чем? – опять зашептал Акименко, - Ты уникал! Понимаешь?

- И что?

- А ничего... Как попугай: что, да что? Есть у меня одно мнение...

- Ненавижу чужое мнение выдавать за свое. Вы скажите конкретно, что от меня требуется. А то шепчемся здесь, как шпионы или гомосексуалисты. Прохожие, вон, идут и смеются.

- Какой ты все-таки... Надо, Ленечка, сделать что-то такое или подарить, чтоб сразить его на повал. Сам понимаешь, машину купить или построить дачу в Крыму мы не в состоянии... Рады бы, да денег нет. А вот...

- Элементарно. И так сразите, что он сам вас на руках понесет, а ваш никчемный комбинат станет магнатом.

- Ты потешаешься или издеваешься? Люди...

- Борис Петрович, мне это уже все порядком надоело. Честное слово. Я когда-то кого-то обманывал? Ну а если и обманывал, то пользы ради. Значит так! Слушаем и не перебиваем. Иначе уйду.

- Говорите, Леонид Ильич, я вас внимательно слушаю.

- Кипринский где служил? На Черноморском флоте. И очень этим гордится, между прочим, всячески подчеркивая. У него даже наколка на плече есть. Кажется эсминец «Благородный». Для толстосумов этот флот представляется что-то эфемерным. Они думают, что киви вкуснее крыжовника. Глупо! Да и что тут говорить, мы все раболепствуем перед иноземным. Ах, Япония! Ах, Америка! И слюни по губам!.. Тьфу, - брезгливо плюнул Брежнев, - Сделаем так! Вы завтра купите в нашем антикварном магазине часы в форме штурвала корабля, а я их установлю на фоне Военно-морского флага и штормующего моря. На циферблате закатаем фотографию корабля, на котором он служил. Понизу пустим цепь, а вверху парящих чаек, что будет символизировать его надежное здесь пристанище после покорения стихии. В интернете запишу склянки и еще что-то... Может быть команды какие... Они будут звучать, отбивая каждый час, кроме ночного времени, разумеется. Подумаю. Я тоже не мастак во флотских делах. Поверьте, переплунете всех. Уговорил?

- Леня, спасибо. А ему точно понравится?

- До свидания. Жаль потерянного времени.

- Леонид Ильич, извините, вырвалось. Я согласен. А сколько приблизительно будет стоить это всё?

- Полагаю, от двух до трех тысяч. Часы, заливка, таймер... Там будет видно. Думаю, втиснемся в эти цифры. Если согласны, жду у себя в шестнадцать тридцать с машиной.

- Леня, самое главное уложиться ко дню рождения, - нервно потер руки Акименко.

Леонид скорбно посмотрел на председателя профсоюзного комитета, вздохнул и, не прощаясь, пошел на выход из парка.

- Леня, Леня, подожди, хочу тебя кое о чём попросить, - через дорогу к нему бежала Света Лукьяненко, их почтальонша.

- Стоп, стоп, стоп, стоп... Рекомендую всем, особенно женщинам, после слова «хочу» ставить твердую точку. Мол, хочу и всё. И говорить это более уверенно. Так что ты хочешь, любовь моя?

- Да ну тебя, Ленька. Скажешь тоже. С эдакой жизнью вся хотелка уже заросла. Помоги. Борька загулял. Третий месяц дома не ночует. И денег не дает. Верку ты должен знать. В привокзальном кафе торгует. С ней... Дома – шаром покати. Всё запасы съели. Сама-то – как-нибудь, а вот дети... Постоянно есть хотят. Главное, ничего не говорят, только смотрят. А глаза голодные, - и Светлана горько заплакала, - Леня, Христом Богом тебя прошу! Ты же всё можешь. Помоги вернуть мужа. Век на тебя молиться буду.

- Да что же за день сегодня такой? Всем я чего-то должен. Хорошо! Только не реви. Сегодня Борис придет домой. Вот тебе сто гривен. Не спорь, отдашь, когда деньги будут. И ужин хороший приготовь. В доме порядок наведи. Бутылку тоже рекомендую купить. Ясно? И запомни, Светик-Семицветик, у ленивой жены голубцы всегда ленивые. Иди. Мне еще в одно место надо зайти.

- Откуда ты знаешь, что сегодня он придет. Вы с ним уже всё обговорили? Да?

- От верблюда. Иди. И не мешай мне больше предаваться забвению.

- А во сколько придет, не знаешь?

- Не знаю. Но сегодня точно.

- Значит, зря я тебя беспокоила?

- Выходит, что зря.

Леонид блаженно вздохнул и направился в сторону вокзала. Заходящее солнце слепило глаза и путалось в рыжих волосах.

Брежнев не спеша зашел в привокзальный буфет. Посетителей не было. Тихо играл приемник. За стойкой скучающая буфетчица листала журнал.

- Леонид Ильич, какими судьбами? – всплеснула руками Вера, - Сколько работаю, вижу вас здесь второй раз. Помните, вот эту бандуру, - она пнула ногой холодильник, - приходили ремонтировать. Работает, морозит... Никаких претензий. Спасибо. Может, чего хотите? Котлетки свежие, пиво?.. Или покрепче налить? Чебуреки могу подогреть... Присаживайтесь.

- Заходил в кассу, расписание узнать. Хочу в Харьков на футбол съездить. Через три недели «Металлист» с киевлянами играть будет. Очень принципиальный матч.

- Завидую людям, кто никем и ничем не обременен. Сел, поехал... Красота! Ну, Леонид Ильич, чего нести?

- А-а-а! – обреченно махнул рукой Брежнев, - давай две котлеты, салат из капусты и чай с сахаром. И правда аппетит наговорила.

- Больше ничего?..

- Нет. Больше ничего.

- Что в мире делается, Леонид Ильич? А то сидишь здесь, как царевна без приданого. Одни алкоголики перед глазами мелькают. Редко кто порядочный зайдет. Вчера подрались... - она взглянула на часы, - Через сорок минут повалят. Только успевай водку наливать.

- А что интересного? - захрустел Леонид салатом, - Ивану Ивановичу Кипринскому через неделю пятьдесят пять.

- Да? А выглядит моложе. Как бабы таких перспективных мужей находят, ума не приложу? А здесь...

- А что здесь?.. – вздохнул Леня, - Хорошо везде, где нас нет. Котлеты, Вера, у тебя и, правда, вкусные. Положи ка еще одну. И горчички, если есть.

- С горчичкой напряженка. Сегодня какая-то падла банку сперла. Извините. Завтра закажу. Кетчуп остренький... Дать?

- Давай! Запомни Верочка, не всё золото, а золото не всё... Ты думаешь, у них всё так гладко, всё так чинно? Отнюдь! Нельзя всю жизнь скользить, где-то сила трения всё равно затормозит. Вот, к примеру, три часа назад я был у

областного начальника милиции, компьютер полетел, и невольно подслушал доклад начальника оперативного отдела. Сегодня в нашей гостинице милиционеры задержали женщину, которая разъезжала по городам и заражала мужиков сифилисом. Пришли, а у нее в постели мужик лежит. Пока туда, пока сюда, а он возьми, да сбеги. Между прочим, я его знаю. Представляешь, что теперь будет? Женат, двое детей. Ужас! Давай, Верунчик, чаек. Идти надо.

- Господи, - перекрестилась буфетчица, - А что за мужик? Я его знаю?

- Тебе какая разница? Эти данные не подлежат разглашению.

- Леонид Ильич – ни-ко-му. Клянусь! – перекрестилась Вера.

- Хотя это и так просочится. Сейчас начнутся поголовные проверки. Кто теперь знает, со сколькими она спала? Боря Лукьяненко. Вряд ли ты с ним знакома. Он живет в двух кварталах от меня. Спасибо Вера. Только ты, пожалуйста, никому ни слова. Хорошо? Сколько с меня?

- Что? – Вера стояла бледная, как полотно.

- Я спросил, чтоб рассчитала. Тебе не плохо? Что-то ты побледнела.

- Нет. Спасибо. Голова закрутилась. Сейчас пройдет. А денег не нужно. Мы и так вам все должны. Заходите. Леонид Ильич, - она говорила медленно, - у меня дома телевизор начал барахлить. Полгода, как купила. Работает, работает и гаснет. Относила мастерам, - разводят руками. Можно будет к вам обратиться?

- Приноси, Веруня. Посмотрим, починим...

Леня вышел на улицу. Начало смеркаться. Он улыбнулся и тихо побрел в сторону дома. Снова радость и благодушие наполнили душу. А идти было еще достаточно много. Кое-где в окнах уже горел свет.

- Коль, Коля, слышишь меня? Маленький встал?.. Я спрашиваю, поднялся маленький?

Леонид остановился, широко улыбнулся. Здесь жила его племянница. Пять лет назад вышла замуж за толкового хлопца. Народили двух пацанов.

- Лен, - прокричал он в пустоту распахнутого окна одноэтажного дома.

- Что дядя Леня?
- Маленький не встает?
- Нет, дядя Леня, не встает.
- И что будем делать?
- Поднимать дальше.
- А стоит того, чтоб маленького дальше поднимать? Что потом с ним делать? Только расстраиваться...
- Ничего. Мал золотник, да дорог!
- Молодец! Наш человек! Удачи!.. Как малыши, растут?
- Нормально. Дядя Леня, вы чего-то хотели?
- Нет. Домой иду.
- Может, зайдете, поужинаете с нами?
- Спасибо. Сыт. Спокойной ночи.
- Спокойной ночи, дядя Леня.
- Как быстро летит время! - подумал он, - Кажется, еще вчера Ленка в школу ходила, а теперь у самой двое детей. И все-таки, Глафира, права... Живу на этом свете бобылем, только зря свет копчу.
- Леня, ты что ли? Смотрю, рыжий вопросительный знак идет. Стареть начал? Выше голову, гардемарин! Вас ждут великие дела!
- О-о-о, какие люди? Старый школьный товарищ, Володя Супрун, - они обнялись, - Я тебя не видел, наверное, года три.
- Пять, мил друг, пять. Время летит быстрее скорости света.
- Ого! Где пропадал?
- Рассказать, - не поверишь... Долго, муторно и... почти не интересно.
- Куда это тебя несет в столь поздний час? Закат ты проводить опоздал, неужели рассвет встречать? Не торопись, у тебя еще уйма времени.
- Леня, пойдём, выпьем. На душе не только кошки, - рыси скребут.

- Обрежь им когти.

- Обрезал бы... - скрипнул он зубами, - С кого начать не знаю. Идешь?

- Ты же знаешь мой принцип.

- Аванс?..

- Он самый.

- Ничего в этом мире не меняется. А курить?.. – он достал пачку дорогих сигарет.

- И курить тоже.

- Уважаю. Раз не пьешь и не куришь, значит, не женился. И здесь молодец! Если б всё снова начать, я бы тоже никогда не женился. Зачем? Вот скажи мне, коль умный, зачем себя закабалить? Этих баб... Отсюда до Луны в четыре ряда. И каждая, заметь, каждая, мечтает, чтоб ее согрели. Согрел одну, отпустил, согрел другую, отпустил... И грей, пока грелка не сломается. Нет! Мы выдумали любовь, скрепляем ее подписью и обмениваемся кольцами... А потом: «Горько!». А горько не за столом... Нет! Потом наступает это самое горько. А локоть, вот он где, Леня, вот! – Владимир, играя желваками, постучал по руке, - И хочется укусить... А-а-а! – нагладно выдохнул он, - Женщину в какую сторону не гладь, всё против шерсти будет. Леня, будь человеком, посиди хоть ты со мной. Я пить буду, а ты рядом побудь. Мне высказаться нужно. Пойдем, Ленечка... Собственно говоря, и идти куда не нужно, мы у кафешки уже стоим.

Они вошли в кафе. Небольшой зал был темен. Свет горел лишь над барной стойкой, где сидела молоденькая девушка и что-то читала.

- Дай ко нам, красавица, бутылочку водочки, по салатику из кальмаров, пару бутербродиков с красной икорочкой и...

- Девушка, теперь слушайте меня, - Брежнев легонько отодвинул друга, - Водки двести грамм. А всё остальное в одном экземпляре. Мне крепенького чайку с лимончиком.

- Хорошо, Леонид Ильич, присаживайтесь. Я мигом всё принесу.

- Леня, держи кардан, - он протянул руку, - Уважают тебя! Горжусь! А я... - Владимир с досадой стукнул кулаком по столу.

- Виделся сегодня с твоей тещей, - Леонид широко улыбнулся, - Большой души человек! Она тебя самогоном еще не отравила?

- А знаешь, что она мне заявила вчера? Что ясли бы я был ее мужем, то вместо самогона она налила бы мне яд.

- А ты? – рассмеялся Леонид.

- Что я?.. Ответил, что если бы она была моей женой, я бы этот яд выпил! От моих слов она чуть слюной не поперхнулась. Сколько крови у меня эта теща выпила? И вот заметь, всех комары кусают, а ее нет. Чувствуют, наверно, что погибнуть могут. Как ты считаешь?

- Кровопийцы друг у друга кровь не сосут.

- Это ты прав. Помнишь детского врача, Маргариту Николаевну Лукьянову, нас с тобой еще лечила? Сегодня встретил ее на улице. Семьдесят шесть лет женщине! И на работу ходит! Здравствуйте, - говорю, - Маргарита Николаевна. Как вы? Представь, она узнала меня. Володя? - говорит, - Супрун? Очень давно вас не видела. Как ваша печень? Я тогда сильно желтухой болел. Помнит! Уникальный человек! Действительно, профессионал с большой буквы. Наверное, таких больше и нет. А в больнице нашей одни крохоборы, взяточники и тупицы. Зато на иномарках все ездят. И рожи от сытости вот-вот треснут. Не тем людям блага достаются. Ой, не тем!.. Но там, - он поднял к потолку палец, - наверху, обязательно разберутся. И каждый получит по заслугам!

- Возраст, Вовик, - это всего лишь цифра. И она, эта цифра, не предопределяет ум человека и его взгляды на жизнь. Всё зависит не от прожитых лет, а от пережитых обстоятельств в этой самой жизни. Уразумел?

- Леня, классный ты мужик! С твоим умом да в Америке...

- Почему у всех всегда на уме одна Америка? Почему не Франция, Швеция, Япония?.. Придумали пуп Земли... Не люблю Америку. Самодовольные изуверы, как твоя теща. Кто им дал право всех поучать? Что такого Америка великого сделала сама? А ничего. Все ее достижения сделаны руками других национальностей. Зря я с тобой пошел. Нервничать начинаю. Пей, да пошли.

- Не кипятись. Я тебе расскажу один случай из жизни. Тебе будет интересно. Вот ты спрашиваешь, где я пропадал столько времени... Мыл

золото, Леня. Год на себя, а два с половиной за колючкой на государство. Потом с Камчатки икру тоннами в Европу гнал. Денег было... Ну очень много. Сюда приехал, пол чемодана в долларах привез. И всё мало. Сволочи! Пошли все в трещину! Попью немного здесь водки и снова в дальние края. Романтика!.. Красивые девочки, разгульная жизнь, раздолье... А если честно, то всё надоело. Всё, - Владимир опрокинул водку в рот, выдохнул и пьяно зарыдал.

- Вова, ты мужик или тряпка? Нам с тобой по тридцать лет! Пора уже найти себя. Смысл жизни в ее завершенности. Нельзя всё время от нее что-то брать. Надо и отдавать. Нельзя, чтоб человек, появившийся на этот свет, мигнул и исчез, бесследно растворился. И не обязательно для этого рождаться звездой. Я, например, не велик, но многое умею. И многое уже сделал. Я не претендую, чтоб меня поставили на пьедестал или моим именем назвали какой-нибудь тупик или пятый угол. Для меня значимо отношение людей ко мне и их «спасибо» за мою работу или участие. И еще память, которую я, надеюсь, оставляю в их мозгах. Поверь, это уже много! И другое. Если мы хотим, чтобы кто-то оставался в нашей жизни – никогда нельзя относиться к данному человеку равнодушно, а еще хуже - пренебрежительно. Мы всегда находим оправдание своим ошибкам, искренне обижаясь на тех, кто их замечает. Понимаю, - рассуждать легко. А делать.. Выше нос, дружище! Всё в наших руках! Поэтому опускать их ни в коем случае нельзя! А ты решил умыться соплями... Не дело. Ты был хорошим волейболистом. Даже в сборную приглашался. Оглянись вокруг. Сколько выброшенных на улицу детей. Создай секцию. Учи их. Хоть малая часть из подворотен уйдет.

- Правда! - оживился Владимир, - Я, если честно, про волейбол забыл совсем. Хорошая мысль. Деньги...

Дверь шумно открылась, и в кафе ввалились изрядно подвыпившие мужчины.

- Мужики, не выгоните? Мы тихонечко. – произнес один, подслеповато оглядывая зал, - Ба- а-а, Вовка Супрун... Привет, старина! Сколько лет, сколько зим! Слава, бери литр и пожрать чего-нибудь, - крикнул он приятелю, - Товарищ Брежнев, вы здесь какими судьбами? Неужели...

- Нет! Неужели исключается. Володя, ты идешь или остаешься?

- Леня, извини, я с ребятами посижу. А о волейболе я обязательно подумаю.

- Подумай, Володя, подумай. И не только о волейболе. И за жизнь тоже... Счастливо оставаться.

Последних его слов никто не расслышал.

На улице совсем стемнело. Фонари своим тусклым светом нагоняли сон.

- Леня, пошли быстрее, - догнал его сосед, живущий неподалеку. Через пятнадцать минут сериал начинается. Восемнадцатая серия. Говорят, что самая развязка будет.

- Дядя Толя, пойду на пенсию, обязательно его посмотрю. И начну сразу с восемнадцатой серии...

- Ничего ты, Леня, не понимаешь. Скажи, что ты смотришь?

- Сегодня футбол. Наши с Англией играют. Вы таким не интересуетесь?

- С детства ненавижу эту игру. Хоккей – другое дело.

- У каждого свои вкусы. До свидания. Сын, когда приезжает?

- Не раньше, чем зимой. Леня, может к нам пойдешь? Моя сегодняпельменей налепила.

- Спасибо, дядя Толя. Чего-чего, а сегодня я наелся, наверное, по самое горло.

- Как хочешь.

Леонид уже подходил к дому, когда заметил на противоположной стороне улицы, под кустами сирени, сидящую на лавочке тетю Зою Нестеренко.

- Тетя Зоя, вы чего там замаскировались?

- Воздухом, Ленечка, дышу.

- И давно дышите?

- Часа два. Может больше.

- Лера опять нового хахаля привела? И ночевать на улице будете? Вы хоть ели что-нибудь?

Женщина промолчала, горестно всхлипнула

- Тетя Зоя, я тоже есть хочу, как собака. Хотел курицу купить, да в кулинарии слабоват. Мама, покойная, так вкусно готовила, пальчики оближешь. Вы умеете? Вот вам ключ, ставьте воду под картошку. Телевизор включайте. Сегодня восемнадцатая серия. Говорят, что самая развязка будет. Не слышали? Тоже хочу посмотреть. Я быстренько в магазин. Куплю куриных окорочков, чтоб нам поужинать и завтра позавтракать можно было. И еще чего-нибудь. Короче, хозяйничайте, а я мигом. Если что-то пропущу, расскажите.

- Леня, Леня...- запричитала женщина ему в след.

- Тетя Зоя, всё потом. Я быстро, - прокричал он, скрываясь за поворотом.

- Надо забрать тетю Зою к себе. Лерке она только в тягость. И мне не скучно будет, и ей спокойно. Завтра решу эту проблему. А сейчас продуктов впрок куплю, благо аванс получил. А то в доме с голоду и мышь скоро повесится, - улыбнулся Брежнев и легко вздохнул.

КОМПЛЕКСНОЕ ЛЕЧЕНИЕ

К бабушке Вере в деревню приехал внук, Санька, сын младшей дочери. Взрослый уже. Тринадцать лет исполнилось. И навез он ей целую сумку всякой городской вкуснотищи. Сроду такого не видела, а не пробовала, тем более.

Особо понравились ей всякие мучные изделия, купленные им в Макдональдсе. Ну, до чего эти американцы мастаки! Ешь, и есть хочется.

Баба Вера целый день жевала всякие булочки, пирожные и прочие штучки, что и выговорить невозможно.

К утру кишечник «встал». Бабушка Вера перестала ходить в туалет. День не ходит, два,.. пять,.. семь.. Появились боли и рези в животе, хоть криком кричи.

Пошла она к фельдшеру в медпункт, а он, окаянный, запил. Вторую неделю на работе не показывается.

Повстречалась Вере на дороге ее лучшая подруга, Анастасия Глущенко. Когда-то вместе с ней работали в совхозной конторе.

- Вера, привет. Давно тебя не видела. Говорят, внук приехал? Чего такая смурная? Аль поругаться успели?

- Сама на себя ругаюсь, Настя, - Вера вытерла платочком влажные глаза.

- Эка! Чего так? Гость в доме. Радоваться надо. А она...

- Ну, а как не ругаться. Нажралась всего, как с голодного края. Вторую неделю в туалет не хожу. Живот, как камень и болит, спасу нет. И голову разрывает. А лекарь наш горькую пьет, зараза.

- Слушай меня, подруга и запоминай. Придешь домой, сразу ложись. И пей холодную воду по рюмке каждые полчаса. Огуречный рассол хорошо бы. Да где его сейчас найдешь? А проще простого, пошли Сашку, пусть купит тебе касторки и свечи. К вечеру попустит. Только делай, как я сказала.

Вера полусогнутая пришла домой.

- Саш, ты чем занят?

- Борюсь.

- С кем? – удивилась бабушка Вера.

- Со сном и голодом.

- Ты что есть хочешь? – обеспокоилась она.

- Шучу. Поговорка есть такая.

- Если поговорка... Тогда сходи сейчас в аптеку и купи пару флаконов касторки. Только спроси, как ее принимать. Возьмешь еще свечи штук пять, пару кусков хозяйственного мыла, стиральный порошок, туалетной бумаги и спички. Да, сгущенного молока баночку возьми. С кофе будем пить. Вкусно! Но сначала касторку возьмишь и свечи! Понял? Деньги в шифоньере. И не задерживайся нигде. А то у меня живот сильно болит.

- Я мигом, бабушка!

Вера налила в банку холодной воды, поставила ее перед собой на табуретку, выпила рюмку и легла на диван. Живот и, правда, немного утих. Она задремала.

- Бабушка, - внук влетел, как ураган, - все принес. Касторку прямо сейчас выпей столовую ложку. И воду пей.

- Спасибо, внучек. А свечи купил?

- Купил, бабушка. Только три. Сказали, завезут не следующей недели. На ложку, пей. Потом на ночь еще примешь.

- Молодец!

Она, сильно морщась, выпила касторового масла.

- А теперь, Саша, я повернусь на живот, а ты мне свечку в попку поставь. Руки потом хорошо помой.

- Глубоко?

- Насколько войдет.

Через секунду что-то холодное и толстое стало проникать в бабушку Веру.

- Ой! – вскрикнула она, - Чего так больно-то?

- Терпи, бабушка. Такие большие свечи продали.

- Хватит, сынок оставь так. Спасибо тебе. Не забудь помыть руки и иди гулять.

- Сейчас, бабушка. Я все доделаю и пойду к Вовке Пронишину.

- Иди, мой хороший. Остальное выложи на стол, я потом уберу.

Послышался запах горелой спички.

- Сашка, с огнем не играйся. Беда может быть.

- А я и не играюсь. Поправляйся, бабушка, я пошел.

- Иди, внучек, иди. Спасибо тебе.

В животе стали ощутимы движения кишок. Боль совсем прошла. Вера снова уснула.

Сквозь сон она стала ощущать что-то теплое, а потом и горячее на ягодицах.

- Вот и свечечка стала действовать, - сонно подумала она.

Вскоре жжение нельзя было вытерпеть. Она согнула руку и обхватила свечку. Разогретый парафин обжог пальцы. Выдернув свечу, она ахнула. На ее конце горел огонь.

- От, паразит! Вернется, я ему задам! - причитала бабушка Вера.

К вечеру возвратился Александр.

- Сашка, ты зачем же свечку поджог! И где ее купил?

- В магазине. В церкви постоянно свечи зажигают. Мы с мамой так всегда делаем. Вот я и зажег.

- Горе, ты мое горе, - бабушка поцеловала внука в лоб, - То в церкви, - и она тихо засмеялась.

Через пару дней бабушка Вера была абсолютно здорова. Видно и свечка, тоже, оказала свое лечебное воздействие.

ЗАРИСОВКИ ИЗ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ

Село.

Слухи в нем распространяются фантастически быстро.

А тут...

К местному доктору приехали гости.

Из города.

Через секунду каждый двор обсуждал это событие мирового масштаба.

- На красной иномарке приехали. Теперь на наших машинах ездить стало стыдно.

- Куда там... Богатые все стали!

- А раньше и цибуля мармеладкой казалась!

- Она на еврейку похожа, только крашенная. Хоть и Ирой зовут. Жопу не объедешь, зато сиськи с куриное яйцо.

- Ой! Тоже мне знаток. Наша Клавка на двух стульях сидит. И еще полметра сваливается с каждой стороны. Тоже скажешь, еврейка? А за пазухой прыщи, хоть зеленкой мажь. Срамота! Сама видела. В бане вместе мылись. А Лешка живет и за другими не ухлестывает. Любовь.

- А я слышала, як вона лепече по-українські?

- Они к любой среде приспособлены. Маланья, давеча, говорила, что они и в атомном реакторе способны жить. Врет, небось.

- А мужик у нее видный. Высокий, статный, симпатичный. Правда шепелявит немного. Но на еврея не похож. Васей зовут.

- Не еврейской имя. Это точно.

- Ой! Для них что Яша, что Вася...

- Ты-то откуда знаешь, корова?

- Сама корова.

- А им-то что? Баба окрутила... И гуляй теперь Вася...

- А откуда они знают друг друга?

- Кто?

- Ну, доктор наш с этим Васей.

- Доктор с ним на флоте служил.

- А-а-а!..

- Так приехали или привезли что?

- Завезли мясо в казане. Видно шашлык будут делать, литр водки «Хлебный дар», бутылку вина и что-то розовое в коробке. Галя в магазине взяла большого толстолоба, доктор его классно готовит, две селедки, минеральной воды, хлеб с батоном и печенье с вафлями.

- І коли будуть розваги?

- Увечері.

- Сейчас купаться едут. Пива набрали, рыбки вяленой...

- Ни дать, не взять, господи.

- А кто же готовить будет на эту ораву?

- Галина остается.

- Ишь ты... Ей что, больше всех надо?

- Она никогда не купается, говорит, что грязно.

- Смотри, барыня какая... А мы, значит, свиньи? Нам можно?

- А чего ты хочешь? Тоже с города, небось, сюда приехала. Тебе нечего было в свое время Кольку «от ворот поворот» посылать, рылом, видите ли, ей не вышел, принца искала. А этот Колька сейчас уже Николай Петрович. На персональной машине разъезжает. А принц по харе тебя лупцует через день.

- Рот свой вонючий закрой. Твой вон к Зинке ночами шастет, чуть ли не каждый день? Не будет дураком, уйдет к ней. Не с тобой же, росомхой жить. Сама грязная, как свинья, и он моется только под дождем.

- Ой! Милочка моя, кто бы это сейчас говорил мне? Я тебе хочу сказать, что мало мужик бьет тебя. Не знает, видимо, что вся тракторная бригада на твоём довольствии стоит. Или лежит. Это уж как тебе удобнее. Надо бы ему это подсказать.

- А ты...

Конечно, всем известно, чем бы это всё закончилось, если бы не изнывающее, палящее и плавящее мозги солнце, которое успокоило раскаленный пыл разгневанных женщин, разогнав их по хатам. Но еще долго из окон отдельных домов доносились невысказанные, обидные слова.

Незаметно наступил вечер.

Гости и хозяйева расположились во дворе за большим столом, над которым свисал огромный орех, создавая иллюзию романтичности и загадочности.

Стол буквально ломился от яств. Молодая картошка, сверху посыпанная петрушкой и укропчиком, парила над столом. Помидоры, огурцы, свежие и малосольные ждали своей рюмки. Рыба, запеченная в майонезе и кетчупе, уже без косточек, лежала по тарелкам, обильно выделяя слюну. А первая

порция шашлыков завершала весь этот фантастический стол. Душа требовала начала банкета.

Запах дыма шашлыков и еще чего-то вкусного пробудил задремавшее, было, под вечер, село.

Теперь активность перешла к мужчинам. Все чаще и чаще во двор стали заглядывать представители сильного пола. У одного резко разболелся зуб, но если его пополоскать водкой, он непременно пройдет. У другого послабило стул. Первое дело при этом - водка с солью. Как рукой снимает. Третий с утра мается головой. Хорошо бы и ему полечиться.

А мужики все шли и шли, как пчелы летят на мед, а мухи - на другое.

Нельзя было ни поговорить, ни посидеть по-людски.

Первой не вынесла жена доктора.

- Хромые, глухие, немые, прокаженные и прочие, страдающие запоем, поднялись и немедленно вышли отсюда. Завтра в восемь часов утра открывается больница. Милости просим всех туда, - скомандовала она.

- Завтра воскресенье, - раздалось из толпы.

- Воскресенье?.. Тогда прямым ходом на маршрутку и в дежурную больницу города. Всем ясно? До свидания! На сегодня прием окончен. И таблетки с каплями закончились. И чтобы больше тут никого не было! Может по ходу у кого-то возникли вопросы?

Но вопросов никто не задал

Сидели долго. Почти до полуночи. Болтали больше, чем пили и ели. В дом заходить и не хотелось. Там было душно и жарко.

Но как ни хорошо за столом, а природа требует своё. Мозгу надобно отдохнуть за день и сон начинает смыкать глаза.

Наскоро убрав посуду, все разбрелись по комнатам.

Гостей положили в зале на одной кровати, а хозяева, как и было задумано, улеглись в спальне, каждый на своём ложе. Двери и окна остались распахнутыми настежь.

Первой проснулась жена. Ее привлек какой-то странный, тихий шум и непонятное движение за забором. Набросив халат, она вышла на улицу. Утренняя свежесть сладкий сон. Галина подошла к образовавшейся толпе. На взгорье соседского подвала лежало тело, с головы до ног покрытое белой простыней.

- Кто это? - наивно спросила она.

- А кто знает? Это у вас гости были. Передрались, наверное, а труп-то и выкинули за забор. Сейчас подойдет участковый и во всем разберется.

- Кто передрались?

- Вам виднее. Бабы коров выгоняли, смотрят «жмурик» лежит. Они милиционера и вызвали. Пусть поутру забирает в район. Чтоб не завонял. А уж кто убил, выяснят непременно.

- Что произошло? – раздалось сзади.

Это подошло новое действующее лицо, - участковый.

Все расступились.

- Убийство тут. Вчера у доктора гулянка была... Видно что-то не поделили.

- Простынь поднимали?

- Нет! Страшновато.

- Всем отойти до забора. Не затапывать следы.

Милиционер подошел к лежащему телу, и только было собрался откинуть с него покрывало, как раздался могучий выброс газа из организма. От неожиданности капитана отбросило в сторону и он упал навзничь.

Сзади раздался предательский смех.

Участковый подлетел к телу и резким движением сдернул простынь. Под ней лежал абсолютно голый Вася с детородным органом, упирающимся в подбородок.

- Кто такой? – заорал милиционер, - Документы!

Вася вскочил, как ошпаренный, прикрываясь простыней.

- Я сейчас принесу. Я вот к ним в гости вчера приехал, - мотнул головой он в сторону Галины.

Милиционер повернул голову. Кроме нее сзади больше никого не было.

- Вы подтверждаете, что знаете этого человека? Он к вам приехал?

- Да. К нам, - прошептала она, - Они с мужем вместе служили.

- А где муж?

- Спит. Где ему еще быть?

- Ну, хорошо, гражданин. Если уж вам слишком жарко, решайте свои проблемы в пределах двора. А то переполошили все село. Желаю здоровья, - он приложил руку к козырьку и медленно побрел с места «преступления».

А счастливые гости и хозяева, после стрессовой ситуации, продолжили встречу старых друзей.

И чего только не бывает в нашей суматошной, деревенской жизни.

Всё бывает!

Иначе и жить скучно!

РАЗМОЛВКА

Они познакомились на вечеринке.

Вначале между ними возник общий интерес друг к другу, который вскоре перерос во всё остальное. А уже это остальное переросло в любовь. Но могло быть и наоборот. Суть возникновения любви, в завершающей ее стадии, несколько не меняется. Время стремительно приближалось к свадьбе.

Маша и Миша постоянно были вместе, кроме, разумеется, того времени, когда она находилась на занятиях в университете, а он на работе в крупном офисе.

Они понимали друг с полуслова, могли разговаривать, буквально, обо всем, спорили до хрипоты, рождали истины, свято верили в светлое будущее... И везде и всегда им было интересно и хорошо.

Когда-то, в советских фильмах, шпионам давали половинки разорванного рубля. И если эти половинки совпадали, значит, резиденты разыскали друг друга. Миша и Маша, тоже, совпадали по всем параметрам.

Они бродили по городу, ходили в музеи, театры и кинотеатры, выезжали за город, ловили рыбу, бывали в походах...

Каждый год летом они брали карту, закрывали глаза и вонзали в нее палец. Куда тот указывал, туда они и ехали. Так побывали на Ямале, в Виннице, Ярославле. И везде было великолепно! И везде, и всегда им вместе было весело и здорово.

За три года Миша и Маша ни разу не поссорились.

Привычка быть вместе медленно и уверенно вела их в ЗАГС. Да они сильно этому и не сопротивлялись.

Свадьбу решили сыграть под Новый год. Ну, чтоб совместить два праздника.

Родители, пылая от счастья, приступили к решению всех насущных проблем.

И лишь Маша и Миша беззаботно вели себя, веря в безоблачное счастье и райское наслаждение грядущего.

- Миша, завтра в нашем парке ярмарка. Пойдем, ходим. Что-нибудь вкусенького покушаем, на аттракционах покатаемся.

- Пойдем, - согласился Михаил, - Предлагаю ближе к обеду. Народ подойдет. Будет веселее.

- Я - за! – радостно засмеялась Маша и поцеловала Мишу.

Молодые проснулись поздно. Жили они отдельно, снимая жильё в центре города. А свадебным подарком от родителей будет трехкомнатная квартира в фешенебельном доме, на берегу реки.

Попив кофе, Миша и Маша не спеша оделись и потихонечку пошли в парк.

Народу было много. Повсюду продавались дары осени. Пахло шашлыками, блинами, пловом и еще чем-то вкусным.

Рвя в клочья барабанные перепонки, играла музыка.

- Маша, как ты смотришь на шашлычок с сухим вином?

- Очень даже положительно!

- Иди, поищи столик, а я всё организую.

Вскоре Михаил появился с двумя шампурами, большими пластмассовыми стаканами и бутылкой белого сухого вина.

- Миша, а стаканов крупнее у них не было? – засмеялась Маша.

- Спасибо, хоть эти дали. Маленькие только под водку идут. Давай я сразу всё разолью, чтобы ветер не опрокинул напиток Бахуса. Предлагаю не сопротивляться. Вино очень хорошее.

- Лей! – махнула рукой Мария, - Гулять так, гулять!

- Они сидели, наслаждаясь жизнью, осенью, вкусным и мягким шашлыком и замечательным вином.

- Мишенька, - сказала Маша, вытирая губы и руки салфеткой, - а давай прокатимся на аттракционе. Я безумно люблю вон тот, - показала она рукой, - С центробежной силой.

- Что-то я не замечал в тебе этой страсти.

- Просто мы никогда не бывали в подобных местах.

Михаил не любил таких развлечений. Но толи вино, толи желание угодить любимому человеку, не позволили ему отказаться от этого мероприятия.

Взяв билет, они вошли в круглое помещение, полное молодых и разгоряченных людей, где их поставили в ниши и зафиксировали руки. Вскоре всё закрутилось с бешеной скоростью, с наклонами вперед и назад.

Все и всё кричало и визжало. Но никто никого не слышал. Кричала и визжала радостная Маша. Миша тоже орал, но орал от перебоев и остановок сердца, спазма дыхания и невероятной тошноты. Он прощался с жизнью, молодостью и со всеми на свете.

Сколько продолжалась эта экзекуция, он не помнил. Но наконец, почувствовал, как скорость вращения стала падать. В конце концов, всё встало.

Их отцепили.

Он бледный, шатающийся выскочил на улицу и, со всего маха, упал в траву.

Его выворачивало наизнанку.

Вокруг собралась неистово хохочущая толпа. Среди них была и Мария. Она смеялась, как ненормальная.

На мгновение его сознание просветлело. Он видел только бьющуюся в конвульсиях смеха Машу, которая не сделала ни единого шага для оказания ему хоть какой-то маломальской помощи. Это Михаила шокировало и, одновременно, обозлило.

- Уйди отсюда, тварь! И чтобы больше я тебя около себя никогда не видел! Ты поняла меня!

- Миша, что с тобой? Я же не думала, что ты обидишься. Извини, пожалуйста.

- Я сказал, уйди прочь! Тебя для меня больше нет! Ты поняла? Или я встану и ударю тебя.

- Ты?.. Меня?.. А как же?..

- Ты стала плохо соображать? Ступай и не гневи меня.

Маша повернулась и медленно, сгорбившись, пошла к выходу.

Вскоре Михаил перевелся куда-то за Урал, а Маша окончила университет и, до самой старости, работала экономистом на крупном заводе. Замуж она так и не вышла.

СУРОВЫЕ ПРАВЫ ЖИЗНИ

- Фу-у-у, - скажите вы, прочитав этот рассказ, - Какая пошлятина! И как такое можно писать и печатать?

Стоп, стоп, стоп! И вовсе нет. Напряжем немножечко свои мозги и вспомним весь свой жизненный путь, не усеянный звездами. И не надо сильно напрягаться. Такое бывало со всеми, начиная от первого лица государства (он же не всегда был этим лицом) и, кончая последним

человеком на этой планете, хотя таким себя никто и никогда не считает. И даже со звездами такое происходило. И с Аллой Пугачевой, и с Ани Лорак, и с Евгением Петросяном, и с Витасом, и Иво Бобул... И даже со всей группой «Стрелки».

У всех такое случалось и случается.

Идешь ты, скажем, по этой жизни уверенно, раскованно, с гордо поднятой головой, твердо топчешь земную твердь и радуешься жизни, как вдруг, в животе наступает революция. А любая революция способна лишь разрушать, ничего не созидая.

И всё...

И глаза по ложке. И голова вращается на триста шестьдесят градусов, ища где, куда и как можно быстрее... Тут уже не до радости жизни и блеска глаз... Хорошо, если это село, где слева и справа кусты да канавы, поросшие бурьяном, да и зайти можно к любому, если собака не сожрет. А в городе? Да еще если он тебе не знаком...

Скажите, если вы такой умный и культурный, куда несчастному податься, кроме подъезда? На многолюдной же улице как-то не принято совершать подобное деяние, по морде можно получить. Хотя по этой самой морде надо бить тех, кто руководит этим самым городом, кто должен строить эти самые туалеты, а не вспоминать о чаяниях этого самого народа с высокой трибуны. И не поганить архитектуру города барами, аптеками и заправками... Если раньше партийные чинуши плевали на этот народ, то сейчас это делают гораздо чаще и с большим удовольствием.

Лариса Гавриленко не была исключением, ни из каких правил, как не бывают исключением и миллионы наших сограждан.

Поездку в город она спланировала заранее, восемнадцатого августа. Скоро школа. И на свой первый урок она должна придти сногшибательной. Ведь на нее, новую учительницу, будут смотреть сотни глаз. А встречают, как известно, по одежке. Надо будет платьице купить модненькое, туфельки к нему и по мелочи кое-что. Если получится, светильник взять. Новую квартиру надо потихонечку благоустраивать.

В приподнятом настроении Лариса шла по улице, помахивая сумочкой, в которой лежало целое состояние, три с половиной тысячи гривен! И все улыбались ей. И она тоже каждому дарила свою лучезарную улыбку.

И вдруг!..

Если не всё, то очень многое в нашей грешной жизни именно так и начинается - с «и» и «вдруг».

И вдруг, ни с того ни с сего, в ее животе так булькнуло, что на Ларису с сожалением посмотрели все прохожие. Хотя, если быть до конца откровенным, вчера вечером она с большим удовольствием съела целую миску слив. Соседка принесла. И такие вкусные, - просто оторваться нельзя.

Краски жизни мгновенно померкли, и мир стал грязно-серым. И никто уже не улыбался. Радость молодости переросла во вселенскую скорбь. Голова вращалась как на шарнирах, глаза искали выход и не находили его. Тело перестало быть грациозным и содрогалось в конвульсиях от каждого шага. И она уже не шла, а летела с вылезавшими из орбит глазами.

Трагедия готова была вот-вот разыграться, когда Лариса решительно распахнула дверь подъезда пятиэтажного дома. Темнота поглотила ее. Это уже придавало ощущение оптимизма в совершенно безвыходной ситуации.

Лариса одним прыжком очутилась под лестницей. Отбросив сумочку, она... (здесь мы, в целях сохранения интимности, прервем последовательность дальнейшего процесса и опустим некоторые детали).

И в то время, когда жизнь начала возвращаться к ней, сзади послышался тихий стон, и что-то липкое принялось гладить ее обнаженный участок тела.

Одна доминанта переросла в другую.

Истошно взвизгнув и на ходу напяливая трусики, Лариса выскочила на улицу и помчалась сломя голову. Сердце бешено билось в груди. Мысль о платье и туфельках самоустранилась сама собой.

И вдруг... (заметьте, опять «и» и опять «вдруг») ее словно ударило током.

- А сумочка с деньгами?!

Ларису кинуло в жар, и она устремилась назад.

Но жуткий страх, от воспоминания о липком и омерзительном прикосновении, остановил ее. Тело опять судорожно передернулось. А идти нужно. Сумма космическая!

На противоположной стороне улицы она увидела выходящего из здания милиционера.

- Ми-ли-ци-я, - прочитала она по складам и поспешно перешла дорогу.

- Помогите, пожалуйста, сумку вон из того подъезда забрать, - затараторила она, сбивчиво рассказывая о происшедшем.

- А вы сами сделать это не можете?

- Понимаете, я боюсь. Меня там что-то трогало. Вы не представляете как это жутко.

- Если так же жутко, как пахнет от вас, то представляю.

Лицо Ларисы залилось краской. Она только сейчас это почувствовала.

Картина, которую увидел милиционер, осветив место преступления фонариком, была не для слабонервных. Под лестницей, с наивной детской улыбкой, свернувшись калачиком, источая зловонье, спал пьяный мужчина, далеко не первой свежести, с ног до головы облитый жидким калом.

Ё-о-о-о!.. – выдохнул милиционер и, заткнув пальцами нос, грязно выругался, - Вы постарались?

Лариса застенчиво кивнула.

- Впечатляет! Сумочка ваша?

- Моя.

- Забирайте. Придется вам, гражданочка, за нарушение общественного порядка штраф заплатить в размере пятидесяти трех гривен. Пройдемте в отделение. Будем составлять протокол.

Лариса быстро достала сто гривен и протянула их милиционеру.

- Пожалуйста, возьмите. Не надо протокол... Можно я пойду? - Лариса всхлипнула, - Меня мама ждет.

- Если только мама, то идите, - согласился милиционер, брезгливо засовывая деньги в задний карман брюк.

- Спасибо, - прохрипела Лариса.

- И вам того же. Не желаете помыть товарища?

Лариса отрицательно замотала головой и, пятась, вышла на улицу.

Теперь ее планы коренным образом поменялись. Она стремительно шла в сторону речки.

Мылась Лариса долго. И не только мылась. Постирала трусики, застирала платье. Настроение, постепенно, возвращалось в прежнее русло. Было даже смешно. А то, что сегодня ничего не купила, - даже хорошо. Будет повод еще раз в город съездить.

Она вышла из воды. Солнышко начало клониться к закату. Ветерок приятно охлаждал кожу. Лариса наклонилась, чтобы достать салфетку, но сумочки не было. Она быстро осмотрелась вокруг. Сумочки нигде не было. Благодушие вновь переросло в страх. Поиски ни к чему не привели.

Горестно зарыдав, она натянула на себя мокрое платье и побрела на автовокзал, - авось водитель сжалится и возьмет до села.

И всё же, молодая учительница первого сентября была неотразима в новеньком платье и туфельках на высоких каблуках. Родители не позволили ей находиться в роли первого блина.

Вот так порой и случается с нами от вопиющей бездеятельности власть имущих. И причем случается со всеми, начиная от первого лица государства (он же не всегда был этим лицом) и, кончая последним человеком на этой планете, хотя таким себя никто и никогда не считает. И даже со звездами такое происходит. И с Михаилом Боярским, и с Ингеборгой Дапкунайте, и Иваном Ургантом, и Олегом Меньшиковым, и Алексеем Чумаковым...

Такова жизнь наша, с ее суровыми нравами.

Так и живем, с аптеками, барами, но без туалетов! Слава Богу, что подъезды есть!

СУРОВЫЕ ПРАВЫ ЖИЗНИ 2

Говорят, бомбы не падают в одну и ту же воронку. Может быть. Не знаю. В жизни же закон парных случаев встречается сплошь и рядом.

Видно уж так создана наша жизнь, что воспроизводит ситуации, уже пережитые ей некогда. Естественно, не один к одному. Как-никак, а развиваемся по спирали. Правда, одни ползут по ней вверх, а другие – скатываются на виток ниже. Прогресс и регресс, неотъемлемые части нашего с вами бытия. Это равно, как две стороны одной медали.

Лариса Гавриленко год оттрудилась в школе. И всё прекрасно! И все хвалят! И грамота уже есть! И она всем довольна. И плохое забывается, коль жизнь самая что ни на есть распрекрасная.

Ещё в июле Света Завгородная, учительница параллельного класса, пригласила ее на свадьбу, свидетельницей.

- Ларик, - шептала Света горячо, - свидетелем будет классный парень. Ты, наверное, его даже видела. Он с Валеркой один раз заходил к нам в школу. Помнишь, как он еще в твою сторону сказал, почему такая роза не цветет в его саду. Помнишь?

- Да. Помню. Красивый мальчик! И родинка у него на правой щеке.

- Молодец! Даже это заметила. Значит, тоже понравился?

Лариса зарделась.

- Дело свое в городе имеет, - продолжала шептать Света, хотя вокруг никого не было, - квартиру, машину... Так что не теряйся, подруга. Бери всё в свои руки! К семнадцатому августа должна быть неотразима. Поняла? Я побежала. У меня дел... Еще созвонимся не один раз.

Семнадцатого августа Ларисе могла позавидовать не одна королева красоты. Она была просто сказочно красива и обаятельна. Ее длинное, до щиколоток, светло-голубое платье, серые туфельки, на длиннющем каблуке, галантно подчеркивали стройную фигуру, а элегантно растрепанные волосы, делали ее лицо бесшабашно-озорным.

Евгений, так звали свидетеля, беспрестанно поедал Ларису своими голубыми глазами. Он тоже выглядел потрясающе! Дорогой светлый

костюм, темная рубашка с красной бабочкой, белые, узконосые полуботинки и чарующий аромат дорогого одеколона, делали его похожим на сказочного принца.

Лариса, лишь взглянув на него, сразу влюбилась по уши.

Столы, как это обычно принято в деревнях, были поставлены во дворе. Свадьба шла своим накатанным чередом. И на улице, и за столом было очень жарко.

Все танцы Лариса и Евгений танцевали только вместе. У каждого, при приближении друг к другу, сердца вырывались из груди, чтобы слиться воедино. Сознание прекращало понимать реальность, создавая иллюзию доброй-доброй сказки.

Около полуночи, в самый разгар веселья, хлынул сильный дождь.

- К счастью! – закричали все, со смехом забегаая в дом.

Дождь закончился также быстро, как и начался.

Слив из салатов, заливного, холодца и всех других тарелок воду, куда она набежала, свадьба продолжила своё веселое шествие.

Расходились поздно.

Евгений, разумеется, вызвался проводить Ларису. Они медленно шли по безлюдной улице. Огромная Луна освещала их путь. Было тихо и очень спокойно. Женя беспрерывно рассказывал веселые истории, анекдоты, случаи из жизни... А Лариса заразительно и безудержно смеялась. И так было всё здорово! Ей так хотелось, чтобы Женя поднял ее на руки, крепко прижал к себе и поцеловал.

- Именно так, наверное, и выглядит светлая и чистая Любовь, - затаенно думала, умирая от счастья Лариса, - И если бы меня сейчас спросили, на что похожа Любовь, я, не задумываясь, ответила бы, что Любовь похожа только на Женю.

Но, почему-то, Евгений мрачнел на глазах. Рассказываемые истории стали кратки и не интересны. Наконец он просто замолчал. Лицо заострилось, выражая страдание и муку. И походка стала неестественной, дерганной какой-то.

Вскоре Лариса все поняла. В ее животе, тоже, жутко и громко булькнуло, что от страха даже залаяли дремавшие собаки. Такое с ней уже случилось ровно год назад в городе. И, главное, число совпадает, - восемнадцатое августа. Мистика какая-то!

Теперь уже и ей было не до смеха. И Евгений сейчас на ее жизненном пути был явно лишним. И Любовь была только в сентиментальных романах. Ларису охватило отчаянье.

Видно дождь сделал свое гнусное дело и налил в еду всякую гадость. И вот результат!

Они теперь шли как чужие.

Наконец из Евгения вырвался ужасающий стон и он, не прощаясь, стремительно кинулся в темневшие впереди кусты. Лариса, спотыкаясь и ломая каблук, метнулась в другую сторону.

На следующий день Лариса на свадьбу не пошла, сославшись на пошатнувшееся здоровье. Было жутко стыдно перед Евгением.

Но как потом выяснилось, Евгения тоже не было. Он ночью уехал в город.

А быстро зародившаяся Любовь развеялась также быстро, как дым в ветреную погоду, не дав ни тепла, ни жара.

Что это было?

Дождь?

Закон парных случаев?

Или судьба-злодейка?

Кто теперь скажет?

Лариса страдала, плакала, билась в истерике... Но... Слезами горю не поможешь.

Через четыре месяца она вышла замуж. Разумеется, не по любви. А родившуюся дочь нарекла Евгенией, которой и отдала всё свое душевное тепло.

Через годы Лариса стала директором школы, депутатом и очень уважаемым человеком.

С Евгением она больше не встречалась. Как сказала Света, он закрыл здесь свое дело и уехал жить в Польшу. Там женился. У него тоже родилась девочка, которая теперь носит имя Лариса.

Вот как бывает в этой жизни... Мгновенье – и всё...

А может быть, именно так было и нужно. И Ангелы-хранители каплями дождя развели их в разные стороны, предотвратив что-то самое страшное и ужасное...

Не зря же в народе говорят: «Береженого и Бог бережет!».

ДРУГИЕ ПРОБЛЕМЫ

Вечер неторопливо спускался на Землю.

Улицы шумно заполнялись возвращающимися с работы людьми. Из подъездов стали выползать пенсионеры, гомонили детские площадки. Предвечерняя свежесть выгнала из кустов птиц, которые верещали на разные голоса.

Подошла маршрутка. Народ ринулся занимать места.

Валере повезло. Ему досталось место в одноместном ряду. Вытянув вперед ноги, он отодвинул шторку и принялся изучать бытие, бегущее за окном.

Жизнь с завтрашнего дня открывала перед ним свои радужные тона. Только что с друзьями, Мишей и Лешей, за бутылочкой пива, они обсудили перспективы предстоящего дела.

Решение открыть мастерскую по ремонту компьютеров они задумали давно. Помещение нашли, документы оформили... Даже название придумали: «Windows».

- А чего? Очень даже неплохо. Интригует как-то.

И перспектива есть, что дела пойдут хорошо. А для этого всё имеется. Главное, не дурные головы на плечах находятся в наличии, большое желание и стремление хорошо и качественно работать. Тогда и клиенты будут

довольны, и предприятие не окажется убыточным. А с этим и имя придет, и слава, и уважение...

Осталось только завтра подписать Договор аренды.

И - вперед за орденами!

Он сидел и тупо считал идущих навстречу женщин. Какая выпадала на его возраст, та и была его. Эту игру для себя он придумал еще в детстве. Иногда доставались хорошенькие, а в основном либо корявые, либо старые.

На одной из остановок вошли три довольно крупных женщины и, протиснувшись в середину, встали возле Валеры, ища среди сидящих, кто бы им уступил место.

Валере через три остановки всё равно надо было выходить. Он приподнялся и элегантно спросил: «Женщины, кто из вас старше или болезненнее, присаживайтесь, пожалуйста».

Ни одна из них на него не взглянула. И ни одна не села.

Каждая считала себя молодой и здоровой.

Женщина никогда не унижит саму себя, даже тогда, когда ей действительно плохо. Это не в ее правилах. А тут еще и о возрасте был задан нелепый вопрос... И кем?..

Это перед мужем можно и нужно быть всегда больной и немощной, чтобы тот не расслаблялся. Перед остальными же – никогда!

- Ну как хотите, - Валера снова сел.

Доехав до своей остановки, он вышел. На освободившееся после него место сел мужчина.

Женщины принципиально остались стоять. Среди них не было ни старых, ни больных, а только молодые, здоровые и, безусловно, красивые. Но Валерия это нисколько не волновало. У него были совсем другие проблемы.

ЧИСТАЯ ДУША

Зимой девушки часто заходили к бабушке Арине, старушке маленькой, сгорбленной и работающей. Им было у нее очень интересно и таинственно, как в сказке, что и уходить никому не хотелось.

На морозе с кавалерами много не нагуляешься. И промерзнешь, и простынешь... Да и не интересно.

Весной и летом всё наверстается.

Бывало, к бабушке Арине полная хата набивалась. И каждый приносил с собой что-то своё. Кто меда, кто сахара, кто хлеб... Несли, буквально, всё: от солений и варений до овощей и фруктов. Иногда и вино брали для куража. Понимали, что такую ораву старушка на свою пенсию никак не прокормит.

Бабушка Арина любила рассказывать. И столько она знала всего интересного, что даже диву давались, как это всё можно было держать в такой маленькой голове. Голос у нее был тихий, вкрадчивый. Случалось, от ее рассказов, даже мороз по коже пробегал.

Как-то и ребята стали к ней приходить. Но их быстро выпроводили. У них только одно на уме.

В доме у бабушки всегда чистота и порядок. Вечером топится печка и горит керосиновая лампа, от электрического света у Арины слезились глаза, и, обязательно, что-то вкусненькое готовится. То пирожки, то тыква томится, то семечки жарятся, а, иногда, и картошка печется. И до чего же она вкусна с соленой капустой и бочковыми огурцами...

Восемнадцатого января, в день рождения бабушки Арины, а ей исполнилось семьдесят девять лет, в ее доме - яблоку негде упасть, сколько народу пришло. На столе - просто некуда не поставить: торты, конфеты, вино, колбаска, сыр, селедка под «шубой», холодец и всё прочее, без чего не проходит ни один праздник, особенно зимний. И в обязательном порядке комковой сахар, без которого бабушка Арина просто жить не могла. Ну, а подарков нанесли не перечесть!

- Девочки, родные мои, спасибо, что пришли поздравить меня. Кроме вас, нет у меня больше близких людей, - она шмыгнула носом и вытерла глаза уголочком платка, - Муж мой, Петр Семенович, Царствие ему небесное, помер давно, аж в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году. Мне было тогда тридцать девять лет. В тот год решили мы с ним дом снаружи обмазать.

Ну, он за глиной и поехал. Там то пласт оборвался, его и придавило Три дня, бедный, мучился. А кричал как!.. Сыночек мой, Васенька, погиб в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году. Он военное училище закончил, младшего лейтенанта получил. А тут в Чехословакии народ восстал. Его туда и послали. А оттуда он вернулся в цинковом гробу. Пенсию за него до сих пор получаю. Но деньгами жизнь человеческую не вернешь. С тех пор и живу одна. Чего это я о грустном? Их уже не воротишь, – засуетилась Арина, - Давайте веселиться! Семьдесят девять – срок! Через год восемьдесят. Знаете, девчонки, как жить хочется. Жду, когда люди на Марс или Венеру полетят. Вот интересно посмотреть на инопланетян. Такие они, как мы, или другие? Когда против рака сыворотку придумают? Да много чего хочу. И мира на Земле. Человек рожден жить! А его пытаются все уничтожить. И еще хочу никого не обременять. Не допусти, Господь, такого. Мыслью вечером лечь, а утром не проснуться, - она перекрестилась, поклонилась до самой земли.

- Бабушка Арина, зачем вы так говорите? Не надо. Живите долго-долго.

- А ты думаешь, я сама этого не хочу? - засмеялась она беззубым ртом.

- Бабушка Арина, а расскажите что-нибудь. Вас так интересно слушать.

- Вы зачем сегодня сюда пришли? Слушать меня или праздновать день рождения? Учитывая, что нас сегодня очень много, а стол, явно, всех не уместит, кому-то придется и стоять, поэтому предлагаю расположиться на полу. Скатерть сейчас чистую расстелем. Полы я сегодня мыла. Должно быть чисто, если вы мне тут всё не затоптали.

- Мы аккуратно, бабушка Арина. Не переживайте. А вон Вера уже протирает их влажной тряпкой.

- Спасибо, дочка. Никто не возражает против моего предложения?

- Нет! - захлопали в ладоши девочки.

- Тогда Лена, возьми в комод скатерть и расстилай ее у стеночки. А вы, девчонки, сервируйте пол. Любаша, подбрось дровишек в печку. Пусть тепленько будет. Люда, Оля, вы по периметру половички постелите, чтоб сидеть мягко было и не так холодно, а я подушку старую под себя положу, чтобы быть повыше и видеть всех вас. Может электричество включить? Не так темно будет.

- Не надо. Так романтичнее.

- Если всё всех устраивает... Тогда, поехали!..

Сразу стало шумно. Слышался стук ложек о тарелки, звон посуды и скрип вылезавших пробок из бутылок.

- Девочки, разрешите мне сказать, - встала на колени учительница младших классов Вера Попова.

Наступила тишина. Веру в селе уважали за принципиальность, деловитость, требовательность и профессионализм.

- Дорогая наша и любимая бабушка Арина. Оглянитесь вокруг. Посмотрите, сколько человек пришло вас поздравить. И это не потому, что у вас день рождения. А из-за того, что мы вас все ценим и очень любим. Вы для нас няня, как у Пушкина, надежная и верная подруга, и, просто, очень интересный человек. Вы так красиво всегда рассказываете, - заслушаться можно. Я бы очень хотела в старости быть похожей на вас. И чтобы ко мне приходила молодежь, и мы с ней вот так вот сидели бы и беседовали. Честно говоря, абсолютно не помню, как сюда все стали ходить. Но каждую субботу меня тянет сюда, как магнитом. А, если быть до конца откровенной, то я отсюда никогда бы и не уходила. Милая наша, дорогая и любимая бабушка Арина, надеюсь, что выражу общее мнение, и пожелаю вам крепкого здоровья, долгих-предолгих лет жизни и всего самого лучшего. Пусть все ваши пожелания сбываются! Вот за это я хочу выпить. И еще, девочки, давайте составим график, и каждую неделю будем приходить и делать здесь приборку, постирать, что надо, да и просто пыль погонять. Возражения будут?

- Нет! Согласны! С днем рождения!

- Спасибо, девчонки, спасибо, мои хорошие. Вот вы меня разбалуете, а я возьму и в злую-презлую барыню превращусь. И что тогда будет?

- Превращайтесь, мы и такую вас будем любить.

Каждая наклонялась, чокалась с бабушкой и выпивала.

- Девчонки, как говорят мужики: «Между первой и второй...». Мне чуть донышко прикрыть. А я хочу выпить за вас. Спасибо, что вы есть, что будете.

И чтоб ни вы, и никто из ваших близких и родных не болел. Храни вас Бог! – перекрестила она всех присутствующих.

Все снова шумно выпили, закусили.

- А теперь я расскажу вам, мои хорошие, историю. Мне тогда было пятнадцать лет. Это был тысяча девятьсот сорок третий год. От папы пришло письмо, что он будет эшелонем проезжать такого-то числа через станцию Ртищево. Мама обрадовалась, будто он сам приехал. Собрались мы с ней и в ночь пошли. Транспорт тогда никакой не ходил. А зима в тот год лютовала!.. Идти почти пятьдесят километров по лесу, по сугробам. Одно хорошо, ветер в спину дул. Как мы дошли и не замерзли, одному Богу известно. И сразу к коменданту. А он и говорит, что такой-то эшелон прошел десять минут назад. Как же мама плакала, как убивалась!.. Но делать нечего. Надо было назад идти. Хоть здесь нам немного повезло. Почти половину пути проехали на подводе. Больше мы папу не видели. А вскоре, пришла похоронка, что он погиб в Сталинграде.

Все сидели, тихо слушая бабушкину исповедь.

- Давайте, девочки, помянем ваших дедов и прадедов, сложивших голову в борьбе с коричневой чумой.

Выпили молча.

- Бабушка Арина! Сегодня праздник должен быть веселый, а вы нам такую грустную историю рассказали. В этот день мы не должны грустить.

- Ну, хорошо, расскажу вам еще одну быль. Это было уже после войны. Мне шестнадцать лет стукнуло. Со своей подружкой, Зиной Федоровой, решили сходить в соседнее село на танцы. И не так далеко. Три с небольшим километра. Идем мы, значит, беседуем. И, вдруг, Зинка оборачивается и встает как вкопанная: «Смотри. Что это?» – шепчет она в паническом страхе. Я поворачиваю голову, а над посадками, в километре от нас, светится красно-оранжевый шар, размером с футбольный мяч. «Луна, что здесь такого странного? – говорю я» «Дура, Луна впереди нас!» Я глянула и, действительно, Луна светила нам прямо в лицо. Не сговариваясь, мы схватились за руки и побежали в противоположную сторону от светящегося предмета. Оно летело за нами. Зинка толстая была, но мы неслись, как сумасшедшие, по канавам, кочкам, через овраг и ни разу не упали. Впереди

маячил колхозный коровник. Мы не задумываясь, пролезли под воротами и зарылись в сено. Никто из нас не сказал ни слова. Мы сидели и дрожали. А раненько утром нас обнаружил сторож. Он, даже, не спросил, что мы там делали. Просто выгнал и всё. Домой пришли тихонечко, как мыши. И никому ни гу-гу. Но страха натерпелись... Толи это инопланетяне, толи нам всё померещилось... Бог его знает. Но ведь летело что-то. Прямо, как по волне плыло. И что самое главное, тишина вокруг. От самолета шум бы был. Может нас украсть хотели? А чё?.. Пишут же и по телевизору говорят, что крадут землян. Вот и нас с Зиной, может быть, хотели забрать...

- Бабушка Арина, а куда делся этот шар?

- Кто его знает. Нам некогда было за ним наблюдать. Мы бежали и все.

- Интересно как!

- Это сейчас интересно, а тогда... Вспоминаю, до сих пор мурашки по коже бегут.

- Забрали бы нашу бабушку Арину, и не было сегодняшней встречи, дня рождения. Ничего бы не было. Самой страшно делается.

- Бабушка Арина, давайте выпьем за то, что вы с нами. А мы с вами. Мы вас никому не отдадим!

Снова сделалось шумно и весело. Все одновременно что-то говорили, смеялись, изрекали...

За окном опустилась ночь.

- Ну всё, девоньки, притомилась я немного, давайте расходиться. Впереди у нас много новых встреч и рассказов. Прибираться не буду. Сразу лягу. А уж вы, кто-нибудь, завтра подойдите ко мне, поможете посуду помыть.

- Бабушка Арина, тут вина осталось на один рассказ. Не оставлять же его выдыхаться.

- А-а-а... - махнула старушка рукой, - о чем, Марина, ты хочешь, чтобы я рассказала?

- Скажите, а у вас были мужчины, кроме мужа?

- Нет, солнышко, не имелось. Не до гулянок тогда было. Время, прямо скажу, тяжелое, веселого и припомнить ничего не могу. Хотя... - Арина надолго задумалась, - В живых никого уже нет, можно и исповедаться. Был один у меня случай. И то не по собственной воле. Но расскажу всё по порядку, чтоб стало ясно всем. Сосватали нас с Зиной, подружкой моей, я рассказывала вам о ней, два брата-погодка, Петя, значит, меня, а Зину - Владимир. Мне, в ту пору, исполнилось семнадцать лет, а Зине восемнадцать. Мужья в колхозе трактористами были. Труд, сами знаете у них какой. Весной и осенью на поле и пропадают. И отец с ними тоже. Домой явятся на часок, да и то ночью. И мы, женщины, тоже все в поле. За день хребет наломаешь... и только до постели доползти. Вырубашься, будто убитая. Ни рук, ни ног не чувствуешь. А жили мы в большущей хате. И все на полу спали: родители и семьи наши. Занавесками перегородены были. Только бабка на печке спала.

И вот, сплю я и чувствую, как кто-то ко мне под одеяло лезет. Ну, кто может быть? Муж, конечно. А проснуться не могу. Он на меня, а я и радешенька. Сплю, сплю, а организм своё получает. Чувствую, закончилось всё, я притянула голову к себе, чтоб поцеловать... А она - кучерявая. У Вовки волосы вились, а у Пети нет. Я аж вскрикнула. А он тихо встал и на улицу пошел. Мне уже не до сна. Потом слышу, Петя пришел. Сели они с братом на крыльце, курят, разговаривают. Минут через двадцать Петя ко мне под одеяло приходит. И все повторяется! Утром, я ни жива, ни мертва! Вдруг слышал кто? Срамота—то какая. Нет! Всё нормально. Никто, ничего.. И Вовка, как всегда. И вот я до сих пор не пойму, - толи он перепутал лежанки, толи специально такое задумал. Но как меня с Зинкой можно перепутать. Я — худенькая, а Зинуля, как бочка. Только после этого случая я, девчонки, забеременела. А от кого, даже, не знаю. Васенька родился, - вылитый мой отец получился. Ну, один в один. А чей он?.. Мой, конечно. Вот вам еще одна история. А теперь — все по домам. Быстренько! Дома, поди, вас уже заждались.

- Время еще детское.

- Это у вас детское, а у меня...

- До свидания, бабушка Арина. Спокойной ночи. Мы часиков в десять к вам придем и все поможем.

Девушки целовали старушку и выходили, а она каждую крестила и что-то шептала.

За ночь выпало много снега. Девчонки радостно смеясь, утопая по пояс в сугробах, брели к дому бабушки Арины. Входные двери были не заперты. В комнате все было так, как оставили вчера. Только в доме веяло прохладой.

- Бабушка Арина, вставать пора! Вы в окошко выгляньте, сколько снега навалило! Мы сейчас печку растопим, а то у вас, прямо скажем, мороз в доме поселился.

Попова Вера тихонечко заглянул в спальню.

На стенке висела зажженная лампадка. А на чистой кровати, вытянувшись и скрестив руки на груди, лежала бледная бабушка Арина.

- Она умерла!!! – завопила Вера.

- Как умерла? – не поверили ей.

Хоронили Бабушку Арину всем селом. И плакали все, прекрасно понимая, что такого доброго, отзывчивого и душевного человека больше с ними никогда не будет.

Весной на могилку поставили памятник - сидящая на пеньке старушка наклонила голову на согнутую руку.

И всегда на холмике лежали живые цветы.

РЫНОК

В каждом городе, в каждом населенном пункте есть место, любимое всеми его жителями. В Киеве - это Крещатик, в Одессе – Дерибасовская, в Николаеве – Советская, в Москве – Арбат, в Санкт-Петербурге – Невский проспект, Херсоне - улица Суворова...

Здесь люди гуляют, решают свои деловые вопросы, признаются в любви... Да мало ли что можно делать на любимой улице?..

В районных же центрах этим местом по воскресным дням, становится рынок, который являет собой не только пункт купли и продажи, но и

обсуждения населением местных событий и происшествий. За неделю таковых скапливается столько, что и времени не хватает на их обсуждения.

Именно рынок и есть точка рождения невообразимых небылиц и сплетен. Здесь и казнят, и милуют, и возвеличивают, и свергают, и втоптывают в грязь... Достается всем без исключения.

Так было, и так будет. Ведь сущность людей от времени и ситуаций никогда не меняется.

Вы никогда не были на сельском рынке?

Жаль!

Будет возможность, непременно посетите. Зрелище - потрясающее. Заодно и продуктов качественных купите.

С чем бы сравнить его?

По изобилию, с раем, разумеется. А по состоянию...

Вы слышали растревоженный пчелиный улей?

Нет?

А как одновременно встречает огромная стая уток поутру свою хозяйку?

Вот это – то же самое. Только всё это усилено в десятки раз.

А запах!..

Голодный обморок получить можно.

И чего здесь только нет: мясо - всех сортов и видов, молочных продуктов – видимо-невидимо. А мед! И липовый, и гречишный, и подсолнечный, и с разнотравья...

Овощи, фрукты...

Соления, варенья...

Дичь живая, дичь битая...

Наверное, проще перечислить, чего здесь не продается.

И все ходят от одного ряда к другому. И с каждым разом их сумки и баулы наполняются и тяжелеют. И, в конце концов, становятся неподъемными.

Но это одна сторона медали. Есть у рынка и другая... Она не видна невооруженному глазу. Цвет ее темен, вкус горек, да и вид не очень мил глазу.

Пройдемся тихонечко по рынку и послушаем, о чем говорят люди. Может, что интересное и услышим.

- Ой, Маруся, здравствуй! Ты не болела? Месяца три тебя видно не было. Может замуж вышла, да с молодым-то мужем и на Гавайи укатила, справлять медовый месяц? – захохотала подруга.

- Здравствуй Тамара. Скажешь, прямо, замуж... - тоже засмеялась Маруся, прикрыв ладонью беззубый рот, - К дочке ездила, Лене. Два с лишнем месяца у них жила.

- Так она же у тебя где-то за границей проживает. Помоталась, помоталась, да и за иностранца выскочила. Где живет-то, забыла.

- Да я тоже выговорить не могу. В каком-то Бурге. В Германии.

- Эка... - Тамарин рот повело в сторону, - И как ты туда попала? Ползком через границу?

- Почему ползком? – обиделась Маруся, втянув губы глубоко в себя, - Поездом до Москвы, а оттуда самолетом. Там зять на машине встретил.

- Ба-а-а!.. Чудеса-то, какие... Кто бы мог подумать?.. Ленка, шалава, у немцев... И хорошо живет?

- Тебе какая разница? Черноротая ты, Томка, баба. Всех тебе надо осудить, всех с дерьмом смешать... У самой один сын вор, другой наркоман, а дочери, что нагуляла от Вальки Сидорова, уже сорок пять лет, а все на танцах мальчиков развращает...

- Тьфу, на тебя, сволочь поганая!

- И на тебя, паразитка, тьфу!

И женщины, непримиримыми врагами, расходятся в разные стороны.

- Привет, Гриша. Ты футбол смотрел вчера?

- Нет. Крышу с зятем перекрывали до позна. Устал... Даже не мылся, не ужинал. Пошел в сарай, упал в сено... и до утра.

- И правильно сделал. Такого позора я давно не видел. Страна, - по карте три дня шагать... Население, - 143 миллиона... И из этого числа не могут выбрать одиннадцать человек с прямыми ногами. Позор! За Державу обидно! Я чуть телевизор не разбил.

- Зато, в нашем чемпионате весь мир играет. И откуда только нету... А вот отечественных-то и не видно. А мы смотрим, разинув рот... И радуемся, как ненормальные. «Спартак» победил «Торпедо»! А кто из них «Спартак», кто «Торпедо», - не ясно. Все черные! Деньги, между прочим, наши с тобой прожигают.

- И наши, недоумки, тоже жалуются, что им мало платят. Я бы за такую игру их повыгонял всех. Пусть помощниками на комбайне поработают. Сразу играть научатся!

- Помнишь раньше: Яшин, Стрельцов, Хурцилава, Метревели... А игроков киевского «Динамо» вся страна знала, даже младенцы.

- Тьфу! Не хочу и говорить про вчерашних недоразвитых. Держи, Гриша, пять... До встречи!.. Пойду я.

- Здравствуйте Елена Петровна! Видела вашего сына. В отпуск приехал? Красавец, получился, писаный. А как ему форма идет! Просто бравый офицер! Не захочешь, а влюбишься. Я на почту как раз ходила, брат с Сибири перевод прислал, а Миша в Военкомат шел отмечаться. «Здравия желаю! - говорит, - тетя Оля». Постояли с ним, поговорили. Сегодня, кстати у Лены день рождения. Приходите, пожалуйста, приглашаем вас. На девятнадцать... Будем мы с Сашей, да вы. Лена моя на шестой курс перешла. Профессию выбрала, упасть, не встать, - нейрохирург. Говорит, что нравится. А мне страшно. Не женская специальность.

- Спасибо Олечка! Миша говорил нам об этом. Обязательно придем.

- Хочу мясца хорошенького взять и пельменей налепить. В доме сейчас рук много у меня, пусть лепят. Ну, побежала я, Елена Петровна. До свидания. До вечера.

- До свидания. Олечка, может мне придти помочь тебе?

- Спасибо. Сами справимся.

- Васек, здорово! Ты один или со своей?

- Привет! Странный вопрос, конечно со своей.

- А где она?

- За медом стоит. Я яблоки сторожу.

- О! Закуска мировая. Давай быстренько по стаканчику. У меня классный самогончик есть.

- А где стакан возьмем? Или из горла будем?

- Не гони волну! Сейчас организую на время у бабок с семечками. Запомни, семечки весь водочный дух убивают. У меня они постоянно в кармане.

- Мужчина! Это молодая картошка?

- Очень. Еще даже не целована.

- Если это шутка, то не смешная.

- А если ты умная такая, зачем молодой картофель осенью ищешь?

- Федька, правду говорят, что ты курить бросил или брешут?

- Правду, правду. На водку денег перестало хватать.

- Может и мне...

- Василий Петрович, вы слышали, что в мире делается? Я в шоке.

- Тебе делать дома нечего, вот целый день у телевизора и сидишь. Сколько тебя знаю, столько ты и в шоке. Мы не разговаривать сюда пришли, Вася, - женщина потянула мужа за рукав, - Пока скупимся, - и обедать пора. Пойдем, быстренько, узнаем, почем сливу продают. И поглядывай по сторонам, может алычу кто привез.

- Лиза, ты слышала, к нам писатель приезжал. Упасть не встать. Если не космонавт, то писатель. Все лезут из грязи в князи.

- Откуда он взялся у нас-то.

- Чай здесь родился.

- Да кто ж такой?

- Сын Зойкин. На Набережной жили. Голь перекатная была. И врач, и писатель... Хрен он моржовый, а не писатель. Улыбается, цветочки... И наши дуры поперлись на встречу с ним. Что там смотреть? Жили мы тут без писателей и жить будем. Не может у нас быть ни художников, ни писателей, ни артистов... Рылом не вышли.

- А ты читала, что хоть он пишет?

- И не собираюсь. Зрение только портить. Умного, небось, ничего не сочинил.

- Зря ты Валентина так. А мне, лично, интересно. Схожу в библиотеку, почитаю. Что ж мы тут все тупые такие и ни одного талантливое человека не может народиться? А если это той Зои сын, то он был хорошим мальчиком. Долго на флоте служил.

- Хочешь время зря убить, читай. А я не буду на всякое дерьмо зрение своё портить. Ты чего на базаре делаешь? Аль так пришла?

- Хрен надо купить, чеснок, укроп... Огурчики хочу закатать.

- А я за хлебом. Если сушки будут, - тоже возьму. Мой где-то откапал самовар, исправил его... Теперь чай по буржуйски пьем, как в старину. В сосенки за шишками ходим. Не чай – сказка. Заходи. Посидим. Заодно, потом нам, сыром, про «гения» нашего расскажешь.

- Миша, что твоя картошка? -

- В этом году совсем плохая. Ни одного дождя. В пыли растёт.

- А у меня ничего. Я её через день поливаю.

- И я бы поливал, живя рядом с водой. У меня всё посохло. Помидоры, огурцы... Не хочу и говорить. Сердце щемить начинает.

- Слава Богу, что хлебушек в этом году уродился. И свекла сахарная хороша. Не переживай, с голоду не помрем.

- Ты на рынок зачем пришел?

- Да так. На людей посмотреть, себя показать. Новости послушать. Скучно дома сидеть.

- Я тебе в этом сегодня не помощник. Хочу погреб овощами забить, пока не подорожали. Своего в этом году нет. Арбузы ещё хочу засолить. Ну и остальное по мелочам.

- Давай, Миша, не буду тебя отвлекать. Если надумаешь картошку брать, я тебе по дешевке продам.

- Взял бы мешков десять.

- Будет тебе десять. В пятницу под вечер приезжай. А я к этому времени накопаю, отсортирую...

- Спасибо. До пятницы.

- Тётя, а чем вы кормили гусей, прежде чем их забить?

- А чего это тебя так резко заинтересовало?

- Тоже, как и они, хочу похудеть.

- Записывай. Вода по стакану три раза в день. А на ночь зубчик чеснока от беременности.

- Это что-то народное? От матери перешло?

- Сорока на хвосте принесла. Иди отсюда. Продукцию загоразживаешь.

- Видал, как на Артиллерийской, на дороге, земля осела? Ни проехать, ни пройти. Три месяца... И никто палец о палец... Зиму ждем!

- Говорят, денег нет.

- Откуда же им взяться, если начальство себе такую крутую машину купило. Не за свои же!

- Сажают их, снимают, а толку, как не было, так и нет. Ничего не бояться. И земля под ними не горит!

- Ты слыхала, Верка, что творится?..

- Нет, тетя Ань. А чё?

Ванька Слепцов на уборку уехал. А к его королеве Санька Симонов переехал. С этим кобелём пол поселка переспало. И она, дура, туда же.

- А чё, мужик красивый.

- И у тебя башка не на месте.

- Колька, слышал, на Марсе воду нашли.

- Ты ее пил?

- А-а-а... С тобой говорить, как со стенкой. Что не скажешь, ничему не веришь.

- Я верю в то, что можно потрогать руками. Вон у Машки за пазухой или, скажем, вот эти груши.. А остальное?..

- Иди уже, неверующий Фома.

- Сам иди. А воды достанешь марсианской, приноси. Попьем вместе.

- Дураком был, дураком и останешься.

- Тетя Люба, правда, что ли у Спиридоновых бычка украли.

- Не бычка, а телочку. Уже нашли, кто это сделал. Витька... Фамилию забыла. Да знаешь ты его. Недалеко от заправки живет. Три дня как из тюрьмы вышел. И снова туда. Чё им спокойно не живется? Дураки, честное слово.

- Лена, ты где такую большую морковь брала?

- С машины. У весовой стоит. У них там всё есть. Да не спеши ты. Им торговать и торговать. Купишь еще.

- Нет, побегу. У меня дел сегодня, выше крыши. И обед приготовить надо, и стирку затеяла, и в доме прибраться хочу. Ребята сегодня из лагеря приезжают. Извините. В следующий раз поговорим.

- Нина! Нинка, иди быстрее сюда.

- Некогда, тетя Лена, пока дети спят, решила за молочком сбегать.

- Не скиснет твое молоко. Ты послушай, что я тебе сейчас скажу.

- Времени нет, тетя Лена. Дети проснуться, плакать начнут.

- Ничего с ними не случится. Побольше поплачут, поменьше пописают. Ты мне лучше скажи, где твой сегодня ночью был?

- Дома спал. Со мною рядом.

- Врешь!

- Вот вам крест, - перекрестилась Нина.

- А кто же к вам сегодня ранним утром через забор лез? И пиджак Лешкин...

- Это, брат, Коля. Рыбу принес.

- А я думала, твой загулял. Издали они похожи, как две капли воды.

- А вы тетя Лена когда-нибудь ложитесь спать? У вас все, кто ходит ночью, - гулящие, либо воруют, или еще чем-то непотребным занимаются.

- Иди уже за своим молоком. И никак тебе не угодишь. Вечно тебе всё не нравится. А вот Лешка возьмёт, да и загуляет.

- Я сама с этим как-нибудь разберусь. Без вас.

- Гляди, девка... Не ошибись.

- Не ошибусь, тетя Лена. Не волнуйтесь.

- Сыночек, гречка твоя почему? – старушка подслеповато потрогала руками крупу.

- Дорого, бабушка.

- И сколько дорого?

- Лучше манку купите. Я скажу, а вас «кондратий» хватит. Отвечай потом за вас.

- Генка, сволочь, я час тебя по рынку ищу.

- А чё меня искать? Вот он - я!

- Я тебя, где поставила? Сказала, чтоб ждал. А ты куда поперся? Водку с друзьями жрать?

- Ну, выпил бокальчик пива. Нельзя?

- Всем можно, а тебе нельзя. Вон рожа какая красная, хоть прикуривай! От пива такой не бывает, – женщина с размаху бьет его кулаком в лицо. У мужчины из носа начинает бежать кровь.

- Ах ты тварь! Позорить меня перед людьми! Получай, сука! – и он тоже со всего маху бьет ее в грудь. Та, со стоном, падает навзничь. Сумки разлетаются в разные стороны.

Пошарив среди покупок, Геннадий находит кошелек, забирает его и скрывается в толпе.

Женщина пытается встать, но грузное тело постоянно заваливается на бок. Изрыгая грязные слова, она, наконец, собирает поклажу и, рыдая, идет

домой. Теперь ждать мужа ей придется очень и очень долго. Пока не нагуляется, не придет.

- Ты слышала, Валька Панина третий раз замуж вышла.

- Брось ты... За кого?

- Илью Спиридонова.

- Так ему под семьдесят.

- Зато дом больше ста квадратных метров, огород двадцать соток, машина... И помимо того... всю жизнь в торговле проработал. А ей троих деток поднимать. Я бы с этого Илюши сама каждый час пылинки сдувала...

- И не красивая совсем, а повезло...

- Что ищем, молодой человек?

- Разводной ключ.

- Только что, вон тот мужик забрал. Разводиться пошел. Есть ключ, открывающий любые женские сердца. Не дорого. Бери.

- Сегодня в «дурке» день открытых дверей?

- Нет. Стена упала.

- Повезло стене. Тогда возьму ключ на двенадцать.

- Молодец! Жизнь надо начинать именно с этого ключа!

- Свиридовы старую машину еще не продали, а новую уже купили. Откуда деньги у людей?

- А чему тут удивляться? Весь лес в его руках.

- А ты, гляжу, юбку новую себе пошила.

- Галька привезла целый ворох вещей. Носить не носит, а выкинуть жалко. Вот и донашиваю.

Рынок...

Его богатство и колорит ни с чем нельзя сравнить. Именно на ярмарках Гоголь находил свои персонажи.

Именно рынок и есть точка рождения невообразимых небылиц и сплетен. Здесь и казнят, и милуют, и возвеличивают, и свергают, и втоптывают в грязь... Достается всем без исключения.

Так было, и так будет. Ведь сущность людей от времени и ситуаций никогда не меняется.

ТРАГЕДИЯ ЛЮБВИ

Театр начинается с вешалки. Любовь же зарождается еще в школе. И обычно весной.

Все как в природе.

Причем везде одинаково: городе, поселке, селе...

Идешь, идешь... И вдруг, среди пёстрой толпы, видишь только ее лицо, слышишь только ее смех, улавливаешь каждое ее движение... Сердце начинает стучать по грудной клетке на всю Вселенную, а в голове делается светло и радостно. Флюиды счастья, тепла и чего-то доброго, ясного и нежного исходят из тебя и попадают сразу к ней. На мгновение она останавливается, видит тоже только твой взгляд. И если ее сердце начинает биться в том же ритме, - значит, зародилась любовь. И улыбка, которую она сейчас излучила, предназначена только тебе.

Именно так и встретились Женя и Лариса. Он оканчивал школу в этом году, а она только восьмой класс. Но, как известно, для любви, особенно настоящей, возраст никогда не являются помехой.

В юных сердцах зародилась страсть.

И теперь день волочится улиткой, а ночь пролетала быстрее пули... И нет ничего приятнее прикосновения любимого... И ничего нет слаще поцелуя любимой...

Но время, тоже, не стоит на месте. Подходят выпускные экзамены. Надо сидеть над учебниками и одному, и второй. Родители здесь проявляют свою принципиальность и твердый характер.

Евгений - отличник. Впереди маячит золотая медаль, а потом вступительные экзамены в Московский университет на финансово-экономический факультет. И ошибаться никак нельзя.

Лариса выпускница, правда, восьмого класса. И, тоже, после школы едет поступать, но, правда, в медицинское училище. И, также, не хочется провалиться на вступительных экзаменах.

Со взрослой страстью распрощались юные герои, клятвенно обещая по гроб жизни любить друг друга и ежедневно писать письма, а по праздникам, непременно, звонить. И разъехались в разные стороны.

Мобильных телефонов в то время не было, поэтому любовь осуществлялась посредством почты. А почтовая любовь в нашей жизни не долговечна. Это вам не времена Пушкина и Грибоедова.

Студенческая жизнь засасывает. Во - первых, надо учиться. И, желательно, учиться хорошо, чтобы потом распределиться в приличное место. А это учебники, конспекты, курсовые... Во-вторых, ты должен проявить себя должным образом. И, желательно, чтобы тебя не только на факультете заметили, но и в университете. И в-третьих – Москва! Ее тоже нужно познать. Сколько соблазнов! И туда хочется сходить, и сюда... А девчонки... Почти все без комплексов. Жизнь в сказке! Или сказка жизни.

Евгений рвал ленту, пахал, будто раб на каменоломне. Стал членом студенческого совета и на втором курсе отличника Романченко приняли кандидатом в члены КПСС. Ради твердой ступеньки на карьерной лестнице два года не ездил летом на каникулы, а сколачивал бригаду по ремонту помещений факультета. Всё шло хорошо. И даже очень. На письма и звонки времени, практически, не хватало. Да и зачем? Сокурсниц было в переизбытке. А их зимние каникулы не переплетались.

Лариса, тоже, была углублена в учебу. Медицина редко кому дается легко и просто. Здесь надо все зубрить, по крайней мере, на первых двух курсах.

Первое время Лариса очень сильно тосковала, плакала. Писала письма, посылала открытки с видами своего провинциального городка, даже пару раз звонила. Но каждый раз его ответы были холодны и скупы.

Всё проходит. Прошла и любовь

В конце концов, они расстались и, казалось, навсегда.

Но жизнь такая интересная и удивительная штука, любящая иной раз преподносить неожиданные сюрпризы.

Карьера Евгению удалась.

Удачно женившись в начале третьего курса на дочери ректора университета, Женя уверенно зашагал к пику Славы. В двадцать три года он защищает кандидатскую диссертацию. И, как молодой ученый, получает трехкомнатную квартиру на Ленинских горах. А в двадцать семь – он уже доктор наук, старший преподаватель. Впереди должность заместителя начальника кафедры. А там...

После свадьбы Евгений приезжал в родные пенаты. Лариса издали видела их, но мысль о встрече даже не возникла.

Она, тоже, вскоре вышла замуж, родила дочь. Но с мужем прожили не долго. Спасая мать с ребенком на пешеходном переходе, он успел оттолкнуть их, а сам попал под колеса мчащейся машины. Как потом выяснилось, за рулем был сильно пьяный водитель.

Семейная жизнь у Евгения не сложилась. Жена начала гулять направо и налево. Да и он сильно от нее не отставал. Они расстались. Буквально через три месяца, она вышла замуж за иностранца и уехала жить в Германию.

Ветер новых перемен в государстве подхватил Евгения и стал поднимать все выше и выше. И вскоре Евгений Петрович Романченко возглавил один из крупнейших банков Москвы. Почет, уважение и прочие привилегия.

Лариса, воспитывая дочку, трудилась в родном поселке на скорой помощи. Как-никак, а зарплата повыше постовой медсестры. Жили хоть и не богато, но себе ни в чём не отказывали.

- Топилова, - вызвал Ларису в конце смены главный врач, - завтра обеспечиваешь похороны. С восьми утра и до окончания поминок. Адрес будет у водителя.

- Василий Степанович, завтра не моя смена. А кто помер?

- Какая разница. Заплатят по двойному тарифу. Может тебе уже и деньги не нужны?

- Нужны.

- А раз нужны, то вперед и без лишних разговоров.

Закружившись в повседневных хлопотах, Лариса забыла и спросить, кто же умер в поселке.

Утром в белоснежном, накрахмаленном халатике с сумкой неотложной помощи она сидела в машине, поджидая водителя

- Дядя Леша, а кто умер-то? А то еду неизвестно куда.

- Романченко Петр Карпович. И молодой еще был. А здоровый какой! И в одно мгновение. Встало сердце - и конец. Всем бы нам так. Чтоб не мучить никого. В этом году исполнилось пятьдесят девять лет. И до пенсии не дотянул. Через полтора года после Марии Федоровны откинулся.

- Дядя Петя? - ахнула Лариса, прикрыв рот рукой. Долго молчала - А когда тети Маруси не стало, я с дочкой на море отдыхала. Вот тебе и на... Горе-то какое...

- Женька приехал. Рассказывают, какой-то гроб царский привез. Покойнику, мое мнение, все равно в чем лежать. Выпендрей всё это... Мол, вот какой я богатый... Сказывали, что в столице какой-то большой начальник. Чуть ли не миллионер. Вот какие времена настали... Здесь с голой жопой бегал, а сейчас... Не верю я им! Воры они все. Я всю жизнь баранку открутил, а за душой ни гроша. И так у большинства. Приехали. Вылазь! А я здесь посижу. Не люблю я этого.

Лариса вошла в, до боли, знакомый дом.

Дядя Петя утопал в цветах. Вокруг сидели печальные родственники.

- Здравствуйте, - тихо прошептала она, - Примите искренние соболезнования. Я посижу на кухне.

- Лариса? Ты? - искренне удивился Евгений.

Она неопределенно пожала плечами и, не ответив, ушла на кухню. Сердце ее защемило. Стало трудно дышать.

Вскоре туда пришел Евгений. От него пахло дорогим одеколоном и коньяком. Он пододвинул табуретку и сел напротив Ларисы.

- Вот так вот, Лара... Сначала мама, а теперь и отец, - он уткнулся Ларисе в колени и заплакал. Она нежно гладила его по волосам и тоже плакала. Лариса знала, что Женя очень любил отца. Они по жизни были друзьями.

Женя изменился сильно. Во-первых, он похорошел, возмужал... В нем чувствовалась решимость, уверенность, твердость. И, безусловно, сила.

На кухню заглянул их сосед по дому, Иван Алексеевич.

- Евгений Петрович, батюшка приехал. Отпевать будем в доме или на улицу выносить?

- Будем выносить.

- Хорошо. Я распоряжусь.

- Ларочка, извини, мне надо идти.

- Конечно, конечно, - сказала она, быстро вытирая слезы, - Я тоже пойду. Мне необходимо быть рядом с народом. Не дай Господь кому-то плохо делается.

Всё прошло так, как обычно проходит на всех подобных мероприятиях, траурно и скорбно. И, слава Богу, без серьезных вмешательств медицины.

На поминки Лариса не пошла. Встреча с Евгением была для нее тяжким потрясением. И старое ворошить не хотелось.

Лариса уже спала, когда залаяла собака и в калитку постучали.

Накинув халат, она вышла на улицу.

- Кто там? - недовольно спросила она.

- Лара, это я. Не прогонишь? – раздался в темноте голос Евгения.

Она привязала собаку, открыла калитку.

Он вошел и крепко прижал ее к себе, - Не прогоняй, Ларочка. Мне ужасно плохо. Ты единственный человек, кто способен меня понять и, возможно, простить.

Они вошли в дом, точнее в половину дома, где теперь жила Лариса. Старое жилье совсем развалилось, и больница дала ей новую квартиру. Правда, и новой ее было назвать нельзя. Выделили из старого жилого фонда. И на том спасибо. Дом крепкий. И, главное, сверху не капает. Жить моно.

Здесь Евгений еще не был.

Из небольшой прихожей, где под зеленым абажуром тускло горела лампочка, три двери вели в маленькую кухоньку, спальню и зал. Было чисто, уютно и по-домашнему тепло, как бывает тепло и уютно только дома у мамы.

- Я тут принес кое-что. Давай помянем, - он из пакета стал выкладывать на стол французский коньяк, черный московский шоколад, лимоны, колбасу, сыр, курицу и что-то еще.

- Женя, зачем ты столько всего принес?

- Лариса, у меня сегодня никого не стало. Вообще никого. Ты можешь это представить? Отец... Чего он не захотел поехать ко мне? Всё на что-то надеялся. Я же всё могу. Профилактику в лучших клиниках проходил бы ежегодно. Где угодно. У нас, за границей... Мама давно сердцем страдала... Но он же был здоров, как буйвол...

Евгений разлил коньяк по рюмкам. Выпили не чокаясь.

- Давай сразу и маму помянем. И он снова разлил.

- Мне много будет, Женя.

- Ничего Ларочка, сегодня день такой, - они долго молча сидели, - Можно я покурю?

- Только на улице. Дочка спит. Я не хочу ее травить никотином.

Он вышел на крыльцо, сел на ступеньку. От ночной прохлады его тело передернулось. Лариса вынесла свою кофту и набросила ему на плечи.

- Лара, посиди со мной. Ты куришь? - он потянул ей пачку Camel.

- Нет.

- А помнишь?..

- Я всё, Женя, помню.

- Ты меня считаешь подлецом?

- Почему? Вероятно, жизнь сама расставила все положенные ей точки. Так что, говорить пренебрежительно о прошлом не будем.

- Покажи мне свою дочь.

- Она сейчас спит. Могу только сонную, если есть такое желание.

- Мне все равно.

- Ну, пойдём.

Они тихо вошли в спальню. Лариса включила ночник. Евгений долго смотрел на спящей комочек.

- У нее лоб, губки и ушки твои.

- Мои, - улыбнулась Лариса.

Евгений резко повернулся и поднял Ларису на руки, - Подари мне такую же красавицу, - прошептал он, гася ночник и целуя в губы. Ноги уверенно понесли ее в зал.

Лишь только затеплилось утро, Лариса разбудила Евгения.

- Женя, вставай. Тебе нужно идти. И для тебя, и для меня это не очень удобно. Извини, но не время заниматься сейчас этим. Иди домой. Ты когда уезжаешь?

- Завтра. А можно я сегодня к тебе приду?

- Женя, не обижайся, но это будет явно лишним.

- Дай хоть мне номер своего мобильного телефона.

Лариса записала на бумажке.

- Я, обязательно, позвоню тебе! – прошептал он, поцеловал и твердым уверенным шагом вышел из дома.

Лариса вновь легла на кровать, повернулась к стенке и зарыдала. В сердце опять кипели юношеские страсти.

Следующий раз Евгений приехал через девять дней, затем на сороковой, а уж потом стал приезжать каждую неделю. И всякий раз останавливался у Ларисы, а личный шофер, как у каждого большого государственного человека, ночевал в его доме.

И, неизменно, руки Жени были перегружены подарками, для нее и дочки. И всегда всё было дорого и радовало сердце.

Они ходили по дорогим с детства местам, вспоминали свое прошлое, строили планы на будущее. От всего этого Ларисе было тепло и радостно на душе. Она всему радовалась, как дитя, светясь добрым, нежным и лучезарным светом. Хотелось сделать что-то необычное, сказочное, но как, она этого не понимала и не умела. От этого на глаза порой накатывала горечь и грусть. Сердце билось с утроенной силой, пытаясь выскочить из груди. Лариса ждало чего-то нового и неизведанного, надеялась на лучшее. Счастье переполняло ее душу.

Евгений был очень внимателен. Казалось, он предугадывал ее желания и делал все, чтобы ей было хорошо.

- Ларочка, теперь мы встретимся с тобой только через полтора месяца. Будет уже зима.

- Почему? - искренне удивилась Лариса.

- Я в следующую среду улетаю в Лондон, оттуда в Вашингтон, а уже из Вашингтона в Токио и Сингапур.

- А нельзя, чтобы вместо тебя полетел кто-то другой? - Лариса поняла, что задала нелепый вопрос, - Извини, - поправилась она, - Но мне так не хочется с тобой надолго расставаться.

- Я, тоже, буду скучать по тебе, моя любовь. А может за это длительное время, ты разлюбишь меня, и твои губы будут шептать другое имя? И целовать тебя будет кто-то другой?

- Зачем ты так говоришь? Я обижусь.

- Не разлюбишь?- рассмеялся он, - А когда я вернусь, то... Но пока это секрет. Пойдем домой. Я уже соскучился по тебе.

Перезванивались они ежедневно. Евгений отчитывался о проделанной работе, рассказывал о том, что видел, сообщал, что будет делать завтра, что скучает и любит... И зима уже скоро наступит...

И вдруг, седьмого декабря, на улице шел огромными хлопьями снег, к дому подъехала знакомая машина. С большущим букетом красных роз, символом любви и страсти, вышел Женя. А за ним и его шофер. Он стал выгружать из салона и багажника коробки, свертки и еще массу чего-то. И всё это нес и нес в дом. Евгений стоял и ждал.

Лариса сегодня таких гостей явно не ждала. В пестром домашнем халатике и стоптанных тапочках она выскочила на улицу и повисла на шее дорогого и любимого человека. И целовала, целовала, целовала...

- Если ты меня сейчас задушишь, то я не смогу предложить тебе руку и сердце, а еще пригласить на Новый год в столицу.

- Это правда?! – радостно запричитала Лариса. Теперь из ее глаз ручьем катились слезы счастья и радости.

- Вот тебе на... Интересно, сколько в женщине слез? Быстро пойдем в дом! Заболеешь... И Новый год перенесется на восьмое марта. Ты мне, кстати, не ответила: «Ты согласна быть моей женой?»

- Да, Женечка! Конечно, да! И буду любить тебя всю-всю жизнь!

- Володя, - прокричал Евгений, - Накрывай на стол! Будем отмечать помолвку. И соседей походи, позови.

- Женя, давай перенесем все на вечер. Мне на работу, соседям тоже... Машку в садик надо отвести.

- Сегодня у всех работа отменяется. Вова, съезди, посети трех начальников, дай им по сто долларов. Пусть они в этот день не заметят отсутствие своих

подчиненных. И Машу в садик отвези. Через два часа все должны сидеть за столом! Понял, Володя? Не раньше и не позже!

- Слушаюсь, командир!

- Ларчик, ты извини меня, но я уже сегодня уезжаю в Москву, в восемнадцать часов.

- Почему? – горестно спросили Лариса, - Такой день!

- Не могу, солнышко. Завтра, и вообще до окончания года, встречи, собрания, совещания, отчеты... Мы должны быть чисты перед вкладчиками, а вкладчики перед нами.

- Так что же мы тогда стоим!

- Вот и я о том же.

После бурной и радостной встречи и помывшись в душе, Евгений прижал Ларису к себе. И нежно поцеловал.

- Я тебя люблю! – прошептал он.

- А как я тебя люблю, даже сказать страшно.

- Если страшно, то и не говори. Пойдем, радость моя, я покажу тебе подарки, которые привез со всего мира.

Он доставал и доставал. Песцовая шуба, песцовая шапка... Сапоги итальянские, французские, японские... Халаты, платья, что-то еще из нижнего... Духи арабские, французские... Косметика... Конфеты, колбаса... Перечислить всё было невозможно. Лариса от такого богатства и изобилия просто сходила с ума. Комната наполнилась до потолка.

Вскоре пришли гости и веселая компания, приправленная дорогим вином, обсуждала предстоящее событие. В пятнадцать часов все разошлись по домам, оставляя молодых для заключительно акта прощания.

Лариса, - произнес Евгений, садясь в машину, - тридцать первого декабря я встречаю тебя на вокзале. Купишь билет, сообщи, какой вагон. До встречи, любимая.

- До встречи, мой родной. А ты знаешь, что поезд приходит за два часа до Нового года?

- Конечно, знаю. Мы с тобой сначала заедем на Красную площадь, выпьем под куранты бутылочку шампанского, а потом поедем домой. Ты не возражаешь?

- Не возражаю. Женечка, только ты ничего не готовь. Я привезу для стола всё. Пальчики облизывать будешь.

- И славно.

Лариса крепко обняла своего возлюбленного и очень долго его целовала, - Храни тебя Бог, милый, - перекрестила она его.

Машина хлопнула дверью, а Лариса побежала примерять обновки, благо соседка пообещала забирать дочку из садика.

Две недели до поездки Лариса провела, как в бреду. Она что-то мерила, что-то готовила, а готовила очень много, начиная от котлет и заканчивая тушеным кроликом и селедкой под «шубой», что-то складывала в чемодан и чем-то набивала сумку. Короче, находилась на грани сумасшествия.

Объяснив дочке, что мама скоро приедет, Лариса отдала подруге на попечительство Машу и с неподъемным чемоданом и тяжелой сумкой села в московский поезд.

Всю дорогу ее бил нервная дрожь. Она представляла себе их встречу. И дальнейшую жизнь... От чего делалось жутко и страшно... Пугала и столица. Как там живут люди? И как она, деревенская женщина, будет обитать в этом мегаполисе? Ко всему этому за два дня не приспособишься. И тысячи глаз будут следить за тобой, как ты поступила в той или иной ситуации, и как ты прошла, и какой рукой взяла... И еще миллион таких вот вопросов. Это не дома, - дорогу перешла и ты в центре... Она целый месяц училась держать вилку в левой руке, а нож в правой.

Потом Лариса очень боялась помять прическу, сломать ногти, порвать колготки. Да и еще так дорого одетая, что в каждом мужчине видела убийцу и грабителя.

Поездка выдалась жуткой и бессонной.

- Граждане, просыпаемся, сдаём белье. Через тридцать минут закрою туалет. Санитарная зона. Советую одеться потеплее. В столице около тридцати.

Прибывали в Москву ровно в двадцать два часа.

Наконец, поезд остановился. Лариса от волнения сразу сделалась мокрой. Согнувшись в три погибели, в дорожной шубе, шапке, сапогах на высоченном каблуке и, далеко не последнего качества, перчатках, поволокла вещи к выходу.

- Девушка, я боюсь, что вы переломитесь. Позвольте мне помочь вам вынести вещи. Да не бойтесь, не убегу.

Сзади стоял симпатичный парень, лет тридцати.

- Давайте, давайте... - улыбнулся он

- Меня на перроне встречают, - попыталась сопротивляться Лариса, но вещи все же отдала.

- Замечательно! Муж, друг, мама?

Лариса на этот вопрос не ответила.

Встречающих на перроне было не очень много.

Лариса, прижав перчатку к носу, огляделась. Евгения среди них не было.

Сразу стало страшно и неуютно. В этом городе у нее и знакомых никого не было.

- Сейчас придет, - успокоила она себя, - Праздник. Транспорт вечно плохо ходит.

- Не встретили? – поинтересовался парень, - Давайте я ваш багаж, хоть, до вокзала донесу. Там согреться можно. А вы по телефону пока позвоните. Вдруг, ваш знакомый в «пробку» попал.

- Спасибо вам. Но я вокзал не пойду. Постою рядом с табло. Возможно, он будет меня искать и не найдет. Что тогда?..

Она достала телефон и набрала номер. Не было даже гудков.

- Странно как. Телефон молчит.

- Вам вещи, где поставить? – спросил парень.

- Вот сюда. Спасибо, молодой человек.

Парень поздравил Ларису с наступающим Новым годом и убежал.

Скоро на перронах и прилегающей площади не было ни одного человека. Стало одиноко и страшно. Усилился ветер. Да и мороз начал крепчать. Лариса зарыдала от боли, тоски и неизвестности.

Сколько прошло времени, она не знала. Но, наверное, много. Ног Лариса давно не чувствовала. Так и стояла, приплясывая и маша руками. Слезы ручьем катились из ее глаз.

- Снегурочка, вы еще здесь? Твердо решили превратиться в кусок никому не нужного льда? Сейчас какой-нибудь дурак заберет ваши вещи, и сделать с ним ничего не сможете, - около нее снова появился молодой человек, - Пойдемте со мной. Уже двадцать минут первого. Плохого я вам ничего не сделаю, а вот горячую ванну обещаю. Поверьте, - это для вас лучший вариант. И не сопротивляйтесь. Всего две остановки на метро. Меня Витя зовет. Ну а вы представитесь, если захотите.

Вскоре Лариса, по настоянию Виктора, выпила сто пятьдесят грамм «Перцовки», и легла в абсолютно горячую ванну. Было приятно ощущать, как оживает окончательно замерзшее тело, как его пронизывают иглы тепла. Жизнь возвращается в нормальное русло. Было просто здорово! Все беды улетучивались сами собой.

- Витя! – закричала Лариса, - открой сумку и всё из нее доставай, - Сейчас будем праздновать Новый год! Через пятнадцать минут выхожу. У тебя халат есть?

- Весит на двери.

- Я его одену?

- Конечно.

Распаренная и веселая, толи от выпитой водки, толи еще почему-то, Лариса вышла из ванной.

Стол был весь заставлен Ларисиными деликатесами. В центре стояла бутылка водки «Абсолют».

- С легким паром, Лариса!

- Спасибо тебе за всё, Витя. Давай выпьем, поедим... Короче, встретим этот сумасшедший Новый год. А потом зажжем свечи, у тебя свечи есть?

- Только одна.

- Ничего страшного. После этого ляжем и... будем любить друг друга, назло всем, - Лариса пьянела на глазах, - Тебя такой вариант устраивает?

- Больше чем...

- Поцелуй меня.

Свечу зажечь они так и не успели.

Проснулись почти в десять часов.

- Ларочка, - Виктор поцеловал ее, - Ты пока посмотри телевизор, а я кофе сварю. Включи на четвертый канал, Московские новости начинаются.

Лариса равнодушно слушала о столичной елке, катке на Красной площади, праздничном концерте, снегопаде на Поклонной горе...

- А теперь криминальная хроника, - равнодушно объявила диктор, - В новогоднюю ночь в столице замерзли восемнадцать человек. Совершенно двадцать ограблений, из них пять злостных. Около двадцати одного часа, в районе Садового кольца, на большой скорости, не справившись с управлением, перевернулась машина банкира Романченко Евгения Петровича. Шофер и пассажир погибли на месте.

В зале раздался страшный крик и грохот. Влетев в комнату, Виктор увидел лежащую навзничь Ларису с разбитой головой.

- Лариса, что с тобой! – закричал он, поливая ей на грудь и голову холодную воду

- Витя, - прошептала она, - отвези меня на вокзал.

- Почему? Что случилось?

- Женя разбился. Больше ни о чем не спрашивай.

Утром она была уже дома.

Ларису словно подменили. Она ни с кем, ни о чем не разговаривала и не общалась, стала замкнутой и нелюдимой. Теперь всегда ходила с низко опущенной головой.

Весной, продав дом, она уехала. Из вещей взяла только самое необходимое. Все остальное отдала по соседям и знакомым.

Куда?

Никто не знал.

И вскоре все забыли о ней.

- Да, жила... Но где, теперь, не знаем.

И ДРУГОЕ...

ГЕНИЙ

Жизнь - дорога без конца.

Владимир Малик

Можно умным объявить себя по чину...
Но каким изобразительным ни будь,
Через самую искусную личину
Проступает наша истинная суть.
И за маской не удастся притаиться;
Маскировка ненадежна и груба.
Человеком невозможно притвориться,
Человеком быть – особая судьба!

Вячеслав Качурин.

Когда я впервые пришел в Николаевский Союз писателей к Вячеславу Тимофеевичу Качурину, к которому меня направил известнейший поэт современности Дмитрий Дмитриевич Кремень, сказав, что передал тому мою книгу для ознакомления, меня встретил коренастый, крепко сложенный мужчина с седыми, слегка вьющимися волосами.

- А, Финогеев, проходи, проходи. Прочел твои рассказы... Давно пишешь?..

- Если «по-взрослому», то не очень, а так... репризы, сценарии к детским утренникам...

- Я чего спросил? Обычно все начинающие писатели принимают писать стихи. А ты принес прозу, да еще в четыреста страниц. Кстати, все стихи, которые есть в твоей книге, я вычеркнул.

- Почему? – мне казалось, что всё, выходящее из-под моего пера, гениально.

- Ты не стихи пишешь, а рифмуешь прозу. Не твое это. Не пиши их больше. А вот рассказы понравились, за исключением двух-трех, где ты позволяешь себе фривольности. А так, всё нормально. Печатай. Я поддержу. Давненько у нас не было маринистов-юмористов!..

После издания книги, мы стали встречаться чаще.

- Саша, привет, как дела? – постоянно задавал он один и тот же вопрос, - Чего пришел? Пишешь?..

Любя в поэзии лишь Сергея Есенина и Эдуарда Асадова и почти не понимая остальных, включая Пушкина с Лермонтовым, меня заинтересовало творчество Качурина. В библиотеке я взял все его сборники. Сначала просто читал, пытаюсь понять, чем же ему не угодили мои стихи. Затем мое внимание покорила глубина мысли стиха и его напевность. Тогда мне стало ясно, что именно поэт замечает в жизни такое, мимо чего, мы, смертные, равнодушно проходим мимо. Он, как провидец, предрекает будущее страны, порой очень и печальное.

И с улыбкой бравой
Вновь «шагаем к счастью»
Во главе с лукавой
Криминальной властью.

Я читал и восторгался гениальностью этого человека.

Через толщи туманных завес
Над землёю
Сырой и раздетой
В глубине помутневших небес
Птичьи стаи
Летят над планетой.
Проплывают они не спеша
По широкой
Извечной дороге.
И опять цепенеет душа
От глухой и щемящей тревоги.

И как весенний росток тянется к солнцу, так и мне хотелось коснуться
рукой его заоблачного таланта.

- Саша, привет, как дела? – встретились мы вновь. Чего пришел? Какие
проблемы? Пишешь?..

- Вячеслав Тимофеевич, всю неделю читаю Вас.

- И как?

- Вы – Гений! – восторженно произнес я.

- Спасибо за правду, - рассмеялся он, - Мне очень приятно это слышать
именно от тебя. В тебе живет доверчивость, простота и, извини, детская

наивность. Ты не избалован вниманием. И потому, твоя искренность по-человечески трогательна.

- Вячеслав Тимофеевич, я хочу о Вас написать. Вы не будете возражать?

- Это твое желание. Как я могу в него вмешиваться?

Договорились о встрече. И чтобы наш разговор не был никому утомителен, я взял бутылку хорошего коньяка и пришел к назначенному часу.

Он, не торопясь, рассказывал о своей долгой и разносторонней жизни, переживая каждый ее период заново. А я записывал эти воспоминания в блокнот, стараясь ничего не пропустить, не полагаясь на собственную память. Я тоже жил вместе с ним в голодающем Поволжье, ходил по грибы в дальневосточную тайгу, убегал от медведя, бороздил моря Атлантики у берегов Антарктиды, пел перед строителями БАМа и хлеборобами Степового, нефтяниками Тынды и в разоренном землетрясением Спитаке...

Качурин В.Т. и Финогеев А.В.

Распрощались мы далеко за полночь, не выпив и трети бутылки.

И вот что у меня из всего этого получилось.

Об очень талантливых людях обычно говорят: «Бог его при рождении поцеловал в темечко». Этого мальчика, наверное, Всевышний поцеловал несколько раз. Именно к таким людям и относится Вячеслав Качурин, - поэт, детский писатель, исполнитель авторских песен и, просто, замечательный человек.

У Вячеслава Качурина и голос свой, и слово свое

Но чтобы о тебе потом так сказали, необходимо пройти большой тернистый путь, не всегда усеянный розами. А путь к Славе у Вячеслава был действительно тяжел.

На свете есть одна звезда,
Как я,
Грустна и одинока,
От горьких дум,
От злого рока
Меня хранит она всегда
Одна фортуна в жизни есть,
Всего одна.
Других не надо –
За все страдания награда,
За все,
А их не перечесать...

Родился Вячеслав 20 января 1942 года в селе Бык Саратовской области, когда страна, сотрясаясь от взрывов фашистских снарядов, не разгибая спины, всё делала для фронта, всё для победы.

Его мама, Вера Ивановна Качурина, проводив мужа на фронт, приехала сюда работать учительницей. А поработать-то толком и не пришлось. Через пару месяцев родился сын.

И начались суровые будни. На квартиру с маленьким ребенком брать никто не хотел. Есть было нечего. И чтобы не умереть от холода и голода, мать, чуть ли не на коленях, выпросила в школе подводу, и поехала к дальним родственникам, которые жили в шестидесяти километрах, в деревне Алексеевка.

Зима лютовала. Местами дороги, из-за заносов, не было и видно. А кое-где она походила на каток. Лошадь, буквально, выбиваясь из последних сил, тащила за собой тяжеленные сани. Неожиданно пошел мокрый снег, усилился ветер. Одежда быстро промокла, стала леденеть.

Выйдя на скользкий участок, лошадь в изнеможении упала и сломала слегу. Никакие усилия не заставили ее больше подняться. А до конечной точки было без малого десять километров пути. Вера Ивановна в исступлении зарыдала.

Завернув сына в фуфайку и платье, прикрывая его своим телом от пронизывающего ветра, швыряющего мокрые хлопья в лицо, она пошла пешком, прекрасно понимая, что не дойдет и замерзнет. Но Вячеслав не зря был целован Богом, который просто не имел права дать ему погибнуть.

И они дошли.

У порога мать упала в изнеможении и, теряя сознание, прошептала, - Сына спасите!

Потом было холодное и голодное военное и послевоенное детство, которое и детством-то назвать невозможно. Здесь уже вступал в силу железный закон природы: «Выживает сильнейший!»

В это тяжелое время даже младенцы быстро становились взрослыми, соображая, что помимо фронта и победы им надо еще и выжить. И выжить не где-нибудь, а в Поволжье, которое исстари в народе зовется Голодающим, где зимой лютуют морозы, а летом всё сжигает палящее солнце, где и в мирные времена люди порой пухнут от голода.

Мать работала от зари до зари. Днем учила детей, вечерами трудилась на поле, видя сына только ночью. Да и то, чтобы обнять и покормить.

Там где травы склонились густые

По обочинам длинных дорог

В середине
Центральной России
Зеленеет на солнце дубок.
Там в степи
Молодой и раздольной,
Только ветер пахнет поутру,
Он стоит
Безмятежный и вольный
И листвой шелестит на ветру.

Наконец великое Знамя Победы взметнулось над Рейхстагом. Страна облегченно вздохнула, вставая на мирные рельсы, продолжая каторжно трудиться на восстановление разрушенного войной хозяйства.

Отец после фронта домой не вернулся, найдя на пыльных фронтовых дорогах новую спутницу жизни.

Когда Славе исполнилось семь лет, мама вторично вышла замуж за бравого офицера-моряка, Тимофея Васильевича Янина. Он усыновил Славу, и они уехали на Дальний Восток, в Советскую гавань, новому месту службы отца.

Мальчика, выросшего на степных просторах, Дальний Восток поразил и, одновременно, испугал. Поразил своими масштабами безбрежного моря, огромным количеством кораблей, подводных лодок и моряков, а еще непроходимой, непролазной тайгой, тянущейся вплоть до Татарского пролива. А пугали - многочисленные бараки со сталинскими заключенными и постоянный лай собак. Но что здесь было хорошо и, даже отлично - по выходным, целыми сутками, крутили кино, и дома за столом можно было сытно поесть.

С детских лет в его маленькой головке уже роились рифмы. Вначале это были наивные, детские стишки. Но взрослея, взрослела и рифма. Стихи приобретали форму, содержание. В них просматривалось глубокое и, вместе с тем, своё, очень личное, видение мира, своя индивидуальная философия жизни.

Вячеслав без труда обучился игре на баяне и гитаре. Начал сочинять свои собственные песни, проверяя их на вечерних посиделках. Без его музыки теперь не обходились ни одни танцы и праздники.

Местные девочки были все влюблены в юное дарование, но не всем он позволял заглянуть в свое сердце.

Учился Слава хорошо. Можно даже сказать, - отлично. Четыре четверки в аттестате, это уже говорит о многом. И очень много читает. Особенно стихи. Первые, неизгладимые впечатления произвели сказки Пушкина, Жуковского, Лермонтова. Уже потом, в более взрослом возрасте, его поэтическое формирование складывалось под влиянием поэтов-шестидесятников: Роберта Рождественского, Булата Окуджавы, Евгения Евтушенко, Беллы Ахмадулиной, Бориса Слуцкого, Николая Асеева...

Растет он крепким и здоровым. Усиленно занимаясь спортом, получает разряды по нескольким видам.

Закончив в 1959 году школу, Качурин поступает в педагогический институт на физико-математический факультет в городе Комсомольск-на-Амуре. Начинается новый этап в его жизни и творчестве. Его стихи печатают в газете «Дальневосточный комсомолец».

В 1961 году демобилизуется отец. И семья переезжает в Украину, в город Николаев, где им предоставили квартиру. И уже здесь, Качурин оканчивает педагогический институт.

Именно в Николаеве и начинается его основная литературная деятельность. Вячеслав влюбляется в этот город корабелов, отдавая ему свой талант, душу и необузданную энергию. Здесь он знакомится с местными поэтами и прозаиками, а его духовным учителем и наставником становится известный поэт Эмиль Январев.

Николаев, мой сон корабельный

Белый призрак над легкой водой,

Ты мелодия песни

Моей колыбельной,

Хоть негромкой, но всё же родной...

После окончания института, Кочурин преподает физику и математику в Большой Сербуловке, где из-за нехватки учителей, приходится быть и учителем пения, играя на баяне, и, даже, преподавать физкультуру.

Отработав почти год, Вячеслава Качурина призывают в армию. Чтобы на него не тратили государственные деньги и отправлять к «черту на кулички», он проходит службу в Николаевском батальоне связи (молодые люди с высшим образованием служили год).

Осенним утром вдоль

Слободки

Родня ведет призывника.

И все ребята-одногодки

Ему завидуют слегка...

Отцы командиры, видя перед собой крепко-сбитого, мускулистого хлопца, не находят ничего лучшего, как направить молодого солдата на подсобное хозяйство ухаживать за свиньями. А то, что высшее образование, а то, что физик и математик?.. Ничего страшного. Солдат не должен быть умнее командиров! А после свиней Родина любит в три, а то и в четыре раза сильнее!!

Но Вячеслав не унывает. Да и некогда заниматься такой ерундой. В короткие минуты отдыха он усиленно занимается штангой и... пишет стихи, которые печатает в армейской многотиражке.

Служба ратная, как, собственно говоря, и вся жизнь, многолика и разнообразна. Вскоре солдата Качурина сажают на «ключ» и к концу службы его тужурку заслуженно украшают значки: «Отличник Советской армии», «Специалист первого класса», «Воин-спортсмен»... И даже значок «Мастер спорта СССР по тяжелой атлетике».

Домой Вячеслав вернулся героем-красавцем. И снова школа, и снова работа...

Истосковавшись по женскому теплу и ласке, не гуляя долго, хотя и ни одно девичье сердце было им безнадежно разбито, в этом же, 1965, году, он женится на художнице Елене Бережецкой.

Через год рождается дочь и учительской зарплаты начинает катастрофически не хватать, а гонорары еще не столь велики. И Качурин уходит на судно китобойной флотилии «Советская Украина» преподавателем физики и математики заочной высшей мореходки и вечерней школы.

Всеобуч, охвативший страну: «Даешь каждому среднее образование!», не обошел и большие суда. И хоть гарпунеру или мотористу как-то было все равно, что придумал Менделеев или когда у обезьяны отвалился хвост и она стала человеком... И яблоко для них падало вниз, исключительно потому, что оно тяжелое, а пушинка легче яблока, потому и летала...

На гребнях волн,
Покачиваясь косо,
В моря разлук
Уходят корабли,
И рвется,
Как натянутое тросом,
Тугое притяжение земли.
Но где бы нас
Стихия ни носила,
Куда б ни гнал
Волною ураган,
Могучая неведомая сила
Опять нас возвращает к берегам...

После тяжелых и изнурительных вахт его зрелые ученики мгновенно засыпали за столами. Слава, понимая их разумом, говорил тихо, чтоб не нарушать сон, и ставил всегда положительные оценки. Но первая же береговая проверка выявила полное отсутствие знаний у «хорошистов» и Качурина снимают с должности учителя.

Но не зря же Бог целовал Вячеслава в темя. Не мог же Всевышний взять, растереть и сравнять его с серой массой. Обстоятельства, неожиданно

сложились таким образом, что одни ушли на пенсию, другие уволились, устав от романтики морских просторов, третьи... Третьи, просто по молодости лет, не могли занимать должность директора школы. А Качурин, как никак, свой, проверенный временем... Ну ошибся. С кем не бывает? И Вячеслав Тимофеевич становится директором этой школы, параллельно подрабатывая еще и на погрузочных работах.

Морская стихия нравится Вячеславу. Она сродни его характеру, такому же тихому и мятежному, как море в штиль и шторм.

Он много пишет, пробуя себя в разных жанрах.

Есть в морях величие и ласка,
Есть характер вечного гонца,
Потому что море -
это сказка,
Сказка без начала и конца.
Рассказать бы сказку эту надо,
Да никак собраться не могу,
Потому что море -
это взгляды
Тех, кто ждет на дальнем берегу.
Может быть, судьба такая наша,
И ее мы приняли всерьез,
Потому что море -
это чаша
Счастье, горьковатого от слез
Все земные радости и муки
Нам близки в синеющей дали.
Море -

это песня о разлуке,
Море -
продолжение земли!

Десять лет он бороздит моря и океаны, десять лет уютит морские просторы. На свет выходит сборник стихов «Ходовые испытания». И даже снимает фильм «Земля стоит не на китах», который в 1972 году на всесоюзном фестивале получает первую премию. И Качурин сразу становится знаменит и востребован.

После рождения второго ребенка он уходит с флота, посвящая свою кипучую деятельность только литературе, поэзии.

Из-под его пера выходят более десятка поэтических сборников, написано около сотни песен. Рождается несколько детских книг. Надо заметить, что писать для детей очень ответственно. Их нельзя обмануть. Они сразу распознают фальшь. Чувствуют ее душой и сердцем. И здесь Вячеслав Тимофеевич экзамен сдает на «отлично».

В 1975 году, в возрасте Христа, его принимают в члены Союза писателей СССР.

Жизнь, вечно странствующего альбатроса, не дает Славе спокойно сидеть на стуле. На комсомольских агитпоездах, со своими песнями и гитарой, он много ездит по стране. Выступает в городах и селах, на стройках и полевых станах, заводах и фабриках, в воинских частях, учебных заведениях, и даже тюрьмах... И везде его принимают с большим интересом и пониманием. Да и сейчас жизнь нисколько не изменилась, те же поездки, те же выступления...

Своей прямоотой, принципиальностью и силой характера Качурин, находясь на высоких партийных должностях, не мог спокойно мириться с тогдашней партийной идеологией, которая извратила всю мораль и нравственность, перепопчинив блага лишь себе, забыв даже о тех, кто ковал победу в Великой Отечественной войне. А о народе речь не шла даже вообще. И в 1991 году он выходит из партии. «Быть Человеком – значит не участвовать во лжи, по законам которой, к сожалению, живут тысячи наших соотечественников: обманутых, униженных и нищих, - говорит Вячеслав Тимофеевич Качурин, - Ложь убила в нас самое главное – надежду и веру. А без них нет Человека. Задача писателя – возродить в людях чувство

собственного достоинства, без которого невозможны никакие реформы преобразования».

Талант и труд Вячеслава Тимофеевича по достоинству отмечены и в России, и в Украине. Он является членом Союза писателей России, и членом Союза журналистов Украины.

Продолжая жить и работать в Николаеве, Вячеслав Тимофеевич создает здесь областную организацию Союза писателей России, которой руководит и поныне. Организует и плодотворно работает в двух литературных объединениях: «Стапель» на базе старейшего объединения Черноморского судостроительного завода и «Пегас» - в городском Доме учителя. Качурин не только пишет сам, но и помогает молодым дарованиям пробивать дорогу к Олимпу славы.

За поэтические сборники стихов «Главный причал». «Сегодняшняя молитва» и «Отчетный период» в 2007 году Качурину была присуждена премия имени Николая Аркаса, в 2008 году – Всеукраинская литературная премия имени Николая Ушакова, а в 2010 году – Всероссийская литературная премия имени Николая Гумелева.

Вячеслав Тимофеевич много делает для города Николаева, воспевая его в своих стихах и песнях, который стал ему второй Родиной, и который он беззаветно любит всем своим сердцем.

С рожденья ты стал мне и братом, и другом

Мечтой и любовью, началом начал.

Ты звонкая песня над медленным Бугом

Родной Николаев – мой главный причал!..

Истинное назначение поэта в любом обществе – писать правду жизни. Без нее нет, и не будет, никогда живой поэзии. И поэт умрет, так и не став поэтом. О Качурине так сказать нельзя.

В 2010 году в номинации «Искусство» Качурин Вячеслав Тимофеевич становится «Гражданином года», ему присваивают звание «Заслуженный работник культуры Украины», а в день семидесятилетия, награждают Золотой медалью Союза писателей Украины.

С композитором Е. Долговым он выпускает сольный диск с авторскими песнями.

В сентябре 2011 года создается интернет-журнал «Николаев литературный», главным редактором которого единогласно избирается Вячеслав Качурин. Благодаря профессиональной и кропотливой работе редколлегии, журнал пользуется мировой известностью и с интересом читается в восьмидесяти странах нашей планеты.

Сейчас Качурин с увлечением занимается прикладной поэзией: рекламные куплеты, сатирические миниатюры, эпиграммы и, конечно же, тексты для песен.

Весь свое талант он безраздельно посвящает всем тем, кому его творчество небезразлично и близко по духу, оставаясь требовательным и самокритичным к себе и своим произведениям.

Были планы мои величавы:

Я старался, метался, страдал

И добился негромкой, но славы,

А счастливей от славы не стал...

ИМЯ

У каждого человека есть фамилия, имя и отчество. Фамилия и отчество передаются ребенку от отца, как бы по наследству. Это уже узаконено природой. А вот с именем, иногда, случаются проблемы. Трудно дать сразу ребенку имя: и красивое, и достойное, и подходящее.

У молодых родителей вот-вот должна была родиться дочь. Вскоре она и появилась на свет божий.

К ее появлению в этот мир всё-всё было готово, начиная от соски, рубашечки и кончая кроваткой с пологом.

И все были безумно рады ее появлению! Но, мне так кажется, на первом месте по радости и ликованию был ее старший брат, пятилетний Захар,

потом уже родители этой замечательной девочки, и следом, естественно, бабушки и дедушки.

Девочка сосала мамино молочко, росла и потихонечку изучала новый, неизведанный для нее мир. И лишь у родителей не спокойно было на душе. Они никак не могли решить, как назвать это маленькое, солнечное существо.

Кто занимался когда-либо такой проблемой, тот, наверняка, знает, до чего это сложно.

Перерывались словари, пересматривался компьютер...

В конце концов, выбиралось несколько имен, и тащился, всеми членами семьи, жребий. Но и это не устраивало. В основном папу.

Как-то вечером родители продолжали заниматься насущной проблемой. Захар что-то складывал на полу.

- Предлагаю назвать ее Маргарита, - убедительно и, как бы между прочим, произнес он, гортанно произнося букву «р», продолжая складывать пирамидку.

Мать и отец переглянулись.

Они еще немного подумали и согласились.

- Пусть будет Маргарита!

Во-первых, это произнес ребенок, которого никто не научил и никто не подсказал. Значит, ему это пришло сверху.

А во-вторых, - почему бы и нет? Имя восхитительное!

И снова в ход пошли справочники. И они поставили точку в этом сложном вопросе.

Имя Маргарита в переводе с греческого языка означает «жемчужина», «жемчуг». «Маргаритос» - это эпитет Афродиты, богини красоты и любви, которая была покровительницей мореплавателей; и именно жемчужины и перламутровые раковины моряки жертвовали ей, прося защиты и покровительства.

Маргариты - мечтательны и нежны, честны и бескорыстны, сострадательны, с легким характером для родных и друзей и трудным для

себя, интеллектуальны. Они весьма дорожат своей независимостью. Загадочны. Смеют отказаться от предмета своего увлечения.

Зодиак имени: Рыбы.

Планета: Венера.

Цвет имени: лиловый.

Камень-талисман: жемчуг.

Благоприятное растение: сосна, маргаритка.

Покровитель имени: моллюск-жемчужина.

Счастливые дни: четверг.

Счастливые время года: зима.

Основные черты: честолюбие, любознательность, прямолинейность, увлеченность, логичность мышления.

Именины Маргариты: 30 июля и 15 декабря

День ангела Маргариты: 13 марта (28 февраля)

Относится к практичным людям. Из таких женщин получаются неплохие руководители.

Прочитав все это, папа и мама остались довольны выбором сына.

Вскоре девочка получила свой первый в жизни документ – «Свидетельство о рождении» и стала зваться Маргаритой Петровной.

Пусть у тебя всё будет хорошо, милое моё дитя.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Жутко хочется знать, откуда берется порядочность? И почему добрый человек всегда остается добрым и отзывчивым? Почему дурак, иногда, становится умным, а умный – напыщенным дураком? Где грань величия и безнравственности? Почему гордыня и самовозвеличивание побеждают простые человеческие чувства? Не обожествляет ли человек себя раньше времени? И зачем тогда он это делает? Хочет остаться бессмертным или увековеченным в камне?

Я полагаю, что такими людей делает среда, в которой они воспитывались.

У меня мало подобных примеров, но всё же два приведу.

Давно-давно мы учились в Военно-медицинской академии. Нас готовили стать военно-морскими врачами, а соседи по курсу одолевали науку авиационной и космической медицины.

И было, естественно, два начальника курса, наш - Самбуров Юрий Сергеевич и их – Новодворский Ярослав Брониславович.

Немного отступя от темы, хочу сказать, что Самбуров был очень порядочный и тактичный человек (я о нем и обо всём этом уже писал в своей первой книге). Он понимал нас и наши юношеские глупости.

Я, будучи разгильдяем, и не отличаясь высокими показателями в учебе, не вылизывая срамные места у начальников и не «стуча» на своих товарищей, как это делали будущие профессора и доктора наук, благодаря ему, продолжал учиться и, достаточно успешно, закончил оную академию. За это я, Юрию Сергеевичу, безмерно благодарен. И я первым бы дал в морду тому, кто сказал, что Самбуров был плохим человеком.

По оценке своих дальнейших начальников, я стал неплохим врачом, без званий и регалий. А вот теперь еще и книги пишу. Читатели говорят, что неплохие. Но это к слову.

У каждого из этих начальников курсов были свои, абсолютно противоположные, методы воспитания.

Принцип нашего – гениален и очень прост, но испытан временем и апробирован опытом прошлых властителей - разделяй и властвуй. Таковы получились и мы. У нас никогда не было и, естественно, уже не будет коллектива, взаимопонимания, сплоченности и, разумеется, дружбы. Мы были одиночки, плывя в этой мутной воде жизни. И тонущему никто и никогда не подавал бы руку. А если мы и дружили, то парами, тройками и, иногда, четверками. Разъехавшись по флотам, вовсе забыли друг о друге и вряд ли вспоминаем.

Новодворский, играя со своими слушателями в «дурочка», привил им самое ценное, что есть у человека - дружбу, которая помогла многим выжить и стать большими людьми. Вот прошло уже почти тридцать пять лет, а эти парни, а точнее уже деды, дружат и протягивают руку помощи друг другу до сих пор! И это достойно подражанию. Именно в этом и есть великая сила воспитания!

Почему я об этом пишу? Да только потому, чтобы выразить искреннюю благодарность тем, кто помогал в публикации прошлой и настоящей книги, людям, далеко не с нашего курса.

В наше время, когда все дорожает с каждым днем, даже хлеб, издать книгу самому нереально. И без чужой помощи со стороны просто неосуществимо.

Это люди разные, но схожи в понимании и бескорыстности: и мой командир корабля, а в последующем и командир бригады Шевченко Григорий Николаевич, и заместитель начальника штаба Плехов Петр Иванович, и мои друзья-товарищи с лётного факультета: Алексанин Николай Сергеевич, Шагов Василий Семенович, Чичкалюк Валерий Александрович Дармаев Андрей Дашиевич...

Об Андрее Дармаеве хочу сказать особо. Именно он является осью, вокруг которой вращается масса народа. Именно он и есть тот самый цемент, скрепляющий кирпичики этой давней дружбы. Собственно говоря, он и явился организатором и вдохновителем идеи финансовой помощи мне и ее воплощением в жизнь. Андрей обзвонил, встретился и убедил ребят помочь мне в издательстве уже этой книги. Он звонил и с тем, с кем я шесть лет, плечо к плечу шел в одном строю и сидел в одной аудитории.

- Что может написать Финогеев? – утверждали они, - Какую-то ересь? На заборе краше пишут! Проще пиво попить или что-то покрепче. Можно и в баньку с девочками... А денег, - фиг ему по всей морде!

Сейчас кто-то произнесет, что во мне бурлит желчь... Отнюдь. Нас воспитали так! И подать руку помощи - такому явно не учили. Бог вам всем судья!

А вот, Головочук Игорь Владимирович, которого я никогда не видел и, наверное, не увижу, прислал эти деньги. И майор милиции в отставке, Шагдарова Людмила Дашиевна, тоже. И десятки других бросили в копилку свои десять-двадцать гривен.

Зато друг и земляк прохрипел: «Он что, нищий?! Я курить бросил, потому что денег на водку перестало хватать!».

Каждому свое.

Я писал, и буду писать.

Для людей!

Для тех, кто ценит мой труд.

Кто смеется и плачет вместе с моими героями.

И еще не раз увидят свет мои книги, благодаря поддержке моих друзей, товарищей и тех, кто с уважением относится к моему творчеству.

Большое спасибо Вам. И низкий земной поклон!